

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

АССОЦИАЦИЯ ЯПОНОВЕДОВ

ЯПОНИЯ 2015

ЕЖЕГОДНИК

МОСКВА

2015

ББК 66. 2 (5Я) я5
Я70
УДК 94(520)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР Д. В. СТРЕЛЬЦОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: С. В. ГРИШАЧЕВ (ОТВ. СЕКРЕТАРЬ), Е. М. ДЬЯКОНОВА,
В. О. КИСТАНОВ, И. П. ЛЕБЕДЕВА, А. Н. МЕЩЕРЯКОВ, А. Н. ПАНОВ,
С. В. ЧУГРОВ.

*Издание осуществляется при поддержке
Японского фонда и
Международного фонда Шодиева*

Я 70 Япония 2015. Ежегодник. – М.: «АИРО–XXI», 2015. – 352 с.

В фокусе внимания настоящего выпуска ежегодника находятся различные аспекты внешнеполитической проблематики современной Японии, включая ее политику по отношению к странам Северо-Восточной Азии и России, а также особенности «мягкой силы» Японии в странах Центральной Азии. Традиционно в ежегоднике большое внимание уделяется экономике, истории и культуре Японии. В издание впервые включена рубрика «Проба пера», где публикуются работы начинающих японоведов. В специальном разделе выпуска рассматриваются вопросы идентичности Японии и России в исторической ретроспективе.

Том 44. Издание выходит с 1972 года.

Я 0805000000-023
001(01)-00 (без объявления)

ISSN 0235-8182

© Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов», 2015.
«Association of Japanologists», 2015.
© «АИРО–XXI», 2015, оформление.

СОДЕРЖАНИЕ

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Кистанов В. О. Политика Японии в Северо-Восточной Азии:
проблемы и тенденции 7

Казаков О. И. Российско-японские отношения в 2014 году 20

Добринская О. А. Особенности «мягкой силы» Японии
в странах Центральной Азии 36

Арутюнян Е. В. Политика Японии в регионе Персидского залива
в период ирано-иракской войны и ирако-кувейтского конфликта 57

ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО

Лещенко Н. Ф. История торгового дома Накаи из провинции Оми 65

Жилина Л. В. Скажи мне: кто твой друг? Япония VS Китай 76

Нака К. О. Нобелевская премия Яманака Синъя как повод для
переосмысления роли науки и миссии ученого в Японии 92

Большова Е. В., Щербакова А. В., Щербаков Д. А. Инвестиционное
сотрудничество Японии с Бразилией и Мексикой: текущее
состояние и перспективы развития 104

ИСТОРИЯ

Ложкина А. С. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей
и развитие советско-японских культурных отношений (1925–
1939 гг.) 119

Дацышен В. Г. Японцы в описаниях участников советско-
японской войны 1945 г. 132

КУЛЬТУРА

Бакшеев Е. С. О космогонических мифах Рюкю 144

Кужель Ю. Л. Буддийские скульптуры из глины и лака 166

Молодяков В. Э. Япония Клода Фаррера: образ страны и
ее политика глазами французского интеллектуала 182

Забережная О. А. Этическая мысль японского литературного объединения «Сиракаба»: проблема эгоизма **198**

Сулейменова А. М. Рождение образа новой женщины в Японии и взгляды Окамото Каноко **212**

Катасонова Е. Л. Якудза-эйга: история жанра **225**

ПРОБА ПЕРА

Егорова Н. Н. Путь японской книги: история печатной книги от древности до наших дней **241**

Кантур Р. А. Институт гэнро в системе органов государственно-политической власти Японии эпохи Мэйдзи **253**

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА ВЫПУСКА:

О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ И ЯПОНИИ. ЧАСТЬ 1

Панов А. Н. Введение **263**

Мещеряков А. Н. Осмысление среды обитания в процессе самоидентификации Японии и японцев **266**

Саркисов К. О., Панов А. Н. Россия и Япония: Особенности исторического развития в XVI – XVIII веках **289**

Панов А. Н. Эпоха реформ в России и Японии (середина XIX века – начало XX века) **304**

Авторы ежегодника «Япония 2015» **338**

Summaries **340**

Авторам **344**

Политика Японии в Северо-Восточной Азии: проблемы и тенденции¹

В. О. Кистанов

Двумя ключевыми задачами внешней политики премьер-министра Абэ Синдзо в 2015 году являются улучшение натянутых отношений со всеми азиатскими соседями (включая Россию), с одной стороны, и усиление военно-политических связей с Соединенными Штатами Америки – с другой. Успешное решение именно этих задач во многом будет определять на обозримую перспективу позиционирование страны в Северо-Восточной Азии.

Ключевые слова: Япония, Россия, Китай, Северная Корея, Южная Корея, США, безопасность, оборона, японская агрессия, «женщины комфорта», Силы самообороны.

В 2015 году премьер-министр Абэ Синдзо продолжил выработку собственного видения глобально ориентированной дипломатической стратегии Японии. При этом он опирается на весьма прочный внутриполитический фундамент, заложенный убедительными победами возглавляемой им Либерально-Демократической партии на трех за минувшие два года парламентских выборах.

Итоги выборов в нижнюю палату парламента в декабре 2012 года позволили Абэ с триумфом вернуться в кресло премьер-министра после бесславного ухода в 2007 году. Выигрыши на выборах в верхнюю палату в 2013 году и внеочередных выборах в нижнюю в декабре 2014 года предоставили ему возможность серьезно укрепить свои внутриполитические позиции.

Непрекращающиеся в стане оппозиции разброд и шатания дают основание прогнозировать, что в отличие от его предшественника пребывания в кресле лидера государства в течение лишь года в 2006–2007 годах на этот раз С.Абэ продержится в нем, как минимум, до 2018 года, когда должны состояться очередные выборы в нижнюю палату парламента. При условии, конечно, что в этот период не произойдет ничего чрезвычайного, например, краха его экономического курса под названием «Абэномика», который уже начал пробуксовывать. Все это позволяет С. Абэ выстраивать долгосрочную внешнюю политику.

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 14–27–09001 (тема исследования: «Пути укрепления безопасности и сотрудничества в Восточной Азии»).

Двумя взаимосвязанными и в то же время противоречащими друг другу ключевыми задачами внешней политики С. Абэ в 2015 году являются улучшение натянутых отношений со всеми азиатскими соседями (включая Россию), с одной стороны, и усиление военно-политических связей с Соединенными Штатами Америки – с другой. Успешное решение именно этих задач во многом будет определять на обозримую перспективу глобальное позиционирование страны на международной арене, прежде всего в жизненно важном для Японии регионе – Северо-Восточной Азии.

Попытки пересмотра оценок японской агрессии в Азии

Решение указанных задач серьезно осложняется попытками право-консервативных кругов Японии пересмотреть оценки японской агрессии в Азии в первой половине прошлого века, что вызывает особое неприятие в соседних странах (и даже в США) в год, когда отмечается 70-я годовщина окончания Второй мировой войны. Учитывая критику во многих странах наметившейся в Японии тенденции к пересмотру оценок ее военного прошлого, С. Абэ на своей первой январской пресс-конференции высказал намерение выступить 15 августа (день объявления императором Хирохито по радио о капитуляции) с заявлением по поводу 70-й годовщины окончания Второй мировой войны. В стране стали высказываться опасения по поводу содержания этого заявления. Как писала газета «Japan Times», высказанное Абэ намерение сделать в этом заявлении упор на будущее не должно привести к тому, что это заявление станет попыткой размыть ответственность Японии за ее прошлое поведение. По мнению газеты, премьер-министру необходимо взвесить потенциальные дипломатические последствия его будущего заявления, особенно для напряженных связей с Китаем и Южной Кореей.²

Конкретизируя свои намерения, японский премьер-министр пояснил, что его администрация привержена позиции предыдущих кабинетов министров относительно ответственности Японии за период войны, включая заявление 1995 года тогдашнего премьер-министра Мураяма Томиити, сделанное в связи с полувековой датой окончания войны. Новое заявление, сказал С. Абэ, будет содержать «раскаяние (Японии) по поводу прошлой войны, указание на ее послевоенное развитие как мирной нации и на то, каким образом она может сделать вклад в дело мира в Азиатско-Тихоокеанском регионе и во всем мире».³

Однако газета «Japan Times» приводит произнесенные С. Абэ в 2013 году в парламенте слова о том, что его администрация «не наследует заявление Мураяма, как оно есть». Кроме того газета напоминает позицию С. Абэ, согласно которой дефиниция «агрессии» еще не установлена

² Japan Times. 07.01. 2015.

³ Ibid.

«ни в академических, ни в международных терминах».⁴ У японских комментаторов вызывает тревогу также сделанное на январской 2015 года пресс-конференции высказывание С. Абэ о том, что он принимает заявление Мураяма лишь «в целом». Как предупреждает та же «Japan Times», шаг назад от этого заявления определенно усилит критику в Китае и Южной Корее и нанесет еще больший ущерб отношениям с этим двумя странами.⁵

Рупор японских деловых кругов, газета «Никкэй», также выразила обеспокоенность по этому поводу. В опубликованном газетой материале подчеркивалось, что Вашингтон, встревоженный историческими обидами между Японией и ее восточноазиатскими соседями, подталкивает С. Абэ к сохранению приверженности прошлым японским декларациям, выражающим раскаяние за колонизацию Кореи и вторжение в Китай, поскольку эти обиды мешают США проводить политику сдерживания Китая.⁶

В связи с этим большое внимание в странах Северо-Восточной Азии привлекло выступление С. Абэ в конгрессе США в конце апреля 2015 года. Как пишет либеральная газета «Асахи симбун»⁷, выступление продемонстрировало, что японский лидер продолжает оборачиваться разными лицами к Соединенным Штатам и к Азии. Стоя на той же трибуне, с которой президент Франклин Рузвельт в день японской атаки на Пирл Харбор назвал «днем позора», Абэ Синдзо произнес речь под названием «К альянсу надежды». Речь была наполнена словами об ориентированном в будущее характере этого альянса, но, как замечает газета, в ней не было упоминания ни об «агрессии», ни об «извинениях». Выступление продемонстрировало упрямую настойчивость С. Абэ в его стремлении освободиться от груза истории, созданного ошибками Японии в прошлом веке. С. Абэ исходит из того, что Япония и США вместе выиграли холодную войну, и на основании этого делает вывод, что победившей страны и побежденного врага больше не существует. Однако, как подчеркивает «Асахи», эта попытка, наоборот, лишь усиливает неизменный характер отношений между Японией и Соединенными Штатами даже спустя 70 лет после окончания Второй мировой войны. В этих отношениях Япония делает все возможное, чтобы играть роль, которую требуют от нее США. При этом речь Абэ была тепло принята американским Конгрессом, потому что была наполнена дипломатическими любезностями.

В то же время, как замечает «Асахи», указанная речь демонстрирует широкое различие в позициях С. Абэ, занятых Японией по отношению

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Nikkei. 07.01. 2015

⁷ Асахи симбун. 30.05. 2015

к Соединенным Штатам, с одной стороны, и к Азии, с другой. В то время как лик, обращенный С.Абэ к США, – это лик лидера, делающего все возможно, чтобы сделать приятное, к Азии он в своих словах и делах поворачивается той своей внешностью, которая временами граничит с бессердечностью.

Япония-Китай: грядет потепление?

Именно расхождения в оценках японской агрессивной войны против Китая явились одной из базовых причин нарастания толстого слоя льда в отношениях между Токио и Пекином в последние годы. Другим источником похолодания явился конфликт вокруг небольшой гряды расположенных в Восточно-Китайском море островов, которые японцы называют Сэнкаку, а китайцы – Дяоюйдао. Указанный конфликт создает опасность возникновения чрезвычайной ситуации в случае неспровоцированного военного столкновения двух стран, особенно в свете обещания С. Абэ, данного им в момент своего повторного прихода к власти в 2012 г., твердо отстаивать территориальные и иные интересы страны в отношениях с соседними государствами.

Вместе с тем с конца 2014 года появились сигналы, свидетельствующие о некотором потеплении в японо-китайских отношениях. Так, накануне саммита АТЭС в Пекине в ноябре 2014 года было опубликовано примирительное двустороннее заявление, проложившее дорогу к неформальной встрече лидеров двух стран на полях этого саммита. Уже в 2015 году достигнута договоренность о начале переговоров по поводу создания горячей линии между японскими и китайскими военными с целью снизить риск возникновения вооруженного столкновения между двумя странами.

Абэ Синдзо и председатель КНР Си Цзиньпин во время своей первой с момента прихода обоих лидеров к власти встречи на полях упомянутого саммита АТЭС согласились работать в направлении снижения напряженности вокруг проблемы Сэнкаку/Дяоюйдао. 22 апреля во время Азиатско-Африканской конференции в столице Индонезии Джакарте Си Цзиньпин по просьбе японской стороны провел с Абэ еще одну встречу.

Однако еще в январе 2015 года правительство Японии под предлогом противостояния «китайской угрозе» запросило у парламента рекордную сумму военных расходов в 4,98 трлн иен. Японские эксперты не скрывают, что их львиная доля будет потрачена на переформатирование Сил самообороны в связи с напряженностью ситуации вокруг спорных островов. Тенденция к наращиванию военного бюджета Японии сохранится и на обозримую перспективу.

Наряду с этим в течение двух с половиной лет своего правления японский премьер без устали совершал зарубежные вояжи, в том числе по странам Юго-Восточной Азии, в целях сколачивания антикитайской коалиции.

Неприкрытый курс администрации Абэ на сдерживание Китая находит соответствующую реакцию в Пекине. В столице КНР подчеркивают опасность возрождения японского милитаризма, вспоминая ужасы прошлой японской агрессии на материке и указывая на рост национализма в Японии, а также на усиливающиеся сдвиги вправо в ее внутренней и внешней политике. В 2015 году, когда в повестке дня стояло празднование 70-летия окончания Второй мировой войны, японцев особенно беспокоила договоренность лидеров России и Китая провести совместные мероприятия по поводу этой годовщины, в которых японская сторона усматривает явный антияпонский подтекст.

Японские СМИ, со своей стороны, постоянно муссировали тезис о «китайской угрозе». Отражением растущей неприязни к Китаю в Японии служат результаты опроса общественного мнения, проведенного кабинетом министров Японии в октябре 2014 года. Он выявил, что не питают дружественных чувств в отношении Китая 80% японцев.⁸

Таким образом, несмотря на появившиеся в конце 2014 – начале 2015 г. обнадеживающие признаки потепления в отношениях Японии и Китая, можно предположить, что накопившийся между ними толстый слой льда растает еще не скоро. Об этом свидетельствует и упомянутое выступление С. Абэ под названием «К альянсу надежды». В нем японский лидер обосновал необходимость расширения военного сотрудничества между Японией и США в глобальных масштабах. Японские СМИ указывают на то, что в центре 45-минутной речи Абэ фактически был Китай, хотя по имени эту страну японский лидер упомянул только один раз.

Япония – Южная Корея: две «занозы» в отношениях

Южная Корея в 2015 году отмечает 70-ю годовщину освобождения от японского колониального правления и 50-ю годовщину нормализации отношений с Японией. В отношениях между двумя странами в настоящее время прочно засели две болезненные «занозы». Первая из них – это территориальный спор вокруг группы необитаемых островков, которые в Японии называют «Такэсима», а в Южной Корее «Токто». Островки в настоящее время контролируются южнокорейцами, которые с порога отвергают всякие претензии на них со стороны Японии.

Другой непреходящей «болячкой» отношений между двумя странами является проблема так называемых «женщин комфорта» – кореянок, которых, как и других азиаток, насильно заставляли предоставлять сексуальные услуги японским солдатам во время оккупации японской армией ряда стран Восточной Азии. Южная Корея, в которой до сих пор остались в живых несколько десятков этих женщин, требует, чтобы Япония решила данную проблему, принесла официальные извинения и вы-

⁸ Асахи симбун. 11.01. 2014

платив им материальную компенсацию. В Токио же считают, что проблема компенсации уже была решена в соответствии с соглашением о нормализации отношений между двумя странами от 1965 года. Особенно южных корейцев возмущают попытки некоторых японских высокопоставленных деятелей и экспертов пересмотреть заявление от 1993 года тогдашнего генерального секретаря кабинета министров Японии Коно Ёхэй, в котором содержалось извинение за действия Японии в отношении упомянутых «женщин комфорта».

Именно указанные «занозы» лежат в основе категорического отказа лидеров Южной Кореи от официальных встреч с С. Абэ на высшем уровне, которого они придерживались с момента возвращения последнего на пост премьер-министра в 2012 году, несмотря на все попытки японской стороны организовать такую встречу.

В своей новогодней пресс-конференции президент Южной Кореи Пак Кын Хе заявила о том, что она открыта для саммита с Абэ, но для того, чтобы он был «успешным и значимым», нужна подходящая атмосфера.⁹ Южнокорейский лидер в очередной раз призвала Японию изменить свои взгляды на историю. Пак выразила надежду на то, что 2015 год станет отправным моментом для новых отношений с Японией. Президент повторила требование решить проблему «женщин комфорта», подчеркнув, что жертвы – пожилые женщины и проблема может остаться нерешенной навсегда и ляжет тяжелым грузом не только на отношения между Южной Кореей и Японией, но и на саму Японию.¹⁰

Выступление С. Абэ в американском конгрессе вызвало наиболее сильную критику в Южной Корее. Президент Южной Кореи Пак Кын Хе заявила, что премьер-министр Синдзо Абэ во время своей поездки в США упустил возможность улучшить отношения с ее страной из-за того, что не принес извинения за использование Японией во время войны корейских секс-рабынь.¹¹ А один из южнокорейских парламентариев назвал речь Абэ в американском Конгрессе «бесстыдной» и сказал, что она ставит перед его страной трудный вопрос о том, как Южная Корея сможет выжить между Китаем и обновленным японо-американским альянсом. Таким образом, визит Абэ фактически лишь отдалил преследуемую Вашингтоном цель формирования антикитайской «тройки» в составе США, Японии и Южной Кореи.

Отношения между Японией и Северной Кореей: две стороны одной медали

Япония является наиболее жестким сторонником международных экономических санкций в отношении КНДР, наложенных в том числе

⁹ Цит. по: Japan Times. 12.01. 2015.

¹⁰ Ibid

¹¹ Japan Times. 04.05. 2015.

под эгидой ООН и преследующих цель отказа правительства Северной Кореи от своего ракетно-ядерного потенциала. Япония активно участвует в торге с Пхеньяном, ведущемся в соответствии с формулой: «экономическая помощь и военно-политические поправки в обмен на сворачивание ядерной программы».

Но это остается отдаленной стратегической целью с неясными перспективами. Пока же в отношениях с КНДР Япония пытается решить прагматическую задачу, прибегая к методу кнута и пряника, названному в «Голубой книге по дипломатии» «политикой диалога и давления».¹²

Речь идет о курсе Токио на решение т. н. «проблемы похищенных», под которыми понимаются японцы, выкраденные северокорейскими спецслужбами и переправленные в Северную Корею с целью обучения японскому языку северокорейских разведчиков-нелегалов для работы в Японии в 70–80-е годы прошлого века. С начала текущего столетия между Токио и Пхеньяном развернулся двусторонний торг «второго яруса», в рамках которого Япония требует возвращения на родину оставшихся в живых соотечественников и прояснения судьбы умерших.

Согласно «Голубой книге по дипломатии», нормализация отношений с Северной Кореей никогда не сможет быть достигнута без решения проблемы похищенных.¹³ При этом японское общественное мнение внимательно следит за продвижением властей к указанной цели, и от успехов на этом пути существенно зависит рейтинг любой администрации Японии. Со своей стороны Пхеньян, учитывая, что решение судьбы похищенных граждан приобрела в Японии характер национальной идеи, умело пользуется этим для того, чтобы вытянуть из Токио очередные экономические и политические уступки и выгоды.

Таким образом, ракетно-ядерная проблема и проблема похищенных являются в политике Японии в отношении КНДР двумя сторонами одной медали. Однако вряд ли можно назвать конструктивным стремление Токио выдвинуть на первый план именно вторую проблему. Ранее Япония делала попытки увязывать прогресс на шестисторонних переговорах по проблеме ядерного оружия на Корейском полуострове с уступками северокорейского руководства в деле похищенных. Однако эти попытки подвергались критике со стороны других участников шестистороннего формата.

В торге с КНДР по этому вопросу Япония в последнее время проявляет готовность идти так далеко, что в Вашингтоне и Сеуле возникли опасения, что действия Токио могут нарушить единый фронт США, Южной Кореи и Японии на торгах «первого яруса» – по поводу ракетно-

¹² Diplomatic Blue book 2014 // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2014/html/chapter2/asia_oceania.html (дата обращения 03.11.2015)

¹³ Ibid.

ядерного потенциала Пхеньяна. Так, в середине июля 2014 года госсекретарь США Джон Керри в телефонном разговоре с министром иностранных дел Кисида Фумио выразил беспокойство США в связи с возможным влиянием контактов между Токио и Пхеньяном на трехстороннее сотрудничество США, Японии и Южной Кореи в сфере денуклеаризации КНДР.

2015-й и последующие годы покажут, сможет ли администрация С. Абэ добиться хотя бы промежуточных успехов в деле нормализации отношений с таким труднопредсказуемым соседом, каким является КНДР, страна, от которой, как утверждают японские политики, исходит главная (ракетно-ядерная) угроза безопасности Японии.

Япония и США: обновление военного союза

Одним из главных направлений внешней политики премьер-министра С. Абэ является укрепление военно-политического союза с Соединенными Штатами Америки. В конце апреля – начале мая 2015 года он посетил Америку с недельным визитом. В ходе поездки, как уже говорилось выше, премьер-министр выступил с речью на совместном заседании обеих палат Конгресса. Таким приглашением Вашингтон обычно чествует своих ближайших друзей. Но до С. Абэ этой чести не был удостоен ни один японский лидер.

Во время визита Абэ были опубликованы обновленные Руководящие принципы оборонного сотрудничества двух стран. Целью первого за последние 18 лет пересмотра этого документа явилось стремление японского премьера усилить международную роль Сил самообороны Японии путем укрепления военно-политического союза с Вашингтоном и ослабления конституционных ограничений, используя для этого новую интерпретацию права на коллективную самооборону.

Япония и США стремятся укрепить военное взаимодействие без установления каких-либо географических пределов, в том числе в сфере противоракетной обороны (ПРО). В частности, США ожидают от Японии углубления японо-американской кооперации в деле патрулирования и наблюдения в Южно-Китайском море, где Китай, по их мнению, активизирует свою военно-морскую деятельность.

Пакет законов по вопросам обеспечения безопасности, запланированный администрацией Абэ в 2015 г. к принятию на сессии парламента, не устанавливает четких ограничений на сферу зарубежной деятельности Сил самообороны и оставляет многое на усмотрение действующей администрации. Например, по мнению С. Абэ, Силы самообороны получать правовые основания участвовать в операциях по разминированию в Ормузском проливе в ходе кризиса на Ближнем Востоке.

Примечательно, что обновленные Руководящие принципы предусматривают усиление сотрудничества в космосе, который все чаще называют «четвертым полем сражения» после суши, моря и воздуха. Это

означает интеграцию японских и американских вооруженных сил на новой качественной основе. Планируемое расширение сферы их совместных действий на Корейский полуостров объясняется растущей ракетно-ядерной угрозой со стороны Северной Кореи. Однако Токио и Вашингтону необходимо заручиться пониманием на этот счет со стороны Сеула.

Усиление японо-американского военного сотрудничества, в том числе в сфере ПРО, как очевидно, не может не вызывать озабоченность и у России. Качественное укрепление альянса станет большим шагом вперед в деле создания Вашингтоном совместно со своими союзниками глобальной противоракетной обороны, имеющей, как считают в Москве, прежде всего антироссийскую направленность.

В ходе своего визита в Вашингтон С. Абэ также заверил Б. Обаму в непоколебимости позиции своего правительства в отношении переноса военно-воздушной базы Футэмма на Окинаве в район Хэноко г. Наго на севере острова. Несмотря на сильнейшую оппозицию этому решению со стороны жителей Окинавы, включая ее губернатора, перенос расположенной в центре города Гинован базы, по его словам С. Абэ, является «единственным решением» проблемы Футэмма. Ее острота связана с тем обстоятельством, что база Футэмма имеет ключевое значение для военной стратегии США в Восточной Азии в свете растущего военного потенциала КНР, а также непростой в стратегическом отношении ситуации на Корейском полуострове.

С. Абэ получил теплый прием в Вашингтоне. Там он провозгласил цель превращения двустороннего военного альянса в глобальное партнерство и заявил, что Япония «полна решимости взять на себя еще больше ответственности за мир и стабильность в мире». Однако намерения премьер-министра встретили неоднозначную реакцию в самой Японии. Как пишет газета «Japan Times», теперь ему нужно заручиться пониманием японского народа, который обеспокоен обязательством его администрации значительно повысить роль страны в сфере международной безопасности.

Перед визитом премьер-министра в США правящая коалиция во главе с Либерально-демократической партией подготовила пакет законопроектов о безопасности страны. Во время выступления в конгрессе Абэ пообещал, что законы будут приняты на текущей сессии парламента. А накануне переговоров Абэ и Обамы состоялась встреча министров иностранных дел и обороны двух стран по формуле «2+2», на которой был официально одобрен пересмотр японо-американских Руководящих оборонного сотрудничества, которые были тесно увязаны с предложенным Токио новым законодательством.

Газета «Japan Times» назвала «самонадеянным» то, что премьер-министр обещал американскому конгрессу принятие законов, которые

еще даже не были одобрены парламентом. Ведь по данным опроса, проведенного агентством «Кёдо цусин» в марте 2015 года, большинство граждан страны еще не были уверены в необходимости для Японии играть более весомую роль в сфере международной безопасности. По мнению газеты, Абэ нужно было прежде обратиться к домашней аудитории.¹⁴

Парадокс японо-американских отношений заключается в том, что при полном взаимопонимании в военной сфере Токио и Вашингтон на экономическом фронте зачастую оказываются по разные стороны баррикад. На сегодняшний день главным яблоком раздора между Токио и Вашингтоном остается проталкиваемое Соединенными Штатами в АТР Транстихоокеанское партнерство (ТТП). Этот торговый блок, составляя важную часть провозглашенной Б. Обамой политики «поворота» США к Азии, имеет антикитайскую подоплеку.

На двенадцать стран, вовлеченных в переговоры о формирование ТТП, приходится 40% мирового ВВП. Но исход переговоров остается неопределенным главным образом из-за сохраняющихся разногласий между Японией и США, на которые приходится 80% совокупного ВВП стран-членов вновь создаваемой организации.

На саммите Абэ и Обамы, как и ожидалось, прогресса по вопросу о создании нового торгового блока в АТР достигнуто не было. Критически важным моментом торговых переговоров между Токио и Вашингтоном является доступ на японский рынок американской сельскохозяйственной продукции. Япония, со своей стороны, требует ликвидации тарифных барьеров на пути своего автомобильного экспорта в США.

Таким образом, визит премьер-министра Абэ в США явился существенным шагом на пути углубления военного сотрудничества между Японией и США не только на региональной, но и на глобальной основе. Очевидно, что принятые во время визита решения будут иметь далеко идущие последствия для военно-политической обстановки в Северо-Восточной Азии. Однако между двумя странами остаются серьезные экономические противоречия с неясными перспективами их преодоления.

Азиатская Британия?

Подчеркивая вклад визита Абэ в США в укрепление японо-американских связей, базирующийся в Токио аналитик Петер Тэскер (Peter Tasker) называет эти связи «особыми отношениями». Он проводит параллель между ними и «особыми отношениями» между Англией и США. При этом, по его мнению, эти две пары «особых отношений» характеризуются прямо противоположными тенденциями: в том время как между Соединенными Штатами и слабеющим Соединённым Коро-

¹⁴ Japan Times. 01.05. 2015.

левством нарастают центробежные силы, в паре США – Япония преобладают силы центростремительные.

Например, Лондон, в отличие от Токио и Вашингтона заявил о своем участии в создаваемом Китаем Азиатском банке инфраструктурных инвестиций. Как считает аналитик, есть новый преобладающий интерес, общий для двух стран: необходимость сбалансировать мощный Китай, стремящийся утвердить себя экономически, финансово, а также в военном отношении. США не могут реализовать свою стратегию в Азии без активного участия процветающей и уверенной в себе Японии. Причем ставки здесь значительно выше для Японии, которая (в отличие от США – В. К.) не может «повернуть» куда-то еще географически, а в силу судьбы вынуждена вечно соперничать с Китаем. Поэтому, полагает П.Тэскер, Японии необходимо выполнить обещания, данные Абэ в Вашингтоне по части безопасности и торговли.¹⁵

Однако историк Свен Саалер (Sven Saaler) из японского Университета София обнаруживает своего рода дуализм в политике Абэ в отношении США. Он указывает на неотъемлемые противоречия между опорой Японии на США в категориях политики безопасности и сильным антиамериканским посылом курса Абэ на «преодоление послевоенного режима». Этот курс означает отрицание реформ демократизации и демилитаризации, проведенных под оккупацией США сразу после войны. Правда, как без обиняков заявляет профессор Р. Таггарт Мурфи (R. Taggart Murphy) из университета Цукуба, американских делателей политики «это не беспокоит, поскольку Япония имеет для них не большую ценность, чем пешка в их воображаемой шахматной игре с Пекином».

На этот счет у японских политиков есть собственные опасения. Как пишет авторитетный английский журнал «Economist», господин Абэ – это один из тех в Токио, кто не всегда доверяет заверениям господина Обамы об американском «повороте» в сторону Азии. Официальные лица Японии полагают, что превосходство Америки в Восточной Азии и даже ее приверженность региону, не могут быть приняты как данность. В этой связи журнал приводит слова высокопоставленного японского дипломата: «Нам нужно играть собственную партию, добиваясь того чтобы поворот не был одноразовой краткосрочной политикой»¹⁶.

Россия – Япония: политические маневры Токио

Подходы японских лидеров к оценкам Второй мировой войны и роли в ней Японии не могут не приниматься во внимание российским ру-

¹⁵ Nikkei. 03.05. 2015.

¹⁶ A bilateral alliance that has served well for decades needs a makeover // The Economist. URL: <http://www.economist.com/news/asia/21649538-bilateral-alliance-has-served-well-decades-needs-makeover-base-issues?zid=306&ah=1b164dbd43b0cb27ba0d4c3b12a5e227> (дата обращения 03.11.2015)

ководством при выстраивании отношений с этой страной. Так, в ответе официального представителя МИД России А. К. Лукашевича от 7 июля 2014 года на вопрос СМИ относительно принятого японским правительством решения об отказе от самоограничений в оборонной сфере говорится, что в России будут внимательно следить за действиями кабинета С. Абэ, в том числе в рамках объявленной им в декабре 2013 года концепции «активного пацифизма». Кроме того, в ответе обращается внимание на расчеты соседей Японии по региону на то, что она в полном объеме будет признавать итоги Второй мировой войны, не допускать попыток обелить преступления японского милитаризма.¹⁷

Россия направила премьер-министру С. Абэ приглашение принять участие в Москве в мае 2015 года в церемонии по случаю 70-й годовщины победы над фашистской Германией во Второй мировой войне, которую в России называют Великой отечественной войной. Однако Япония отказалась от предложения, мотивируя свой отказ загруженностью графика работы японского премьер-министра. Очевидно, однако, что истинные причины отказа заключаются в желании Абэ «идти в ногу» с другими лидерами «семерки» и, прежде всего, Президентом США Обамой. Они демонстративно отказались приехать в Москву на торжества по случаю победы, объясняя свою позицию ситуацией на Украине.

Вместе с тем Токио выразил надежду на реализацию визита Президента России Владимира Путина в Японию в 2015 году. На Путина администрация Абэ делает ставку в расчете сдвинуть в выгодном для себя направлении территориальный спор с Россией по поводу Южных Курил («северных территорий», по японской терминологии). Дело в том, что исключительно резкая негативная реакция Токио на визит тогдашнего президента РФ Дмитрия Медведева в ноябре 2010 года на остров Кунашир, входящий в число оспариваемых Японией южнокурильских островов, обрушила отношения между Россией и Японией фактически до самого низкого уровня за весь постсоветский период.

Однако заявление В. Путина накануне своего возвращения на пост президента весной 2012 года о необходимости искать взаимоприемлемое решение территориального вопроса очень обнадежило японскую сторону. Последовавшее улучшение атмосферы в двусторонних отношениях вылилось в достигнутую еще в конце 2014 года договоренность об официальном визите российского президента в Японию.

Но в связи событиями на Украине и введением санкций Токио в отношении России японская сторона сделала ряд непоследовательных за-

¹⁷ Ответ официального представителя МИД России А. К. Лукашевича на вопрос СМИ относительно принятого японским правительством решения об отказе от самоограничений в оборонной сфере // МИД РФ. 07.07.2015. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/98FACFB4FA1F33C944257D0E0052E2BB (дата обращения 02.11.2015)

явлений относительно указанного визита, породивших сомнения в готовности японской стороны принять В. Путина в 2014 году. Ситуация прояснилась, когда Путин и Абэ в ходе личной встречи на полях саммита АТЭС в Пекине в ноябре 2014 года договорились все же осуществить визит в 2015 году.

Судя по всему, российское руководство приняло решение о продолжении политических контактов с Японией, в том числе на высшем уровне, принимая во внимание то обстоятельство, что ее экономические санкции не наносят серьезного ущерба России и являются ничем иным, как попыткой Токио найти сбалансированную позицию в своих отношениях с Москвой и Вашингтоном. Со своей стороны, Москва заинтересована в поддержании нормальных отношений со своим дальневосточным соседом и третьей экономикой мира в условиях чувствительных экономических санкций Запада.

Однако Вашингтон в 2015 году относился прохладно к возможному визиту Путина в Японию. Как писала газета «Йомиури симбун», во время встречи С. Абэ с Баракком Обамой 28 апреля 2015 года в Вашингтоне японский премьер-министр сообщил своему визави о намерении организовать визит российского лидера в Японию в конце года, подчеркнув важность диалога с Россией, в ответ на что американский президент призвал С. Абэ отнестись к визиту с осторожностью. Обама заявил, что Соединенные Штаты и Япония должны консультироваться, чтобы найти правильное время визита президента России Путина в Японию.¹⁸

Можно полагать, что визит Путина в Японию, если он все же состоится, поможет сохранить тот позитив в российско-японских отношениях, который был накоплен с момента официального посещения японского премьер-министра Абэ России в апреле 2013 года, во многом благодаря налаженным личным отношениям В. Путина и С. Абэ. Для японского лидера это особенно важно в условиях непрекращающейся конфронтации Японии с ее прочими соседями по Северо-Восточной Азии.

¹⁸ Ёмиури симбун. 16.05.2015.

О. И. Казаков

В статье излагаются основные события, оказавшие влияние на российско-японские отношения в 2014 г. Показано, что из-за украинских событий российско-японские политические отношения охладели, однако масштабного кризиса в двусторонних отношениях пока не существует.

Ключевые слова: Япония, российско-японские отношения, политический диалог, территориальная проблема, антироссийские санкции, общественное мнение, средства массовой информации, информационная война

Дипломатические успехи 2013 года и начало 2014 года

В 2013 г. в российско-японских отношениях были достигнуты дипломатические успехи, нацеленные на сближение стран по ряду актуальных направлений сотрудничества. С 28 по 30 апреля 2013 г. состоялся официальный визит премьер-министра Японии Абэ Синдзо в Москву и его встреча с президентом России В. В. Путиным¹. Некоторые эксперты называли этот визит историческим, хотя каких-либо «прорывов» в российско-японских отношениях не произошло. В то же время он, несомненно, оказал стимулирующее воздействие на их развитие и породил определённые надежды.

По результатам встречи Путина и Абэ, которая прошла 29 апреля 2013 г., сторонами было принято Совместное заявление о развитии российско-японского партнёрства, а профильными организациями был подписан целый ряд двусторонних документов. Важной новацией стала готовность сторон расширить сотрудничество между двумя странами в сфере безопасности и обороны: Россия и Япония договорились о начале консультаций по формуле «2 + 2» между внешнеполитическими и оборонными ведомствами на уровне министров. 30 апреля состоялся форум «Поиск возможностей для более широкого сотрудничества» с участием премьер-министра Японии, представителей японских и российских деловых кругов, на котором стороны обсудили вопросы взаимодействия двух стран в области промышленности, экологии и медицины. С премьер-министром Японии в Москву приехало 120 топ-менеджеров японских компаний, что продемонстрировало заинтересованность Японии в экономическом сотрудничестве с Россией.

5 сентября 2013 г. В. В. Путин и С. Абэ провели двустороннюю встречу в Санкт-Петербурге на площадке саммита «Большой двадцатки» (G20).

¹ Казаков О. И. Российско-японские отношения в 2013 году // Актуальные проблемы современной Японии. Вып. 28. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 31–53.

Путин отметил постоянный характер двусторонних контактов и, как результат, – развитие торгово-экономических связей. «Мы намерены применять новые формы сотрудничества между Японией и Россией», – сказал он².

1 – 2 ноября 2013 г. состоялся официальный визит в Японию министра иностранных дел России С. В. Лаврова и министра обороны России С. К. Шойгу, где 2 ноября российские министры впервые в истории двусторонних отношений провели встречу со своими японскими коллегами – министром иностранных дел Японии Кисида Фумио и министром обороны Японии Онодэра Ицунори в формате «2 + 2». Накануне встречи Кисида в интервью ИА «Интерфакс» сказал: «Я убежден, что проведение встречи в формате “2 + 2” выведет японско-российские отношения в сферах безопасности и обороны на новый уровень, что послужит стратегическим интересам Японии и России, а также будет полезно и для мира и стабильности международного сообщества»³. 1 ноября состоялись отдельные встречи министров иностранных дел двух стран и министров обороны двух стран, а 2 ноября – встреча в формате «2 + 2»⁴. По итогам визита был подписан План межмидовских консультаций на 2014 – 2015 гг. Министры обороны обеих стран приняли решение расширить контакты между Генштабом ВС России и Штабом самообороны Японии. Была достигнута договоренность направлять наблюдателей на учения российской армии и японских сил самообороны⁵.

5 октября 2013 г. в Токио состоялось третье заседание Российско-Японского консультативного совета по вопросам модернизации экономики России под председательством заместителя председателя правительства А. В. Дворковича и посла Японии в России Харада Тикахито⁶. А 25 декабря 2013 г. состоялась рабочая встреча министра экономического развития России А. В. Улюкаева с министром экономики, торговли и промышленности Японии Мотэги Тосимицу⁷.

8 февраля 2014 г. состоялась встреча В. В. Путина с С. Абэ, который приехал в Сочи на открытие XXII Олимпийских зимних игр. Путин и

² Встреча с Премьер-министром Японии Синдзо Абэ // Президент России. 05.09.2013 14:20. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19157> (дата обращения 03.11.2015.)

³ Мы не должны оставлять проблему мирного договора следующим поколениям // Интерфакс. 31. 10. 2013 21:00. URL: <http://www.interfax.ru/world/338061> (дата обращения 03.11.2015.)

⁴ Москва и Токио готовы продолжать активный диалог по проблеме мирного договора в конструктивном ключе – МИД РФ // ТАСС. 03. 11. 2013 11:01. URL: <http://tass.ru/politika/755061> (дата обращения 03.11.2015.)

⁵ РФ и Япония договорились провести совместные военные учения по противодействию терроризму // ТАСС. 02. 11. 2013 12:02. URL: <http://tass.ru/politika/754847> (дата обращения 03.11.2015.)

⁶ Аркадий Дворкович провёл заседание Российско-Японского консультативного совета по вопросам модернизации экономики России // Правительство России. 07. 10. 2013 16:30. URL: <http://m.government.ru/news/7007/> (дата обращения 03.11.2015.)

⁷ Взаимовыгодное сотрудничество России и Японии // Минэкономразвития. 26. 12. 2013. URL: http://economy.gov.ru/minrec/press/news/doc20131226_3 (дата обращения 03.11.2015.)

Абэ договорились провести следующую встречу на полях саммита «Большой восьмёрки» (G8) в Сочи 4 – 5 июня 2014 г. Но этому уже не суждено было сбыться.

В целом же, в 2014 г. определённые надежды на новый этап развития российско-японских отношений, о которых говорили некоторые эксперты в 2013 г., фактически были похоронены.

Перелом 2014 года

Удар по российско-японским отношениям был нанесён украинским кризисом. Присоединение 18 марта 2014 г. Республики Крым к России, последующая эскалация военных действий на юго-востоке Украины, трагические события 17 июля 2014 г., когда в результате уничтожения над Донецкой областью пассажирского самолёта Boeing 777 авиакомпании Malaysia Airlines погибло 298 человек, ввод санкций против России и ответных «антисанкций» со стороны России, – все это изменило политическую конфигурацию в мировом масштабе. Как следствие Россия фактически была исключена из «Большой восьмёрки». Партнёры России заморозили подготовку к саммиту в Сочи и выступили с осуждением действий России в отношении Украины⁸. Саммит в Сочи был отменён, а лидеры стран «восьмёрки» провели 4 – 5 июня 2014 г. саммит в Брюсселе уже без участия России, что превратило его в формат «Большой семерки» (G7).

Произошёл «крымский водораздел» мирового сообщества на Россию и группу стран, в той или иной степени поддерживающих её позицию по Украине, с одной стороны, и на группу геополитических противников России, включавшую страны «Большой семерки» (G7), ЕС и проч., с другой. Этот политический раскол не мог не оказать негативного влияния на российско-японские отношения.

После встречи 1 ноября 2013 г. министров иностранных дел России и Японии было заявлено, что Ф. Кисида посетит Россию весной 2014 г. При этом Кисида отметил, что главы МИД двух стран должны стать проводниками в заключении мирного договора между странами⁹. Как ожидалось, этот визит должен был подготовить почву для визита президента России в Японию по приглашению японской стороны.

18 марта 2014 г. Ф. Кисида выразил сожаление по поводу решения Москвы признать независимость Крыма и объявил о введении санкций в отношении России. В официальном заявлении министра было указано, что японские санкции предусматривают приостановку консультаций о смягчении визового режима и замораживание начала переговоров о за-

⁸ Все страны «Большой семерки» заморозили подготовку к саммиту G8 в Сочи // Lenta.Ru. 03.03. 2014 04:55. URL: <http://lenta.ru/news/2014/03/03/seven/> (дата обращения 03.11.2015.)

⁹ Министр иностранных дел Японии ориентировочно посетит Россию весной 2014 года // ТАСС. 01.11. 2013 14:54. URL: <http://tass.ru/arhiv/754562> (дата обращения 03.11.2015.)

ключении трёх договоров – об инвестиционном сотрудничестве, о сотрудничестве в освоении космоса и о предотвращении опасной военной деятельности. В дальнейшем последовали новые санкции, которые, по сути, не оказали на российско-японские отношения существенного влияния.

20 марта Ф. Кисида на пресс-конференции в Токио заявил, что не намерен отказываться от запланированного на апрель визита в Россию и переговоров с российским коллегой С. В. Лавровым из-за ситуации вокруг Крыма. Японский министр отметил, однако, что «ситуация продолжает меняться, и в Токио пристально следят за развитием событий»¹⁰. Однако в 2014 г. Кисида в Москву не приехал, визит президента России в Японию в 2014 г. не состоялся и был перенесён на более поздний срок. К середине 2015 г. о сроках этого визита, судя по сообщениям официальных лиц, ничего известно не было. В то же время продолжалась практика регулярных двусторонних консультаций на уровне заместителей министров иностранных дел консультации по вопросам дальнейшего продвижения российско-японского сотрудничества, в ходе которых обсуждались такие его направления, как углубление политического диалога, расширение торгово-экономических связей, развитие контактов в практических областях и культурных обменов. На консультациях говорилось также о важности совместной многоплановой работы по подготовке официального визита президента России в Японию.

Санкции и политическое неприятие действий России со стороны стран, поддерживающих официальный Киев, являются серьёзным фактором при анализе переформирующихся российско-японских отношений. Как представляется, с марта 2014 г. российско-японские отношения перестали быть только двусторонними – в политическом аспекте они стали заложником украинских событий. Ситуация стала напоминать отношения между СССР и Японией, которые советскими историками всегда рассматривались с идеологических позиций, обусловленных борьбой между «миром социализма» и «миром капитализма». В лексикон российских политиков и дипломатов вернулись штампы и ярлыки времен холодной войны, лозунговая риторика и публичный примитивизм в оценке сложных событий.

В сложной ситуации оказалась и Япония. С одной стороны, Япония имеет свой интерес к России, связанный прежде всего с ее стремлением получить «северные территории», а также с намерением развивать двусторонние торгово-экономические отношения, сулящие немалую выгоду японскому бизнесу. Япония пытается привлечь Россию на свою сторону в ее противостоянии усиливающемуся Китаю. Кроме того, выстраивая эксклюзивные отношения с Россией, Япония рассчитывает из-

¹⁰ Глава МИД Японии не намерен отказываться от визита в РФ из-за ситуации вокруг Крыма // ТАСС. 20.03. 2014 7:50. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1060820> (дата обращения 03.11.2015.)

влекать определённые выгоды из той тяжёлой ситуации, в которой оказалась Россия после введения против неё санкций. В 1990-х годах Япония не смогла реализовать схему «инвестиции в обмен на территории», почему бы не попробовать в этот раз?

С другой стороны, Япония целенаправленно выстраивает отношения с США в военно-политической сфере, поскольку озабочена угрозами, исходящими от Китая, и понимает, что в случае возникновения военного конфликта, например, вокруг островов Сэнкаку (Дяоюйдао), она не сможет ему эффективно противостоять в одиночку. Токио выстраивает отношения со странами клуба G7, в котором является единственным представителем Азии, и со странами ЕС, претендуя на то, чтобы разделять со своими партнёрами западные «базовые ценности», основанные на демократии и верховенстве закона.

В отношении России Япония вела в 2014 г. себя осторожно и не делала резких заявлений, пытаясь усидеть «на двух стульях». Хотя наряду с другими странами она и ввела антироссийские санкции, последние они носили умеренный характер. Поэтому российско-японские политические отношения в 2014 г. хотя и охладились, но серьёзным образом не отразились на других сферах сотрудничества и не привели к общему кризису в двусторонних отношениях.

В частности, 18 марта 2014 г. генеральный секретарь кабинета министров Суга Ёсихидэ заявил о том, что несмотря на ситуацию вокруг Украины и введение в отношении Москвы ряда мер в связи с итогами референдума в Крыму правительство Японии не считает необходимым мешать развитию экономических и культурных контактов с Россией¹¹. В то же время по поводу событий в Крыму он высказался достаточно жестко¹².

В 2014 г. в двусторонних отношениях продолжались интенсивные контакты в политической, экономической и культурной сферах. 19 марта 2014 г. в Токио успешно прошёл VI Российско-японский инвестиционный форум¹³, организованный Министерством экономического развития России совместно с Министерством экономики, торговли и промышленности Японии, при участии Министерства сельского хозяйства России и при поддержке Фонда «Петербургский международный экономический форум» и общероссийской общественной организации «Деловая Россия». С 9 по 10 сентября 2014 г. в Москве в Центре международной торговли прошёл Второй российско-японский форум «Точки соприкосно-

¹¹ Правительство Японии не будет мешать экономическим и культурным связям с Россией // ТАСС. 18.03.2014 8:45. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1054757> (дата обращения 03.11.2015.)

¹² Япония вводит санкции против РФ из-за Крыма // Reuters. 18.03.2014 12:48. URL: <http://ru.reuters.com/article/topNews/idRUMSEA2H01O20140318> (дата обращения 03.11.2015.)

¹³ Игорь Сечин позвал Японию на Дальний Восток // Коммерсантъ. 19.03.2014 15:07. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2433339> (дата обращения 03.11.2015.)

вения: Бизнес. Инвестиции. Культура». Более 350 бизнесменов, чиновников и экспертов из Японии и России приняли участие в панельных дискуссиях по вопросам энергетики, сельского хозяйства, развития Дальнего Востока, науки, культуры и спорта. В форуме, в частности, приняли участие председатель Государственной думы С. Е. Нарышкин и бывший премьер-министр Японии Мори Ёсиро.

В октябре 2014 г. в Москву приехал бывший премьер-министр Японии Хатояма Юкио, являющийся председателем японского Оргкомитета по проведению Фестивалей российской культуры в Японии. Цель приезда – подготовка к юбилейному XX Фестивалю российской культуры в Японии в 2015 г. 13 октября Хатояму принял председатель Государственной думы С. Е. Нарышкин, который является председателем российского Оргкомитета по проведению Фестивалей российской культуры в Японии. Нарышкин на встрече с Хатояма сказал: «За последние годы японцы и россияне доказали, что мы успешно сотрудничаем на благо наших стран, даже несмотря на ошибки (т. е. антироссийские санкции – О. К.) политиков». Нарышкин заявил, что разочарован позицией Японии, присоединившейся к санкциям так называемой «семерки». Он квалифицировал такие действия как политический и экономический шантаж, которые наносят ущерб двусторонним отношениям. «Япония – большая и сильная, экономически развитая страна, которая может вести самостоятельную политику», – уверен Нарышкин. Хатояма пригласил Нарышкина посетить в 2015 г. юбилейный XX Фестиваль российской культуры в Японии. По мнению Хатояма, такой шаг будет полезен в свете вводимых против России санкций и послужит укреплению контактов между гражданами двух стран¹⁴.

17 октября 2014 г. на полях саммита форума «Азия – Европа» (ASEM – Asia-Europe Meeting) в Милане состоялась краткая встреча В. В. Путина с С. Абэ на которой «обсуждалась ситуация на Украине»¹⁵.

9 ноября 2014 г. на полях саммита АТЭС в Пекине также состоялась встреча Путина с Абэ. Стороны подтвердили готовность к продолжению контактов по всем направлениям, в том числе относительно работы по мирному договору. Путин также дал подробные пояснения по позиции России по ситуации в Украине. Абэ отметил, что нынешняя двусторонняя встреча с учётом встреч во время его первого премьерства – десятая¹⁶.

¹⁴ 13 октября состоялась встреча С. Нарышкина с бывшим Премьер-министром Японии, председателем японского Оргкомитета по проведению Фестивалей российской культуры в Японии Юкио Хатоямой // Государственная дума. 13. 10. 2014. URL: <http://www.gosduma.net/news/274/832921/#photo3> (дата обращения 03.11.2015.)

¹⁵ Владимир Путин провёл ряд двусторонних встреч на полях саммита АСЕМ // Президент России. 17.10. 2014 20:20. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46819> (дата обращения 03.11.2015.)

¹⁶ Встреча с Премьер-министром Японии Синдзо Абэ // Президент России. 09. 11. 2014 17:00. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46985> (дата обращения 03.11.2015.)

В то же время двусторонняя встреча президента России и премьер-министра Японии на ноябрьском саммите G20 в австралийском Брисбене не планировалась. Но накануне саммита G20 Абэ в своей статье в газете *Australian Financial Review* заявил, что Япония желает углубить военное сотрудничество с США и Австралией для обеспечения мира на всей территории Азиатско-Тихоокеанского региона. По его мнению, это необходимо, чтобы остановить «расширяющуюся экспансию Китая»¹⁷. При этом 16 ноября на полях саммита прошла встреча лидеров Австралии, США и Японии. По ее итогам было сделано заявление, согласно которому лидеры трёх стран, в частности, выступили против «предполагаемой аннексии Россией Крыма и ее действий по дестабилизации восточной Украины» и за «привлечение к ответственности лиц, виновных в сбитом авиалайнере МН17»¹⁸.

1 декабря 2014 г. на встрече с мэром г. Нэмуру Хасэгава Сюнсэ премьер-министр Японии С. Абэ заявил о том, что намерен добиться «решения проблемы «северных территорий» (т. е. Южных Курильских островов – О. К.) и заключить мирный договор (с Россией – О. К.)». «Моя миссия как политика, как премьер-министра, заключается в том, чтобы во что бы то ни стало добиться этого»¹⁹.

В 2014 г. была уточнена официальная позиция России, касающаяся предложенного ранее В. В. Путиным принципа «ничьи» (по-японски – *хикивакэ*). 24 мая 2014 г. в Санкт-Петербурге Путин провёл встречу с руководителями ведущих зарубежных информационных агентств, на которой ему был задан вопрос о содержании «хикивакэ». Путин ответил: «Что такое хикиваки (так в оригинале – О. К.) в данном случае? Если бы я знал окончательный ответ, мы бы уже подписали все документы. Окончательного ответа пока нет, он может родиться только в результате тяжёлой сложной совместной работы. Но в принципе это значит, что решение должно быть таким, которое не ущемляло бы интересов друг друга, было бы приемлемым компромиссом, и при этом ни одна из сторон не чувствовала бы, что она является проигравшей. Непростая формула, но в целом, если думать об этом постоянно, двигаться вперёд, то, думаю, ничего невозможного нет»²⁰. Таким образом, вопрос о том, какой вариант решения территориальной проблемы Россия

¹⁷ Abe wants more defense ties with U.S., Australia // *Japan Today*. 14.11. 2014.

¹⁸ Australia-Japan-United States Trilateral Leaders Meeting Joint Media Release // The White House. Office of the Press Secretary. November 15, 2014. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/11/15/australia-japan-united-states-trilateral-leaders-meeting-joint-media-rel> (дата обращения 03.11.2015.)

¹⁹ Японский премьер серьезно намерен подписать мирный договор с Россией // РИА Новости. 01.12. 2014 07:25. URL: <http://ria.ru/world/20141201/1035901299.html> (дата обращения 03.11.2015.)

²⁰ Встреча с руководителями мировых информагентств // Президент России. 24.05. 2014 18:30. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/21090> (дата обращения 03.11.2015.)

предлагает Японии, кроме благого пожелания, чтобы «и волки были сыты, и овцы целы», остаётся открытым.

Также долю неопределённости вносит уже не в первый раз озвученный Путиным тезис о том, что в Совместной декларации СССР и Японии 1956 г. в п. 9, в котором сказано о передаче Японии после подписания мирного договора гряды Хабомаи и о. Шикотан, «ничего не говорится о том, на каких условиях и чей будет суверенитет над этими островами»²¹. Однако Путин дал понять, что Россия готова вести переговоры с Японией по этому вопросу. Это логичное решение, поскольку курс на «разворот России на Восток» вряд ли может быть полноценным только с опорой на Китай, без участия Японии.

К концу 2014 г. – началу 2015 г. в Японии стали формироваться конкретные подходы к взаимодействию с Россией с учётом новой политической обстановки. При этом смена в одностороннем порядке суверенитета Крымского полуострова с украинского на российский стала рассматриваться японскими экспертами в контексте «северных территорий», т. е. Южных Курильских островов.

С одной стороны, проводится аналогия: в 1945 г. СССР силовым путём захватил Курильские острова, а в 2014 г. Россия с помощью силы и нарушения международного права присоединила к себе Крым. В обоих случаях – действия России нелегитимны. И тогда требование «вернуть Украине Крым» корреспондируется с требованием «вернуть Японии “северные территории”».

20 января 2015 г. министр иностранных дел Японии Ф. Кисида, выступая с лекцией в Брюсселе, заявил: «То, что происходит на Украине, – это изменение статуса-кво при помощи силы, проблема северных территорий – это тоже (было) изменение ситуации при помощи силы». МИД России в своём комментарии к высказыванию Кисиды отметило, «что Токио, к сожалению, по-прежнему не желает усвоить уроки истории. Такие провалы в исторической памяти недопустимы в год 70-летия Победы союзных держав во Второй мировой войне»²². В свою очередь, генеральный секретарь кабинета министров Японии Ё. Суга заявил, что высказывания главы МИД Японии, допустившего аналогию между ситуацией на Украине и проблемой «северных территорий», не являются искажением истории²³. Позднее замглавы МИД России И. В. Моргулов пригрозил, что резкие заявления японского руководства по вопросу

²¹ Там же.

²² Комментарий МИД России в связи с высказываниями Министра иностранных дел Японии Ф. Кисиды // МИД России. 21.01. 2015. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/905304 (дата обращения 03.11.2015.)

²³ В Токио отвергли критику Москвы по поводу сравнения ситуации на Украине с Южными Курилами // Интерфакс. 22.01. 2015 13:50. URL: <http://www.interfax.ru/world/419468> (дата обращения 03.11.2015.)

принадлежности Южных Курил будут учитываться властями России при планировании двусторонних контактов²⁴.

С другой стороны, некоторыми экспертами прорабатывался и такой подход: Япония признает право России на возвращение «исконных территорий» – Крыма, но тогда и Россия в контексте «исторической справедливости» должна признать право Японии на «северные территории», где жили японцы, которые были вывезены в Японию в 1947 – 1948 гг. Однако эта точка зрения не стала официальной.

Ещё одним нюансом в диалоге с российской стороной можно считать готовность некоторых японских политических деятелей признать то, что Япония ввела антироссийские санкции не по своей воле, а под давлением других стран. Учитывая, что в России сильны антиамериканские настроения, подобная позиция была призвана снять долю ответственности с Японией за охлаждение политических отношений между странами. Так, председатель Социал-демократической партии Японии Ёсида Тада-томо заявил в интервью журналу «Мир и политика»: «Что касается антироссийских санкций, то я думаю, что было недостаточно причин для их введения. Санкции против России были поспешными и необдуманными. Но Япония не может высказаться против действий США и Европы, слишком сильно от них зависит. Япония не может не поддержать их линию. Мы не хотели вводить санкции, но мы ничего не можем сделать»²⁵.

Ситуация в первой половине 2015 года

В первой половине 2015 г. антироссийские тенденции в мире продолжали развиваться. Это, в частности, отразилось на подготовке Японии к встрече на высшем уровне клуба ведущих стран мира в 2016 г. В январе 2015 г. газета Japan Today писала о начале подготовки Японии к саммиту G8, который планируется провести весной 2016 г. в одном из её городов. Причём использовался именно термин «G8»²⁶. Но в марте 2015 г. газета Japan Today уже писала не о G8, а о G7, фактически исключив из состава «больших стран» Россию²⁷. 5 июня 2015 г. С. Абэ в аэропорту Ханэда перед отъездом в Украину и в Германию на саммит G7 сделал заявление о том, что саммит G7 в 2016 г. состоится в г. Сима (преф. Миэ)²⁸.

²⁴ Моргулов: РФ учтет резкие заявления Японии при планировании контактов // РИА Новости. 28.01. 2015 19:38. URL: <http://ria.ru/world/20150128/1044766392.html> (дата обращения 03.11.2015.)

²⁵ «Социал-демократическая партия – ядро оппозиционной борьбы» // Мир и политика. 09.12. 2014. URL: <http://mir-politika.ru/17544-social-demokraticeskaya-partiya-yadro-oppozicionnoy-borby.html> (дата обращения 03.11.2015.)

²⁶ Abe to select 2016 G8 summit site in spring // Japan Today. 02.01. 2015.

²⁷ Ibid.

²⁸ Abe selects Shima in Mie to host 2016 G-7 summit // Japan Today. 06.06. 2015.

Впервые президент России В. В. Путин принял участие в саммите G8, который прошёл 21 – 23 июля 2000 г., в Японии на Окинаве²⁹, где состоялась его встреча с премьер-министром Японии Мори Ёсиро. В последний раз Япония принимала саммит G8 на Хоккайдо в июле 2008 г. В нём принял участие президент России Д. А. Медведев. Тогда в рамках саммита состоялась его встреча с премьер-министром Японии Фукуда Ясуо³⁰. В контексте российско-японских отношений саммиты G8 всегда способствовали развитию диалога между двумя странами.

11 – 13 марта 2015 г. состоялся частный визит Ю. Хатояма в Крым, который вызвал раздражённую реакцию со стороны официального Токио³¹ и восторженные комментарии в российской прессе по поводу «оправдания» бывшим премьер-министром Японии «присоединения Крыма к России». На пресс-конференции Хатояма сказал: «Санкции негативным образом влияют на российско-японские отношения. Они сейчас не в лучшем состоянии. Считаю, что необходимо как можно быстрее вернуться к нормальному состоянию японо-российских отношений и обеспечить условия для визита президента России Владимира Путина в Японию»³². 13 марта Хатояма встретился в Москве с заместителем министра иностранных дел России И. В. Моргуловым, который отметил, что в России по достоинству оценили желание Хатояма получить «без посредников» представление о реальном положении дел в Крыму, занятую им объективную и искреннюю позицию³³.

16 апреля 2015 г. состоялась «Прямая линия» президента России В. В. Путиным. По окончании «Прямой линии» Путин встретился с представителями СМИ, на которой Путин сказал, что наш подход в отношениях с Японией по мирному договору и по территориальным вопросам в связи с Крымом никак не изменился. Он добавил: «Что касается (Южных Курильских – О. К.) островов, <...> там живут люди, которые вряд ли проголосуют за присоединение к Японии. <...> Мы готовы к диалогу с Японией на этот счёт, в том числе на основе известных документов 1956 года, которые были ратифицированы, напомню, японским

²⁹ Встреча глав государств и правительств «Группы восьми» // Президент России. URL: http://2002.kremlin.ru/summit2/s2_oki.html (дата обращения 03.11.2015.)

³⁰ Встреча с Премьер-министром Японии Ясуо Фукудой // Президент России. 08.07.2008 13:15. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/710> (дата обращения 03.11.2015.)

³¹ Правительство Японии назвало необдуманным визит экс-премьера Юкио Хатоямы в Крым // ТАСС. 11.03.2015 6:03. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1819232> (дата обращения 03.11.2015.)

³² Бывший премьер Японии оправдал присоединение Крыма к России // Интерфакс. 13.03.2015 13:07. URL: <http://www.interfax.ru/russia/429649> (дата обращения 03.11.2015.)

³³ О встрече заместителя Министра иностранных дел России И. В. Моргулова с бывшим премьер-министром Японии, председателем японского оргкомитета Фестиваля российской культуры в Японии Ю. Хатоямой // МИД России. 13.03.2015. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/7F21683209E7CCF743257E070035F25A (дата обращения 03.11.2015.)

парламентом. Но сегодня диалог у нас практически свёрнут по инициативе японской стороны»³⁴.

В свою очередь глава МИД Японии Ф. Кисида ответил на упрёк Путина в адрес Японии: «(Самого) факта, что японская сторона остановила переговоры о заключении мирного договора между Японией и России, абсолютно не существует». Он напомнил, что на проведенных в феврале 2015 г. переговорах на уровне замминистров обсуждалась проблема заключения мирного договора³⁵. МИД России также не остался в долгу, заявив, что «господину Ф. Кисиде хорошо известна имеющаяся договоренность о графике политических контактов, включающая визит Министра иностранных дел Японии в Россию. Её, разумеется, надо выполнять. Однако почему-то вот уже более года Токио не может принять решение о поездке господина Кисиды в Россию. Что же касается февральских консультаций на уровне замминистров, о которых упомянул японский министр, то они не предусматривали содержательного обсуждения темы мирного договора»³⁶.

20 – 21 мая 2015 г. состоялся визит в Японию председателя Государственной думы С. Е. Нарышкина. Он открыл в Японии юбилейный XX Фестиваль российской культуры, выступил на Третьем российско-японском форуме «Точки соприкосновения: бизнес, инвестиции, спорт»³⁷ и встретился с рядом высокопоставленных японских чиновников, включая премьер-министра Японии³⁸. В рамках этого визита, в частности, 20 мая состоялось подписание программы Фестивалей российской культуры в Японии на пятилетний период с 2017 по 2021 год.

Однако российские СМИ обратили внимание на этот визит во многом потому, что на встрече Нарышкина с заместителем председателя Либерально-Демократической партии Японии, бывшим главой МИД Японии Комура Масахико, последний сказал: «Хотел бы перейти на политическую тему – мы желаем заключить мирный договор, решив территориальную проблему, – и для этого мы хотели бы, чтобы прези-

³⁴ Ответы на вопросы журналистов по итогам «Прямой линии» // Президент России. 16.04. 2015 16:30. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/49264> (дата обращения 03.11.2015.)

³⁵ МИД Японии: Токио не останавливал переговоров по мирному договору // РИА Новости. 17.04. 2015 08:02. URL: <http://ria.ru/politics/20150417/1059103541.html> (дата обращения 03.11.2015.)

³⁶ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с высказываниями Министра иностранных дел Японии Ф. Кисиды // МИД России. 17.04. 2015. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslne/4DE7B222AF1E9A1543257E2A004CE8DD (дата обращения 03.11.2015.)

³⁷ Нарышкин: Товарооборот РФ и Японии удалось сохранить на рекордном уровне // Прайм. 21.05. 2015 05:15. URL: <http://www.1prime.ru/News/20150521/810796524.html> (дата обращения 03.11.2015.)

³⁸ Нарышкин встретился в Токио с премьером Японии Абэ // Интерфакс. 21.05. 2015 08:01. URL: <http://www.interfax.ru/russia/442851> (дата обращения 03.11.2015.)

дент Путин приехал в Японию. Премьер министр Синдзо Абэ очень серьёзно думает над этим»³⁹.

Тема приезда в Японию президента России в Японию с целью заключения мирного договора и решения территориальной проблемы стала в российских СМИ одной из центральных. В эфире телеканала «Россия 24» Нарышкин отреагировал на прозвучавшее ранее высказывание Комура: «Если рассматривать Курилы как повод для территориальных претензий к Российской Федерации, то эта тема будет только лишь раздражителем и препятствием к развитию сотрудничества в других сферах – в экономике, в политике, в гуманитарной сфере»⁴⁰. Высказывания М. Комура создали определенные сложности на пути реализации визита В. В. Путина в Японию. Это связано с тем, что Россия, несомненно, заинтересована в успешном визите президента России в Японию, но такой визит принципиально невозможен только контексте задачи заключения мирного договора между двумя странами..

Таким образом, в начале 2015 г. официальный Токио вновь попытался позиционировать территориальный вопрос в качестве центрального в повестке дня двусторонних отношений, хотя и не стал усугублять эти отношения дополнительными антироссийскими демаршами. При этом Токио стал более активно поддерживать «недружественный» России Киев, что стимулировало активизацию японо-украинских отношений. 6 июня 2015 г. состоялся первый в истории визит премьер-министра Японии в Украину, во время которого президент Украины П. А. Порошенко, в частности, выразил благодарность Абэ за предоставление кредитных гарантий на 1,5 млрд долл.⁴¹

Сохранение статус-кво в российско-японских отношениях, сложившихся к середине 2015 г., когда политическое охлаждение между странами пока ещё не оказало серьёзного негативного влияния на другие сферы сотрудничества, – важная задача на краткосрочную или даже среднесрочную перспективы. Непродуманный визит президента России в Японию может не привести ни к позитивным сдвигам в двусторонних отношениях, ни к выгодам для России с точки зрения выстраивания эксклюзивных отношений с отдельными странами «семерки», имеющих цель раскола «антироссийской коалиции». В свою очередь, видение Токио визита российского президента исключительно в ракурсе решения территориальной проблемы, несомненно, увеличивает риск испортить отношения с Москвой ещё сильнее.

³⁹ Япония надеется на урегулирование вопроса Южных Курил во время визита Путина в Токио // ТАСС. 20.05. 2015 05:49. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1980799> (дата обращения 03.11.2015.)

⁴⁰ Нарышкин: Вопрос Курил может препятствовать сотрудничеству РФ и Японии // Прайм 21.05. 2015 23:27. URL: <http://1prime.ru/News/20150521/810871768.html> (дата обращения 03.11.2015.)

⁴¹ Япония предоставит Украине кредитные гарантии на \$1,5 млрд // Интерфакс. 06.06. 2015 12:25. URL: <http://www.interfax.ru/446114> (дата обращения 03.11.2015.)

Информационная война и общественное мнение

Одно из последствий украинских событий – развёрнутая в международном масштабе информационная война, в которую оказались втянутыми как Россия, так и страны (включая Японию), заявившие о введении санкций против Москвы. Эта информационная война, прежде всего, сказалась на отношении граждан зарубежных стран к России, а также – россиян к другим странам. При этом российско-японские отношения пострадали не так заметно, как отношения России с прочими странами Запада, хотя сам факт введения Японией санкций против России как символ неприятия Токио действий Москвы в отношении Украины не мог остаться незамеченным в общественном мнении России и ее партнеров на мировой арене.

Результаты международного опроса Pew Research Center⁴², посвящённый кризису в Украине, который был проведён ещё до инцидента с «Боингом» Малазийских авиалиний, показали серьёзное ухудшение отношения граждан США и стран ЕС к России (табл. 1). Так, если в 2013 г. неблагоприятного мнения о России придерживалось 43 % граждан США, то после событий в Украине в 2014 г. – 72 % респондентов, т. е. на 29 % больше. Представители же других стран не так сильно изменили своё мнение о России в худшую сторону. Японцы ненамного ухудшили своё отношение к России (на 5 % – с 64 % в 2013 г. до 69 % в 2014 г.), тогда как из стран АСЕАН заметно хуже к России стали относиться граждане Малайзии (на 16 % – с 22 % до 38 %), Южной Кореи (на 15 % – с 33 % до 48 %) и Индонезии (на 10 % – с 33 % до 43 %).

Таблица 1.
Количество респондентов стран регионов (кроме россиян),
неблагоприятно относящихся к России

	Европа	США	Средний Восток	Латинская Америка	Азия	Африка
2013 г.	54	43	64	38	36	27
2014 г.	74	72	68	45	41	31
Прирост, %	37	67	6	18	14	15

Источник: Pew Research Center. 09.07. 2014. URL: <http://www.pewglobal.org>

Более точный с точки зрения замеров общественного мнения ежегодный всеяпонский опрос, касающийся отношения граждан Японии к другим странам, который проводился с 16 по 26 октября 2014 г., показал снижение симпатий японцев в отношении России с 22,5 % в 2013 г. до

⁴² Russia's Global Image Negative amid Crisis in Ukraine. Americans and Europeans Views Sour Dramatically // Pew Research Center. 09.07.2014. URL: <http://www.pewglobal.org/2014/07/09/russias-global-image-negative-amid-crisis-in-ukraine/> (дата обращения 03.11.2015.)

20,1 % в 2014 г.⁴³ (табл. 2). И хотя падение на 2,4 % не является значительным даже на фоне малого количества японцев, симпатизирующих России (порядка 20 %), однако начиная с 2012 г. количество этих японцев увеличивалось: в 2011 г. – симпатизирующих России японцев было 13,4 %, в 2012 г. – 19,5 %, в 2013 г. – 22,5 %, тогда как в 2014 г. данная тенденция изменилась. На фоне стабильно высокого уровня симпатий японцев к США (с 2011 г. этот уровень – выше планки в 80 %), уменьшение и без того малого уровня симпатий к России говорит о системном провале «мягкой силы» России на японском направлении.

Таблица 2.
Испытываете ли дружеские чувства (симпатию) к России?

Ответы, %	Год				
	2010	2011	2012	2013	2014
Да	14,0	13,4	19,5	22,5	20,1
Нет	82,4	82,9	76,5	74,8	76,4

Источник: Гайко-ни кан суру ёрон тёса. 22. 12. 2014. URL: <http://www.cao.go.jp>

Опросы общественного мнения в России также зафиксировали рост негативного отношения россиян к ряду стран, и прежде всего – к ранее дружественной Украине, к США и странам ЕС⁴⁴. В то же время по данным майского 2015 г. опроса Левада-Центра, Японию указали «наиболее близким другом, союзником России» 2 % россиян, а «недружественно, враждебно настроенной по отношению к России» – 6 %⁴⁵. Таким образом, в Японии россияне пока не видят врага, впрочем, как и не видят друга⁴⁶.

Тема России в Японии не особенно популярна, но происходящее в России отслеживается и комментируется. Например, 15 марта 2015 г. на канале «Россия» был показан фильм «Крым. Путь на Родину», в котором В. В. Путин признал готовность России использовать для защиты Крыма ядерные силы страны. В Японии эта готовность была подвергнута критике. Так, представитель Совета организаций жертв атомных и водородных бомб Японии (*Нихон гэнсуибаку хигайся дантай кёгикай*) Танака Тэруми заявил, что высказывание Путина игнорирует ужасы

⁴³ Гайко-ни кан суру ёрон тёса: (Опрос общественного мнения по внешним отношениям) // Найкакуфу. Cabinet Office, Government of Japan. 22.12. 2014. URL: <http://www.cao.go.jp> (дата обращения 03.11.2015.)

⁴⁴ Казаков О.И. Россияне о странах мира и Японии в 2014 году // Япония наших дней. – 2014. №3 (21). С. 157–170.

⁴⁵ Международные отношения: друзья и «враги» России // Левада-Центр. 08.06. 2015. URL: <http://www.levada.ru/old/08-06-2015/mezhdunarodnye-otnosheniya-druzya-i-vragi-rossii?cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения 03.11.2015.)

⁴⁶ Казаков О.И. Япония для россиян: «и не друг, и не враг, а так...» // Япония наших дней. 2012. № 1(11). С. 125–133.

последствий применения ядерного оружия и не способствует переговорам по устранению ядерных арсеналов⁴⁷.

В самой России заметно усиление антияпонской риторики. Российскими СМИ оказались востребованы тема милитаризации Японии, которая звучала как в контексте новой интерпретации в Японии «мирной статьи» Конституции, так и в контексте празднования Великой Победы во Второй мировой войне, а также тема безоговорочного следования Токио на поводу у Вашингтона, прежде всего, по вопросу об антироссийских санкциях.

На общественном направлении среди передач, связанных с Японией, обратила на себя внимание передача НТВ «ЧП. Обзор за неделю» от 1 марта 2015 года, в которой был показан сюжет «Японский кроссворд» о Японском центре. В ней сообщалось, что сотрудники управления «К», занимающегося раскрытием преступлений в сфере информационных технологий, провели обыски в Японском центре в Южно-Сахалинске и обнаружили ряд нарушений. Япония не стала резко реагировать на прозвучавшие обвинения и предприняла меры по решению некоторых поднятых в передаче вопросов.

Падение рубля, вызванное антироссийскими санкциями и рядом других причин, привело и к тому, что в 1-м квартале 2015 г более чем на 20 % уменьшился поток российских туристов в Японию (табл. 3.). Япония делает ставку на развитие в стране туризма и ставит перед собой амбициозную задачу привлечь в страну к 2020 г. 20 млн. иностранных туристов. Если экономическая ситуация в России не будет улучшаться, то россияне, сокращая свои поездки в Японию, не только не помогут ей достичь поставленных Токио целей, но и не смогут развивать с помощью этих поездок народную дипломатию.

Таблица 3.
Поездки российских граждан в Японию
за 1-й квартал 2014 г. и 1-й квартал 2015 г.

Цели поездки	1-й кв. 2014 г.	1-й кв. 2015 г.	Изменение, %
Всего	19332	14960	–23
Туризм	7803	5545	–29
Служебная	1965	1475	–25

Источник: Показатели выезда российских граждан за рубеж за 1-й квартал 2015 года (по данным Росстата). Ростуризм. URL: <http://www.russiatourism.ru>

* * *

В 2014 г. Япония, пусть во многом и формально, вместе с другими странами G7 и ЕС присоединилась к антироссийским санкциям, осудив

⁴⁷ A-bomb survivors criticize Putin's remarks on Crimea // Japan Today. 17.03. 2015.

Россию за «аннексию Крыма» и «дестабилизацию восточной Украины», и сделала стратегический выбор в пользу западной «единой системы ценностей». Это заложило в двусторонние отношения потенциально опасные риски. Если в повестке российско-японских отношений не будет серьёзной позитивной составляющей, то отношения между странами со временем могут опуститься на еще более низкий уровень.

В этой связи российской стороне – политикам, дипломатам и общественным деятелям – имеет смысл предпринять дополнительные меры по улучшению отношений с Японией. Речь идет о том, чтобы продолжать развитие торгово-экономических отношений; продвигать начатые и разрабатывать новые взаимовыгодные бизнес-проекты; стимулировать сотрудничество на уровне регионов; не сворачивать по «идеологическим соображениям», а усиливать культурные и научные обмены; способствовать развитию народной дипломатии, включая туризм и взаимные обмены; помогать обществам дружбы и НКО в России и Японии, занимающимся различными аспектами двусторонних отношений; снижать в России накал антияпонской риторики, которая провоцируется отечественными СМИ по поводу и без повода.

Что касается мирного договора, который для Японии является ключевой политической проблемой в отношении России, то в настоящее время позиции сторон по территориальному вопросу не совпадают, и нет даже намёка на существование какого-либо компромисса. В ситуации, когда Япония продолжает настаивать на «возвращении “северных территорий”», России необходимо выработать более конструктивную позицию по вопросу о заключении мирного договора с решением территориальной проблемы. В настоящее же время Москва предлагает Токио идею абстрактной «ничьи», не имеющую практического смысла.

Считается, что потенциал российско-японских отношений значителен. Однако по факту реализация этого потенциала оставляет желать лучшего. Выстраивание позитивно-прагматических отношений с Японией и должно стать рабочей идеей даже в случае отсутствия мирного договора между Россией и Японией в обозримом будущем.

О. А. Добринская

Статья посвящена анализу роли мягкой силы в формировании и осуществлении внешнеполитического курса Японии в Центральной Азии. Опираясь на элементы культурной близости, Япония выстраивает в регионе привлекательный образ, активно используя ресурсы публичной и культурной дипломатии, а также официальную помощь развитию. Это создает благоприятные условия для продвижения деловых интересов и реализации внешнеполитических инициатив.

Ключевые слова: Япония, Центральная Азия, мягкая сила, культурная дипломатия, ОПР.

В современных международных отношениях «мягкая сила» является неотъемлемой составляющей внешней политики. Умение выстраивать и информационно обеспечивать свой образ повышает эффективность дипломатических усилий государств. Процессы, происходящие в системе международных отношений, приводят к тому, что влияние на умы и сердца людей, работа с общественностью становятся важным элементом в определении влияния государства в мире. Кроме того, рост значения мягкой силы в современном мире связан с тенденцией к диверсификации участников международных отношений, в частности, с усилением активности и влияния неправительственных организаций. В современном мире, где все больше и больше людей получает доступ к информации, наиболее эффективной стратегией является продвижение идей «снизу» путем диалога и дебатов, демонстрации достижений культуры и образа жизни привлекающего международную аудиторию.¹

Понятие «мягкая сила» было введено в научный оборот профессором Гарвардского университета Дж. Наем в 1990 г. По определению американского политолога, оно подразумевает способность достичь поставленной цели путем воздействия на поведение других акторов не через принуждение, а через сотрудничество и убеждение. «Мягкая сила» государства состоит в его привлекательности, которая, прежде всего, основывается на трех видах ресурсов: культуре (насколько она является привлекательной для остальных), политических ценностях (в той мере насколько государство соответствует им), а также на внешней политике (когда она является легитимной и опирается на моральный авторитет).² Несмотря на то, что зачастую понятие «мягкая сила» используется как

¹ Панова Е.П. Сила привлекательности: использование «мягкой власти» в мировой политике, // Вестник МГИМО. 2010. №4. С. 94.

² Nye J. Jr. Soft power: the means to success in world politics. Public Affairs, 2004. P. 11.

синоним понятия «культурная дипломатия», последнее является дополнением, а не полной заменой первого.

Культурная дипломатия тесно связана с понятием международных культурных отношений, однако эти понятия не тождественны. Понятие международных культурных отношений используется для описания попыток наладить контакт между разными культурами через национальные границы. Такие отношения подразумевают два измерения – политика/действия (которые намеренно продвигают культурные отношения) и феноменальное измерение (трансграничные передвижения людей, товаров, денег, информации). Таким образом, культурная дипломатия принадлежит к первой категории этих отношений.³ С точки зрения исследования влияния мягкой силы и культурная дипломатия, и культурные отношения имеют большое значение, поскольку они, целенаправленно или стихийно, способствуют формированию взаимных представлений и симпатий, которые и лежат в основе привлекательности одного государства в глазах общественности другого.

«Мягкую силу» можно назвать традиционным инструментом послевоенной японской дипломатии. В ее основе лежал отказ от применения военной силы как средства решения международных споров, зафиксированный в пацифистской конституции, а также курс на поддержку деятельности ООН.⁴ В русле доктрины Ёсида Япония предпочла сохранять низкую активность в международных делах, сосредоточившись на экономическом развитии. Это повлияло на создание ее нового образа в мире. С одной стороны, этот образ связан с экономическими достижениями Японии. Сегодня она признанный лидер в сфере технологий и инноваций. Кроме того, мировое внимание привлек и успех японской модели ведения бизнеса. С другой стороны, в рамках экономической дипломатии Япония взяла на вооружение реализацию программы Официальной помощи развитию (ОПР), которая до сих пор считается одним из главных инструментов внешней политики Токио. По мнению Ц. Акаха, ОПР является одним из наиболее успешных и наглядных примеров использования Японией инструментария «мягкой силы».⁵ За 60-летний период реализации программы ОПР Япония прочно закрепилась в числе ведущих стран-доноров. Принципы оказания помощи развитию отражают те ценности, приверженность которым Япония представляет в качестве мягкой силы на международной арене. Они включают сохранение окружающей среды, недопустимость использования помощи развитию

³ Aoki-Okabe M., Kawamura Y., Makita T. "Germany in Europe", "Japan and Asia": national commitments to cultural relations within regional frameworks. // Searching for a cultural diplomacy. Ed. by J. Gienow-Hecht and M. Donfried. 2010. P. 213

⁴ Нэй Дж. Нихон-но софутто пава. Соно гэнкай то каносэй. (Мягкая сила Японии. Пределы и возможности) // Гайко форуму. 2004. № 6. С.12.

⁵ Akaha. T. Japan's soft power-hard power balancing act. // The US-Japan alliance. Balancing soft and hard power in East Asia. Routledge, 2010. P. 60.

в военных целях, поддержку усилий по развитию демократических процессов и перехода к рыночной экономике.

Не менее важен потенциал Японии как одного из лидеров в решении глобальных проблем, таких как бедность, старение населения, изменение климата, в обеспечении глобальных общественных благ, включающих стабилизацию финансовых институтов. По мнению ученых, Япония проявляет свою «мягкую силу» в том, что демонстрирует другим странам пример в решении подобных проблем.⁶

Снижение темпов экономического роста и крах «экономики мыльного пузыря» отразились на имидже Японии как передового государства в экономическом плане. Тем не менее, Япония продолжала оставаться популярной за рубежом. Феномен этой популярности американский журналист Дуглас Мак Грей назвал «валовой национальной привлекательностью» (gross national cool).⁷ Ее сущность заключается в росте популярности японской современной поп-культуры. Крушение «экономики мыльного пузыря», а также смещение ценностей в связи с глобализацией способствовали размыванию жестких рамок социальной иерархии, основанной на системе старшинства, и дали дорогу молодежи, позволяя ей свободно раскрыть свои таланты. Кроме того, развитие технологий позволило создать новые формы артистического самовыражения, такие как анимэ и видеоигры.⁸

Подход Японии изначально базировался на экспорте традиционных культурных ценностей. Их продвижение во внешний мир было призвано показать историческую значимость Японии и ее многовековой культуры для мирового наследия. Но оказалось, что в нынешних условиях именно современный культурный слой открывает кратчайший путь к завоеванию популярности Японии в мире, возникновению массового интереса к глубинам японской истории и культуры.⁹ Важность использования потенциала современной культуры как дипломатического ресурса подчеркивал бывший министр иностранных дел Т. Асо. Он отмечал: «Мы живем в эпоху, когда на национальную дипломатию оказывает большое влияние общественное мнение, формируемое обычными людьми. Поэтому мы хотим, чтобы поп-культура, которая весьма эффективна в воздействии на массовую публику, была бы нашим дипломатическим союзником».¹⁰

⁶ Yee-Kuang Heng. Mirror, mirror on the wall, who is the softest of them all? Evaluating Japanese and Chinese strategies in the "soft" power competition era. // *International relations of the Asia-Pacific*. 2010, V. 10, № 2. P. 288.

⁷ MacGray D. Japan's Gross National Cool. // Douglas MacGray's home page. URL: <http://www.douglasmcgray.com/cool-japan.html> (дата обращения 03.11.2015.)

⁸ Kondo S. Wielding soft power: the key stages of transmission and reception. // *Soft power Superpowers*. Ed. by D. L. McConnell. M. E. Sharpe, 2008. P. 199.

⁹ Катасонова Е.Л. Япония и ее инструментарий мягкой силы. // Ассоциация японоведов. URL: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=391&Itemid=1 (дата обращения 03.11.2015.)

¹⁰ A New Look at Cultural Diplomacy: A Call to Japan's Cultural Practitioners Speech by Minister for Foreign Affairs Taro Aso at Digital Hollywood University. 28.04. 2006. // Ministry for For-

В 2007 г. учреждена международная премия манга. Персонаж Дораэмон стал Послом анимэ. Безусловно, использование поп-культуры способствует коммерческому успеху японской продукции за рубежом, однако его вряд ли можно считать серьезным фактором усиления японского влияния на умы иностранцев.

Культурная и публичная дипломатия занимает существенное место во внешней политике нынешнего премьер-министра С. Абэ. свидетельством этому стало принятое в 2015 г. правительством Японии решение значительно увеличить бюджет на нужды публичной дипломатии (около 70 млрд йен по сравнению с 20 млрд йен.), а также финансировать японоведение в университетах и аналитических центрах за рубежом.¹¹ Реализация «дипломатии ценностей», продвижение концепции «активного пацифизма», а также разъяснение японского взгляда на вопросы истории диктуют необходимость уделять пристальное внимание политике «мягкой силы».

Ключевыми инструментами проецирования мягкой силы на аудиторию являются культурная дипломатия и публичная дипломатия. В Японии эти два понятия тесно связаны, в материалах МИД они обозначены как публично-культурная дипломатия (*кохо бунка гайко*). По наблюдению профессора С. Кондо, японцы по характеру склонны представлять свою систему ценностей, являющуюся ресурсом «мягкой силы», скорее, опосредованно, через артистическое самовыражение или творчество, чем напрямую в форме слов и идей.¹² Поэтому культурная дипломатия имеет особое значение для понимания политики «мягкой силы» Японии.

«Мягкая сила» государства связана с его национальной идентичностью, транслирование своего образа за рубеж отражает восприятие внутри страны. После Второй мировой войны страна была вынуждена заново выстраивать свой образ, как внутренний, так и внешний, что и сформировало новую идентичность, которая предопределила контуры «мягкой силы» Японии. По мнению бывшего директора Японского фонда К. Огура, в отличие от других государств, которым удавалось поддерживать более или менее устойчивый международный имидж, Япония в течение нескольких десятилетий претерпела стремительную трансформацию общества и, как результат, своего места в мире. Публичная дипломатия была тесно связана с ее культурной дипломатией, потому что имидж страны на международной арене был неотделим от культурной и национальной идентичности самой Японии¹³.

eign Affairs of Japan. URL: <http://www.mofa.go.jp/announce/fm/aso/speech0604-2.html> (дата обращения 03.11.2015).

¹¹ 12.03. 2015 // Reuters. URL: www.reuters.com. (дата обращения 10.11. 2015)

¹² Kondo S. Op.cit. P. 194.

¹³ Ogoura K. From Ikebana to Manga And Beyond: Japan's Cultural and Public Diplomacy Is Evolving. // Global Asia. 2012. V.7. No.3.

Ключевые направления публично-культурной дипломатии включают распространение информации о Японии, ознакомление с традиционной и современной культурой, меры по популяризации японского языка, организацию людских обменов, а также сотрудничество с международными организациями в области культуры.¹⁴

Основным институтом, отвечающим за осуществление культурно-публичной дипломатии, является министерство иностранных дел. При МИД Японии в 1972 г. был учрежден Японский фонд, структура, которая призвана координировать мероприятия по осуществлению культурного обмена. В фонд 2003 г. он был реорганизован, получив статус самостоятельного административного юридического лица. Сегодня Японский фонд имеет 22 отделения в 21 стране мира¹⁵. В его компетенцию входят программы культурных обменов, стажировок, организация мероприятий по знакомству с японской культурой и распространению японского языка. В самом МИДе в 2004 г. был образован Департамент публичной дипломатии в рамках Секретариата министра.

Традиционно основные ресурсы японской «мягкой силы» направлены на США и страны Восточной Азии. С одной стороны, Япония принимает огромные усилия для формирования благоприятного имиджа в таких странах, как Китай и Южная Корея. С другой стороны, она конкурирует с ними в завоевании симпатий населения по всему миру. «Мягкая сила» играет немалую роль и в осуществлении внешнеполитической стратегии Токио в отношении пяти республик Центральной Азии. Несмотря на то, что этот регион не является приоритетным с точки зрения японских национальных интересов, он находится в сфере пристального внимания Токио, и на него направлены значительные финансовые ресурсы. В этом регионе Япония стремится расширить свое культурное присутствие, создать условия для благоприятного проведения внешнеполитического курса и ведения бизнеса.

Особенности политики «мягкой силы» в Центральной Азии

После распада СССР и образования на постсоветском пространстве новых государств Япония достаточно быстро обратила внимание на страны Центральной Азии. Уже в октябре 1992 г. на Токийской конференции, посвященной вопросам оказания помощи бывшему СССР, японский представитель заявил, что «как азиатское государство мы хотели бы оказывать большую поддержку бывшим советским государствам Азии»¹⁶. Таким образом, на начальном этапе Япония начала подчеркивать свою азиатскую общность с народами Центральной Азии, что легло в основу ее подхода к республикам региона. Необходимость строить

¹⁴ Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/culture/index.html> (дата обращения 03.11.2015)

¹⁵ The Japan Foundation. URL: www.jpf.go.jp (дата обращения 03.11.2015)

¹⁶ Japan Times. 29.10.1992.

отношения с молодыми республиками Центральной Азии объяснялась их геополитическим значением, близостью к России, Китаю и Ближнему Востоку. Японию привлекали и природные ресурсы, однако, по словам самих японцев, они не имели решающего значения в формировании политики в регионе. Экономическая выгода скорее рассматривалась в долгосрочной перспективе. По свидетельству первого директора отдела новых независимых государств и России Т. Хиросэ, для Японии было важнее строительство долгосрочных дружеских отношений, основанных на взаимном доверии, чем приобретение энергоресурсов.¹⁷

В то же время экономическую составляющую продвижения Японии в регион не стоит недооценивать. Сегодня она играет важное значение, являясь сильной мотивацией для поддержания благоприятного отношения к Японии в регионе. Токио заинтересован в импорте урана и редкоземельных металлов, японские предприятия занимаются разработкой нефтяных, газовых, урановых месторождений, присутствуют в таких сферах промышленности, как переработка нефти и газа, химическая промышленность, в строительной промышленности, машиностроении, легкой промышленности.

Существует и мнение, объясняющее стремление наладить связи с регионом с целью избежать международной изоляции Японии. По наблюдению японского ученого Т. Уяма, в высказываниях официальных лиц сквозит мысль о том, что дружба с отдельными азиатскими странами могла бы компенсировать одиночество Японии среди развитых стран Запада, а также ее щекотливое положение в Восточной Азии, где соседи нередко осуждают ее колониально-милитаристское прошлое.¹⁸ Токио заинтересован в политической поддержке со стороны стран региона на глобальном уровне, например, в поддержке кандидатуры Японии в постоянные члены СБ ООН, инициатив в сфере борьбы с изменением климата, в сфере «безопасности человека» и т. д. Укрепление позиций в Азии, а также повышение международного влияния безусловно играли и играют определенную роль в формировании внешнеполитического курса Японии в Центральной Азии. Завоевание симпатий жителей государств Центральной Азии планировалось на основе ресурсов «мягкой силы», демонстрирующей привлекательность Японии и направленной на создание благоприятного отношения к ней на долгосрочную перспективу.

В чем состоят особенности внешней политики Японии в Центральной Азии с точки зрения «мягкой силы»? Во-первых, это сравнительно не-

¹⁷ Hirose T. Japan's diplomacy in Central Asia: the perspective of a working-level policymaker // Japan's silk road diplomacy: paving the road ahead. 2008. P. 183.

¹⁸ Уяма. Т. Политика Японии в отношении Казахстана. Есть ли стратегия? // Стратегические перспективы: ведущие державы, Казахстан и центральноазиатский узел. / Под ред. Р. Легволда. Кембридж, 2003. С. 212.

долгая история развития дипломатических связей. С момента установления отношений с центральноазиатскими республиками в начале 1990-х гг. Япония поставила целью закрепить в регионе и завоевать симпатии как руководства, так и населения этих стран, что потребовало от нее интенсивных усилий. Во-вторых, Япония изначально подчеркивала общую азиатскую идентичность с этими странами. Культурная и расовая схожесть и, как результат, особая близость стали неотъемлемой частью официальной риторики. В-третьих, в отличие от Восточной Азии, в этом регионе репутация Японии не отягощена негативным багажом истории. Некоторые ученые даже делают акцент на «теплых воспоминаниях стран региона, связанных с победой Японии над Россией в 1905 гг.»¹⁹ Все это позволяет говорить о том, что в Центральной Азии изначально сложились благоприятные условия для реализации Японией своих внешнеполитических инициатив.

Публично-культурная дипломатия играет ключевую роль не только как способ создания благоприятного имиджа Японии в Центральной Азии. Она имеет большое значение и с точки зрения обоснования важности центральноазиатского вектора внешней политики в глазах японской общественности. Япония географически удалена от региона, не имеет прочных исторических связей с этими странами, ее экономические интересы также не являются жизненно важными. Тем не менее, Токио направляет внушительные суммы на содействие странам региона и постепенно наращивает свое экономическое и политическое присутствие в этой точке земного шара. По состоянию на 2014 г. Япония выделила пяти республикам Центральной Азии 3.6 млрд.долл.²⁰ По словам бывшего посла А. Кавато, хотя экономическая помощь Японии Кыргызстану, Таджикистану и Узбекистану играет существенную роль, ее вовлечение в дела Центральной Азии не встречает понимания и поддержки в японском обществе²¹. Ученый из Казахстана М. Нургалиев говорит о недостатке информации о Японии в регионе, что порождает взаимное непонимание и отрицательно сказывается как на развитии двусторонних связей, так и на инициативах Японии по многостороннему сотрудничеству в регионе.²²

Японским интересам отвечает широкое освещение в СМИ проектов помощи населению, что повышает эффективность направляющихся в регион средств японских налогоплательщиков. Актуальной остается задача популяризации региона среди японцев, изучение культурных и

¹⁹ Togo K. Japan's foreign policy 1945–2009. The quest for a proactive policy. Leiden. Boston. 2010. P. 222.

²⁰ Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: www.mofa.go.jp (дата обращения 03.11.2015)

²¹ Kawato A. What is Japan up to in Central Asia? // Japan's Silk Road diplomacy: paving the road ahead. 2008. P. 26.

²² Нургалиев М. Перспективы Японии в Шанхайской организации сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 1. С.113.

исторических взаимосвязей, а также повышение привлекательности Центральной Азии как туристического маршрута.

Знакомство японцев с Центральной Азией началось давно. Первым японцем, побывавшим в регионе, считают японского дипломата Ниси Токудзиро. Проработав в консульстве в Санкт-Петербурге, он в 1880 г. совершил путешествие по российскому Туркестану, а в 1886 г. опубликовал книгу «Описание Центральной Азии», которая стала первым трудом, посвященным этому региону. На рубеже 19–20 веков Центральная Азия привлекала внимание не только как поле, на котором разворачивалась Большая игра между Россией и Великобританией, но и как источник неизведанных культурных богатств. В период между 1902 г. и 1914 г. в регионе побывали три миссии, которые организовал граф Отани Кодзуи (1876–1948). В первой экспедиции он участвовал сам, однако после смерти отца в 1903 г. он вынужден был остаться в Японии, став 22-м настоятелем монастыря Ниси Хонгандзи в Киото, а две другие миссии он смог только финансировать. Экспедиции Отани внесли значимый вклад в дело изучения культурно-религиозного наследия Великого шелкового пути и способствовали укреплению положения буддизма в самой Японии. Кроме того, Япония обозначила себя как одного из заинтересованных участников изучения региона. Сегодня коллекция Отани, насчитывающая сотни древних манускриптов, рисунков, скульптур, тканей, разделена между музеями в Киото и Токио, часть ее находится в Китае и Корее.

Обнаружение в советские времена буддийских руин Аджинатепы (на юге Таджикистана, 1960-е гг.), Каратепа (вблизи г. Термез в Узбекистане), Дальверзинтепы (на юге Узбекистана) способствовало росту интереса к региону, который достиг пика после трансляции телекомпанией Эн-Эйч-Кей многосерийного документального кинофильма «Великий шелковый путь» в 1980-х гг. Уже в конце 1980-начале 1990-х японские исследователи начали участвовать в совместных археологических экспедициях в регионе.²³

Так, тематика взаимопроникновения древних культур активно изучается в Японии и Узбекистане, ученые разрабатывают теорию о взаимовлиянии и синтезе древних цивилизаций и религий двух стран. В храме Хорюдзи были найдены два фрагмента сандалового дерева, датированные 761 г. н. э., на которых сохранились согдийская и пехлевийская надписи.²⁴ Это указывает на участие согдийцев в морской торговле на Дальнем Востоке и свидетельствует о существовании контактов между Японией и Узбекистаном уже в древности. Налажено тесное взаимодействие между японским городом Нара и городом Термез в Узбекистане, который,

²³ Накаяма К. Узбекисутан-но сакура. (Сакура Узбекистана). Токио, 2005. С. 134.

²⁴ Ртвеладзе Э. Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии. Ташкент, 2005. С. 243.

согласно археологическим находкам, в I–IV века (в эпоху Кушанского царства) был центром буддизма в Центральной Азии.²⁵ В 2008 г. в г. Нара была организована выставка «Великий шелковый путь: непрерывная нить», в 2010 г. в рамках мероприятий, посвященных 1300-летию основания древней столицы Японии, проведен крупный симпозиум «Древние цивилизации и религии Узбекистана: в поисках истоков культуры Японии». Благодаря усилиям японского художника И. Хираяма и его узбекских коллег в Ташкенте открыт Международный караван-сарай культуры, выставочный и просветительский центр, направленный на популяризацию наследия стран Великого шелкового пути.

Еще одним звеном, связавшим Японию и Центральную Азию, стали послевоенные годы. После капитуляции Японии в Центральную Азию были отправлены японские военнопленные – почти 60 тыс. находилось в Казахстане, около 25 тыс. – в Узбекистане, а также в остальных странах региона. Японцы были задействованы почти на всех крупных стройках того времени. Сохранилось немало объектов, возведенных их руками. Среди них Центральный телеграф и Министерство культуры в Ташкенте, Академия наук, завод им. Кирова в Алма-Ате, Дворец культуры нефтяников в Туркменбаши, Фархадская ГЭС.²⁶ В 1946 г. было принято постановление Совмина «О репатриации из СССР японских военнопленных и интернированных гражданских лиц», и большинство из них смогли вернуться на родину. Удивительно, но многие побывавшие в плену японцы сохранили теплое отношение к местам, где они проживали в Советском Союзе, некоторые даже впоследствии связали свою деятельность с СССР. Например, крупный ученый-исследователь Центральной Азии Като Кюдзо – бывший военнопленный, прошедший сибирские лагеря. Помнящие первые послевоенные годы местные жители также с симпатией отзывались о японцах, находившихся в Центральной Азии.

В 1990-е годы японская сторона обратилась с просьбой предоставить данные о захороненных в регионе соотечественниках, после чего началась работа по установлению мест захоронений. В 1994 г. во время визита в Японию Н. Назарбаев передал «Книгу памяти», в которую вошли имена похороненных в Казахстане военнопленных. Прах почти 400 японцев был перевезен из Казахстана в Японию²⁷. В Узбекистане захоронено более 800 японских граждан. В Ташкенте существует японское кладбище, рядом с ним открыт музей, посвященный пребыванию на тер-

²⁵ Ученые Узбекистана и Японии обсудили вопросы сохранения древних буддийских памятников. // Информационное агентство Regnum. URL: <http://www.regnum.ru/news/russia/1256127.html> (дата обращения 04.11.2015.)

²⁶ Тутов А. Японские военнопленные в Узбекистане. // Награды и нагрудные знаки современного казачества. URL: http://cossac-awards.narod.ru/Zametki/Zametka71_Tutov_Yapan_War.html (дата обращения 04.11.2015)

²⁷ Дела давно минувших дней. // Медиа-портал gazeta.kz. URL: <http://articles.gazeta.kz/articles/dela-davno-minuvshikh-dnejj%E2%80%A6articleID55244.html> (дата обращения 04.11.2015)

ритории Узбекистана японских солдат. В селе Тамга Иссык-Кульской области в Кыргызстане открыт мемориал, посвященный японским военнопленным. Япония с благодарностью отмечает отношение к памяти своих граждан. На здании построенного японцами театра имени А. Навои по инициативе И. Каримова был изменен текст мемориальной доски, убран термин «военнопленные». В знак благодарности японское правительство предоставило аудио-видео и осветительное оборудование театру.²⁸ За бережный уход за кладбищами японских военнопленных узбекский чиновник Х. Расулов в 2008 г. был награжден Орденом восходящего солнца, золотых и серебряных лучей.²⁹

Таким образом, между Японией и Центральной Азией давно существовали элементы исторической общности. Это позволяло найти отправную точку формирования внешнеполитического курса в отношении стран региона и использовать общие страницы истории как элементы политики «мягкой силы».

Именно культурно-историческое значение Центральной Азии как пути, по которому буддизм пришел в Японию, легло в основу первых дипломатических инициатив.³⁰ По словам Т. Хиросэ, первоначально Токио подчеркивал «микроскопический характер» региона и его значение для человечества. Позже акцент был перенесен на исторические и культурные связи с Японией, что стало мотивом развития дипломатии Шелкового пути после 1997 г.³¹ Неслучайно выступая с речью, провозгласившей начало Евразийской дипломатии, бывший премьер-министр Р. Хасимото особенно подчеркивал «глубоко коренящуюся в Японии ностальгию по отношению к региону, идущую от славных времен Шелкового пути».³²

Помимо культурной близости подчеркивалось даже внешнее сходство японцев и жителей Центральной Азии. Так, например, во время визита в Центральную Азию японский министр иностранных дел М. Ватанабэ даже не мог отличить местное население от японцев.³³ Культурное и расовое притяжение было важным способом привлечения посетителей из Японии и формирования близких личных отношений с политическим руководством большинства стран Центральной Азии.³⁴

²⁸ Hirose T. Op. cit. P. 185.

²⁹ Узбекский чиновник Х. Расулов награжден Орденом восходящего солнца. // Посольство Японии в Узбекистане: URL: <http://www.uz.emb-japan.go.jp/relations/political/orderceremony.html> (дата обращения 30.05.2014.)

³⁰ Togo K. Op. cit. P. 222.

³¹ Hirose T. Op. cit. P. 180.

³² Address by Prime Minister Ryutaro Hashimoto to the Japan Association of Corporate Executives. 24.07. 1997 // Prime Minister of Japan and His Cabinet. URL: <http://www.kantei.go.jp/foreign/0731douyukai.html> (дата обращения 04.11.2015)

³³ Len Ch.. Japan's Central Asian Diplomacy: motivations, implications and prospects for the region // The China and Eurasia forum quarterly. 2005. V. 3. No.3. P. 132.

³⁴ Drifte R. Japan's Eurasian diplomacy: hard-nosed power politics. Resource diplomacy, or romanticism? // Can Japan globalize? Studies on Japan's changing political economy and the process of globalization in honour of Sung-Jo Park. Springer/Physica Verlag. P. 263.

Культурная составляющая стала не только фактором, способствующим налаживанию связей с молодыми республиками, но и естественным образом вписалась в глобальные приоритеты японской внешней политики. Сохранение исторического наследия Центральной Азии, исходя из ее значения для развития мировой цивилизации, стали важной задачей Японии, стремящейся играть видную роль в международном культурном сотрудничестве. Более того, некоторые усматривали в этом моральное обязательство по отношению к региону: поскольку Япония многое приобрела благодаря Великому шелковому пути, сегодня, достигнув высокого уровня развития и благосостояния, она должна «вернуть долг» Центральной Азии.³⁵

Имидж Японии в Центральной Азии

Опираясь на культурную и расовую близость, отсутствие негативного исторического опыта, Япония формирует свой имидж в Центральной Азии. Его можно определить следующим образом.

Прежде всего, это имидж дружелюбного государства, не преследующего корыстных целей в отношении Центральной Азии. По словам бывшего министра иностранных дел Й. Кавагути, Япония является естественным партнером Центральной Азии, поскольку это страна, не использующая военную силу, страна, у которой отсутствуют политические, территориальные и другие потенциальные источники конфликтов со странами Центральной Азии.³⁶

Япония подчеркивает, что она нейтральный игрок в регионе. У нее нет необходимости участвовать в «новой Большой игре», что расценивается как преимущество. По мнению экспертов, государства Центральной Азии, возможно, будут охотнее прислушиваться к тому, что говорит Япония, учитывая отсутствие у нее политических амбиций.³⁷ Более того, Токио противопоставляет себя каким либо геополитическим играм в регионе. Выступая с речью «Центральная Азия как коридор мира и стабильности», бывший министр иностранных дел Т. Асо подчеркивал: «Мы не можем позволить, чтобы страны Центральной Азии переходили из рук в руки».³⁸ В свою очередь Япония готова прилагать усилия для содействия независимому развитию этих стран и внутрирегиональному взаимодействию как условию такого развития. Эти усилия и лежат в

³⁵ Хираяма И. Вага э-но мити, уммэй-но мити. (Дороги моих картин, дороги судьбы) // Гайко форуму. 1998. №12. С.13.

³⁶ Policy Speech by Ms. Yoriko Kawaguchi, Minister of Foreign Affairs of Japan at the University of World Economy and Diplomacy, Tashkent, Uzbekistan 26.07. 2004 // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/europe/uzbekistan/speech0408.html> (дата обращения 04.11.2015.)

³⁷ Hirose T. Op. cit. P. 195.

³⁸ Central Asia as a Corridor of Peace and Stability. Speech by Mr. Taro Aso, Minister for Foreign Affairs at the Japan National Press Club. 01.06. 2006. // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/europe/speech0606.html> (дата обращения 04.11.2015).

основе инициатив в рамках учрежденного в 2004 г. диалога «Центральная Азия плюс Япония».

Привлекательный имидж Японии основан на послевоенной модели развития. Бывший министр иностранных дел Т. Асо резюмировал ее сущность как «мир и счастье через экономическое процветание и демократию».³⁹ По словам Т. Асо, Япония может служить для стран Центральной Азии примером того, как экономическое развитие привело к укреплению демократии.

Экономика является ключевой составляющей этой модели. Для государств Центральной Азии, находившихся в 1990-е гг. перед выбором пути экономического развития и имевших традиции плановой экономики социалистического типа, японский вариант, предусматривающий доминирующую роль государства в экономике, безусловно, представляет интерес. В свою очередь Токио неоднократно подчеркивал преимущества плавного перехода к рыночной экономике, противопоставляя «японско-восточноазиатскую модель» «англо-саксонской». Из Японии были направлены эксперты, организованы курсы в сфере экономики и бизнес-управления, с тем, чтобы передать японский опыт.⁴⁰ Япония добилась принятия беспрецедентного решения о том, чтобы государства Центральной Азии, вступившие в Европейский Банк Реконструкции и Развития, стали также членами Азиатского Банка Развития, в котором Токио обладает большим влиянием.

Второй составляющей послевоенной модели развития является демократизация. Японский подход к процессу демократизации имеет свои особенности, отличаясь от западного. Во-первых, Япония выступает за «демократию через развитие», считая, что подъем экономического благосостояния повлечет за собой улучшение ситуации с демократией и правами человека. Отчасти это связывают с тем, что и в самой Японии демократия была привнесена извне в процессе послевоенного реформирования политической системы. Во-вторых, в вопросе демократизации в Центральной Азии Токио проявляет гораздо больше гибкости, готовности учитывать специфику местных режимов. Например, по словам Й. Кавагути, «обеспечение прав человека и демократия могут быть реализованы в рамках культурного и исторического контекста каждой своего опыта и знаний»⁴¹. Таким образом, продвигая идеи отдельной страны, и в этой области Япония может внести вклад с помощью демократии в Центральной Азии, Япония выступает носителем западных ценностей с

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Hirose T. Op. cit. P. 183.

⁴¹ Policy Speech by Ms. Yoriko Kawaguchi, Minister of Foreign Affairs of Japan at the University of World Economy and Diplomacy, Tashkent, Uzbekistan 26.07. 2004 // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/europe/uzbekistan/speech0408.html> (дата обращения 04.11.2015.)

восточной спецификой, что гораздо более импонирует местным режимам, чем более жесткий подход Европы и США.

Одним из аспектов привлекательности японской модели развития является лидерство в сфере инноваций. И в Японии, и в странах региона неоднократно подчеркивали, что японские технологии и природные ресурсы Центральной Азии дополняют друг друга. Лидеры государств Центральной Азии проявляют интерес к японским инновациям, а население этих стран считает Японию желательным партнером с точки зрения научно-технического сотрудничества (например, так ответили 47% респондентов в Казахстане и 45% в Узбекистане)⁴². С практической точки зрения имидж технологически развитой державы повышает конкурентоспособность Японии в регионе, способствует налаживанию сотрудничества в промышленной сфере (например, в добыче урана, редкоземельных металлов в Казахстане и Узбекистане, в нефтегазовой и химической промышленности Туркменистана).

Помимо передачи своего опыта социально-экономического развития Япония направляет значительные ресурсы на решение проблем, относящихся к сфере безопасности человека. Они включают в себя борьбу с бедностью, предотвращение стихийных бедствий, улучшение уровня медицинского обслуживания и здравоохранения и т. д. Большое внимание Токио уделяет проектам в сфере образования, помощи в развитии сельского хозяйства и др. Благодаря этим усилиям в Центральной Азии прочно закрепился имидж Токио как провайдера невоенной безопасности. Этот имидж важен для Японии на глобальном уровне, поскольку связан с ее вкладом в международную безопасность как члена ООН и Группы семи. Он также является неотъемлемой частью ее региональной политики, поскольку способствует росту популярности японских проектов сотрудничества среди местного населения.

В частности, Япония позиционирует себя как государство, придающее особое значение вопросам окружающей среды. Токио участвует в проектах по спасению Аральского моря, а также по устранению радиоактивного загрязнения в районе Семипалатинска, проводя параллели между экологическими проблемами Аральского моря и озера Бива в Японии, между Семипалатинским регионом и Хиросимой⁴³. Опираясь на свой опыт единственной страны, испытавшей атомные бомбардировки, Япония взяла на себя инициативу по проведению международной конференции по Семипалатинску в 1999 г. и предоставила медицинскую

⁴² Интеграционный барометр ЕАБР-2013 (вторая волна измерений). / Под ред. В.С. Перебоева. – СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2013. С.56. URL: http://eabr.org/r/research/centre/projectsCII/integration_barometer/index.php?id_16=32342 (дата обращения 04.11.2015).

⁴³ Policy Speech by Ms. Yoriko Kawaguchi, Minister of Foreign Affairs of Japan at the University of World Economy and Diplomacy, Tashkent, Uzbekistan 26.07. 2004 // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/europe/uzbekistan/speech0408.html> (дата обращения 04.11.2015.)

помощь его жителям. Опыт в преодолении экологических проблем, возникших в период экономического бума 1960-х и 1970-х гг., также занесен в актив того, что Япония может предложить региону. Международная деятельность в сфере борьбы с изменением климата, развитие «зеленые технологии», налаженное безотходное производство – все это не только отражает опыт Японии, но и основывается на традиционном японском понятии бережливости (*моттайнай*). В свою очередь Токио стремится заручиться поддержкой стран Центральной Азии своих международных инициатив в сфере борьбы с изменением климата. В последнее время в повестке дня присутствуют технологии энергосбережения и использование возобновляемых источников энергии, что вызывает интерес в Центральной Азии.

Инструментарий «мягкой силы»

Основными инструментами проецирования «мягкой силы» Японии в Центральной Азии являются Официальная помощь развития, а также культурная и публичная дипломатия.

ОПР изначально являлась основой японского проникновения в регион. Еще в начале 1990-х гг. Япония заявила, что «как азиатская страна будет оказывать значительную помощь бывшим советским государствам Азии».⁴⁴ Это позволило ей выполнить обязательства как члена Группы семи по оказанию помощи бывшему Советскому Союзу и одновременно подчеркнуть азиатскую общность со странами региона. По инициативе Токио государства Центральной Азии были включены в список развивающихся стран Комитета официальной помощи развитию, что открыло дорогу для официального выделения ОПР. Япония долгое время оставалась одним из ведущих доноров помощи в регионе, при этом подчеркивая, что помощь носит бескорыстный характер, что Токио не стремится получить доступ к природным богатствам региона и настроен, прежде всего, на формирование долгосрочных дружеских связей со странами Центральной Азии.

На средства, поступающие по линии ОПР, Япония кредитует проекты по созданию необходимой инфраструктуры, а также финансирует большое количество проектов в сфере «безопасности человека», таких как помощь в восстановлении сельского хозяйства, медицина и здравоохранение, образование. Кроме того, значительные средства идут на организацию программ стажировок.

В рамках ОПР Япония предоставляет безвозмездную помощь, направленную на развитие деятельности в сфере культуры и высшего образования, а также на сохранение культурного развития в развивающихся странах. Помощь осуществляется по двум схемам: культурные гранты (для государственных учреждений) и культурные проекты «корни травы»

⁴⁴ The Japan times. 29.10. 1992.

(для неправительственных организаций). Япония изначально выделяла значительные средства на культурное содействие, гранты на поставку оборудования для музеев, университетов и т. п. Культурное содействие, с одной стороны, направлено на сохранение местных ценностей, с другой стороны, оно является частью усилий по популяризации Японии. Например, безвозмездная помощь включает предоставление оборудования для учреждений, где изучается японский язык.

Содействие в культурной сфере Токио осуществляет не только на двусторонней основе, но и по международным каналам. При помощи Японии было восстановлено производство керамики в Узбекистане «Голубая керамика Самарканда». При финансовой поддержке со стороны Японии ЮНЕСКО в 2003 г. провозгласила нематериальным культурным наследием искусство акынов и шашмаков (Кыргызстан). На средства, предоставленные Японским целевым фондом, осуществлялся в 2005–2008 гг. проект по реконструкции буддийского монастыря 7–8 веков Аджинатепы на территории Таджикистана.⁴⁵

Помимо финансового содействия Япония регулярно проводит различные культурные мероприятия, которые, безусловно, играют существенную роль в сближении Японии и государств Центральной Азии, улучшении взаимопонимания, поддержании эмоциональной близости. По словам японского дипломата, культурные обмены и сотрудничество не только позволяют другим людям понять Японию и японцев и улучшить имидж страны. Они также являются способом содействия усилиям других стран, сталкивающихся с теми же трудностями, с которыми сталкивалась Япония в процессе достижения экономического развития⁴⁶. Речь идет как об огромном пласте традиционной культуры, так и об активном продвижении современной молодежной культуры. В Центральной Азии регулярно проводятся мероприятия, посвященные Японии, причем не только в столицах, но и в других городах и селах. Особо популярны демонстрация японской кухни (которая недавно вошла в список культурного наследия ЮНЕСКО), показ японских кинофильмов, чайная церемония, боевые искусства. В школах проводятся уроки японской культуры (например, такая практика распространена в Туркменистане).

Особое внимание японское правительство уделяет образовательным инициативам, направленным как на молодежь, так и на специалистов. В Центральной Азии популярны программы правительства Японии, а также Японского фонда. Действуют англоязычные курсы для студентов, стажеров-исследователей, стажировки для преподавателей, программа «молодые лидеры», предназначенная для государственных служащих, работников в сфере здравоохранения, промышленных кругов, юрис-

⁴⁵ Юнеско в Центральной Азии на заре третьего тысячелетия. Париж: Сектор внешних связей и сотрудничества ЮНЕСКО, 2008. С. 39–42. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0016/001630/163055R.pdf>. (дата обращения 04.11.2015).

⁴⁶ Akaha T. Op. cit. P. 62.

пруденции и т. д., подающих надежды в качестве будущих лидеров азиатских стран, обучение в магистратуре в японских вузах.⁴⁷ Развиваются межуниверситетские связи. Японские университеты Хосэй, Васэда, Цукуба и другие реализуют программы студенческих обменов с ведущими учебными заведениями региона. В университете Цукуба с сентября 2006 г. действует Международный центр Средней Азии, где занимаются совместными исследованиями и разработками в области преподавания. Образовательные программы нацелены на то, чтобы повысить привлекательность японских учебных заведений и одновременно вовлечь молодежь из разных стран в обмены. Токио работает с молодежью из центральноазиатских стран, формирует новое поколение политической и деловой элиты, знакомое со Страной восходящего солнца, готовое и желающее с ней сотрудничать.

Запуск диалога «Центральная Азия плюс Япония» в 2004 г. способствовал формированию единого подхода к культурному взаимодействию со странами региона. Во-первых, культурные и гуманитарные обмены выделены в самостоятельное направление, что привлекает к ним больше внимания в повестке дня отношений. Во-вторых, начало интеллектуального диалога в рамках инициативы «Центральная Азия плюс Япония» можно рассматривать как одно из проявлений политики «мягкой силы». С помощью этого диалога Япония вовлекает в работу экспертов, лиц, имеющих влияние на формирование общественного мнения. Таким образом, сочетая работу с молодежью и диалог с представителями элиты, Токио укрепляет свой имидж в регионе.

Важным элементом этой работы являются меры по популяризации японского языка. Преподавание японского языка в университетах Центральной Азии имеет сравнительно недолгую историю. Впервые курс японского языка был набран в 1990 г. на восточном факультете Ташкентского государственного университета. В 1991 г. преподавание японского языка началось в Кыргызстане, а в 1992 г. – в Казахстане. В трех государствах Центральной Азии – Казахстане, Узбекистане и Кыргызстане проводятся экзамены по японскому языку (*норёку сикэн*). С 1997 г. в этих странах ежегодно проводится конкурс японского языка среди студентов из Центральной Азии. В Таджикистане и Туркменистане знакомство с японским языком началось сравнительно недавно (преподавание началось соответственно в 2002 г. и в 2007 г.).

Значительный импульс распространению языка придало открытие Центров развития человеческих ресурсов. Если ранее японский язык изучали в основном в государственных учреждениях, то с открытием центров язык стал доступен всем желающим. Центры оказывают поддержку преподавателям языка и учебным заведениям – проводят курсы

⁴⁷ Посольство Японии в Узбекистане. URL: <http://www.uz.emb-japan.go.jp/culture-education/> (дата обращения 04.11.2015)

для преподавателей, предоставляют учебные материалы. В них проходят конкурсы, тематические встречи, лекции, а также проводятся экзамены для стажировок в Японии. С помощью комплекса мероприятий, связанных с японским языком, а также благодаря поддержке ассоциаций преподавателей японского языка и других подобных объединений формируется и поддерживается сеть общения, определенное сообщество, связанное интересом к Японии и японскому языку.

За первые годы преподавания японского языка в странах Центральной Азии его популярность устойчиво росла, однако сегодня наблюдается тенденция к уменьшению числа студентов и учебных заведений, где изучается язык. Так, по данным на 2009 г. преподавание японского языка в Центральной Азии составляло всего лишь около 0,3% от общего числа от всех учебных заведений в мире, где преподается этот язык. По этому показателю Центральная Азия находится на предпоследнем месте, опережая только Северную Африку. На 2009 г. студенты японского языка в Центральной Азии составляли 0,1% изучающих японский язык в мире.⁴⁸

Результаты опроса населения показывают, что уровень популярности японского языка сегодня довольно низкий. Большинство респондентов ответило, что не заинтересованы в изучении японского языка⁴⁹. Причины сокращения количества изучающих язык могут быть различными. Япония географически удалена от региона, количество проживающих в Центральной Азии японцев небольшое, что снижает реальные возможности частого использования японского языка. Японский бизнес представлен в регионе скромно по сравнению с китайским. Кроме того, компании не всегда охотно берут на работу местных сотрудников, владеющих японским языком. Поток туристов из Японии в Центральную Азию невелик. Возможностей найти престижную работу в Японии у выпускников вузов из Центральной Азии мало. Что касается преподавательской или научной карьеры, то условия трудоустройства и оплаты труда устраивают не всех. Таким образом, выпускники, владеющие японским языком, не всегда могут найти работу с использованием японского языка, которая оправдывала бы их ожидания и затраченные усилия. По мнению экспертов, в будущем изучение японского языка, скорее всего, будет тяготеть к двум полюсам – это образование для немногочисленного слоя элиты страны, и изучение японского языка как хобби⁵⁰.

⁴⁸ Survey report on Japanese-Language Education Abroad 2009. 29.07. 2010. // The Japan Foundation. URL: <http://www.jpff.go.jp/e/japanese/survey/result/survey09.html> (дата обращения 04.11.2015/)

⁴⁹ Opinion poll: image of Japan in the Central Asia region. April, 2015. // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <http://www.mofa.go.jp/files/000076299.pdf> (дата обращения 04.11.2015)

⁵⁰ Сугиура Т. Казафусутан-ни окэру нихонго кёйку-но гэндзё то кадай. (Современное состояние и задачи преподавания японского языка в Казахстане). // Центр стажировок университета Цукуба. Сборник трудов, посвященных преподаванию японского языка, 2007. С. 126.

Ресурсные центры «мягкой силы»

Осуществление политики «мягкой силы» в основном происходит через посольства, а также совместные центры развития человеческих ресурсов, учрежденные соглашениями между правительствами центральноазиатских стран и Японским агентством международного сотрудничества (ЯАМС), также известные как Японские центры. Почти во всех государствах Центральной Азии открыты представительства ЯАМС.

Первые посольства Японии в Центральной Азии открылись в Узбекистане и в Казахстане в январе 1993 г. (помимо посольства в Астане до 2014 г. действовало отделение в Алма-Ате). В Таджикистане посольство открылось в январе 2002 г., в Кыргызстане – в январе 2003 г., в Туркменистане только в январе 2005 г. Посольства участвуют в информационно-просветительской работе, а также в осуществлении учебных и культурных программ Японского фонда. В последние годы значительно улучшилось содержание интернет-сайтов японских посольств в регионе. Помимо свежих новостей на них неизменно присутствуют материалы, разъясняющие позицию по актуальным проблемам. Так, например, можно найти материалы по вопросу принадлежности островов Сэнкаку (Дяоюйдао), островов Такэсима (Токто). В последние годы немало внимания уделяется обсуждению и освещению восстановления района Тохоку после землетрясения и аварии на АЭС Фукусима в марте 2011 г. Донесение своей позиции до широкой публики также играет роль в формировании общественного мнения по важным для Токио вопросам. Не менее важно взаимодействие дипломатов с общественностью в форме интервью, статей, публичных лекций.

В Центральной Азии действует четыре совместных Центра развития человеческих ресурсов (которые также часто называют Японскими центрами). Впервые Японский центр был открыт в мае 1995 г. в Бишкеке в рамках осуществления технического сотрудничества в период перехода к рыночной экономике. Позже он был реорганизован в Кыргызско-Японский Центр развития человеческих ресурсов, который начал работу в апреле 2003 г.⁵¹ Узбекистано-Японский Центр развития человеческих ресурсов был открыт в ноябре 2001 г. Центр весьма популярен среди жителей Узбекистана, к сентябрю 2012 г. его посетило 600 тыс. человек⁵². В марте 2007 г. филиал Центра был открыт в Бухаре. С сентября 2012 г. Центр начал сотрудничество с Японским фондом в сферах обучения японскому языку и проведения культурных мероприятий. В августе 2002 г. подобный Центр существует в Казахстане, действуют два отделения – в г. Алма-Ата и в г. Астана. В Туркменистане и Таджикистане совместные центры отсутствуют.

⁵¹ Кыргызско-Японский центр человеческого развития. URL: www.krjc.kg (дата обращения 04.11.2015)

⁵² Там же.

Основные мероприятия Японских центров включают в себя бизнес – курсы, обучение японскому языку, компьютерные классы, содействие информационному и культурному обмену. Помимо Центров развития человеческих ресурсов при содействии Японии открыт Центр информационных технологий в Кыргызстане. Обсуждаются перспективы создания Центра высоких технологий в Туркменистане. Деятельность Центров развития человеческих ресурсов, реализация образовательных программ способствуют не только распространению информации о стране и формированию благоприятного имиджа, но и формированию сетевых сообществ, объединенных интересом к Японии. Например, в Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане существуют Ассоциации выпускников ЯАМС, в которые входят бывшие стажеры-участники программ ЯАМС.

Культурно-публичная дипломатия и оказание ОПР являются правительственными программами, отражающими целенаправленную деятельность по формированию общественного мнения, однако это не единственный компонент, влияющий на отношение к Японии в странах Центральной Азии. В контексте «мягкой силы» хотелось бы упомянуть о роли личного фактора в развитии отношений и создании благоприятного образа Японии. Большой вклад в развитие отношений внес известный художник Хираяма Икуо, автор серии картин, посвященных Великому шелковому пути и один из создателей культурно-просветительского центра «Международный караван-сарай культуры» в Узбекистане. Немаловажно отметить и наследие Акино Ютака, профессора университета Цукуба, работавшего в составе миссии наблюдателей ООН в Таджикистане, погибшего от рук экстремистов в июле 1998 г. После этой трагедии Япония активно включилась в содействие мирному процессу в Таджикистане, для чего запустила программу приема стажеров, которые бы внесли вклад в дело укрепления мира и демократии в Таджикистане⁵³. В 1999 г. в Университете ООН была учреждена стипендия памяти Ю. Акино для исследователей Центральной Азии.⁵⁴ Именем Акино назван лицей в Таджикистане. Еще одним примером роли личности можно назвать инженера компании «Комацу» Осаки Сигэкацу, работавшего в Узбекистане в 1994–1998 гг. После выхода на пенсию он с семьей вернулся в эту страну, начал бесплатно учить японскому языку детей из бедных семей, а на пособие по выходу на пенсию основал в г. Риштан школу японского языка Норико гаккю, которая действует до сих пор.

В осуществлении «мягкой силы» немалую роль играет деятельность негосударственных акторов, в том числе и отдельных личностей. Дея-

⁵³ Инагаки Ф. Таджикистан страна гор и рек на Шелковом пути, выздоравливающая после гражданской войны. // Диалог. Таджикистан и мир. 17.11. 2013. URL: <http://www.dialog.tj/news/news13212/> (дата обращения 04.11.2015.)

⁵⁴ UNU selects 2001 Akino Memorial research fellows. // United Nations University. February-March 2001 URL: http://archive.unu.edu/update/archive/issue7_2.htm (дата обращения 04.11.2015)

тельность этих людей можно рассматривать как проявление «мягкой силы», поскольку они внесли ощутимый вклад в формирование благоприятного отношения к своей стране среди жителей Центральной Азии.

Особенность «мягкой силы» заключается в том, что ее влияние сложно измерить. В отличие от жесткой силы, которая проявляет свое действие мгновенно, эффект «мягкой силы» требует времени. Однако если «мягкая сила» может наращиваться непрерывно, то результаты могут быть устойчивыми и долгосрочными.⁵⁵ Определенную картину отношения к Японии в Центральной Азии можно получить из опросов общественного мнения. Примечательно, что с момента установления отношений до 2015 г. Япония ни разу не проводила централизованного изучения мнений населения центральноазиатских республик. На вопрос, какая страна заслуживает наибольшего доверия, Япония заняла второе место (14%), уступая России (63%), но опережая Китай и Корею (по 3%). При этом Япония была упомянута третьим по важности партнером (23% респондентов) после России (75% респондентов), Китая (35%). Большинство респондентов положительно отнеслись к продвижению японских предприятий в регионе. Таким образом, благодаря целенаправленному формированию имиджа Японии удалось создать благоприятные условия для дальнейшего развития бизнеса. Это позволяет сделать вывод об успешности политики «мягкой силы» в данном регионе, в том числе в свете соперничества с Китаем и Кореей.

Что касается имиджа Японии, то 72% опрошенных назвали ее «страной с сильной экономикой и передовыми технологиями», 35% – «страной с великими традициями и культурой».⁵⁶ Восприятие Японии в Центральной Азии основано, прежде всего, на ее экономическом потенциале, технологическом уровне, статусе донора официальной помощи развитию, а также популярности традиционной культуры.

Заключение

За годы, прошедшие со времени установления дипломатических отношений, Япония последовательно реализует потенциал «мягкой силы» в Центральной Азии. Изначально действуя на благоприятной почве, в условиях отсутствия негативного исторического прошлого, Япония позиционирует себя как нейтральный игрок, не преследующий сиюминутных целей и не имеющий политических амбиций в регионе. Она подчеркивает, что настроена на долгосрочную перспективу и придает приоритетное значение формированию дружеских отношений со странами региона.

Историко-культурная близость стала отправной точкой формирования политики «мягкой силы» в отношениях со странами региона. Япония

⁵⁵ Vyas U. Soft power in Japan-China relations. State, sub-state and non-state relations. Routledge, 2011. P. 52.

⁵⁶ Opinion poll: image of Japan in the Central Asia region. April, 2015. // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <http://www.mofa.go.jp/files/000076299.pdf> (дата обращения 04.11.2015)

охотно использует риторику близости с Центральной Азией, позиционируя свою послевоенную модель развития как пример для подражания государствам региона. На основании этого Япония продвигает наиболее привлекательные аспекты своего имиджа, такие как экономическое развитие, демократизация (с восточной спецификой), передовые технологии, защита окружающей среды, внимание к социально-экономической проблематике.

Свой имидж Япония подкрепляет внушительными объемами экономической помощи на нужды региона, являясь одним из ведущих государств-доноров. Значительная часть этой помощи приходится на проекты в сфере безопасности человека, области, в которой Япония является одним из глобальных лидеров. Также большое внимание уделяется культурным грантам по линии ОПП, которые направлены не только на сохранение культурного наследия региона, но и на популяризацию Японии и японского языка в Центральной Азии.

Популярность культуры и искусства, деятельность Центров развития человеческих ресурсов, активные гуманитарные обмены свидетельствуют об интересе жителей региона к Стране восходящего солнца. Имидж Японии и те ценности, приверженность которым она демонстрирует, импонируют населению государств Центральной Азии.

В то же время, в силу особенностей «мягкой силы», нацеленной на долгосрочную перспективу и скорее на формирование благоприятной среды, чем на краткосрочное достижение конкретных результатов, ее эффективность измерить достаточно сложно. Опросы общественного мнения, популярность японских центров и культурных мероприятий позволяют частично оценить влияние Японии в регионе.

Реализация «мягкой силы» в регионе позволяет Японии создавать благоприятные условия для продвижения бизнеса, для поддержки ее внешнеполитических инициатив. Освещение культурных, гуманитарных акций, а также проектов экономического содействия необходимо не только для привлечения внимания жителей региона, но и для разъяснения собственным гражданам мотивов японского присутствия в Центральной Азии. По мере наращивания экономического сотрудничества и выдвижения новых глобальных региональных инициатив политика «мягкой силы» Японии в регионе продолжит сохранять важность.

Политика Японии в регионе Персидского залива в период ирано-иракской войны и ирако-кувейтского конфликта

Е. В. Арутюнян

В статье рассматривается политика Японии в Персидском заливе период ирано-иракской войны и ирако-кувейтского конфликта. Япония выступала за мирное разрешение конфликта, но исходя из принципов мирной конституции, не принимала участие в военных операциях в регионе. Посреднические усилия Японии внесли свой вклад в подписание мирного договора между Ираном и Ираком, а в ирако-кувейтском конфликте Япония предоставляла финансовую помощь коалиции. Однако пассивность Японии в деле внесения военного вклада в операцию «Буря в пустыне» получила негативную оценку со стороны прочих стран коалиции, что стало одной из причин пересмотра Японией своей внешней политики, одной из целей которой стало обретение страной статуса глобального политического лидера.

Ключевые слова: Ирано-иракская война, третий нефтяной кризис, ОПЕК, Персидский залив, аннексия Кувейта, экономическая помощь, активизация внешней политики Японии.

22 сентября 1980 г. началась ирано-иракская война. Агрессором являлся Ирак, однако в войне были заинтересованы обе стороны – как баасистский режим Ирака, так и Исламская Республика Иран. Противоречия, существующие между двумя странами, не ограничивались лишь идеологическими особенностями – между двумя странами налицо были и этноконфессиональные противоречия (взаимоотношения шиитов и суннитов), и этнонациональные конфликты (взаимоотношения персов и арабов), и территориальные проблемы¹ (проблема межгосударственных границ, вопросы, связанные со спорными территориями, в том числе проблема реки Шатт-эль-Араб).

В результате ирано-иракской войны появились предпосылки для возникновения третьего нефтяного кризиса (1985–1987 гг.). Одной из основных причин стало то обстоятельство, что воюющие стороны, являясь членами ОПЕК, ограничивали возможности этой организации совместными усилиями противодействовать попыткам западных держав диктовать ей свои условия. Слабостью организации воспользовались нефтедобывающие страны, не входившие в состав ОПЕК. Они стали активно развивать свои собственные нефтяные скважины и увеличили объем добываемой нефти, доведя его до 4 млн. баррелей в день, в результате чего в середине 1980-х годов на международном рынке образовался избыток нефти (10

¹ Сажин В. К вопросу о причинах ирано-иракской войны // Специальный бюллетень. Вып. 5. М.: Наука, 1988. С. 53.

млн. баррелей нефти в день). Кроме того, благодаря использованию альтернативной энергии и созданию резервного фонда для нефтяных запасов развитые страны ослабили свою зависимость от внешних поставок нефти².

Отметим, что наибольший вклад в достижение использования альтернативной энергии принадлежит Японии. Что касается нефтяных запасов в резервном фонде, то, по данным 1984 г., резервный фонд США составил 375 млн. баррелей, а Японии – 82,7 млн. баррелей нефти, что обеспечивало нефтяную потребность стран, соответственно, на 25 и 19 дней³. Для снижения зависимости от нефти Токио также полностью перевел работу ряда отраслей промышленности на уголь. Таким образом, вследствие уменьшения спроса и увеличения предложения на нефть произошло падение цен на топливо.

В некотором смысле ирано-иракская война и нефтяной кризис, возникший как его следствие, были выгодны странам, импортирующим нефть. Несмотря на то, что частое колебание цен на нефть вызывало рост цен в развитых странах Запада (США, странах Западной Европы и Японии), им удалось установить контроль над инфляцией и даже добиться экономического роста. Так, в Японии, несмотря на нефтяной кризис, в 1984 г. экономический рост составил 3%, а ВВП увеличился на 4%⁴.

Ирано-иракская война, несомненно, была выгодна странам, заинтересованным в ослаблении международной роли ОПЕК на нефтяном рынке. Они надеялись посредством истощающей силы войны пошатнуть позиции Ирана и Ирака в регионе. Однако никому не было выгодно расширение территорий военных действий и включение в них прочих государств, сохранявших свой нейтралитет. Кроме того, боевые действия осложняли ситуацию в Ормузском проливе, по которому осуществлялись поставки нефти из региона Персидского залива.

Ситуация обострилась после заявления иранского правительства о том, что Иран закроет Ормузский пролив, если возникнет опасность для его нефтяной промышленности. Заявление заключало серьезную угрозу как для экспортеров, так и импортеров нефти. Отметим, что по Ормузскому проливу осуществлялись экспортные поставки не только из Ирана, но и из Саудовской Аравии, Кувейта, Катара и ОАЭ. При этом около 55–60% приходилось на Японию⁵. Таким образом, любой инцидент в Ормузском проливе или в регионе Персидского залива, который создавал риск прекращения нефтяных поставок, являлся предметом озабоченности в первую очередь Японии, которая, в отличие от США и

² Инджикян Р. ОПЕК в мировом капиталистическом хозяйстве. М.: Международные отношения, 1983. С. 42; Middle East Economic Digest. 22.01.1981. P.2.

³ Растущая напряженность в районе Персидского залива // ТАСС БПИ, 13.03.1984. С. 30.

⁴ Обзор экономического положения капиталистического мира // ТАСС БПИ, 27.02. 1984. С. 7–8.

⁵ The Japan Times. 07.06. 1987.

стран Западной Европы, не имела возможность альтернативных импортных поставок через Средиземное море. Именно поэтому среди всех стран Запада Япония была в наибольшей степени заинтересована в скорейшем разрешении ирано-иракского конфликта. Свою озабоченность по поводу возможного закрытия Ормузского пролива журналистам выразил тогдашний министр иностранных дел Японии Абэ Синтаро, который отметил, что конфликт между Ираном и Ираком может стать причиной нового кризиса⁶.

Свою роль в активизации усилий Токио играл и тот факт, что в результате военных действий в регионе было приостановлено строительство ряда промышленных объектов, возводимых с участием иностранного капитала. Так, существенно пострадали интересы японской финансовой группы «Мицуи», осуществлявшей в Иране строительство нефтехимического комплекса «Бендер-Хомейни». Данное обстоятельство также способствовало усилению заинтересованности Токио в скорейшем прекращении войны в Персидском заливе.

В 1984 г. после иракской атаки на иранские нефтяные скважины возникла реальная угроза блокирования Ормузского пролива, что заставило правительство Японии активизировать посреднические усилия для скорейшего разрешения конфликта. Следует отметить, что идея посредничества Японии родилась не в Токио, а в Багдаде через несколько месяцев после начала военных действий. В октябре 1980 г. министром образования Ирака Д. М. Халаф, находившийся с официальным визитом в Токио, передал премьер-министру Японии Судзуки Дзэнко просьбу Саддама Хусейна о посредничестве Японии в вопросе прекращения огня и подписании договора с Ираном. Данное предложение было повторно сделано в декабре 1980 г. во время визита министра нефтяной промышленности Ирака Абдула Карима аль-Луаиби в Японию. В этот раз представитель Багдада представил программу урегулирования конфликта. Чтобы заинтересовать Японию, он предложил ей принять участие в реализации семи крупнейших проектов в Ираке (строительство нефтехимических организаций, электростанций и агропромышленных комплексов). Обсуждению этих вопросов была посвящена конференция японо-иракской комиссии. Уже в марте 1981 г. Япония объявила о желании выступить посредником в деле разрешения ирано-иракского конфликта⁷.

Однако отрицательное отношение Ирана к участию третьей стороны, заставило Японию поменять метод посредничества. Для реализации своей цели японское правительство стало использовать трибуны международных организаций, в частности, трибуну ООН, желая подобным образом внедриться в политические процессы, происходящие в ближневосточном

⁶ Богатуров А. Японская дипломатия в борьбе за источники энергетического сырья (70–80-е годы). М.: Наука, 1988. С. 133.

⁷ Нихон кэйдзай симбун. 03.02. 1981.

регионе. Выступая 28 сентября 1983 г. на сессии Генеральной ассамблеи ООН, министр иностранных дел Японии С. Абэ заявил: «Мы примем все усилия для развития нашего сотрудничества с ООН (в рамках конституции Японии) для мирного разрешения конфликта между Ираном и Ираком»⁸. В Нью-Йорке в сентябре 1984 г. во время 39 саммита Генеральной Ассамблеи ООН представитель Японии отметил, что запрет на использование химического оружия и безопасная навигация в Персидском заливе помогут избежать еще большего обострения ирано-иракского конфликта⁹. А уже 27 января 1986 г. во время 104-ой сессии Национального собрания Японии С. Абэ отметил: «Надо создать конструктивную атмосферу для мирного разрешения конфликта»¹⁰.

В результате военных действий 1981–1987 гг. в Ормузском проливе были повреждены более 330 гражданских, в том числе нефтеналивных, судов третьих государств. Кроме того, иранские власти с целью препятствовать перевозке вооружений в Ирак часто останавливали суда нейтральных государств, направлявшиеся в арабские страны. Только в первой половине 1987 г. со стороны военных представителей Ирана были остановлены и осмотрены пять японских судов, направлявшихся в Кувейт. Это вызвало серьезную обеспокоенность Токио¹¹.

Ситуация в регионе осложнилась после объявления США о размещении своей военной базы в Персидском заливе. Более того, Вашингтон призывал своих союзников, в том числе Японию, присоединиться к военной миссии в Заливе¹². Однако японское руководство было против военного присутствия Японии в Персидском заливе, понимая, что это противоречит мирной конституции страны¹³. Официально об этом было заявлено 30 мая 1987 г. во время брифинга, организованного японским правительством, где было отмечено, что Япония, не намерена отправлять свои суда, за исключением нефтяных танкеров, в Ормузский пролив, а участвовать в процессе урегулирования конфликта она может исключительно мирными средствами¹⁴.

Точка зрения правительства была детализирована премьер-министром Я. Накасонэ во время его пресс-конференции после окончания очередного совещания стран «семерки» в Венеции в июне 1987 г. Глава японского правительства категорически отверг возможность направления в район конфликта кораблей японских Сил самообороны. Он также отрицательно ответил на вопрос о возможности участия Токио в финанси-

⁸ The Japan Times. 30.09. 1983.

⁹ The Information Bulletin of The Ministry of Foreign Affairs. 18.10. 1984.

¹⁰ Diplomatic Blue book 1986. The Ministry of Foreign Affairs of Japan. Tokyo, 1986. P. 137.

¹¹ Богатуров А. Японская дипломатия в борьбе за источники энергетического сырья (70–80-е годы). С. 138.

¹² Нихон кэйдзай симбун. 27.05. 1987.

¹³ The Japan Times. 20.05. 1987.

¹⁴ The Japan Times. 07.06. 1987.

ровании операции США по эскортированию танкеров¹⁵. В то же время Я. Накасонэ подтвердил готовность Японии содействовать проведению мирных переговоров между воюющими сторонами. Он особо подчеркнул, что крупным вкладом Токио в дело нормализации обстановки в регионе может стать финансово-экономическая помощь Японии обеим странам после прекращения между ними военных действий¹⁶. Таким образом, японское правительство, руководствуясь принципами мирной конституции и стремясь сохранить свои связи с нефтедобывающими странами, предпочло отказать от помощи своему союзнику в деле военного вмешательства в конфликт, и сосредоточиться на мирных формах посредничества.

В январе 1987 г., став непостоянным членом Совета Безопасности ООН, Япония способствовала созданию в рамках ООН специальной Ирано-иракской исследовательской группы, основной функцией которой заключалась в подготовке договора о прекращении огня¹⁷. А уже 20 июля 1987 г. Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию № 598 о прекращении боевых действий, и 20 августа 1988 г. было подписано перемирие между Ираном и Ираком, положившее конец восьмилетней войне.

Таким образом, ирано-иракская война началась с «молчаливого» согласия крупных держав, стремившихся ослабить не только позиции Ирана и Ирака в регионе, но и позиции ОПЕК на международном нефтяном рынке. Эта война создала предпосылки для нового, третьего нефтяного кризиса, который бы отрицательно сказался на экономике нефтедобывающих стран. И хотя ведущие страны Запада, включая Японию, не понесли в результате войны значительного ущерба, дальнейшее расширение ирано-иракского конфликта могло бы стать причиной обострения ситуации на глобальных нефтяных рынках, которого удалось избежать во многом благодаря дипломатическим усилиям Токио.

Однако после окончания ирано-иракской войны в Персидском заливе начался новый кризис. Ирак, выйдя из войны с ослабленной экономикой и значительным уровнем внешнего долга, стремился как можно быстрее восстановить свою экономику и восстановить утраченные позиции в регионе. Военные расходы Ирака составляли в период окончания войны 100 млрд. долларов, а внешний долг – 60 млрд. Виновником своих экономических проблем Ирак видел Кувейт, Саудовскую Аравию и другие арабские страны.

16 февраля 1989 г. по инициативе Ирака в регионе была создана организация – Совет арабского сотрудничества (САС), в состав которого вошли Египет, Ирак, Иордания и Йеменская арабская республика. Эта организация претендовала на роль противовеса Совету сотрудничества

¹⁵ Yasuhiro U. Japan's UN diplomacy: Sources of Passivism and Activism. Japan's Foreign policy after Post-Cold War: Coping with changes. P. 355.

¹⁶ The Japan Times. 11.06. 1987.

¹⁷ Yasuhiro U. Op. cit. P. 355.

арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и была призвана ослабить позиции Сирии в регионе. Для восстановления экономики Ирак решил присвоить себе природные ресурсы соседнего государства – Кувейта и уже 2 августа 1990 года аннексировал Кувейт.

Аннексия Кувейта потрясла весь арабский мир и нашла негативный отклик во всем мире. В день аннексии Кувейта было создано внеочередное заседание Совета Безопасности ООН, где была принята резолюция № 660, призывающая к немедленному выводу иракских войск с территории Кувейта и восстановлению его суверенитета.

Для противодействия агрессии Багдада была сформирована международная коалиция во главе с США, в состав которой вошли более 30 стран, в том числе Япония. Последняя была заинтересована в скорейшем разрешении конфликта не только с точки зрения обеспечения безопасности транспортировки потоков нефти, но и с позиций спасения жизни японских граждан, находившихся в Кувейте и в Ираке, и ставших наряду с другими иностранцами заложниками Багдада. Число японских заложников, среди которых были и работники посольства, составляло около 500 человек, 245 из которых находились в Кувейте и 214 – в Ираке. Благодаря международным дипломатическим усилиям, вклад Японии в которые был весьма значительным, в сентябре 1990 г. удалось освободить находящихся в плену женщин и детей, остальные заложники были освобождены 6-го декабря 1990 г.¹⁸.

Для предотвращения дальнейшей агрессии Ирака и восстановления независимости Кувейта министр иностранных дел Японии Накаяма Таро и премьер-министр Японии Кайфу Тосики в августе и октябре 1990 г. посетили ближневосточные страны Саудовскую Аравию, Оман, Иорданию, Египет, Турцию, Сирию и встретились с руководителями этих стран¹⁹. Япония также вступила в непосредственные переговоры с Ираком. Заместитель министра иностранных дел Японии Овада Хисаси в декабре 1990 г. в Женеве встретился с советниками президента Ирака, после чего премьер-министр Японии Т. Кайфу направил письмо Саддаму Хусейну, в котором содержалось требование о выводе войск с территории Кувейта и о разрешении конфликта мирным путем.

Однако несмотря на все предпринимаемые усилия, Ирак не соглашался выполнить резолюцию Совета Безопасности ООН. 28 ноября 1990 г. Совет Безопасности ООН принял очередную резолюцию № 678, которая давала добро на проведение военной операции против Ирака²⁰.

¹⁸ Ibrahim I. The Gulf Crisis: Background and Consequences // Center for Contemporary Arab Studies. Washington, 1992. P. 330.

¹⁹ The Gulf Crisis and Japan's Foreign Policy // Diplomatic Blue book 1991. The Ministry of Foreign Affairs of Japan. Tokyo, 1991. P. 38.

²⁰ Оганесян Н. История арабских стран. Ереван, 2006. Т. 4. Век независимости и суверенитета (1918–2005). С. 657.

Эта операция, получившая название «Буря в пустыне», началась 16 января в 1991 г. Основной удар был нанесен с территории Саудовской Аравии.

Во время военных действий 29 января в 1991 г. иракские войска разбомбили расположенную в Кувейте на границе с Ираком нефтяную скважину «Хафджи»²¹, что привело к временному прекращению ее эксплуатации и нанесло прямой ущерб экономическим интересам Японии.

24 февраля закончился первый этап войны – воздушный, за которым последовал этап сухопутной войны, получившей название «Защита пустыни». Сухопутная война длилась около 100 часов и закончилась 28 февраля 1991 г. Саддам Хусейн заявил о готовности принять условия перемирия, предлагаемые Советом Безопасности ООН, а иракские войска были выведены с территории Кувейта.

Война обошлась коалиции в 82 млрд. долл., 22 млрд из которых были предоставлены Кувейтом. При этом вклад США составила 18 млрд. долларов, Японии – 13 млрд. долл.²². Следует отметить, что японское правительство, исходя из принципов мирной конституции, не принимало непосредственного участия в военных действиях многонациональных сил против Ирака и ограничилось представлением финансовой помощи коалиции. На первый взгляд может показаться, что дипломатические усилия Японии в деле посредничества, а также оказанная ею финансовая помощь коалиции должны были получить высокую оценку в мире. Однако, как показал ход дальнейших событий, этого не произошло.

Пассивность Японии в деле внесения военного вклада в коалицию получила негативную оценку со стороны ее партнеров по коалиции. Ее политику метко окрестили «дипломатией чековой книжки»²³. Более того, оказанная Японией финансовая помощь не имела публичного признания и со стороны кувейтского правительства. Следует отметить, что благодаря предоставленной Токио помощи уже в 1993 г. была полностью восстановлена нефтескважина «Хафджи» и достигнут объем экспорта нефти, который Кувейт имел до начала военных действий²⁴. Более того, в период с 1991–1993 гг. Япония предоставила Кувейту заем в размере 468,8 млн. долларов и грант на 1,1 млн. долларов для возмещения убытков, причиненных экономике страны, а также дополнительные 13 млн. долларов для обезвреживания мин в Персидском заливе²⁵. Тем не

²¹ Нефтескважина «Хафджи», где японская нефтяная компания «Арабиан ойл» с 1960 г. на концессионной основе осуществляет производство, переработку и продажу нефти, входит в состав 30 крупнейших нефтескважин мира, нефтяные запасы которого составляют около 500 млн баррель. Более чем 90% производимой нефти экспортируется в Японию, обеспечивая 40% нефтяной потребности страны. См.: *Obaid N. The Oil Kingdom at 100, Petroleum, Policymaking in Saudi Arabia // Policy Papers. Washington Institute for Near East Policy, 2000. P. 58.*

²² *Оганесян Н. Указ. соч. С. 663.*

²³ *Tomohito S. Koizumi Diplomacy: Japan's Kantei Approach to Foreign and Defense Affairs. Washington, 2007. P. 5.*

²⁴ *Исаев В., Филоник А. Кувейт: контуры экономических перемен. М.: ИИИИБВ, 2003. С. 60.*

²⁵ *Japan's Response to the Post-Gulf Crisis Problems // Diplomatic Blue book 1991. The Ministry of Foreign Affairs of Japan. Tokyo, 1991. P. 55–56.*

менее, Кувейт «забыл» включить Японию в список государств, которым выражал свою благодарность за помощь в ходе войны²⁶. По мнению многих политологов, это стало одной из причин пересмотра Японией своей ближневосточной политики и для резкой перемены ее подходов к региональным проблемам²⁷.

После Мадридской конференции 1991 года Япония существенно активизировала свою внешнюю политику, целью которой стало закрепление международных позиций страны в качестве глобального политического лидера. Токио выдвинул ряд инициатив и взял на себя миссию координатора и активного участника международных усилий по решению многих глобальных проблем – защиты окружающей среды, водных ресурсов, регионального экономического развития, беженцев. В июне 1992 г. в парламенте Японии был принят законопроект «О миротворческих операциях ООН», согласно которому правительство получало возможность направлять военнослужащих Сил самообороны для участия в миротворческой деятельности ООН. В дальнейшем принятый закон позволил Японии направить Силы самообороны в различные «горячие точки» мира (Камбоджа, Руанда, Мозамбик, Заир) в составе миротворческих сил ООН. В 1996 г. Токио отправил около 77 наблюдателей для контроля выборов в Палестине и 45 солдат – на Голанские высоты. Это была первая миротворческая миссия Японии в ближневосточном регионе.

Таким образом, преследуя свои экономические интересы в ближневосточном регионе, Япония стремилась к выполнению посреднической миссии по разрешению вооруженного конфликта между Ираном и Ираком в 1980–1988 гг. и конфликта между Ираком и Кувейтом в 1991 г. Исходя из принципов мирной конституции страны, Япония не принимала активную роль в военных операциях, проводимых под эгидой США, и стремилась содействовать разрешению конфликтов исключительно мирными способами. Однако пассивность Японии в деле внесения военного вклада в решение конфликта в Персидском заливе получила в 1991 г. негативную оценку со стороны прочих стран коалиции, обвинивших ее в желании «отсидеться за чужими спинами». В результате Страна восходящего Солнца пришла к выводу о необходимости пересмотра принципов своей внешней политики в направлении закрепления статуса одного из мировых политических лидеров. Япония пересмотрела внутреннее законодательство с целью обеспечения возможности не только экономического, но и военного участия в миротворческих операциях ООН, и поставила перед своей дипломатией цель добиться постоянного членства страны в Совете безопасности ООН.

²⁶ Ikeda A. Seeking a Say for Her Pay // Middle East Dialogue. 1994. November. P. 5.

²⁷ Japan's Changing Media and Public Opinion on National Security // Japanese Journal of Political Science. 2007. № 8. P. 172–174.

История торгового дома Накаи из провинции Оми

Н. Ф. Лещенко

В XVI–XVII вв. в Японии возникло много торговых или торгово-предпринимательских домов – Коноикэ, Мицуи, Сумитомо, созданных выходцами из самурайского сословия. К ним относится и дом Накаи из провинции Оми. Предприимчивые и энергичные люди, стоявшие во главе дома, сумели в непростой социально-экономической ситуации развернуть многогранную деятельность, расширить географию торговли до Эдзо (Хоккайдо) и создать свой новаторский стиль управления, элементы которого можно наблюдать и в современной Японии.

Ключевые слова: купечество, эпоха Токугава, провинциальные торговцы, специфическая система найма и обучения, устав дома, новаторство в системе управления и контроля.

«Разумный человек действует по обстоятельствам»

XVIII в. в истории Японии отмечен многими новыми явлениями. Одно из них – активная деятельность провинциальных торговцев, чему способствовали следующие обстоятельства.

После наступившего в конце XVII в. мира в стране наблюдались рост численности населения и развитие городов, происходило освоение новых земель. Площадь обрабатываемой земли увеличивалась, совершенствовалась система орошения, появились новые орудия труда в сельском хозяйстве, более широко стали применяться удобрения – все это привело к росту урожаев. Широкое распространение получает хлопчатник, вытесняя посевы риса. Выращиваются разнообразные технические культуры – индиго, тутовое дерево, конопля, табак. В некоторых провинциях уже в XVII в. крестьяне начинают выращивать овощи и другие культуры на продажу, а в XVIII в. товарное производство приобретает весьма широкие масштабы. Крестьяне все больше втягивались в коммерческую деятельность, что приносило им более твердый доход, чем занятие традиционным крестьянским трудом. С середины XVII в. богатые крестьяне, жившие около Осака, переключились на технические культуры. На первом месте среди них был хлопчатник – к 1700 г. его посевы в деревнях вокруг Осака занимали от 40 до 80% площадей. Позже эта практика распространилась на район Кинай, а с середины XIX в. – на район Канто.

Развивалась специализация районов, ту или иную техническую культуру осваивали с учетом конкретных природных условий. Все это способствовало оживлению экономики в провинции, служило стимулом для развития домашней крестьянской промышленности, что можно бы-

ло наблюдать еще в XVI в. Это, прежде всего, относилось к прядению и ткачеству. Ими занимались деревенские женщины, девушки и дети в свободное от сельскохозяйственных работ время. Со второй половины XVII в. рост крестьянской промышленности происходил уже повсеместно.

Кроме тканей крестьяне занимались производством сакэ, масла, бумаги, воска, соли; домашний бюджет пополнялся и за счет отходничества – работы на стройке, извоза, другой поденной работы¹. Со второй половины XVIII в. в каждом княжестве поощрялось производство какой-либо характерной для этой местности продукции, например, для княжества Токусима это было индиго.

Специализация районов нашла отражение и в художественной литературе. Вот как об этом повествует Ихара Сайкаку (1642–1693): «Отличные камышовые шляпы делают в Химэдзи. Если нужны бочки – покупайте в Тэмма»².

Результатом расширения производства на местах явилось то, что центр развития экономики из центрального района Кинай переместился в провинции. Именно тогда провинциальные торговцы начинают выходить за пределы своих районов, налаживая торговые связи между провинциями, осваивая новые рынки. Нельзя утверждать, что этого не наблюдалось ранее, но в XVIII в. это явление приобретает широкие масштабы.

В процессе формирования общенационального рынка провинциальные торговцы учились постигать азы того, что сейчас получило название маркетинга – они изучали рынок и требования потребителей и ориентировали на них производство товаров и услуг. Японские провинциальные торговцы весьма преуспели и в разработке концепции управления деятельностью торгового дома. Это можно проиллюстрировать на примере торговцев из провинции Оми. Они, как и другие богатые торговцы – Мицуи, Коноикэ, Даймару – открывали свои лавки в Эдо, Киото и Осака уже в XVIII в., ведя как розничную, так и оптовую торговлю, постепенно расширяя сферы своей деятельности. Из этой провинции вышел и торговый дом Накаи.

Во второй половине XIX в. торговец из Оми Ито Тюбэй весьма преуспел во внешней торговле – помогли опыт и капитал, накопленные в предыдущую эпоху Токугава. В истории происхождения торговцев из провинции Оми (в настоящее время это префектура Сига) существует несколько версий³. Их появление относится к периоду Хэйан (794–1185),

¹ Нихон кэйдай си (Экономическая история Японии). Токио, 1989. Т. 2. С. 9–26

² Ихара Сайкаку. Новеллы. / Пер. с яп. Е. Пинус и В. Марковой. М.: Гослитиздат, 1959. С. 17, 30.

³ Подробнее об этом см.: Оми сёнин-но кэйэй исан (Система управления торговцев провинции Оми). Токио, 1992; *Эгасира Цунэхару*. Госю сёнин (Торговцы из провинции Оми). Токио, 1965; Тоёда Такэси тэсакусю (Собрание сочинений Тоёда Такэси). Токио, 1982. Т. 2–3.

в последующий период Камакура (1192–1333) они распространили свою деятельность и на провинцию Исэ, став одними из самых известных бродячих торговцев. Постепенно они удлиняли свои маршруты, принося товары в провинцию Вакаса, в Киото, и даже добрались до о. Эдзо (Хоккайдо).

Деятельность торговцев из провинции Оми была столь заметным явлением (можно сказать, что они были виртуозами в своем деле), что послужила темой для исследований нескольких ученых, специализирующихся в области экономической истории. Следует отметить, что бродячие торговцы происходили из разных социальных слоев и становились торговцами в силу целого ряда обстоятельств. По мнению Эгасира Цунэхару, автора работ по истории деятельности торговцев из провинции Оми, они вели свое происхождение из сословия самураев или крестьян. Жизнь в том районе была трудной, земли было мало, часто случались стихийные бедствия. Нужда заставляла их заниматься торговлей.

По другой версии, они вели свое происхождение от переселенцев из корейских царств Корё и Кudara, которые осели в провинции Оми и занялись торговлей. Согласно еще одной версии, в период *сэнгоку дзидай* (период воюющих провинций, XV–XVI вв.) в провинции Оми было разрушено много замков, пострадали и жители *дзёкамати*, призамковых городов. Некоторые самураи лишились своих хозяев, другие – имущества и привычного занятия и им пришлось стать бродячими торговцами. Выдвигается и версия, согласно которой они были выходцами из среды ремесленников.

Следует отметить и благоприятный географический фактор – провинция была удобно расположена, ее пересекали основные тракты, что способствовало торговой деятельности.

Проследить историю становления и деятельности торговцев из провинции Оми лучше всего на конкретном примере – истории дома Накаи. Следует отметить, что история происхождения этого дома также имеет несколько версий. Родословная дома Накаи уходит корнями в XVI в. Их предки были вассалами дома Сасаки. (Этому дому служили и предки торгового дома Мицуи). Жили Накаи в деревне Окамото уезда Гамо в провинции Оми. К 1584 г. они перебрались в городок Хино того же уезда и стали зваться Накаи. В период 1624–1643 гг. Накаи начали заниматься изготовлением и продажей изделий из лака (*хиноури*), но больший интерес они проявляли к торговле. При Мицутика дом Накаи стал заниматься торговлей вразнос, добираясь до Эдо и Хиросимы. Дела шли успешно, что продолжалось и при его наследнике – Мицухару. Но судьба семьи резко меняется в 1725 г. – Мицухару умер в возрасте 45 лет, дела пошатнулись, пришлось даже распродать имущество.

Возрождение дома связывают с его сыном Мицутаке. Он родился в 1716 г., при рождении его нарекли именем Сэйитиро. Спустя время ему дали типичное в купеческой среде имя Гэндзаэмон, а потом Мицутаке.

Ему было 10 лет, когда умер отец, и мальчику пришлось хлебнуть лиха. Он зарабатывал себе на жизнь тем, что разрисовывал деревянные чаши. В 1734 г., когда ему минуло 19 лет, его взял с собой бродячий торговец из Хино по имени Аисака (Аусака) Хамбэ (Хамбэй), и они отправились в район Канто. Успеху их маленького предприятия способствовало то, что товары из Хино были хорошо известны, у них была хорошая репутация, особенно у всевозможных видов снадобья и изделий из лака. Так Мицутаке заработал свои первые деньги – 20 рё. Надо сказать, что ему повезло с наставником.

В течение 15 лет Мицутаке занимался торговлей вразнос и шаг за шагом успешно расширял свое дело, пришлось даже нанимать работников. В 1745 г. он открыл небольшую лавочку, *дэда*, в 1746 г. построил себе новый дом на родине, на следующий год женился. Примерно с этого времени он стал заниматься и торговлей хлопчатобумажными тканями. Кроме этого, он занялся производством сакэ и завел ломбард. К 1769 г. его капитал достигал уже 7468 рё. Имя Мицутаке попало в «*Нихон тёдзя бандзукэ*» («Именной список богачей Японии»).

К этому времени относится и расцвет дома Накаи, меняется характер его деятельности. Накаи перестают заниматься торговлей вразнос и переключаются на торговлю в лавках, открывая их в Сэндай, Фусими, Танго⁴. Расширение дела приводит их к мысли о необходимости изучения спроса и предложения, т. е., говоря современным языком, они начинают постигать азы маркетинга. Накаи создали свою собственную систему, получившую название «*самбуцу маваси*», смысл которой заключался в следующем: необходимое сырье нужно доставить к производителю, а товар – туда, где он не производился и был дефицитом. Так, в Киото и его окрестности, где широко было распространено ткачество, везли из Тохоку шелк-сырец, шелуху от конопли и сафлор – растение, из цветов которого получали красную краску. Также его семена содержали масло, которое использовалось как в пищу, так и для технических целей. В Тохоку из Камигата везли хлопчатобумажные ткани, хлопок, подержанные вещи. Этот метод применялся и в отношении их лавок, а именно «вращение» товара шло между тремя крупными лавками с учетом местной конъюнктуры. Это была своего рода циркуляция в пределах всего предприятия.

Человеческий фактор сыграл большую роль в истории дома Накаи, который своим расцветом был обязан предпринимательскому таланту Мицутаке. При нем деятельность дома приобрела большой размах, расширилась географически, стала более разнообразной. И произошло все это благодаря Мицутаке, человеку предприимчивому, хваткому, обладавшему маркетинговым чутьем.

⁴ Эдоки сёнин-но какусинтэки кодо (Новаторский стиль управления торговцев в период Эдо). Токио, 1987. С. 186–187.

Многогранная деятельность дома Накаи требовала больших вложений. И здесь Мицутаке выбрал свой путь, который, как показала жизнь, оказался верным – он стал привлекать капиталы других людей, создавая предприятия на паях. Подобное совместное владение капиталом получило название *соси* – компаньоны. Это было сотоварищество торговцев, в сферу их деятельности входила и транспортировка товара. Все это было вне обычной практики японского купечества – ведь типичными в то время были семейные предприятия или индивидуальное дело.

Поскольку товарооборот возрастал, необходимо было открывать все новые лавки. Так появились лавки в городах Сома, Имайти, Эдо. Особенно хорошо шли дела в лавке в г. Сэндай, капитал которой к 1803 г. составлял 49405 *рё*⁵.

Конечно, приходилось помнить и о конкурентах, поскольку в эпоху Токугава среди купцов было немало предприимчивых людей. Так, из-за жесткой конкуренции пришлось закрыть лавку в Усироно (Нотино), которая специализировалась на шёлке-сырце. Такая же участь постигла и лавку в Фусими в 1788 г. Но, справившись с трудностями, дом Накаи сумел открыть лавку в Киото, где велись не только сделки по шелку-сырцу, но и успешно шла торговля изделиями из лака, сафлором, различными снадобьями.

Лавка в г. Сэндай торговала подержанными вещами и очищенным хлопком. Подержанные вещи закупались в Осака, Исэ, Нагоя, Эдо и в других городах у *тонъя* (*оптовых торговцев*), а хлопок – в местах, где его выращивали. Оборот был большим, дело становилось прибыльным. В этой сфере деятельности (как и во многих других) существовали *кабунакама* (*купеческие гильдии*), в г. Сэндай их было шесть. Дом Накаи входил как в *кабунакама* по продаже подержанных вещей, так и в *кабунакама* по продаже очищенного хлопка.

Накаи наладили связи с сельскими торговцами, многим из них товар выдавался авансом, но клиентуру тщательно отбирали (чтобы не рисковать). География торговли расширялась, росло количество сделок, увеличивалась прибыль.

Основной считалась лавка в г. Сэндай, остальные находились под ее контролем. Постепенно и в ее деятельности начинают происходить перемены. В четвертом поколении дома Накаи основная лавка разделилась на четыре, у каждой из которых была своя товарная специализация. Эти лавки по разрешению основного дома открывали боковые дома.

Накопленный капитал дома Накаи к 1796 г. составил 24317 *рё* (в 1784 г. – 18140 *рё*). Помимо торговли дом Накаи занимался и финансовой деятельностью, которая включала выдачу ссуд и ломбарды и была связана с определенным риском. Ссуды выдавались под заклад (залог), причем в некоторых случаях в качестве залога использовалась хорошая

⁵ Там же. С. 187, 192.

репутация какого-либо человека. Ссуды выдавались крестьянам, горожанам, самураям, но больше всего – *даймё*. Например, кредит княжеству Сэндай к 1858 г. достиг 125000 *рё*⁶. Позже этот долг княжество вернуть не смогло, и дом Накаи понес большие убытки. Но поначалу финансовая деятельность приносила большие доходы.

Еще одной статьей дохода были ломбарды. За ссуду брали определённый процент, а вещи, оставленные в качестве залога и не выкупленные вовремя, распродавались в лавках дома Накаи.

Помимо торговли и финансовой деятельности дом Накаи преуспел и в производственной сфере, занимаясь производством *сакэ*, уксуса, *сёю*, отжимом масла. Предпринимательская деятельность дома Накаи охватывала и сельское хозяйство – в княжестве Сэндай дом вкладывал деньги в освоение новых полей под посевы риса, так как рис был нужен для производства *сакэ*.

За лавку в г.Сэндай в семье Накаи отвечал старший сын Гэндзабуро, после его преждевременной смерти управление перешло ко второму сыну – Мицумаса. Лавкой в Киото управлял третий сын Такэнари; управлять лавками на севере и юге посылали работников из основного дома⁷.

Мицутакэ в возрасте 79 лет в 1794 г. отошел от дел и передал право первенства в доме Накаи Гэнсукээмон Мицумаса, который управлял делами до 1808 г. В 1797 г. Мицутакэ разделил свое имущество следующим образом. Представителем основного дома (*хонкэ*) стал сын Мицутакэ – Мицумаса, к нему перешли лавки в г. Сэндай и Сома с общим капиталом в 30100 *рё*. Лавки в Киото и Ономити с общим капиталом в 22373 *рё* были переданы третьему сыну Такэнари. Лавки в Отовара и Коидзуми с общим капиталом примерно в 10 тыс. *рё* получил принятый в семью Мицутомо. Деньги были выделены и женской половине дома, и в результате раздела имущества появились три боковые ветви дома (*бункэ*).

Мицутакэ умер в 1805 г. в возрасте 90 лет. Но и после его отхода от дел на деятельности дома Накаи лежал отблеск его предпринимательского таланта. Новый глава дома – Мицумаса – родился в 1757 г., он был вторым сыном Мицутакэ. Его старший брат, Наотакэ, умер в 29 лет, поэтому, согласно японской традиции передавать бразды правления по старшинству он стал главой дома и оказался достойным преемником. Капитал, полученный от отца, он увеличил почти вдвое, и к моменту его смерти в 1808 г. общий капитал составлял уже 56299 *рё*.

Третьим главой дома стал Мицухиро, который вошел в дом Накаи на правах зятя – он был зятем Масадзи, из киотоской боковой ветви дома. При нем были не только открыты новые лавки, например, в Нагоя, но и расширилась сфера деятельности. Накаи вели торговлю и в Нагасаки, единственном городе, где разрешалось вести торговлю с иностранцами.

⁶ Там же. С. 195.

⁷ Там же. С. 188.

Из Нагасаки дом Накаи привозил импортные товары – лекарства, *дэсима сато* (так называли сахар, привозимый голландцами, фактория которых размещалась на о. Дэсима), *тайхоку сато* (другие сорта сахара). Мицухиро, представитель уже боковой ветви дома, проявил себя умелым предпринимателем, хорошо постигшим законы ведения дел. Когда он умер в 1833 г., капитал дома составлял уже 110 тыс. *рё*⁸.

Четвертым главой дома стал в 1834 г. Мицумото, ему был 31 год. Он вошел в семью третьего главы дома на правах зятя. С 1838 г. он управлял винной лавкой в Исэ, открытой еще его предшественниками. Он сумел вновь открыть лавку в Киото, которая появилась еще при первом поколении дома Накаи, но разорилась. Однако в стране наступили трудные для купечества времена, связанные с реформами годов Тэмпо (1830 – 1843). Это была третья по счету попытка властей справиться с кризисной ситуацией в стране. Часть мер касалась укрепления самураев как воинского сословия. Вновь делалась попытка улучшить их материальное положение за счет четвертого сословия⁹. Многие лавки закрылись, такая же участь постигла и часть лавок дома Накаи. Стало ясно, что оставшимся на плаву требовалась реорганизация.

У дома Накаи на протяжении многих лет существовали деловые связи с княжеством Сэндай. Оно тоже переживало финансовые трудности, деньги им давал дом Накаи, долги княжество не возвращало. В итоге дому Накаи пришлось свернуть часть торговли и поддерживать лавки лишь в Сэндай и Киото. Денег не хватало, дела складывались неблагоприятно, и Мицумото ушел в отставку.

Пятое поколение дома представлял Мицуюсу, но это уже был период Мэйдзи (1868–1912)¹⁰.

Говоря о предпринимательской деятельности дома Накаи, нельзя не затронуть такой вопрос, как отношения хозяев и работников.

В купеческих домах провинции Оми использовалась традиционная для Японии система найма работников (*хоконин*), хотя были и свои особенности. Существовало правило набирать работников из провинции Оми. Это можно объяснить тем, что в этом случае легче было собрать информацию о человеке, узнать о его происхождении, характере, привычках. Такой подход к подбору кадров был вполне оправдан – работник должен был пользоваться доверием и соответствовать той системе ценностей, которой придерживался купеческий дом. Кроме того, работников предпочитали набирать из той местности, где находился основной дом (*хонкэ*). Но если лавки открывались далеко от провинции Оми, то

⁸ Там же. С. 188–190.

⁹ Леценко Н.Ф. Япония в эпоху Токугава. М.: ИВ РАН, 1999. С. 256–257.

¹⁰ Подробнее о деятельности дома Накаи в период Мэйдзи см.: Нихон кэйэй си (История предпринимательской деятельности Японии). Токио, 1995. С. 114–115; Оми сёнин-но кэйэй исан. (Система управления торговцев провинции Оми). Токио, 1992. С. 91–94.

работников набирали из местных. Когда Накаи начинали какое-либо новое дело, например, рыболовство на о. Эдзо, работников тоже нанимали на месте.

Среди тех, кто работал в лавках под маркой торгового дома Накаи в Сэндай, Нагоя, Осака, Киото, Хио и в других местах, преобладали работники родом из торгового сословия, но было много выходцев и из крестьян¹¹. В доме Накаи на службу нанимали мальчиков в возрасте от 10 до 14 лет. С наступлением же эпохи Мэйдзи стали нанимать в основном уже 14–16-летних подростков.

В доме Накаи сложилась своя система ротации кадров – *дзайсё но-бори*, с её помощью решались все кадровые вопросы. Система связывала всех работников, где бы они ни трудились, в единый коллектив. Работников набирали в провинции Оми, затем они переводились в лавки, находящиеся в других местах, после чего снова возвращались в родные края. Когда работника переводили в другое место, то он получал от лавки деньги на дорогу, подарки и другие расходы.

Схема продвижения по службе сводилась к следующему. В лавке в г. Сэндай – она была главной – первое продвижение по службе происходило после 7 лет работы, второе – спустя 6 лет, третье – через 5 лет, все последующие – каждые 3 года. В лавке в Осака первое продвижение происходило через 7 лет, второе – через 5 лет, третье – через 4 года, и затем каждые 4 года¹².

Эта система давала хозяевам возможность оценить деловые качества работника, а для него самого была своего рода стимулом, поскольку только от него зависело, будет ли он продвинут по службе или уволен. Продвижение по служебной лестнице зависело и от продолжительности непрерывной службы. К 30–35 годам добросовестный работник мог стать управляющим (*сихайнин*) и ему разрешалось создать *бэккэ* (боковую линию основного дома).

Нельзя сказать, что между работниками не случалось ссор, имели место и случаи воровства, хамства, наглого поведения. Таких работников увольняли. Увольняли также за нерадивость, по причине болезни или немилости хозяина. Но были и случаи бегства работников¹³.

В доме Накаи была и своя система оплаты труда. Представление о ней дает «Свод правил оплаты», составленный Гэндзаэмон в 1862 г. – «Тана хоконин кюгиндзё». Вот какое содержание полагалось работнику согласно этим правилам. До обряда совершеннолетия его обеспечивали одеждой и другими вещами для личного обихода. Полагалась ему и услуга в виде стирки. После обряда совершеннолетия работник в течение

¹¹ Оми сёнин-но кэйэй исан. (Система управления торговцев провинции Оми). Токио, 1992. С. 56.

¹² Там же. С. 57–60.

¹³ Там же. С. 63–67.

7 лет получал не только жалование, но и награду в 1 *рё*, если проявлял трудолюбие и усердие. По тому времени это была довольно большая сумма: 1 *рё* соответствовал стоимости годовой нормы риса на одного человека. Спустя несколько лет вознаграждение возрастало до 2 *рё*.

Через 13 лет после обряда совершеннолетия, став управляющим (*сикхайяку*), работник в течение 3 лет получал в год 300 *моммэ* серебром, а за усердие в работе – еще 3 *рё*. Кроме того, по случаю праздника О-Бон и в конце года работники получали определенные суммы денег в качестве подарка от хозяина¹⁴. Сейчас эта традиция существует в виде системы бонусов. Работника обеспечивали также форменной одеждой, давали деньги на парикмахерскую, лекарства, табак, носки (*таби*) и на другие расходы.

В доме Накаи была и своя система охраны здоровья. Если работник заболел, приглашали лекаря, оплачивали лекарства. Работникам также разрешалось путешествовать, на это им давались деньги (ездили в Исэ *дзингу*, Киото, Осака, на о.Сикоку, в Ямато).

В новогодние праздники работники отдыхали. Кроме того, было принято устраивать застолья. Так, лавки в Сэндай и Осака в феврале и октябре приглашали родственников и знакомых на застолье в честь Эбису, бога богатства и торговли, одного из семи богов счастья, а осакская лавка шесть раз в год организовывала посещение храмов и давала своим работникам деньги на просмотр спектаклей театра Кабуки. Киотоская боковая ветвь дома Накаи трижды в год устраивала для своих работников застолье в честь праздников – в марте, мае и сентябре¹⁵.

Как видно, дом Накаи проявлял заботу о своих работниках, не только обучал и лечил их, но и уделял внимание их досугу, расширял их кругозор. По-видимому, это тоже являлось одной из составляющих его успехов.

Многогранная деятельность дома Накаи, обширная сеть лавок, совместные предприятия с другими предпринимателями делали необходимым создание системы управления и контроля, а также совершенствование всей организационной структуры. Каждая лавка и совместное предприятие были самостоятельны в своей деятельности и финансах, но основные принципы управления вырабатывались хонкэ. Затем эти положения доводились до сведения каждой лавки, где они конкретизировались соответственно характеру ее деятельности. Постепенно *хонкэ* оставили за собой лишь функции контроля. Лавки были обязаны предоставлять каждый месяц отчет о состоянии дел и *тана ороси мокуроку* – годовой ба-

¹⁴ Бон – день поминовения усопших, праздник, посвященный культу предков; отмечается ежегодно в июле или в августе в зависимости от района страны. Обычно в это время японцы посещают родные места.

¹⁵ Эдоки сёнин-но какусинтэки кодо (Новаторский стиль управления торговцев в период Эдо). Токио, 1987. С. 215–216.

лансовый отчет. На основе этих документов *хонкэ* имели информацию о состоянии торговли по всей стране и о положении дел в каждой лавке. Помимо этого периодически проводилась проверка деятельности лавок: общего состояния дел, исполнения служебных обязанностей и уставов, кадровых перемещений, поощрений, наказаний и т. д. Накаи действовали по принципу «доверяй, но проверяй» и таким путем стремились избежать банкротства и разорения.

Дом Накаи, как и дом Мицуи, владел техникой двойной записи, которая позволяла в любой момент проверить баланс между дебетом и кредитом. И если баланс не сводился, значит, была совершена ошибка, которую следовало сразу же найти. Бухгалтерские книги и система двойной записи были изобретением итальянцев. Возможно, что основы этого дела они заимствовали от арабских купцов, но во Флоренции эта система была известна уже с XIII в.

Особо следует сказать о морально-этических нормах управления, которыми руководствовался дом Накаи. Эти нормы были установлены первыми тремя представителями дома Накаи и были зафиксированы в различного рода наставлениях, советах, положениях, уставах. Как и в сохранившихся документах других купеческих домов, в них можно найти советы, как избежать всякого рода опасностей на пути торговца и каким принципам он должен следовать.

Кахо, семейный устав дома Накаи, составлялся длительное время, пока не стал письменным документом, которым основной дом снабдил каждую лавку. На разных этапах истории дома Накаи он носил разные названия, отличался и содержанием. В конечном итоге в принятом к действию уставе основополагающим был текст, составленный основателем дома Накаи Гэндзаэмон. Он не раз его исправлял и завершил работу, когда ему было уже 90 лет.

В наставлениях основателя дома говорилось, что нельзя быть расточительным (иначе богатым не станешь) и что бережливость – первое дело в торговле. Что касается деловой смекалки, то Гэндзаэмон предостерегал от спекуляций, советовал не рисковать и не пускаться в авантюры¹⁶. Если разбогател, говорил он, то следует благодарить богов и будд, а чтобы дело развивалось и процветало, необходимо, чтобы в последующих поколениях оказались люди талантливые и предприимчивые.

Дому Накаи в этом повезло. В своде правил представителя второго поколения дома Накаи подробно говорится о бережливости, счёте и смекалке, правилах торгового пути. Но наилучший свод правил дома Накаи, регулировавших деятельность и основного дома, и его боковых ветвей, составил в 1829 г. представитель третьего поколения. Кроме того, существовали правила для многочисленных лавок, где подробнейшим

¹⁶ Там же. С. 71–79.

образом излагался порядок ведения дел. В 1834 г. было завершено составление правил, касавшихся наёмного персонала, своего рода трудовое законодательство дома Накаи. В них можно обнаружить идеи, на которых базируется современная система регулирования трудовых отношений¹⁷.

Особенностью семейных правил дома Накаи являлось то, что они строились на принципах синтоизма, буддизма и конфуцианства, формулировали моральные ценности предпринимательской и торговой деятельности, среди которых были усердие, знание профессии, верность.

Однако время шло, и положение дома Накаи стало ухудшаться. Как отмечалось выше, дом Накаи имел тесные торгово-предпринимательские связи с княжеством Сэндай, где он не только занимался освоением новых земель, но и являлся своего рода банкиром *даймё*. Княжество в силу своего бедственного положения долги дому не вернуло, а в 1871 г. решением новой власти княжества вообще были ликвидированы. В результате материальному благополучию дома Накаи был нанесен ощутимый урон. Все дела в г. Сэндай пришлось свернуть, лавку закрыть. В 1888 г. глава дома Мицуюсу отошел от дел. У представителя шестого поколения дома Накаи – Мицутада – осталась лишь лавка в Киото. В 1934 г. он открыл её филиал в Кобэ, где продавался шелк-сырец, но из-за войны все дела уже к 1942 г. пришли в упадок, а в 1945 г. на предпринимательской деятельности дома Накаи была поставлена точка.

Интересно отметить, что в новых условиях сумел выжить дом Итотю, родиной которого также была провинция Оми, создав *сого сёся* – универсальную торговую компанию, из которой впоследствии выросли две современные торговые компании «Итотю» и «Марубэни»¹⁸.

¹⁷ Там же. С. 220.

¹⁸ Там же. С. 100.

Л. В. Жилина

В статье предпринята попытка прояснить, с какими проблемами сталкивается Япония при выстраивании своего публичного имиджа. Показано влияние отношений между Японией и ее ближайшими соседями по АТР на изменение восприятия этой страны в Азии. Основное внимание автор уделяет анализу изменения восприятия Японии в Китае на основе данных 10-го совместного опроса общественного мнения граждан Японии и Китая 2014 г.

Ключевые слова: опросы общественного мнения, рейтинг стран, причины негативного и позитивного восприятия, Япония, Китай.

В эпоху глобализации при стремительно развивающихся международных контактах изучение представлений граждан о зарубежных странах стало актуальной научной проблемой, имеющей большую практическую значимость. Развитие современных технологий дало возможность гражданам расширить ресурсы социальной коммуникации и источники получения информации, более свободно формировать и выражать свою точку зрения по вопросам внешней политики, участвовать в создании имиджа страны.

Начиная с эпохи Мэйдзи Япония стала активно формировать собственный имидж, позиционируя себя как современное, динамично развивающееся государство с глубокими культурными корнями и традициями. Сегодня этими вопросами, в частности, занимается Public Diplomacy Strategy Division (Отдел стратегии общественной дипломатии), в обязанности которого входит распространение информации за рубежом о ситуации в стране, ее внешней политике, экономике, культуре и т. п.¹. В 2005 г. в МИД Японии был также создан специальный отдел Internet Public Relations Division, отвечающий за поддержание официальных сайтов МИД, призванных с помощью публикаций в Интернете улучшать имидж страны за рубежом².

Япония и мир

Как известно, процесс познания гражданами событий, которые происходят на международной арене, обусловлен прежде всего происхождением их знаний о самих себе и других участниках международных

¹ Ministry of Foreign Affairs of Japan. Organization chart. // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <http://www.mofa.go.jp/about/hq/org.html> (дата обращения 04.11.2015)

² Ibid.

отношений³. В этом контексте позитивный имидж государства становится важнейшим фактором его успешной внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности, а опросы общественного мнения играют роль своеобразного «барометра имиджа страны», который способен отразить даже незначительные изменения.

По данным Международной исследовательской компании GlobeScan, которая проводит ежегодные опросы об отношении к той или иной стране в мире, в 2014 г. влияние Японии положительно оценили 48% респондентов, что ниже показателя 2005 г.⁴ (53%), а число негативно оценивших влияние Японии повысилось до 32% (с 24% в 2005 г.) (см. табл. 1).

Особенно резко негативные тенденции в восприятии Японии усилились среди ее соседей по Восточной Азии. В 2014 г. доля негативно оценивших Японию достигла в Китае 90% (+16% по отношению к 2013 г.), а в Южной Корее – 79% (+12% по отношению к 2013 г.). Это наивысшие показатели, начиная с 2006 г.

Таблица 1

Эволюция восприятия ведущих стран в мире за прошедшее десятилетие (позитивные – негативные оценки, 2005–2014 гг.)⁵

Год	2005*		2014	
Страна	% позитивно	% негативно	% позитивно	% негативно
Великобритания	52	29	58	21
Россия	39	39	31	51
Китай	48	32	35	49
ЕС	51	19	46	30
Япония	53	24	48	32
США	34	52	36	47

* Для ЕС и Японии данные за 2006 г.

В то же время согласно исследованиям другой организации, *Pew Research Center*, Япония оказалась весьма популярной за пределами Северо-Восточной Азии (см. табл. 2).

При этом опрос показал, что азиатские респонденты имеют весьма противоречивые представления друг о друге. Жители восьми из десяти

³ Подробнее см. *Киселев И.Ю.* Проблема образа государства в международных отношениях // Политэкс: Политическая экспертиза. URL: <http://www.politex.info/content/view/367/> (дата обращения 04.11.2015)

⁴ 2005 г. – первое подобное исследование.

⁵ Negative Views of Russia on the Rise: Global Survey on Country Influence // GlobeScan. URL: <http://www.globescan.com/99-press-releases-2014/315-negative-views-of-russia-on-the-rise-global-survey.html> (дата обращения 04.11.2015)

азиатских стран, которые приняли участие в опросе, выразили благоприятное впечатление о Японии (с долей положительных оценок более 50 %), в то время как о Китае так отзывались шесть из десяти стран. Что касается американцев, то они наиболее благоприятно настроены по отношению к Японии (70%) и Индии (55%). И только 35% респондентов США представляют себе Китай в выгодном свете.

Таблица 2

Доля респондентов разных стран, положительно оценивающих Китай, Индию, Пакистан, Японию и США (2014 г.)⁶

Страна	Китай	Индия	Пакистан	Япония	США
Бангладеш	77	70	50	71	76
Китай	—	30	30	8	50
Индия	31	—	15	43	55
Индонезия	66	62	52	77	59
Япония	7	63	19	—	66
Малайзия	74	46	43	75	51
Пакистан	78	13	-	51	14
Филиппины	38	50	33	80	92
Ю. Корея	56	59	30	22	82
Тайланд	72	45	27	81	73
Вьетнам	16	67	36	77	76
США	35	55	18	70	—

По мнению Брюса Стокса, директора департамента экономических отношений *Pew Research Center*, последние события в Восточно-Китайском море еще больше осложняют непростые отношения между Японией и Китаем, их давнюю конкуренцию за экономическое и политическое лидерство в азиатском регионе. При этом в регионе неуклонно растет доля тех, кто считает именно Китай, а не Японию, ведущей экономической державой. Но Япония остается довольно популярной за пределами Северо-Восточной Азии, а Абэ Синдзо, премьер-министр Японии, внушает больше доверия, чем китайский лидер Си Цзиньпин⁷.

Новый опрос *Pew Research Center* выявил, что опрошенные в одиннадцати странах Азии респонденты имеют положительное мнение как о Японии (73%), так и о Китае (61%). Но только 8% китайцев в 2014 г.

⁶ Global Opposition to U.S. Surveillance and Drones, but Limited Harm to America's Image. – Chapter 4: How Asians View Each Other // Pew Research Center. URL: <http://www.pewglobal.org/2014/07/14/chapter-4-how-asians-view-each-other/> (дата обращения 05.11. 2015)

⁷ Stokes B. Japan, China Neck and Neck in Asian Popularity Contest // Nikkei Asian Review. 17.07. 2014. URL: <http://asia.nikkei.com/magazine/20140717-The-victor-s-dilemma/Viewpoints/ Bruce-Stokes-Japan-China-neck-and-neck-in-Asian-popularity-contes> (дата обращения 05.11.2015)

позитивно оценили Японию. Примечательно, что к Китаю позитивное отношение выразили 56% жителей Южной Кореи, а к Японии – всего 22%.

Подобная враждебность жителей этих стран по отношению к Японии своими корнями уходит в историю. В соответствии с результатами предыдущего (2013 г.) исследования *Pew Research Center* 98% жителей Южной Кореи и 78% жителей Китая считают, что Япония «недостаточно извинилась за свои военные действия в 1930–40-х гг.». Вместе с тем опрос 2013 г. показал, что Китай активно поддерживают в Пакистане (78% положительных оценок) и в Бангладеш (77%). Подобная поддержка Китая гражданами Пакистана связана, по-видимому, с оказанием Пекином существенной военной и экономической помощи Исламабаду. Внимание же КНР к Пакистану продиктовано его региональными и геополитическими интересами и озабоченностью проблемами терроризма и экстремизма⁸.

В 2014 г. большинство азиатских стран – восемь из одиннадцати – выразили обеспокоенность тем, что территориальные претензии Китая могут привести к военному конфликту с соседями. Подобные опасения высказали 93% филиппинцев, 85% японцев, 84% вьетнамцев и 83% жителей Южной Кореи. Более того, 61% из числа опрошенных на Филиппинах и 51% во Вьетнаме отметили, что они «очень обеспокоены возможной военной конфронтацией с Пекином».

Непростое соседство

Япония и Китай являются влиятельными игроками в мировой и региональной политике, и от состояния японо-китайских отношений в определенной мере зависит, будет ли стабильна военно-политическая и экономическая обстановка в Северо-Восточной Азии. При этом отношения между Японией и Китаем характеризуются противоречивостью и недостаточной сбалансированностью⁹.

В послевоенный период японо-китайские отношения периодически ухудшались в связи с трактовкой вопросов истории, однако при этом экономические связи между странами крепили, и про такое положение вещей говорили: «холод в политике, тепло в экономике». Китай стал для Японии крупнейшим внешнеторговым партнером. Например, число сотрудников представительств японских компаний и членов их семей только в районе Шанхая достигло примерно ста тысяч человек, а число китайцев, работающих на связанных с Японией предприятиях, составляет порядка десяти миллионов человек. Однако после национализации пра-

⁸ Уянаев С. Пекин-Исламабад: продолжение «всепогодного» диалога // Российский совет по международным делам. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5282#top-content http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5282#top-content (дата обращения 05.11.2015)

⁹ Семин А.В. Характер японо-китайских отношений в XXI веке. // Институт Дальнего Востока РАН. URL: <http://www.ifes-ras.ru/massmedia/21/350-xarakter-yapono-kitajskix-otnoshenij-v-xxi-veke> (дата обращения 05.11.2015)

вительством Японии островов Сэнкаку китайская сторона пошла на меры, которые фактически могут восприниматься как экономические санкции – сокращение масштабов экономических связей с Японией, ужесточение таможенных процедур и т. д. Иными словами, сложилась ситуация «холод в политике, холод в экономике»¹⁰.

В июле и августе 2014 г. независимой организацией Genron NPO и газетой China Daily был проведен 10-й совместный опрос общественного мнения¹¹ граждан Японии¹² и Китая¹³. Подобные совместные опросы проводятся начиная с 2005 г., т. е. с того времени, когда отношения между Японией и Китаем стали испытывать серьезные трудности. Целью подобных исследований является постоянный мониторинг степени взаимопонимания, взаимного восприятия и изменения отношения друг к другу японской и китайской общественности. Здесь следует отметить, что опросы общественного мнения, посвященные японо-китайским отношениям, осуществляются большим числом авторитетных международных организаций и имеют весьма продолжительную историю. Вот почему релевантная база этих опросов заметно шире, чем, скажем, в случае японо-южнокорейских отношений¹⁴.

Как же изменилось мнение друг о друге стран-соседей по Азиатско-Тихоокеанскому региону? Опрос 2014 г. показал, что у японских респондентов в целом ухудшилось мнение о Китае: 90,0% японцев имеют «неблагоприятные впечатления» о своем соседе, а с ответами «относительно неблагоприятные» этот показатель достиг 93,0% (90,1% в 2013 г.). Доля отметивших «негативное отношение» к стране восходящего солнца китайских респондентов по-прежнему велика – 86,8%. Однако намечилось небольшое улучшение по сравнению с 2013 г., когда свое негативное отношение к Японии высказали 92,8% китайцев. Кроме того, число жителей Китая, у которых сложились «благоприятные» (в том числе «относительно благоприятные») впечатления о Японии, увеличилось в

¹⁰ Исигава С. Японо-китайские отношения и Россия // Исследовательский институт «Евразия 21». URL: <http://www.eri-21.or.jp/russia/opinion/world/20121126.shtml> (дата обращения 05.11.2015.)

¹¹ The 10th Japan-China Public Opinion Poll (Analysis Report on the Comparative Data 09.09.2014) // The Genron NPO. URL: http://www.genron-npo.net/en/pp/docs/10th_Japan-China_poll.pdf (дата обращения 05.11.2015)

¹² 24 июля–10 августа 2014 г. Опрошены мужчины и женщины старше 18 лет. Действительных ответов – 1000. Уровни образования респондентов: с дипломом средней школы 45,8%, с дипломом колледжа 16,7%, со степенью бакалавра 25,2% и со степенью магистра 1,6%.

¹³ 14 июля – 10 августа 2014 г. Опрошены мужчины и женщины в возрасте старше 18 лет в 5 городах: Пекин, Шанхай, Чэнду, Шэньян и Сиань. Действительных ответов – 1539. Уровни образования респондентов: с дипломом средней школы 15,6%, с дипломом технического колледжа 25,2%, с дипломом высшей школы/технического вуза 43,1%, со степенью бакалавра 15,1% и со степенью магистра 0,9%.

¹⁴ Жилина Л. В. Япония в зеркале недавних социологических опросов: Япония и Южная Корея глазами друг друга // Япония 2014. Ежегодник. М.: АИРО-XXI, 2014. С. 109–125.

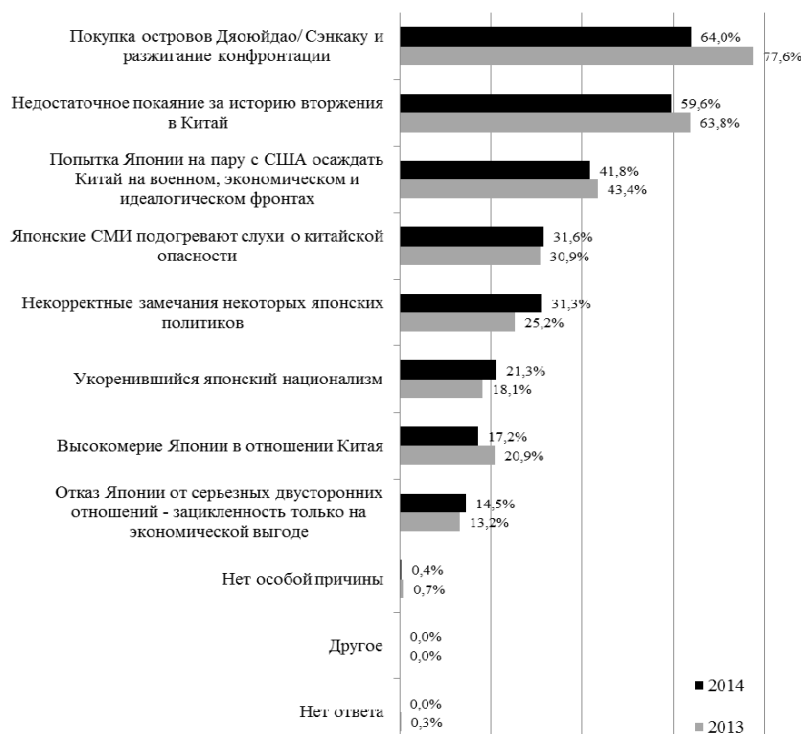
2014 г. более чем в два раза – до 11,3% (5,2% в 2013г.). Тем не менее, если говорить об изменении отношения друг к другу в странах за прошедший год, то 66,7% японцев (34,3% в 2013г.) и 57,3% китайцев (14,0% в 2013г.) отметили «ухудшение» отношения к стране-соседу.

Причины формирования негативного/позитивного отношения друг к другу в обеих странах

Рис. 1

Причины негативного восприятия Японии в Китае (доля респондентов, отметивших соответствующие причины)¹⁵

Общественное мнение в Китае

Каждое государство обладает специфическим набором характеристик, в той или иной степени отличающих его от всех других государств. Причем в подсознании любого человека достаточно четко закреплены характеристики, связанные с теми или иными странами. Как

¹⁵ The 10th Japan-China Public Opinion Poll (Analysis Report on the Comparative Data 09.09.2014) // The Genron NPO. URL: http://www.genron-npo.net/en/pp/docs/10th_Japan-China_poll.pdf (дата обращения 05.11.2015)

же воспринимают граждане двух соседних государств, Китая и Японии, друг друга?

Анализ причин негативного восприятия Японии в Китае показывает, что основными среди них являются: «конфронтация в отношении островов Дяоюйдао / Сэнкаку»¹⁶ – на это указали 64,0% опрошенных (77,6% в 2013г.), «неадекватное историческое понимание» и «недостаточное покаяние за историю вторжения в Китай» – соответственно 59,6% (63,8% в 2013 г.) (см. рис. 1).

С другой стороны, снизилось число китайцев, назвавших именно эти две причины и, напротив, возросло число респондентов, которые отметили среди причин негативного отношения к Японии «некорректные замечания некоторых японских политиков» – до 31,3% (25,2% в 2013 г.).

Что же касается причин негативного восприятия Китая японской общественностью, то наиболее часто упоминались «действия Китая, несовместимые с международными правилами» – на это указали 55,1% опрошенных (47,9% в 2013 г.) (см. рис. 2).

Далее следовали «эгоистичные действия Китая по обеспечению ресурсами, энергетическими источниками и продовольствием» – на это указали 52,8% (48,1% в 2013 г.). В то же время доля японцев, отметивших «продолжение конфронтации в отношении островов Сэнкаку», несколько снизилась – с 53,2% (2013 г.) до 50,4% (2014 г.).

Вместе с тем в ходе опроса 2014 г. были выявлены и мотивы, формирующие позитивное восприятие странами друг друга. Среди причин, объясняющих почему у китайских респондентов сформировалось «позитивное отношение» к Японии, наиболее часто назывались следующие: «японские товары высокого качества» – 57,2% опрошенных (49,4% в 2013 г.); «японцы серьезные и трудолюбивые» – 53,8% (54,4% в 2013г.) и «японцы добрые, у них хорошие манеры и высокие культурные стандарты» – 52,6% (39,2% в 2013г.).

Таким образом, можно констатировать, что более чем у половины респондентов из Китая большое доверие вызывают японские технологии производства и высоко ценится японский национальный характер. А вот доля китайцев, упомянувших о «поразительном экономическом росте после второй мировой войны», снизилась с 49,4% (2013 г.) до 19,7%.

Среди причин позитивного отношения к Китаю в Японии было названо «непосредственное взаимодействие с представителями Китая, в частности, с китайскими студентами», но наиболее распространенным стал ответ: «они (китайцы) становятся более близкими и понятными» (на это указали 39,7% респондентов против 32,3% в 2013 г.).

¹⁶ Сэнкаку (яп. 尖閣諸島, сэнкаку-сёто:) название ряда островов, расположенных у западной оконечности архипелага Нансэй. Китай называет эти острова Дяоюйдао (кит. трад. 釣魚台群島, упр. 钓鱼台群岛, пиньинь: Diàoyútái Qúndǎo).

Рис. 2
Причины негативного восприятия Китая в Японии
(доля респондентов, отметивших соответствующие причины)¹⁷

Необходимо отметить, что углублению взаимопонимания и взаимному узнаванию способствуют обмены в области образования, которые успешно развивает Япония, предлагая различные программы стажировок для студентов из Китая и Южной Кореи. Японское правительство вместе с Министерством образования, культуры, спорта, науки и технологии (МEXT) осуществляет поддержку иностранных студентов, обучающихся в высших учебных заведениях страны. Для финансовой поддержки способных иностранных студентов в вузах Японии разработана и осу-

¹⁷ The 10th Japan-China Public Opinion Poll (Analysis Report on the Comparative Data 09.09.2014) // The Genron NPO. URL: http://www.genron-npo.net/en/pp/docs/10th_Japan-China_poll.pdf (дата обращения 05.11.2015)

ществляется «Программа молодых лидеров»¹⁸. Все это показывает, что частные контакты и публичная дипломатия¹⁹ способствуют формированию благоприятного впечатления стран друг о друге.

Восприятие образа страны

Безусловно, существуют субъективные и объективные факторы взаимного непонимания и отчуждения, порождающие ряд серьезных проблем в двусторонних отношениях Японии и Китая. Китайские респонденты, отвечая на вопрос *«что приходит на ум, когда вы думаете о Японии»*, по-прежнему упоминали «Дяюйдао/Сэнкаку» (46,6% против 57,5% в 2013г.) и «резню в Нанкине»²⁰ (35,3% против 50,3% в 2013 г.). Тем не менее, наблюдается заметное снижение доли подобных ответов в сравнении с опросом 2013 г., что может свидетельствовать о смягчении степени болезненного восприятия этих вопросов в Китае. Наряду с этими ответами упоминались «японская кухня» (16,4% респондентов против 9,5% в 2013 г.) и «гора Фудзи» (12,5% против 9,7% в 2013 г.), что, в свою очередь, может трактоваться как доказательство роста интереса к японской культуре со стороны китайской общественности.

У японских респондентов наиболее распространенными ответами на вопрос о том, *«что приходит на ум, когда вы думаете о Китае»*, были «загрязнение воздуха» (41,2% против 34,1% в 2013г.) и «китайская кухня» (34,0% против 39,7% в 2013г.). Ответ «острова Сэнкаку /Дяюйдао» занял в этом списке третье место (28,6% против 34,1% в 2013 г.), что свидетельствует о некотором смягчении остроты восприятия этого вопроса в Японии.

Вопрос об *«исторических событиях и связанных со страной инцидентах»* у китайских респондентов вызвал ассоциации с «Маньчжурским инцидентом»²¹, Лугоуцяо (Lugou Bridge²²), Нанкинской резней²³

¹⁸ The Young Leader's program // MEXT: Ministry of Education, Sports, Science and Technology – Japan. URL: <http://www.mext.go.jp/english/highered/1303739.htm> (дата обращения 05.11.2015)

¹⁹ Wolf Ch. Jr., Rosen B. Public Diplomacy: How to Think about and Improve It. // RAND corporation. URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/occasional_papers/2004/RAND_OP134.pdf (дата обращения 05.11.2015)

²⁰ В 1937 г. началась война между Китаем и Японией. 13 декабря японские солдаты устроили в Нанкине резню мирного населения. Число погибших мирных жителей оценивается китайской стороной в 300000. По данным послевоенных трибуналов – более 200000. Одной из причин разницы в цифрах является то, что одни исследователи включают в число жертв только убитых в пределах города, а другие учитывают также погибших в окрестностях Нанкина.

²¹ Завоевание Маньчжурии Квантунской армией с сентября 1931 г. по январь 1933 г., или, в более узком смысле, нападение отдельных подразделений Квантунской армии на китайский гарнизон в Мукдене (Шеньян) в ночь с 18 на 19 сентября 1931 г.

²² Мост Марко Поло (Lugou Bridge) мост через реку Юндинхэ на юго-западной окраине современного Пекина. Инцидент на мосту Лугоуцяо – стычка 7 июля 1937 г. между солдатами японской Гарнизонной армии в Китае и ротой китайских войск, охранявших мост Лугоуцяо. Это событие стало началом полномасштабного вторжения японской армии в Китай.

(76,5% против 91,4% в 2013 г.), а также с «покупкой Японией островов Дяоюйдао»²⁴ (49,6%) и «посещением храма Ясукуни премьер-министром Японии»²⁵ (24,9%).

Отвечая на тот же вопрос, японские респонденты чаще всего упоминали «инцидент с кораблями у островов Сэнкаку» (79,2%). Имеется в виду тот факт, что после приобретения правительством Японии трех островов Сэнкаку китайские суда неоднократно вторгались в территориальные воды Японии, а 4 февраля 2013 г. это вторжение продолжалось более четырнадцати часов²⁶. Эти события оставили ощутимый след в сознании японской общественности.

Также компонентами образа (и конструируемого имиджа), несомненно, являются и образы политических лидеров государства. Из японских политиков, которых знают китайские респонденты, самым популярным стал премьер-министр Японии Абэ Синдзо – доля назвавших его увеличилась с 47,4% в 2013 г. до 75,2% в 2014 г. О Коидзуми Дзюнъитиро упомянули 42,8% респондентов (50,2% в 2013 г.).

Что касается китайских политиков, то 92,0% японских респондентов (90,1% в 2013 г.) упомянули Мао Цзэдуна, а 58,8% (48,3% в 2013 г.) – Си Цзиньпина.

69,0% (66,9% в 2013 г.) японцев при ответе на вопрос о *«социальной / политической системе страны-соседа»*, отметили, что в Китае царит «социализм/коммунизм». Оценка китайской политической системы за последние десять лет практически не изменилась. Также 40,1% японских респондентов (37,4% в 2013 г.) охарактеризовали Китай как «тоталитарное» с «однопартийной диктатурой государство», а 35,9% (33,9% в 2013 г.) – как «милитаристское» государство. В течение последнего десятилетия в японском обществе наблюдался устойчивый рост представлений, что Китай – это страна «тоталитаризма» и «гегемонизма».

Политическую систему Японии китайские респонденты наиболее часто называли «японский капитализм» (39,7% респондентов против

²³ Seewald B. Das Massaker, das zwischen China und Japan steht // Die Welt. 13.12.2012. – URL: <http://www.welt.de/geschichte/zweiter-weltkrieg/article111997873/Das-Massaker-das-zwischen-China-und-Japan-steht.html> (дата обращения 05.11.2015)

²⁴ 11 сентября 2012 г. правительство Японии национализировало три острова – Уоцури, Китако и Минамико, подписав с частным владельцем контракт о покупке этих островов за 2,05 млрд иен (около 26 млн. долл.). См. подробнее: Японо-китайский территориальный конфликт вокруг островов Сэнкаку. // ИТАР-ТАСС. 25.11.2013. – URL: <http://itar-tass.com/info/788424> (дата обращения 05.11.2015).

²⁵ 26 декабря 2013 г. премьер-министр Японии посетил храм Ясукуни. Комментируя визит, он заявил, что не хотел оскорбить народы Китая и Южной Кореи. См об этом: Премьер-министр Японии посетил храм Ясукуни. // Lenta.ru. 26.12.2013. URL: <http://lenta.ru/news/2013/12/26/yasukuni/> (дата обращения 05.11.2015)

²⁶ Японо-китайские отношения в связи с островами Сэнкаку: позиция Японии. 07.02.2013. // Посольство Японии в РФ. URL: http://www.ru.emb-japan.go.jp/territory/sen_kaku/pdfs/position_paper2_ru.pdf (дата обращения 05.11.2015)

42,1% в 2013г.). Поскольку опрос 2013 г. проходил сразу после национализации Японией островов Сэнкаку (Дяоюйдао), то многие китайцы (48,9%) охарактеризовали Японию как «гегемонистское» государство. В 2014 г. ответивших подобным образом оказалось уже значительно меньше – 36,7%. «Милитаристской» Японию в 2014 г. назвали 36,5% китайских респондентов (41,9% в 2013), т. е. здесь мы тоже наблюдаем определенное «смягчение напряженности». Стоит отметить, что в китайском обществе за последние десять лет в целом наблюдается положительная динамика при оценке японской государственной системы. Так, в 2005 г. Японию считали «милитаристским» государством 60,3% китайцев.

Через призму характера

Сегодня никто не подвергает сомнению тот факт, что в процессе восприятия и усвоения ценностей других национальных культур важное значение приобретает стереотип, который формируется под влиянием общественного мнения, средств массовой информации и т. д.²⁷. Исходя из результатов опроса 2014 г., можно заключить, что оценка национального характера китайцев в японском обществе весьма ухудшилась (см. рис. 3).

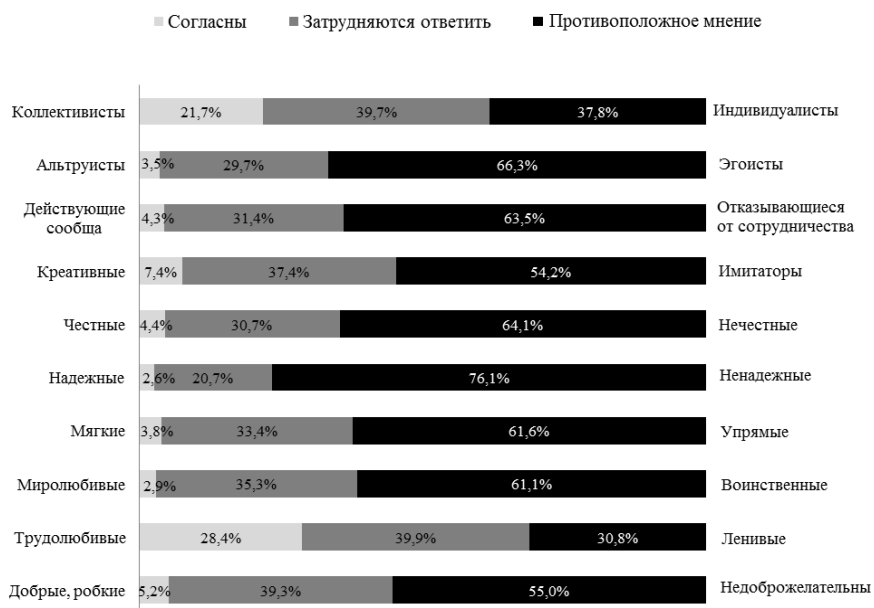
Например, в 2013 г. около половины японцев назвали китайцев «прилежными», но «упрямыми», «эгоистичными», «отказывающимися от взаимодействия и сотрудничества» и как следствие – «ненадежными» людьми²⁸. В 2014 г. уже 76,1% японских респондентов охарактеризовали их как «ненадежных», 66,3 % – как «эгоистичных», 64,1% – как «нечестных». Китайцев также считают людьми, «отказывающимися от сотрудничества» (63,5%), «воинственными» (61,1%) и «упрямыми» (61,6%), отличающимися «высокомерным, недоброжелательным характером» (55,0%). При этом чаще всего японские респонденты отмечали у китайцев «отсутствие желания работать сообща», называли их «индивидуалистами» (37,8%). Многие респонденты указывали на заимствование китайцами внешних форм, на слепое их копирование, называя китайцев «имитаторами» (54,2 %). Именно подражание является одной из черт, с удивительным постоянством отмечаемой японцами в качестве отрицательной компоненты характера китайцев.

В то же время среди положительных характеристик жителей Китая наиболее часто называлось «трудолюбие» (28,4% респондентов) и «коллективизм» (21,7%). Прочие положительные черты китайского национального характера (креативность, доброта, честность, мягкость, альтруизм, миролюбие, надежность) набрали от 7,4% до 2,6%.

²⁷ Кокищаров Н. В. Взаимодействие культур: диалог культур // Credo new. URL: <http://credonew.ru/content/view/352/28/> (дата обращения 05.11.2015.)

²⁸ Подробнее см.: The 9th Japan-China Public Opinion Poll // The Genron NPO. URL: http://www.genron-npo.net/english/opinionpoll_9thjc.pdf (дата обращения 01.02. 2015)

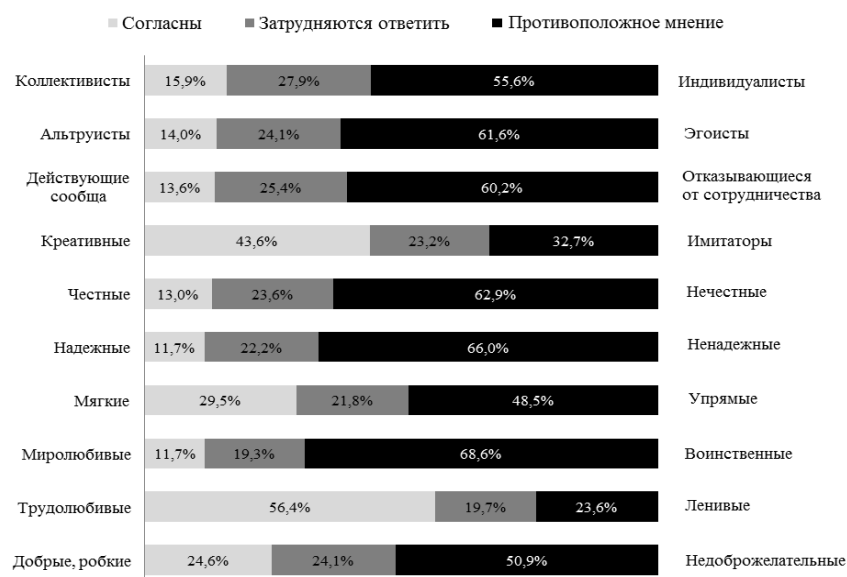
Рис. 3
Китайский национальный характер в восприятии японцев
 Общественное мнение в Японии
 Китайский национальный характер

Что касается восприятия национального характера японцев в Китае, то здесь картина довольно противоречива. Так, 56,4% китайских респондентов называли японцев «трудолюбивыми» (23,6% – ленивыми), 43,6% сочли их «творческими, креативными» людьми (32,7% – имитаторами), 29,5% считают японцев «гибкими, мягкими» (48,5% – упрямыми), 24,6% отметили, что они «добрые/застенчивые, робкие» (50,9% – недоброжелательные /высокомерные) (см. рис. 4).

Далее, 68,6% опрошенных посчитали японцев «воинственными», 66% – «ненадежными», а 62,9% – «нечестными» людьми. Порядка 60% китайцев в качестве другого общего недостатка японцев отметили их неспособность к коллективным действиям, что приводит к «отказу от сотрудничества» и отметили такую черту, как «эгоизм». Поскольку в 2013 г. 70% китайцев назвали японцев «воинственными», «эгоистичными» и «ненадежными» соседями, можно с осторожностью сделать вывод, что в Китае происходит некоторое «смягчение» оценок национального характера японцев.

Рис. 4
Японский национальный характер в восприятии китайцев
Общественное мнение в Китае
Японский национальный характер

Острова раздора

Для Японии и Китая многие десятилетия «яблоком раздора» остаются острова Сэнкаку/Дяоюйдао – оба государства считают их своими, ссылаясь на исторические документы. Было проведено множество переговоров и встреч на высшем уровне, но вопрос об их принадлежности так и остался камнем преткновения в японо-китайских отношениях. Вместе с тем, результаты опросов позволяют увидеть тенденцию к некоторому снижению напряженности по данному вопросу и в китайском, и в японском обществах. Так, в Японии доля респондентов, считающих эту проблему «очень острой», в 2014 г. составила 58,6%, в то время как в 2013 г. она находилась на уровне 72,1%.

Хотя китайские респонденты считают «территориальный вопрос» главным барьером на пути налаживания добрососедских отношений, тем не менее, и здесь наблюдается положительная динамика: доля придерживающихся такого мнения снизилась с 77,5% в 2013 г. до 64,8% в 2014 г.

При этом, как видно из опросов, китайское общественное мнение придерживается более жесткой позиции по территориальному спору. Так, доля респондентов, признающих важность этой проблемы, составила в Китае 76,2%, а в Японии – 64,3 (в 2013 г. – 82,2% и 62,7% соответственно).

Показательно, что пути разрешения территориального спора, предложенные респондентами двух стран, значительно различаются. В Японии наиболее популярной стала рекомендация: «двум странам следует незамедлительно приступить к переговорам с целью решить свои проблемы мирным путем». За это высказались 48,4% респондентов (49,1% в 2013 г.) А 41,2% (42,4% в 2013г.) считают, что «вопрос должен быть рассмотрен в Международном суде и решен в соответствии с нормами международного права».

Китайцы же считают, что «для защиты своей территории Китай должен усилить эффективный контроль». Доля придерживающихся этой позиции составила 63,7% (58,1% в 2013 г.). Доля же тех, кто полагает, что необходимо проявить «желание к урегулированию спора законным путем или путем мирных переговоров» и что «вопрос должен быть решен в соответствии с нормами международного права», снизилась до 13,7% (с 20,1% в 2013 г.). Меньше стало и тех, кто убежден, что «обе страны должны незамедлительно приступить к переговорам, чтобы решить свои проблемы мирным путем» – их доля снизилась с 43,6% в 2013 г. до 32,6 % в 2014 г.

Стоит обратить внимание и на то, что 27,1% (21,7% в 2013 г.) японских и 26,1% (24,6% в 2013г.) китайских респондентов отметили необходимость «предотвратить вооруженный конфликт до того, как он разгорится».

Чего же ожидает общественность обеих стран? Отвечая в 2014 г. на вопрос о «возможности военного конфликта между Японией и Китаем», японские респонденты (38,0%) надеялись, что «в будущем не будет конфликтов», причем за год этот показатель значительно снизился (46,7% в 2013 г.). Заметно повысилась доля тех, кто «не знает» возможен ли этот конфликт (с 29,3% до 32,9%). В то же время заметно повысилась и доля японцев, считающих, что «конфликт начнется в течение ближайших нескольких лет» или что «конфликт в будущем неизбежен» – с 23,7% до 29,0%.

Среди китайских респондентов 42,2% (35,3% в 2013г.) считают, что «конфликт в будущем неизбежен» и 11,2% (17,4% в 2013г.) – что «конфликт начнется в течение ближайших нескольких лет». В общей сложности, более половины китайских респондентов (53,4%) видят реальную угрозу военного конфликта между Японией и Китаем.

На вопрос о необходимости многостороннего сотрудничества в области безопасности в Восточной Азии 47,2% японских респондентов (52,6% в 2013 г.) ответили, что оно «необходимо». Более половины японцев высказались также за то, что это сотрудничество надо осуществлять и с США, и с Северной Кореей, и с Россией.

Что же касается китайских респондентов, то наблюдался некоторый разброс в озвученных мнениях – 80,4% (73,7% в 2013 г.) из них поддерживали идею участия Китая в многостороннем сотрудничестве в сфере безопасности. При этом более половины опрошенных отметили, что

участие в этом процессе должны принимать и Россия, и США. Что же касается Японии и Южной Кореи, то их участие в обеспечении безопасности в Восточной Азии было поддержано 43,1% и 39,1% респондентов соответственно.

Как видно из результатов проведенного опроса, в вопросах сотрудничества двух стран в сфере обеспечения безопасности и Китаю, и Японии недостает взаимного доверия. Причина подобной настороженности и недоверия кроется в том, что пока не преодолены сомнения относительно стратегических целей участия каждой из сторон в Восточноазиатском сообществе.

* * *

В последнее десятилетие во многом благодаря возросшему количеству личных контактов, граждане Японии и Китая расширили знания друг о друге. Но вопреки ожиданиям это не всегда порождало взаимную симпатию. Причины этого – шовинистические настроения, недостаточная информированность, порой даже пренебрежительное отношение друг к другу. Однако главной проблемой в развитии двусторонних отношений и китайцы, и японцы назвали конфликты, в основе которых лежат «коренные интересы» двух стран – демаркация границы в Восточно-Китайском море и спор о принадлежности островов Сэнкаку/Дяоюйдао. Хотя доля респондентов, разделяющих такое мнение, сократилась за последний год и в Китае и в Японии, тем не менее она по-прежнему высока.

Напряженность в регионе возросла после того, как правительство Японии 11 сентября 2012 г. заявило о покупке трех необитаемых островов архипелага у частного японского владельца. После этого в КНР прошли массовые антияпонские демонстрации, сопровождавшиеся погромами японских магазинов и ресторанов. Этот скандал привел к проблемам в двусторонних экономических связях. МИД КНР призвал Японию пересмотреть свое решение о национализации островов, а оборонное ведомство Китая подчеркнуло, что «вооруженные силы Китая оставляют за собой право на ответные меры в связи с покупкой Японией островов Дяоюйдао». Глава же японского МИД Гэмба Коитиро, в свою очередь, заявил, что «Япония ни за что не изменит своего решения»²⁹. При этом 5 февраля 2013 г. правительство Японии учредило новую структуру для усиления «разъяснения» своей позиции по всем территориальным вопросам³⁰.

Другой важной причиной, негативно влияющей на отношения двух стран, китайские респонденты назвали «отношение Японии к вопросам

²⁹ Японо-китайские отношения на перепутье. // Посольство Японии в РФ. URL: http://www.gu.emb-japan.go.jp/Senkaku/20121121_1.html (дата обращения 05.02.2015)

³⁰ NHK World. 05.02. 2013

истории и образования»³¹. Несмотря на постепенную смену поколений, которая, казалось бы, должна ослаблять остроту «исторической памяти», можно ожидать, что с течением времени актуальность этих проблем не снизится³².

Серьезно осложняет диалог соседей и моральная ответственность Токио за ущерб, причиненный в ходе военных конфликтов, а главное – ритуал извинения. Конечно, в Японии существует чувство неловкости перед соседями на континенте, которое, в то же время, трудно назвать в полном смысле осознанием вины³³. По оценке многих исследователей, взаимопонимание между китайцами и японцами к настоящему времени не изменилось к лучшему. Причины этого – консерватизм японцев и особая чувствительность китайцев к своему историческому прошлому. Серьезный ущерб имиджу Японии в Китае наносит также посещение официальными лицами храма Ясукуни.

В то же время опрос 2014 г. показал, что общественность двух стран в целом осознает существующие между Китаем и Японией проблемы. Около 80% японцев и 70% китайцев видят в ухудшении отношений и взаимном негативном восприятии «нежелательный и тревожный» сигнал и считают, что «имеющиеся проблемы должны быть решены».

Вопрос об улучшении имиджа является одним из важнейших направлений внешнеполитической стратегии любого государства. Благоприятный либо неблагоприятный имидж страны неизбежно вносит свои, подчас весьма существенные, коррективы в проводимую ею внешнюю и внутреннюю политику, а также в политику безопасности. Вот почему одним из эффективных резервов формирования имиджа стран является работа с общественным мнением в других странах. В политической ситуации, сложившейся между Японией и Китаем и их ближайшими соседями по АТР, возможно, именно публичная дипломатия³⁴ станет одним из главных средств для выстраивания конструктивного диалога стран-соседей.

³¹ Одобрение властями новых учебников подняло волну антияпонских выступлений в Китае и Республике Корея. Для решения этой проблемы в Японии сделаны переводы «спорных» мест на китайский, корейский и английский языки для размещения их на сайте МИД.

³² Стрельцов Д.В. Проблемы исторического прошлого в послевоенных отношениях Японии со странами Восточной Азии. // Япония 2007. Ежегодник. М.: АИРО-XXI, 2014. С. 27.

³³ Чугров С.В. Социокультурная традиция и внешнеполитический менталитет современной Японии: Диссертация... докт. соц. наук. М., 2007. 444 с.

³⁴ Публичная дипломатия, призванная формировать положительную репутацию государства, в качестве инструментов использует обращение к общественному мнению той или иной страны, активное привлечение общественности на свою сторону в условиях мгновенного распространения информации с вовлечением (в том числе) социальных сетей и т. д.

К. О. Нака

Статья посвящена открытию и личности лауреата Нобелевской премии по физиологии и медицине Яманака Синъя. В статье использованы материалы выступлений С. Яманака, а также данные об открытиях в различных областях медицины, сделанных японскими исследователями после создания им искусственных многофункциональных стволовых клеток iPS. Открытие Яманака положило начало не только новому направлению в регенеративной медицине, фармакологии, трансплантологии, но и заставило говорить о серьезных проблемах в положении науки и ученых в современной Японии.

Ключевые слова: Нобелевская премия, индуцированные плюрипотентные стволовые клетки iPS или искусственные многофункциональные стволовые клетки iPS, открытие, регенеративная медицина, лечение.

Чудо-клетки: революция в медицине

В 2006 г. 44-летний профессор Университета Киото сделал открытие в области, которую многие ученые считали бесперспективной – ему удалось создать искусственные многофункциональные стволовые клетки из клеток кожи мыши, а еще через год – человека¹.

Стволовые клетки, которые являются универсальным строительным материалом для всех типов клеток человека на этапе эмбрионального развития, известны ученым относительно давно. По мере развития эмбриона они способны превращаться в прототипы всех 220 специализированных клеток человеческого тела² – клетки мозговой ткани или костей, сердечной мышцы или роговицы. Эмбриональные стволовые клетки (ES или ЭСК) мыши были выделены из мышинных эмбрионов в 1981 г., а в 1998 г. были выделены ЭСК человека. В начале 2000-х годов на западе получили распространение инъекции стволовых клеток в целях омоложения. Начали проводиться эксперименты по превращению этих клеток в специализированные клетки тканей. Однако развитие этого направления сдерживалось одним очень серьезным, а подчас и непреодолимым препятствием: эти стволовые клетки можно было получить только от человеческого эмбриона. Это выдвигало на первый план две существенные проблемы – ограниченность источников получения исходного материала и моральную оправданность использования клеток эмбриона человека, себе подобного. Выдвигались и опасения в связи с тем, что

¹ Дзинкотаносэйкансайбо но дзюрицу но сэйко (Успехи в создании индуцированных стволовых IPS-клеток) // Киото Дайгаку. 21.11. 2007 URL: http://www.kyoto-u.ac.jp/notice/05_news/documents/071121_11.htm (дата обращения 05.11.2015)

² Диано П. Большой атлас анатомии человека. М.: Бертельсман, 2007. С. II-1.

поставка живого материала для операций может стать привлекательной нишей для преступности.

Открытие С. Яманака снимало все эти проблемы. Созданные им клетки были названы искусственными многофункциональными стволовыми клетками. Широко используется и название индуцированных плюрипотентных клеток – iPS (induced pluripotent stem cell). Оно позволило в лабораторных условиях создать стволовую клетку искусственно, используя в качестве исходного материала клетку кожи взрослого человека.

Перспективы, которые открывались перед наукой, трудно переоценить. Неслучайно создание стволовых клеток относительно простым способом, без морально-этических оговорок и из доступного исходного материала было названо революцией в медицине. Фактически, оно положило начало пути человечества к замене «вышедших из строя» органов не донорскими, а выращенными искусственно из стволовых клеток, причем строительным материалом для них будут служить клетки кожи самого пациента. В обозримой перспективе с помощью искусственных многофункциональных стволовых клеток (iPS-клеток) могут быть решены проблемы нехватки донорских органов, пополнения банков крови и плазмы. В то же время пока остается не до конца решенная проблема перерождения части клеток, полученных из iPS, в раковые.

Как говорит сам профессор С. Яманака, «iPS-клетки – это машина времени, с помощью которой мы можем перенестись во время, когда человек был здоров. Мы можем выяснить механизм болезни и изменить ее ход. Например, взяв у пациента немного клеток кожи, добавив к ним четыре гена, мы создадим iPS-клетки. Из них получим, допустим, клетки сердечной мышцы, и эти клетки будут почти такими же, какими они были, когда пациент только что появился на свет. Мне 52 года. И моим клеткам 52 года. Но созданным клеткам iPS ноль лет. Таким образом, мы обнуляем состояние болезни и возвращаемся в ту точку, когда пациент еще был здоров»³.

Врач-неудачник или типично японский ученый?

С. Яманака начинал свой путь как врач-хирург, причем хирург-неудачник. Во время лекции 2010 г. перед учащимися старших классов и вузов Киото «Новая медицина, которую создают iPS-клетки»⁴ он с болью и стыдом вспоминал, как коллеги просили его не подходить к операционному столу и дали ему прозвище «дзяманака» – от слова «дзяма» (досадная помеха).

³ Яманака Синъя. IPS сайбо но тандзё кара дзицүё э («iPS-клетки: от появления к практическому использованию». Интервью спонсору Центра прикладных исследований iPS-клеток при Университете Киото) // Credit Season card. URL: <http://www.saisoncard.co.jp/support/ips/> (дата обращения 05.11.2015.)

⁴ Яманака Синъя. Коко токубэцу дзюгё. (Лекция перед учащимися старших классов и вузов Киото) // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ReKaknHHyTM&feature=youtu.be> (дата обращения 05.11.2015)

Яманака вспоминал, как «...20 лет назад закончил медицинский факультет, куда мечтал поступить с детства, и начал практику как хирург. Я был счастлив, что смогу начать свою карьеру в новой и прекрасно оснащенной больнице города Осака. Два года я проходил там практику и за все два года мой руководитель ни разу не назвал меня по фамилии, Яманака. Он называл меня «Дзяманака». Работа хирурга – это операции. Нам давали немного попрактиковаться, но у меня всегда все шло не так. Простая операция на 20 минут у меня длилась 2 часа»⁵.

За время практики Яманака понял, что путь хирурга – не для него и решил попробовать себя в научно-исследовательской деятельности. Еще одной причиной, подтолкнувшей С. Яманака выбрать путь ученого, стало осознание ограниченности возможностей современной хирургии: «самые талантливые хирурги бессильны перед переломом позвоночника или раком костей, в результате чего молодые люди, спортсмены остаются навсегда прикованными к постели»⁶.

Он решил заняться изучением причин неизлечимых на сегодняшний день болезней. С. Яманака поступает в аспирантуру и во время первых же экспериментов на новом поприще понимает, что нашел, наконец, свой путь. Этот непростой период жизни научил С. Яманака, по его словам, с благодарностью относиться к неудачам – «самые тяжелые события в жизни становятся началом замечательных перемен».

Этот опыт выразился в его пожелании молодым слушателям: «Я хочу вам пожелать, чтобы вы ошибались и терпели поражение. Из десяти попыток девять должны быть неудачными, чтобы десятая стала успехом. Со мной было именно так»⁷.

Время окончания аспирантуры совпало с первыми открытиями в области стволовых клеток в мире. В начале 1990-х годов в США стали активно проводиться эксперименты по изменению генов. В Японии ничего подобного еще не было. «Заболев» темой клеток и изменения генов, С. Яманака отправляет около 50 писем по объявлениям, размещенным в научных журналах «Nature» и «Science». На одно из писем он получает положительный ответ и уезжает в Институт Гладстона в Сан-Франциско.

С. Яманака признавался, что в Америке он, наконец, смог полностью уйти в науку. Он с благодарностью и ностальгией вспоминает этот период своей жизни, где ему были предоставлены идеальные условия для жизни и работы. Судя по его высказываниям, он решил уехать из США только после того, как ради образования дочери в Японию пришлось вернуться его жене.

Возвращение в Японию стало для Яманака шоком. Японские ученые, вернувшиеся из США, подвержены, по его словам, синдрому ПАД –

⁵ Там же

⁶ Там же

⁷ Там же

«пост-американской депрессии». Такой болезни не знают психотерапевты, но хорошо знают японские исследователи.

Если в Институте Гладстона он не испытывал недостатка в финансировании исследований, за лабораторными животными ухаживал специально обученный персонал, а его коллеги, как и он сам, увлеченно работали над изучением клеток и изменений генов, то в Японии С. Яманака ожидала совсем другая среда.

«В Японии уход за лабораторными животными является обязанностью ученого. Всем известна скорость, с какой плодятся мыши. Через месяц их будет 20, через три месяца – 100. Через год – 500. Вся моя лаборатория вскоре была заставлена клетками с мышами. Я должен был сам ухаживать за ними, кормить, менять воду, чистить клетки и выбрасывать экскрименты. Каждый раз, когда я чистил клетки, весь перепачканный мышинными экскриментами, я задавал себе вопрос – кто я? Ученый или уборщик мышинных клеток?»⁸ – вспоминал С. Яманака этот период своей жизни в 2010 г.

По словам ученого, его порастил контраст между положением исследователей в Америке и в Японии. Это касается, прежде всего, стабильности и финансирования. Японские ученые, по крайней мере, в прикладной сфере естественных наук, в подавляющем большинстве работают по двухгодичному контракту. Это означает, что если за два года не удаётся достичь какого-то конкретного результата, то контракт могут не продлить. Но к серьезному открытию ученый может идти десятилетиями. Такая система приводит к вынужденной погоне за сиюминутными конъюнктурными исследованиями, иначе по истечении контракта ученого ожидает полная неопределенность и поиск нового места работы.

Оставляло желать лучшего и финансирование исследований, которое не шло ни в какое сравнение с бюджетом научных исследований в США. Кроме того, японский институт, в котором он тогда работал, имел медицинскую направленность, и коллеги стали недвусмысленно намекать ему на то, что неплохо бы сменить тему и переключиться с мышинных стволовых клеток на что-то более близкое к медицине. Настал момент, когда С. Яманака был готов оставить науку и вернуться к врачебной практике.

Однако незадолго до решения об окончательном разрыве с наукой произошло два события, изменивших направление его карьеры, которая увенчалась присуждением Нобелевской премии. В 1998 г, через 17 лет после выделения стволовых эмбриональных клеток мыши в Америке были выделены человеческие эмбриональные стволовые клетки. Это дало толчок для активного развития регенеративной медицины, так как открывало перспективы создания здоровых клеток различных органов человека из эмбриональных стволовых клеток.

⁸ Там же

«Для меня это стало решающим. Я подумал, что и мои исследования смогут пригодиться для развития медицины и могут быть применены для лечения таких неизлечимых заболеваний, как повреждения спинного мозга и позвоночника. Однако все равно оставался серьезный вопрос: мы говорим о медицине для человека, но имеем ли право для этой благой цели использовать эмбрион самого человека?»,⁹ — вспоминает С. Яманака.

Не рассчитывая на положительный результат, в 1999 г. он направляет резюме по объявлению в научном журнале, чтобы получив отказ, поставить точку в научной карьере. Но ему приходит положительный ответ, и он поступает на работу в Университет передовой науки и технологии города Нара. Там были созданы превосходные условия для ученых и обеспечено хорошее по японским меркам финансирование. С. Яманака впервые в жизни получил возможность возглавить лабораторию. Целью ее работы он поставил создание стволовой клетки из обычной клетки кожи путем «переформатирования» последней, стирания всей информации с нее, «обнуления» данных и перезаписи новой информации.

«Это была очень сложная задача, но раз я еще совсем недавно был готов вообще расстаться с наукой, я взялся за нее. Я был готов к тому, что на это уйдут десятилетия, и я не увижу плодов этих исследований. Но благодаря моей группе аспирантов и сотрудников нам удалось создать индуцированные плюрипотентные стволовые клетки — induced pluripotent stem cell, iPS. Оказалось, что если воздействовать на клетку кожи четырьмя видами генов, в результате получается — это невероятно, но это так — многофункциональная клетка, очень похожая на стволовую»¹⁰.

В 2006 г. лаборатории под руководством С. Яманака в Университете Киото, где он начал работать с 2004 г., удалось добиться создания искусственных стволовых клеток из клеток мыши. В 2007 г. они повторили свой успех, взяв в качестве строительного материала клетки кожи человека. В 2012 г. за это открытие С. Яманака получил Нобелевскую премию по физиологии и медицине.

Применение открытия: «впервые в мире»

Возможности, которые открывались после создания клеток iPS, в научном сообществе были восприняты как сигнал к действию. Ученые разных институтов страны стали добиваться значительных результатов в экспериментах с клетками iPS. Все чаще в докладах японских ученых звучат слова «впервые в мире».

В феврале 2009 г. группа ученых Университета Кэйо под руководством профессора Окано Хидэюки объявила, что им удалось вернуть

⁹ Там же

¹⁰ Там же

двигательную способность мышцы с поврежденным спинным мозгом и парализованными задними конечностями с помощью индуцированных стволовых клеток человека¹¹. Ученые создали iPS-клетку из клетки кожи человека, а затем вырастили из нее клетки, из которых формируются нервные ткани. Полученные клетки были пересажены мышам с парализованными нижними лапками и через месяц после операции мыши начали ходить. Лечебный эффект человеческих iPS-клеток был доказан впервые в мире.

В декабре того же года группа ученых Университета Тоттори под руководством профессора Осимура Мицуо совместно с командой С. Яманака из Университета Киото сообщила о том, что им удалось превратить клетки людей с мышечной дистрофией в здоровые¹². Ученые «исправили» нарушения в гене больных мышечной дистрофией и вырастили на основе полученной клетки индуцированные стволовые клетки-iPS, способные формировать здоровую мышечную ткань. Полученная здоровая мышечная ткань была создана на основе клеток самих пациентов.

В марте 2010 г. в Институте медицины в Нара впервые в мире был выращен фрагмент кишечника из индуцированных плюрипотентных стволовых клеток iPS мыши. Фрагмент кишечника трубкообразной формы 2 мм в диаметре и 5 мм в длину обладал перистальтической способностью, свойственной настоящему кишечнику, продвигать вдоль трубки попавшее в нее вещество. В нем была слизистая оболочка, мышцы и нервные окончания, то есть все, что составляет структуру кишечника. Трехмерный фрагмент внутреннего органа из клеток iPS был получен впервые в мире.

В декабре 2010 г. профессор Х. Окано на научной конференции «Биохимия и молекулярная биология – 2010» сообщил о новом результате: его группе с помощью iPS-клеток человека удалось вернуть способность ходить почти полностью парализованной обезьяне с поврежденным спинным мозгом (после успешного опыта на мышах прошло менее двух лет). Обезьяне с парализованными конечностями были пересажены нервные клетки, выращенные из iPS-клеток, которые были получены из клеток кожи человека. Через шесть недель после начала эксперимента она смогла самостоятельно ходить, полностью восстановилась также способность сжимать и разжимать кисть.

В августе 2011 г. ученые Университета Киото под руководством профессора Сайто Митинори впервые в истории добились рождения полноценного потомства у мышей от самца, неспособного к воспроиз-

¹¹ Сэнтан какагидзюцу симподзиму «iPS сайбо га кирихираку конго-но игакукэнкю» (Симпозиум передовой науки и технологии «Исследования в области медицины будущего, которые открывают iPS-клетки») // Кэйо дайгаку. URL: <http://www.keio.ac.jp/ja/news/2008/kr7a4300000nv2u.html> (дата обращения 05.11.2015).

¹² Судзи дзисуторофи: кандзя юрай но iPS сайбо: ни окэру идэнси сю:фуку ни сэйко: (Успешное восстановление днк в стволовых клетках больного мышечной дистрофией). // Тоттори дайгаку. URL: <http://www.jst.go.jp/pr/announce/20091209/> (дата обращения 05.11.2015)

водству¹³. Из его клеток кожи были получены клетки iPS, а из них выращены первичные зародышевые, так называемые примордиальные клетки, из которых впоследствии формируются и сперматозоиды и женская яйцеклетка. Примордиальные клетки были пересажены в семенник бесплодного самца, после чего через 10 недель у него появилась сперма, клетки которой оказались способны к деторождению. Более того, полученное таким образом потомство, в отличие от своего биологического отца, оказалось способно к деторождению. Это достижение, с одной стороны, можно назвать первым шагом к решению проблемы бесплодия у человека, но с другой стороны, оно поставило новую этическую проблему – теоретически оно делает возможным рождение ребенка с участием только одного из родителей.

В январе следующего года ученые того же университета добились значительного прогресса в лечении болезни Паркинсона у приматов путем внедрения в мозг обезьяны нервных клеток, выращенных из iPS-клеток человека. Через полгода после начала эксперимента с помощью сканирования головного мозга ученые смогли убедиться в том, что пересаженные клетки вырабатывают допамин – вещество, которое является ключом для лечения этого тяжелого заболевания¹⁴. На сегодняшний день медицина умеет смягчать симптомы этой болезни, но кардинальных способов лечения пока не существует.

Летом того же года ученые Университета Йокогама впервые в мире вырастили печень из человеческих индуцированных плюрипотентных стволовых клеток iPS в организме мыши¹⁵. Из стволовой клетки-iPS человека получили три вида клеток, необходимых для строения тканей печени. С их помощью им удалось создать клетку-прародительницу клетки печени, которая и была пересажена мыши. В организме мыши она превратилась в обычную клетку печени. Выращенная печень размером всего 5 миллиметров ничем не отличается от человеческой печени, вырабатывает протеины и расщепляет поступающие в организм лекарственные препараты, бесперебойно работают в ней и кровеносные сосуды.

В январе 2013 г. Университет Киото сообщил о создании его учеными фрагментов почечной ткани человека из клеток iPS¹⁶. Авторы

¹³ Таносэй кансайбо дэ сакусэй сита сэйсёку сайбо ни юрай суру маусу но сансюцу ни сэйко - сэйсёку сайбо кэйсэй мэканидзуму но каймэй, фунинсё гэнъин надо ни кокэн (Успешная реконструкция мыши путём выращивания эмбриональных стволовых клеток будет способствовать раскрытию причин бесплодия и механизма формирования половых клеток) Доклад о результатах исследования. 05.08.2011. // Киото дайгаку. URL: http://www.kyoto-u.ac.jp/static/ja/news_data/h/h1/news6/2011/110805_1.htm (дата обращения 05.11.2015.)

¹⁴ Там же.

¹⁵ Йомиури симбун. 8.06. 2012.

¹⁶ Хито iPS сайбо о мотинтэ дзиндзо но итибу кодзо о сайгэн (Японским учёным удалось вырастить часть почки из стволовых клеток человека) // Киото дайгаку. URL: http://www.kyoto-u.ac.jp/static/ja/news_data/h/h1/news6/2012/130123_1.htm (дата обращения 05.11.2015.).

эксперимента получили клетки пяти типов, характерных для основных частей почек. В частности, им удалось создать почечный каналец, с помощью которого происходит фильтрация крови. В декабре того же года университет Кумамото впервые в мире был выращен почечный клубочек человека из многофункциональных стволовых клеток iPS¹⁷, который отвечает за вывод из крови вредных веществ.

В июле 2014 г. впервые в мире Университетом Кобэ и Центром прикладных исследований iPS-клеток при Университете Киото (CiRA) были искусственно выращены раковые стволовые клетки, которые отвечают за быструю регенерацию и рост злокачественных опухолей. До сих пор исследования механизма роста раковых клеток сдерживались тем, что в распоряжение ученых попадает крайне незначительное количество живых онкологических стволовых клеток. Возможность их производства искусственным способом открывает большие возможности для их изучения и поиска эффективных препаратов для лечения.

В сентябре 2014 г., через семь лет после создания iPS-клетки человека и через два года после присуждения С. Яманака Нобелевской премии происходит событие, которое, несомненно, войдет в историю регенеративной медицины. Впервые в мире в Японии была успешно проведена операция с использованием искусственных многофункциональных стволовых клеток. Профессор Такахаси Масаё из института RIKEN в Кобэ осуществил операцию по пересадке 70-летней женщине с тяжёлым заболеванием – возрастной макулярной дегенерацией (макулодистрофией) – сетчатки, выращенной из клеток iPS самой пациентки. Таким образом, были начаты клинические исследования по лечению человека с использованием iPS-клеток.

Ученые открывают все новые возможности применения искусственных многофункциональных клеток. Это не только выращивание органов «в пробирке» из клеток самого пациента, но и эксперименты по воздействию на различные заболевания новых или уже хорошо изученных лекарств. В 2014 г. профессору Цумаки Нориюки Университета Киото удалось найти лекарство от неизлечимого на сегодняшний день заболевания – хрящевой (хондро-) дистрофии. Хондродистрофия – симметричное укорочение конечностей при нормально развитом туловище – возникает за счет нарушений при делении клеток росткового хряща эмбриона. Заболевание характеризуется карликовым ростом, короткими руками и ногами при увеличенных размерах головы. До сих пор единственным способом лечения был метод Гавриила Абрамовича Илизарова,

¹⁷Сэкай дэ хадзимэтэ хито iPS сайбо: кара сандзигэн дзиндзо: сосики сакусэй ни сэйко: ~ дзиндзо: сайсэй ирё: э но тобира о хираку (Впервые в мире удалось создать трёхмерную ткань почки из стволовых клеток человека, что откроет дорогу лечению почек путем регенерации). // Кумамото дайгаку. URL: <http://www.kumamoto-u.ac.jp/whatsnew/seimei/20131213> (дата обращения 05.11.2015).

который заключался в последовательном механическом «удлинении» костей, что связано с проведением многочисленных операций и продолжительным пребыванием в стационаре. Японские ученые вырастили клетки хряща, основой для которых стали ткани пациента, страдающего хондродистрофией. После этого они стали воздействовать на искусственные хрящевые клетки различными препаратами. Неожиданностью для исследователей стало то, что применение лекарства, давно использовавшегося при лечении заболеваний сердечно-сосудистой системы, привело к делению клеток и началу процесса формирования хряща. Клинические испытания могут начаться уже в 2016 г.

Осенью прошлого года впервые практический интерес к искусственным плюрипотентным клеткам iPS проявили представители косметической индустрии. В Кобэ будет создан центр по изучению способов лечения облысения с помощью iPS-клеток. Первых пациентов он сможет принять уже в 2018 г. Из фрагмента кожи размером около 5 миллиметров, взятого с затылочной части головы пациента, ученые создадут клетки, отвечающие за рост волос. Затем эти клетки будут пересажены пациенту. Этот способ может стать наиболее кардинальным решением проблемы облысения.

После Нобелевской премии

Если научное сообщество сразу же отозвалось на открытие С. Яманака целой серией новых исследований и экспериментов, то на государственном уровне оно было оценено только после присуждения ему Нобелевской премии. Присуждение премии вскрыло также проблемы японской науки в области финансирования и создания необходимых условий для исследований. Государство после присуждения ученому Нобелевской премии наконец осознало, что Япония получила в руки инструмент, который может обеспечить ей лидерство в наиболее передовой отрасли медицины. Но одновременно с этим оно с удивлением обнаружило, что условий для того, чтобы удержать это лидерство, не создано, что выдающиеся результаты достигнуты в первую очередь за счет энтузиазма и подвижничества самих ученых.

О многом говорит следующий факт. За полгода до присуждения премии, в марте 2012 г., чтобы собрать необходимые для исследований 10 млн. иен (по курсу на тот момент – порядка 100 тыс. долл.), С. Яманака вызвался «на пари» через интернет пробежать марафонскую дистанцию. Желавшие поддержать это начинание могли помочь профессору по популярной сейчас в Японии схеме, переведя средства на сайт // justgiving.jp/. За полгода почти вся сумма была собрана, а за одни сутки, прошедшие после присуждения ему премии, она выросла почти вдвое. С. Яманака занимается спортом и каждое утро совершает пробежку, поэтому марафонская дистанция в его случае не была связана с

риском для здоровья. Но есть ли еще в мире примеры того, как Нобелевский лауреат собирает деньги на исследования, ставя на кон свои физические возможности?

На первой пресс-конференции на вопрос, в какой момент его застало известие о присуждении Нобелевской премии, новоиспеченный лауреат безыскусно ответил, что к телефону подошла жена, потому что он сам «чинил стиральную машину». Ответ вызвал смех в зале и долго обсуждался в СМИ. Через несколько дней после пресс-конференции члены кабинета министров, устыдившись за положение науки в Японии, решили вскладчину купить лауреату новую стиральную машину, чтобы он мог сконцентрироваться на исследованиях. В то же время об уровне понимания правительством важности продвижения этих исследований говорит тот факт, что в принятом через две недели после присуждения Нобелевской премии пакете экономических мер на сумму 422,6 млрд. иен (около 5 млрд. долл. по официальному курсу), на исследования iPS выделялось всего 3,8 млрд. иен (47 млн. долл.).

За три года, которые прошли после присуждения премии, на разных уровнях произошло осознание важности открытия и – что немаловажно – его экономической отдачи и значения для развития различных отраслей науки и экономики.

Правительство Японии начало создание структуры, которая займется поисками принципиально новых лекарств от 50 наиболее сложных и редких заболеваний с использованием искусственных многофункциональных стволовых клеток iPS. Новая структура должна будет под патронажем государства объединить усилия пяти научно-исследовательских центров, которые успели добиться наибольших результатов в работах с iPS-клетками, и семи частных фармакологических компаний. Она будет сформирована к 2017 г. и станет первым совместным проектом науки и производства под руководством государства¹⁸. Предполагается, что клеточный материал для апробации новых лекарств будет создан на основе клеток самих пациентов, страдающих тяжелыми заболеваниями.

В феврале 2013 г. возглавляемый С. Яманака Центр прикладных исследований iPS-клеток при Университете Киото выступил с инициативой создания банка клеток iPS, из которых можно вырастить клетки нужного типа для трансплантации. Уже осенью 2015 г. банк начнет предоставлять научным и медицинским центрам искусственные многофункциональные стволовые клетки для проведения клинических исследований. Банк искусственных многофункциональных стволовых клеток человека создастся на базе донорских клеток крови отобранных в клинической больнице университета здоровых людей с таким сочетанием антигенов тканевой совместимости, которое вызывает наименьшее отторжение при

¹⁸ Йомиури симбун. 03.05. 2013.

трансплантации. Как рассчитывают ученые, к 2017 г. мощности банка смогут покрывать 30–50% потребностей населения Японии. С осени 2015 г. клеточным материалом банка смогут пользоваться 10 крупнейших научных и медицинских институтов Японии.

Весной 2015 г. в истории развития исследований iPS-клеток произошло еще одно знаковое событие: впервые к их использованию проявил интерес крупный бизнес. Одна из крупнейших фармакологических компаний Японии «Takeda Pharmaceutical Company Limited» и Центр прикладных исследований iPS-клеток при Университете Киото (CiRA), возглавляемый С. Яманака, объявили о запуске 10 проектов сроком на 10 лет по совместной разработке лекарств и способов лечения тяжелых заболеваний с использованием iPS-клеток. Фармакологическая компания вкладывает в разработку проекта 20 млрд. иен (более 160 млн. долларов по текущему курсу). Проект станет первым шагом к крупномасштабному применению iPS-клеток в практической медицине.

В интервью телерадиокорпорации NHK 8 октября 2012 г. – в день, когда ему была присуждена Нобелевская премия, С. Яманака сделал прогноз развития регенеративной медицины: «Предполагаю, что быстрее всего начнутся клинические исследования по лечению сетчатки, например, макулодистрофии (*прогноз оправдался* – КН). Но есть разница в зависимости от заболевания. Исследования по лечению поврежденного спинного мозга, болезни Паркинсона, заболеваний сердца с помощью iPS-клеток начнутся в течение ближайших нескольких лет. Полномасштабное лечение будет начато в течение 10–20 лет».

Вместо заключения

Нобелевская премия по физиологии и медицине, присужденная в 2012 г. японскому профессору С. Яманака, как вспышка молнии высветила все «теневые» стороны современного состояния науки и отношения к ней в Японии и одновременно вывела на сцену человека, который вскоре заслужил в прессе звания «настоящего японского ученого» и «самурая от науки». После присуждения премии стало известно, что он лично поддерживает контакты с сотнями людей, страдающих от неизлечимых и редких заболеваний. Выяснилось, что сотни пациентов регулярно приглашаются им для участия в научных симпозиумах, где им предоставляется возможность задавать вопросы и участвовать в обсуждении. В пост-нобелевских выступлениях профессор Яманака подчеркивает, что премия – не цель. Его позиция, озвученная вскоре после открытия клеток iPS в 2010 г., осталась неизменной и после получения награды: «Создание iPS-клеток – это не завершение исследований. Это только начало пути. Пока ни одна жизнь еще не была спасена благода-

ря iPS. Я вижу свою задачу в том, чтобы довести эти исследования до конца в настоящем смысле слова»¹⁹.

В то же время после присуждения премии внимание общественности было привлечено к тому, что отношение к научному труду и ученым в Японии находится совсем не на той высоте, как это принято было считать, что открытия и прорывы происходят часто только благодаря воле и таланту самих ученых, которые готовы мириться с недостаточным финансированием и нестабильностью, чтобы реализовать свою мечту.

Подтверждением того, что практика работы на быстрый результат в науке оказывается порочной, стало «открытие» так называемых STAP-клеток – искусственных стволовых клеток, для создания которых, якобы, достаточно воздействия некоей кислоты. Открытие оказалось подделанным, автор – 30-летняя сотрудница института RIKEN Обаката Харуко – уволена, а ее научный руководитель, не выдержав позора, покончил жизнь самоубийством.

В то же время можно не сомневаться, что открытию С. Яманака теперь уготовано блестящее будущее. За 8 лет после открытия iPS-клеток человека ученые научились выращивать из них клетки сердечной мышцы, кишечника, поджелудочной железы, сетчатки глаза, крови, кожи, нервные клетки, женскую яйцеклетку и клетки спермы, нефроны почки²⁰. В прошлом году была успешно проведена первая в истории человечества операция по замене сетчатки при помощи iPS-клеток. Открытие позволило испытывать лекарства на органах, выращенных из iPS-клеток. Удалось добиться первых результатов в борьбе с такими заболеваниями, как паралич конечностей, болезнь Паркинсона и другими.

Правительство страны не скрывает планов по превращению регенеративной медицины в один из японских брендов и направлений медицинского туризма, а Японии – в мирового лидера исследований и практического применения в медицине искусственных многофункциональных клеток iPS. Удается ли превратить Японию в мировую державу регенеративной медицины и извлечь из этого положения очевидные выгоды, как для экономики, так и для науки и исследователей – покажет время.

¹⁹ Сэнтан кагакугидзюцу симподзюму «iPS сайбо га кирихираку конго-но игакуэнкю» (Симпозиум передовой науки и технологии «Исследования в области медицины будущего, которые открывают iPS-клетки») // Кэйо дайгаку. URL: <http://www.keio.ac.jp/ja/news/2008/kr7a4300000nv2u.html> (дата обращения 05.11.2015).

²⁰ iPS сайбо: кихон дзё:хо: (Базовая информация о стволовых клетках). // Киото дайгаку. URL: <http://www.cira.kyoto-u.ac.jp/j/faq/faq2.html> (дата обращения 05.11.2015)

Е. В. Большова, А. В. Щербакова, Д. А. Щербаков

В статье анализируются основные проекты, отражающие тенденции развития двустороннего инвестиционного сотрудничества между Японией и ведущими странами Латинской Америки – Бразилией и Мексикой – в стратегически важных для Японии отраслях.

Ключевые слова: Япония, Латинская Америка, Бразилия, Мексика, прямые иностранные инвестиции, автомобилестроение, энергетика, биотопливо

Investment cooperation of Japan with Brazil and Mexico: current state and perspectives

This article is aimed to analyze the main projects, which reflect the tendencies of bilateral investment cooperation of Japan with leading countries of Latin America – Brazil and Mexico – in the branches, which are key for Japanese economy.

Key words. Japan, Latin America, Brazil, Mexico, foreign direct investments, motor industry, energy, biofuels

Рост значения Латинской Америки как источника энергетических и продовольственных ресурсов, наличие дешевой рабочей силы и емкого внутреннего рынка, а также расширение возможностей для инвестирования капитала и сбыта продукции обуславливают повышенное внимание правящей элиты Японии к странам региона.

Объем японских прямых инвестиций в Латинскую Америку в последние годы составляет около 10% от общего объема японских ПИИ. Таким образом, данный регион до настоящего времени не был приоритетным рынком для японских корпораций по сравнению с рынками Северной Америки, Европы и Азии, хотя экономика и рынки стран Латинской Америки предоставляют достаточно неплохие возможности для японских компаний.

Бразилия является лидирующей промышленной страной в Латинской Америке, богатой природными ресурсами. Она занимает ведущие позиции в Меркосур¹. Кроме того, между Бразилией и Японией существуют достаточно глубокие связи, установленные в результате миграции японских граждан в Бразилию в начале XX в. Бразилия – одна из развивающихся стран БРИКС, и ее позиции значительно укрепились за последнее время вследствие кардинальных изменений в «американском мире» в результате финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг.

¹ Меркосур (сокр. от исп. Mercado Común del Sur) – экономический союз ряда стран Южной Америки (Аргентина, Бразилия, Уругвай, Парагвай, Венесуэла), основанный в 1991 г.

С географической точки зрения Мексика включена в североамериканский континент, и она извлекает значительную экономическую выгоду от Соглашения о создании североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА). Более того, Мексика – одна из немногих стран Латинской Америки, с которой Япония заключила соглашение о свободной торговле.

Наличие дешевой и избыточной рабочей силы, а также энергоресурсов, исторически сложившиеся миграционные процессы и культурные связи, относительно стабильный инвестиционный климат Бразилии и Мексики, функционирование региональных экономических соглашений, таких как НАФТА и Меркосур, обусловили увеличение притока инвестиций японских компаний в эти страны начиная с 1980-х гг. XX в.

В настоящее время в Латинской Америке действует порядка 910 японских предприятий, большая часть из которых находится в Бразилии (260), Мексике (255) и Панаме (102)². Располагая предприятия в данных странах, Япония получает доступ к Североамериканскому рынку (за счет Мексики), рынкам стран-членов БРИКС и Меркосур (за счет Бразилии). Остальные латиноамериканские страны-реципиенты японских предприятий привлекают японский бизнес, в основном, из-за наличия больших запасов природных ресурсов.

Инвестиционное сотрудничество между Японией и Бразилией

Япония устойчиво входит в десятку основных поставщиков капитала в бразильскую экономику, инвестируя, прежде всего, в автомобилестроение, строительство инфраструктурных объектов, энергетику. В Бразилии действует ряд филиалов крупных японских промышленных корпораций, в том числе «Toyota», «Nissan», «Honda» (на долю последней приходится свыше 80% предложения на рынке мотоциклов)³. Характеристика ряда японских производственных компаний в Бразилии представлена в Таблице 1 *Приложения А*.

Большинство японских производственных корпораций сосредоточено в городах Сан-Пауло и Манаус, являющихся крупнейшими промышленными центрами Бразилии. Приведем несколько примеров.

Так, дочерняя компания крупнейшего японского производителя строительной техники «Komatsu» осуществляет производство нескольких типов строительной техники. В 2001 г. компания экспортировала около половины своей продукции в Европу и США, а ее доля на местном рынке составляла около 13%.

Дочерняя компания «Denso» была основана в Бразилии в 1982 г. для обеспечения потребностей сборочных предприятий европейских и американских компаний, таких как «Fiat» и «Ford». Это предприятие было

² Resumen de las Relaciones Comerciales e Económicas entre Japón y América Latina, Centroamérica. // JETRO. 03.11.2011. URL: <https://www.jetro.go.jp/costarica/topics/20111102872-topics/UNA111103.pdf> (дата обращения 05.11.2015.)

³ Там же.

открыто в г. Куритиба, который находится в четырёхстах километрах от Сан-Пауло, что было обусловлено высокой концентрацией здесь японских резидентов.

В 1998 г. компания «Yazaki» основала совместное предприятие с бразильской компанией в г. Татуи, который находится на небольшом удалении от Сан-Пауло. Предприятие поставляет свою продукцию широкому кругу японских и неапонских компаний. Обе эти компании являются типичными независимыми производителями автомобильных комплектующих, и обе они сумели выйти не только на местный, но и на внешний рынок, поставляя свою продукцию не только японским, но и большому числу неапонских компаний. Обладание значительными производственными возможностями и широкой клиентской базой, а также независимость от японских материнских компаний являются одними из главных условий успешного ведения ими бизнеса на южно-американском рынке.

В середине 2000-х гг. вследствие насыщения внутреннего рынка, а также рынков развитых стран японские автопроизводители вновь стали активно осуществлять инвестиции в страны БРИКС, в т. ч. в Бразилию.

В 2005 г. «Yamaha Motor» объявила о расширении мощностей завода по производству мотоциклов в Манаусе за счет дополнительного инвестирования до 2009 г. около 6,9 млрд. иен⁴.

В 2008 г. один из крупнейших японских производителей резинотехнической продукции «Yokohama Gomu» принял решение об инвестировании около 50 млн. долл. с целью создания в Бразилии предприятий по производству автопокрышек⁵.

В 2012 г. «Toyota» объявила об открытии в Сан-Пауло нового завода с проектной мощностью до 70 тыс. новых автомобилей в год (общая сумма инвестиций – 600 млн. долл.), а также о запуске в 2016 г. цеха по сборке двигателей в Порто-Фелис мощностью 200 тыс. двигателей в год. «Завоевывать» Бразилию в непростой посткризисный период японский автоконцерн решил посредством производства ультрабюджетной модели «Etios»: только за семь месяцев 2012 г. в Бразилии было приобретено около 70 тыс. этих малолитражек стоимостью 8 тыс. долл.⁶.

Рост бразильского автомобильного рынка в последнее время явно способствует росту капиталовложений в него со стороны представителей японской автоиндустрии. Об этом свидетельствуют следующие факты:

- в августе 2013 г. «Toyota» объявила о дальнейшем развитии в Бразилии производства инженерных пластмасс для автомобильных запчастей (объем инвестиций – 1 млрд. иен), а «Honda» – о строитель-

⁴ Нихон кэйдзай. 01.08. 2005.

⁵ Нихон кэйдзай. 27.07. 2008.

⁶ Все уходят, Toyota остается // ExpertOnline. 10.08. 2012. URL: <http://expert.ru/2012/08/10/vse-uhodyat-toyota-ostaetsya/> (дата обращения: 05.11.2015).

- стве нового автозавода с ежегодным объемом производства 120 тыс. единиц (объем инвестиций – 43 млрд. иен);
- в декабре 2013 г. «Bridgestone» анонсировала расширение производства автопокрышек на 2 800 штук в день (до 10 100 штук) и увеличение количества рабочих мест (объем инвестиций – 6,5 млрд. иен);
 - в апреле 2014 г. «Nissan» ввела в эксплуатацию новый автоком-плекс с объемом производства до 200 тыс. автомобилей и 200 тыс. моторов в год (объем инвестиций – 120 млрд. иен)⁷.

Практически полное отсутствие в Японии собственного сырья обусловливает стремление ее производителей получить доступ к разработке месторождений в других странах. Сотрудничество в данной сфере Япония осуществляет и с Бразилией. Открытие в середине 2000-х гг. значительных месторождений нефти (подавляющее большинство которых – 93,6% – являются шельфовыми⁸) дает японским компаниям шансы на сотрудничество в их освоении. Япония, остро нуждающаяся в диверсификации своего импорта энергоносителей, крайне заинтересована в таком сотрудничестве.

В 2005 г. «Mitsubishi shoji», «Mitsui Bussan» и «Sumitomo shoji» приняли участие в тендере на право разработки бразильского морского глубоководного нефтяного месторождения «Jubarte», однако в число победителей тендера не вошли⁹.

В 2009 г. стартовала добыча на месторождении «Frada» в бассейне «Campos», разрабатываемом «Chevron» (51,74%), «Petronas» (30%) и консорциумом японских компаний «FradeJapá o PetróleoLtda» (18,26%). В 2010 г. добыча составила 2,5 млн. т¹⁰.

В последние годы японские корпорации начали реализацию ряда проектов, связанных с созданием сверхглубоководных плавучих установок по добыче, хранению и отгрузке нефти для бразильских морских подселевых нефтяных месторождений, в том числе:

- в 2010 г. «MODEC Inc.», «Mitsui&Co. Ltd.», «Mitsubishi Corporation», и «Mitsui O.S.L. Lines» при участии японских финансовых институтов «The Bank of Tokyo-Mitsubishi UFJ Ltd.», «Sumitomo Mitsui Banking Corporation», «Sumitomo Mitsui Trust Bank Ltd.», «Mizuho Corporate Bank Ltd.», «Aozora Bank Ltd.», «Mitsubishi UFJ Trust and Banking Corporation» инвестировали порядка 800 млн. долл. в голландскую компанию «TUPILLOTMV22 B.V.» с целью

⁷ Wise-Men Group for the Strategic Economic Partnership between Brazil and Japan. // The Ministry of Foreign Affairs. URL: <http://www.mofa.go.jp/files/000049885.pdf> (дата обращения: 05.11.2015).

⁸ Нефтяная промышленность Бразилии // ЦДУ ТЭК. URL: <http://www.cdu.ru/articles/detail.php?ID=304671>(дата обращения: 05.11. 2015).

⁹ Нихон кэйдай. 23.08.2005.

¹⁰ Нефтяная промышленность Бразилии // ЦДУ ТЭК. URL: <http://www.cdu.ru/articles/detail.php?ID=304671>(дата обращения: 05.11. 2015).

разработки месторождения «Lula» (район Сантос). Плавучая нефтеперерабатывающая платформа (ПНП), создаваемая в рамках этого проекта, способна производить до 100 тыс. баррелей сырой нефти и 150 млн. кубических футов газа. Кроме того, в течение 15 лет бразильская государственная нефтяная компания «Petrobras» будет обеспечивать фрахтовые услуги¹¹;

- в 2012 г. «Mitsui&Co. Ltd.», «Mitsui O.S.K. Lines Ltd.» и «Marubeni Corporation» осуществили капиталовложения в «Cernambi SulMV24» – голландскую компанию, основанную «MODEC Inc.» – с целью создания ПНП по добыче, хранению и отгрузке нефти для месторождения «Cernambi Sul». Указанный район является частью глубоководного месторождения нефти, расположенного примерно в 300 км к югу от Рио-де-Жанейро. Нефть также содержится в под-солевом слое в 5 км под морским дном. Кроме прочего, проект предполагает трансформацию VLCC (крупнотоннажного танкера для перевозки сырой нефти), который будет переименован в «FPSO Cidade de Mangaratiba MV24»¹²;
- в 2013 г. «Mitsui&Co. Ltd.», «Mitsui O.S.K. Lines Ltd.» и «Marubeni Corporation» приступили к реализации проекта в районе Ирасема Норте, инвестировав в «Cernambi Norte MV26 B.V.» (также основана «MODEC Inc.»), для создания ПНП в досолевом нефтяном месторождении у берегов Бразилии. Как и предыдущий, данный проект включает реконструкцию VLCC, который после завершения работ будет переименован в «FPSO Cidade de ITAGUAÍ MV26»¹³. В том же 2013 г. указанные японские компании осуществили инвестиции в «Carioca MV27 B.V.» с целью возведения ПНП «FPSO Cidade de Caraguatatuba MV27»¹⁴;
- в 2014 г. «Dai-ichi Life Insurance Company, Limited» инвестировала 30 млн. долл. США в транспортный ПНП-проект «Cidade de Sao-Paulo MV23», соинвесторами которого были «MODEC Inc.», «Mitsui & Co. Ltd.», «Mitsubishi Corporation»¹⁵.

¹¹ Brazil Lula Oil Field FPSO Project. URL: <https://www.jbic.go.jp/en/efforts/support/support-2010/0831-4366> (дата обращения: 23.03. 2015).

¹² Mitsui & Co., Ltd., Mitsui O.S.K. Lines, Ltd. and Marubeni Corporation to Participate in Ultra-Deepwater FPSO Chartering Project for Cernambi Sul Area of Brazilian Offshore Pre-Salt Oil Field. // Mitsui OSK Lines. URL: <http://www.mol.co.jp/en/pr/2012/12021.html> (дата обращения: 05.11.2015).

¹³ Там же

¹⁴ MODEC, Inc., Mitsui & Co., Ltd., Mitsui O.S.K. Lines, Ltd. and Marubeni Corporation to Proceed with the Ultra-Deepwater FPSO Chartering Project for Carioca Area of Brazilian Offshore Pre-Salt Oil Field. // Mitsui OSK Lines. URL: <http://www.mol.co.jp/en/pr/2013/13086.html> (дата обращения: 23.03. 2015).

¹⁵ Investment in Overseas Project Finance Loan to Vessel Project in Brazil. 24.08.2014 // The Dai-ichi Life Insurance Company Ltd. URL: http://www.dai-ichi-life.co.jp/english/news_release/2014/pdf/index_025.pdf (дата обращения: 23.03. 2015).

В ходе латиноамериканского турне Абэ Синдзо летом 2014 г. было объявлено, что японское правительство намерено оказать Бразилии помощь в разработке еще одного глубоководного нефтяного месторождения с объемом 50 млрд. баррелей. Помощь будет заключаться в предоставлении технологий, необходимых для добычи нефти на шельфе, а стоимость проекта составит около 20 млрд. долл. «Побочным» эффектом от реализации проекта для Японии должна стать поддержка судостроительной промышленности страны в ее ожесточенной конкурентной борьбе с Китаем и Южной Кореей¹⁶.

Из иных совместных японско-бразильских энергетических проектов следует отметить строительство гидроэлектростанции «Jirau» на реке Мадейра в Бразилии (крупнейший проект «Механизма чистого развития», одобренного ООН), в которое торговая компания «Mitsui&Co. Ltd.» инвестировала около 1,6 млрд. долл. «Mitsui&Co. Ltd.» стала обладателем 20% акций бразильской ГЭС, проектная мощность которой составляет 3750 МВт (четвертая по величине ГЭС в Бразилии). В работе станции будут задействованы 50 гидротурбин, что позволит в течение двух лет покрыть около 5% спроса населения Бразилии на электроэнергию. Японские СМИ отмечают, что это самый крупный по объему инвестиционный проект, когда-либо осуществленный японскими торговыми компаниями в строительстве ГЭС за рубежом¹⁷.

Бразилия уделяет большое внимание продвижению своих технологий по производству альтернативных и возобновляемых энергоносителей, в первую очередь – биоэтанола. Еще в 1970-е гг. руководство страны начало реализацию программы «Pro-Alcohol», предусматривавшей предоставление сахарным компаниям государственных субсидий для расширения выпуска спиртосодержащего топлива на основе сахарного тростника. К концу 2010-х гг. топливо, производимое на основе этилового спирта, применялось в двигателях почти четверти автомобилей национального производства¹⁸.

В 2006 г. «Petrobras» и японская торговая компания «Mitsui Bussan» заявили о возможности поставок с 2010 г. в Японию биоэтанола, производимого из сахарного тростника – с целью его использования в качестве топлива на тепловых электростанциях. Компания «Petrobras» взяла на себя ответственность за создание инфраструктуры, необходимой для реализации проекта (строительство трубопровода в Бразилии и предоставление танкера, специализирующегося на транспортировке спирта). А «Mitsui Bussan» объявила об инвестициях, гарантирующих

¹⁶ Кистанов В.О. Битва за Латинскую Америку. // Независимая газета. 24.07.2014. – http://www.ng.ru/world/2014-07-24/7_latina.html (дата обращения: 23.03.2015).

¹⁷ Япония, Бразилия. Электроэнергетика № 812119 // Polpred.com. Обзор СМИ. URL: <http://www.polpred.com/> (дата обращения 05.11.2015.)

¹⁸ Буркова М. В. Япония и Бразилия: грани сотрудничества // Япония 2008. Ежегодник. М.: АИРО-XXI, 2008. С. 83-84.

получение необходимого урожая сахарного тростника, а также о строительстве завода по производству биоэтанола¹⁹.

В 2007 г. «Dow Chemical» и «Mitsui&Co» объявили о запуске проекта по производству этанола из сахарного тростника в Сан-Пауло. Помимо собственно завода, он включал в себя создание технологических центров, специализирующихся на биополимерах, в Санта-Витории и Минас-Жерайсе. Первоначальная сумма вложений составляла 1,5 млрд. долл. В 2011 г. «Dow» и «Mitsui» создали совместное предприятие, чтобы высадить и собрать собственный сахарный тростник для последующей его переработки в биосырье. Полноценно комплекс должен был начать работу в 2013 г., однако в начале 2013 г. «Dow» и «Mitsui» отложили строительство завода на неопределенный срок, сославшись на высокие налоги и стоимость земли в регионе²⁰.

В 2008 г. решение об участии в создании в Бразилии производства биоэтанола приняла компания «Itochu». С участием «Bunge Corporation» (США) были основаны два совместных предприятия, сумма капиталовложений в которые составила около 800 млн. долл. Достигнутые договоренности предусматривали 20%-е финансирование компанией «Itochu» агропромышленного предприятия по производству биоэтанола в г. Санта-Лузия (штат Минас-Жерайс), принадлежащего корпорации «Bunge», что позволило к 2011 г. удвоить выход продукции и выйти на уровень 260 млн. литров в год²¹.

В производство биоэтанола в Бразилии инвестировали и другие японские концерны – «Mitsubishi», «Sumitomo», «Sojitsu».

В конце 2010-х гг. компания «Nippon Oil» начала промышленное производство биоэтанола на своем нефтеперерабатывающем заводе в Йокогаме. Для его производства используются несортные пшеница и сахарная свекла, поставляемые с острова Хоккайдо и из Бразилии. Ежегодный объем производства составляет 100 тыс. кл/л биотоплива²².

Кроме сахарного тростника, в качестве сырья для биотоплива в Бразилии используют такие масличные культуры, как соя, подсолнечник и клещевина, масло которых применяется для производства биодизеля – менее вредного, чем обыкновенная солярка²³, и эти технологии также представляют интерес для японских компаний.

Большое внимание Бразилия и Япония уделяют развитию совместных логистических и транспортных проектов. Так, в июле 2005 г. универ-

¹⁹ Нихон Кэйдзай. 11.12.2006.

²⁰ Dow Chemical не смогла построить завод по производству биоэтанола в Бразилии // Нефть России. 14.01. 2013. URL: <http://www.oilru.com/news/352818/> (дата обращения: 24.03. 2015).

²¹ Нихон кэйдзай. 24.09.2008.

²² Япония. Нефть, газ, уголь № 107636 // Polpred.com. Обзор СМИ. URL: <http://www.polpred.com/> (дата обращения 05.11.2015.).

²³ Буркова М. В. Указ. соч.

сальная торговая компания «Marubeni» на основании всеобъемлющего соглашения с европейской компанией «Agresco», занимающейся торговлей зерном, вложила в уставный капитал бразильской «Terlog Terminal», входящей в группу «Agresco», 5 млн. долл. (6,8% уставного капитала «Terlog Terminal», владеющей складом на 110 тыс. т зерна и пятью силосными хранилищами в порту Сан-Франциско-ду-Сул).

В соответствии с соглашением, «Marubeni» приобрела приоритетные права на продажу зерна в Японии и в странах Восточной Азии. Уже в 2005 г. компания экспортировала из Бразилии на рынки Японии, Республики Корея и Тайваня 600 тыс. т соевых бобов для производства масла и соевой муки. С 2006 г. аналогичные поставки начали осуществляться на рынки Китая и стран Юго-Восточной Азии²⁴.

В рамках визита Абэ Синдзо летом 2014 г. в Бразилию было объявлено об оказании правительством Японии помощи бразильским партнерам в решении логистических проблем. Являясь одним из ведущих мировых экспортеров продовольствия, Бразилия уже несколько лет не может самостоятельно решить проблему со своевременной его отгрузкой. В то же время Япония импортирует из Бразилии значительные объемы сои и кукурузы и, учитывая растущий спрос Китая, небезосновательно беспокоится за свою продовольственную безопасность. В связи с этим японские компании планируют совместно с бразильскими строительными фирмами улучшить производительность портов по отгрузке, а также расширить автомобильные дороги и построить новые линии железных дорог²⁵.

Таким образом, основные потоки японских инвестиций в Бразилию направлены в следующие отрасли: энергетика (нефтедобыча и производство биотоплива), автомобилестроение и инфраструктурные проекты. Нефтедобывающий сектор Бразилии привлекает японских инвесторов вследствие практически полного отсутствия в стране собственного сырья, что ставит диверсификацию импорта во главу угла с точки зрения обеспечения энергетической безопасности.

Внимание японских компаний к производству биоэтанола в Бразилии можно объяснить тем, что страна на данный момент является успешным примером рационального производства биотоплива, вырабатывая биоэтанол из сахарного тростника, растущего на бывших пастбищах²⁶. В отличие от США, которые используют кукурузу, Бразилия наносит меньший вред мировой продовольственной безопасности, а также окружающей среде, поскольку в Бразилии для производства сахара и био-

²⁴ Нихон Кэйдзай. 28.07.2005.

²⁵ Япония поможет Бразилии решить логистические проблемы // АТИ-Медиа. 17.07. 2014. URL: <http://ati.su/Media/PrintNews.aspx?ID=42172> (дата обращения: 28.03. 2015).

²⁶ Biofuels and food security. Summary of the OFID study prepared by IIASA. The OPEC Fund for International Development (OFID), Vienna, 2009. P. 38

этанол из сахарного тростника используется на 50% меньше химикатов, чем в США для этих же целей при выращивании кукурузы и на 30% меньше, чем в Европе при выращивании сахарной свеклы.²⁷ При этом по объемам производства сахарного тростника Бразилия опережает своего ближайшего конкурента – Индию – в 2,5 раза²⁸.

По данным Международной организации автопроизводителей за 2013 г., по объему произведенных автомобилей Бразилия занимала седьмое место в мире и первое место в Латинской Америке, опережая Мексику²⁹. И хотя в 2014 г. Мексика впервые с 2002 г. обогнала Бразилию по данному показателю³⁰, бразильское автомобилестроение продолжает оставаться одной из самых успешных отраслей вторичного сектора страны.

Неразвитость инфраструктуры и трудности с логистикой считаются одними из самых слабых мест бразильской экономики, препятствующими полноценному развитию страны. Единственным регионом, имеющим соответствующую современным требованиям инфраструктуру, является штат Сан-Пауло. Однако правительство Бразилии осознает данный недостаток и стремится принимать меры по исправлению ситуации, в том числе привлекая в отрасль иностранные инвестиции.

Инвестиционное сотрудничество между Японией и Мексикой

Инвестиционное сотрудничество между двумя странами носит практически односторонний характер – потоки капитала направляются из Японии в Мексику. В первой половине 2000-х гг. по объему ПИИ, вложенных в мексиканскую экономику, Япония занимала второе место после США. К 2013 г. она опустилась по данному показателю на четвертое место (4,4% от общего объема ПИИ)³¹.

Основная часть японских капиталовложений направляется в автомобильную промышленность, в производство электроники и электротехники, а также стали.

Большинство японских производственных предприятий в Мексике располагается в приграничной зоне между Мексикой и США, в частности, в районах Нижняя Калифорния и Чиуауа, прилегающих к штатам Калифорния и Техас (подробнее см. Таблицу 2). Такое расположение обуслов-

²⁷ Sugarcane Best Cultivation Practices // A Project of UNICA and ApexBrasil. URL: <http://sugarcane.org/sustainability/best-practices/sugarcane-best-cultivation-practices> (дата обращения 05.11.2015.)

²⁸ Ibid.

²⁹ FAO Stat. URL: <http://faostat.fao.org/> (дата обращения: 16.02.2015).

³⁰ Mexico's car production exceeds Brazil's // The Economist. 21.01.2015. URL: <http://country.eiu.com/article.aspx?articleid=1662687150&Country=Brazil&topic=Economy&subtopic=Forecast&trackid=43&alert=90b792bb-0d07-4088-9b77-2efb49339e85> (дата обращения 05.11.2015)

³¹ Посольство РФ в Соединенных Штатах Мексики. URL: <http://www.embrumex.org/ru/> (дата обращения: 16.02.2015).

лено проводимой Мексикой политикой, называемой «Maquil-adorade Exportación» (далее – Макиладора), которая была провозглашена в 1965 г. В соответствии с ее установками импортируемое сырье и детали, необходимые для экспортоориентированных предприятий, расположенных в Мексике, не облагаются таможенными пошлинами³².

В рамках политики Макиладора многие американские и неамериканские транснациональные корпорации перенесли производство в Мексику и стали экспортировать готовую продукцию на рынки США и Канады. В связи с этим многие японские и другие азиатские транснациональные корпорации разместили свое конечное производство на границе Мексики и США с целью освоения емких рынков стран-членов НАФТА.

Основной пик создания японских предприятий в Мексике приходится на 1970–1990-е гг., хотя японские производители телевизоров начали налаживать местное производство еще в 1960-е гг., когда начались торговые конфликты между Японией и США. Позднее Мексика стала привлекательной производственной базой для японских компаний в связи с тем, что после масштабного обесценивания мексиканской валюты в 1982 г. стоимость рабочей силы в Мексике значительно снизилась. Большинство производителей телевизоров в Мексике, имеющих японский капитал, расположили свои головные конторы в США, а производственные мощности – в Мексике. Хотя Мексика сама по себе и располагает емким рынком, для японских производителей электроники она, на наш взгляд, представляет интерес, в первую очередь, как производственная база для экспорта. Формирование НАФТА и введение правил о происхождении товара сделали Мексику еще более привлекательной в этом отношении.

В то же время японские предприятия, расположенные в глубине страны, в большей степени нацелены на удовлетворение внутреннего рынка, либо на экспорт в более отдаленные регионы.

Об активизации инвестиционной активности японских компаний в Мексике свидетельствуют следующие примеры.

В 2014 г. автопроизводитель «Honda Motor Co» перенес из Японии в Гуанахуато (центральная Мексика) свою производственную линию модели «Fit», ориентированной на американский рынок. Планировалось, что при работе на полную мощность с конвейера предприятия должны ежегодно сходиться 200 тыс. единиц продукции, однако пока реализации этих планов мешает сразу несколько проблем, в том числе недостаточная квалификация рабочих, языковой барьер и ненадежное железнодорожное сообщение. В результате, поставки обновленного компактного хэт-

³² Icaza Longoria A. P. Marco teórico de la industria maquiladora de exportación // Comercio exterior, México. 1993. V.43. № 5.

чбека «Fit» были задержаны на два месяца, а уже выпущенные автомобили столкнулись с проблемами контроля качества³³.

В январе 2012 г. автопроизводитель «Nissan» сообщил о выделении 2 млрд. долл. на строительство нового завода в г. Агуаскальентес (центральная Мексика). В планы автоконцерна входило производство на начальном этапе 175 тыс. единиц продукции в год, а после запуска завода на полную мощность – одного миллиона единиц. Особое внимание уделялось автомобилям класса «В» («Versa», «March» и «Tiida»)³⁴. В 2013 г. планы автоконцерна были скорректированы. Новый завод было решено оснастить тремя производственными линиями, две из которых будут выполнять сборку популярных малолитражек «Nissan Note» и «Nissan Sentra», а третью линию – отдать совместному производству «Nissan» и «Daimler». После запуска предприятия в эксплуатацию совокупный годовой объем производимых автомобилей марки «Nissan» в Мексике должен возрасти до 1,3 млн. штук, что на треть больше объема выпуска этих машин в самой Японии³⁵.

В декабре 2013 г. руководством «Nissan» была рассмотрена возможность запуска в Мексике производства автомобилей «Datsun», базирующихся на одной платформе с текущим поколением «Nissan Micra»³⁶.

В 2014 г. «Nissan» приступил к строительству еще одного нового завода мощностью 400 тыс. автоматических трансмиссий в год. В совокупности с возможностями уже действующих на территории Мексики предприятий выпуск составит 1млн. 700 тыс. трансмиссий, включая модели «Nissan CVT8», отвечающие высоким стандартам экологической безопасности. По подсчетам автоконцерна, для запуска данного проекта потребуется 220 млн. долл.³⁷.

Говоря о других японских автопроизводителях, следует упомянуть о намерении концерна «Mazda» построить в Саламанке предприятие по производству автомобилей исключительно для поставок в США. Для начала руководители фирмы планируют открыть всего одну производственную линию, а дальнейшее развитие завода будет напрямую зависеть от спроса американских потребителей³⁸. О расширении своего влияния в Мексике заявила и «Mitsubishi», планирующая выпускать здесь автомобили под маркой «Dodge»³⁹.

³³ Авиапром, автопром № 662076 // Polpred.com. Обзор СМИ...; Завод в Мексике добавил Honda проблем. // Сервис Honda-Subaru. URL: <http://honda.topmotors-nsk.ru/news/297> (дата обращения: 16.02. 2015).

³⁴ Авиапром, автопром № 482657. // Polpred.com. Обзор СМИ...

³⁵ Авиапром, автопром № 860277. // Polpred.com. Обзор СМИ...

³⁶ Авиапром, автопром № 963532. // Polpred.com. Обзор СМИ...

³⁷ Авиапром, автопром № 760792. // Polpred.com. Обзор СМИ...

³⁸ Авиапром, автопром № 976491. // Polpred.com. Обзор СМИ...

³⁹ Авиапром, автопром № 1293620. // Polpred.com. Обзор СМИ...

Необходимо отметить, что наращивание японскими автоконcernами производственных мощностей в Мексике положительно сказывается на ее экономике, позволяя стране-реципиенту инвестиций стабильно увеличивать объемы экспорта. Экспертные оценки возможных объемов продаж автомобилей японской и мексиканской сборки, полученные в 2014 г., показали, что мексиканцы даже немного опережают японцев и канадцев⁴⁰.

В 2012 г. японская «Nippon Steel Corp» анонсировала строительство в окрестностях г. Силао (штат Гуанахуато) завода по выпуску автомобильных труб с годовым объемом выпуска готовой продукции 24 тыс. т. Инвестиции в проект составили 39 млн. долл. Новое производство будет удовлетворять потребности мексиканского автомобильного рынка, в который уже вложили инвестиции японские автомобильные концерны «Nissan Motor Co» и «Honda Motor Co». «Nippon Steel» принадлежит 55% акций совместного предприятия; остальными 45% владеют «Metal One Corp», «Sumitomo Pipe&Tube Co» и «Sumitomo Corp»⁴¹.

В 2013 г. компании «Ternium SA» (Аргентина) и «Nippon Steel & Sumitomo Metal Corp» создали в Мексике совместное предприятие по выпуску 400 тыс. т в год коррозионностойкой стали для местной автомобильной промышленности⁴².

«Kobe Steel» в партнерстве с «Shinsho Corporation», «Metal One», «Osaka Seiko», мексиканской «Grupo Simes», «S.A.B. de C.V.» и «O&K American Corporation» приступает к строительству в Мексике завода по выпуску катанки. Это предприятие будет заниматься обработкой стальной катанки в катанку с холодной высадкой для последующей реализации производителям автокомпонентов в Мексике. Общие инвестиции в проект «Kobelco CH Wire Mexicana» (KCHM) составят около 41 млн. долл.; компания будет расположена в индустриальном парке Санта-Фе в г. Силао. Запуск завода запланирован на конец 2015 г. Доля «Shinsho» в совместном предприятии составит 40%, «Metal One» – 25%, «Kobe Steel» – 10%, «Osaka Seiko» – 10%, «Simes» – 10% и «O&K American» – 5%⁴³.

В 2015 г. планируется увеличение производительности совместного предприятия «Tenigal» в мексиканском штате Нуэво-Леон с участием «Ternium SA» и «Nippon Steel&Sumitomo Metal Corp». В этом же штате подразделение «Ternium Mexico» возводит стан холодной прокатки

⁴⁰ Авиапром, автопром № 1014217. // Polpred.com. Обзор СМИ...

⁴¹ Металлургия, горнодобыча № 637949 // Polpred.com. Обзор СМИ...

⁴² Природные ресурсы мира. Аналитика. / Под ред. В.В. Короткова. М.: ВИМС, 2015. С. 21. // ФГУП ВНИИМС им. Федоровского. URL: <http://vims-geo.ru/wp-content/uploads/2015/01/ANALITIKA-MIR-2014.pdf> (дата обращения: 05.11.2015).

⁴³ Металлургия, горнодобыча № 1171320 // Polpred.com. Обзор СМИ...

стоимостью 1,1 млрд. долл., который будет поставлять продукцию местным автомобильным заводам⁴⁴.

Развитию японско-мексиканского торгово-инвестиционного партнерства способствуют дипломатические усилия. Из последних событий следует отметить японско-мексиканские контакты, состоявшиеся летом 2014 г. В июне 2014 г. японский премьер-министр Абэ Синдзо встретился в Токио с Хосе Антонио Меаде Курибренья, возглавляющим Секретариат иностранных дел Мексики. Повестка дня затронула широкий круг вопросов, прежде всего экономических. По словам Меаде, японские инвестиции в Мексику достигли 12 млрд. долларов, а количество японских туристов возросло до 100 тыс. человек. Со своей стороны С. Абэ заявил, что Мексика является ключевым партнером его страны в Центральной и Южной Америке, а мексиканские инвестиции в Японию весьма приветствуются как одна из мер по стимулированию внутреннего спроса в рамках «абэномики». Стороны заявили, что и далее будут способствовать расширению двустороннего межгосударственного сотрудничества⁴⁵.

В начале августа того же года С. Абэ посетил Мексику в рамках своего латиноамериканского турне, в котором его сопровождали около 70 руководителей крупнейших японских корпораций и бизнес-лидеров, в том числе председатели Федерации экономических организаций (*Кэйданрэн*) и Торгово-промышленной палаты Японии. Японский лидер еще раз подчеркнул, что Мексика является крупнейшим торговым партнером Японии в регионе, «базой для развития латиноамериканской политики Токио». Не в последнюю очередь интерес к Мексике продиктован начатыми в 2013 г. реформами энергетического сектора: иностранные компании постепенно получают доступ к разработке ресурсов. Япония стремится присоединиться к освоению сланцевых месторождений, а также увеличить импорт нефти и газа из Мексики. В ходе визита был подписан меморандум о взаимопонимании между мексиканской «Ретех» и японской «JOGMEC», в соответствии с которым Япония сможет принять участие в долгосрочном проекте по строительству газопровода, соединяющего Мексиканский залив и тихоокеанское побережье, а также будет оказывать техническое содействие мексиканской государственной нефтяной корпорации⁴⁶.

⁴⁴ Горбанев В., Митрофанова И. Природные ресурсы мира. Аналитика. // Мировое и национальное хозяйство. URL: http://www.mirec.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=80.html (дата обращения: 16.02.2015).

⁴⁵ Япония и Мексика укрепляют сотрудничество // Info-japan. Портал о Японии. 28.06.2014. URL: <http://info-japan.ru/news/2014/06/28/yaponiya-i-meksika-ukreplyayut-sotrudnichestvo> (дата обращения: 05.11.2015).

⁴⁶ Вода К. Р. Визиты Си Цзиньпина и Абэ Синдзо в страны Латинской Америки. // ИМЭМО РАН. URL: http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=1201 (дата обращения 05.11.2015).

Таким образом, потоки японских инвестиций в Мексику сосредоточены в таких секторах, как электроника, автомобилестроение, производство стали и энергетика.

Переносу японскими производителями телевизоров своих сборочных заводов в Мексику, безусловно, в наибольшей степени поспособствовала программа Макиладора, позволяющая существенно снизить конечную стоимость продукции для соседствующих с ней рынков США и Канады. Также существенную роль здесь сыграла дешевизна рабочей силы, вызванная падением курса мексиканской валюты по отношению к доллару США.

Автомобилестроение является одним из важнейших секторов экономики Мексики, продукция которого по данным за 2014 г. составляет 6% от объема ВВП и 18% – от стоимости продукции всего вторичного сектора. Прогнозируется, что отрасль будет продолжать расти, и общий выпуск к 2018 г. составит 4 млн. единиц техники⁴⁷. Основным целевым рынком для собранных в Мексике автомобилей являются США и Канада⁴⁸.

Что касается совместных проектов в области производства стали, то они, в основном, направлены на удовлетворение потребностей все той же автомобильной промышленности, снижая за счет внутренних материалов и оптимизации производственных процессов стоимость выпускаемых автомобилей и повышая тем самым их конкурентоспособность на внешнем рынке.

Совместные проекты в области энергетики пока находятся в первичной стадии, поскольку до энергетической реформы 2013 г. сектор был закрыт для иностранных инвесторов, а «Pemex», являясь государственной монополией, подвергалась жесточайшему контролю⁴⁹. Теперь же японские корпорации, заинтересованные в наибольшей диверсификации поставщиков энергетических ресурсов, начали прилагать все усилия для осуществления совместных разработок месторождений и развития инфраструктуры для поставок нефти и газа из Мексики.

Выводы

Инвестиционное сотрудничество Японии и латиноамериканских государств носит весьма односторонний характер: инвестиционный поток из Японии в страны Латинской Америки намного шире и значительнее, чем обратный, поскольку Япония, стремясь устранить торгово-полити-

⁴⁷ Industria Automotriz en Mexico: Un sector Clave // Convención Internacional de Negocios para Industria Automotriz. URL: <http://www.automotivemeetings.com/mexico/index.php/es/industria-automotriz-en-mexico> (дата обращения: 17.03.2015).

⁴⁸ El Economista. 08.07. 2015.

⁴⁹ Sputnik Mundo. 12.05. 2015.

ческие барьеры на пути своих товаров на внешние рынки, активно инвестирует свои капиталы за рубеж, являясь, таким образом, одним из крупнейших мировых инвесторов. Случаи инвестирования из стран латиноамериканского региона в Японию хотя и имеют место, но носят сугубо фрагментарный характер.

Основное внимание Япония уделяет энергетическому сотрудничеству и развитию сопутствующих инфраструктурных проектов, научно-техническому сотрудничеству⁵⁰, а также сфере автомобилестроения и электроники.

Самые крупные проекты между Японией и Бразилией связаны с производством биотоплива, поскольку Бразилия в настоящее время является одним из лидеров на этом рынке, производя биоэтанол из сахарного тростника, а Япония напрямую заинтересована в поставках этого экологически чистого топлива на свой внутренний рынок.

Что касается наиболее масштабных инвестиционных проектов между Японией и Мексикой, то здесь основное внимание направлено на автомобилестроение, а именно: на совместную сборку автомобилей японских марок, и на электронику, в первую очередь – на производство телевизоров.

Бразилия и Мексика, по большому счету, выполняют роль посредников для выхода японской продукции, собранной на их территории, на огромные по своей емкости рынки Меркосур и НАФТА, что ставит эти страны во главу угла инвестиционной политики Японии в регионе.

Кроме того, данные страны, обладая развитыми энергетическим сектором, играют серьезную и стратегически важную для Японии роль в качестве поставщиков топлива (как традиционного, так и альтернативного). Это позволяет сделать вывод о том, что инвестиции Японии в добычу, разработку и транспортировку энергетических ресурсов Бразилии и Мексики будут продолжать расти.

⁵⁰ Вода К. Р. Указ. соч.

Всесоюзное общество культурной связи с заграницей и развитие советско-японских культурных отношений (1925–1939 гг.)

А. С. Ложкина

В статье на основе архивных данных анализируется роль Всесоюзного общества культурной связи с заграницей в становлении советско-японских культурных отношений, выделяются основные этапы взаимоотношений двух стран с 1925 по 1939 гг. Именно культурные мероприятия способствовали развитию дружеских двусторонних отношений. Через различные выставки, кинопоказы шло формирование представлений друг о друге, знакомство с традициями, обычаями. Гастроли театра «Кабуки» в СССР и посещение Б. Пильняка Японией сыграли заметную роль в культурном сближении двух стран.

Ключевые слова: Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), советско-японские культурные отношения, Е. Г. Спальвин, О. Д. Каменева, театр «Кабуки», культура, Б. Пильняк.

1925 год стал поворотным моментом для развития российско-японских культурных отношений: Япония и Советский Союз в Пекине подписали Конвенцию об основных принципах взаимоотношений, которая устанавливала дипломатические и консульские отношения между странами. В этом же году было создано Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), целью которого было развитие научной и культурной связи между учреждениями, общественными организациями и отдельными научными и культурными работниками СССР и заграницей.

Деятельность ВОКС нашла отражение в исследованиях ведущих историков: Ш. Фицпатрик⁵¹, М. Дэвид-Фокс⁵², А. Голубева, В. Невежина⁵³, Л. Штерн⁵⁴, в диссертационной работе Ю. А. Гриднева⁵⁵. Однако роль

⁵¹ Fitzpatrick S. Foreigners observed: Moscow visitors in the 1930s under the gaze of their soviet guides // *Russian History*. 2008. N.1–2 (35). P. 215–234.

⁵² David-Fox M. From Illusory “Society” to Intellectual “Public”: VOKS, International Travel and Party–Intelligentsia Relations in the Interwar Period // *Contemporary European History*. 2002. V. 11. Issue 01. February. P. 7–32. Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М.: НЛЮ, 2015.

⁵³ Голубев А.В., Невежин В.А. ВОКС в 1930 – 40-е гг. // *Минувшее. Исторический альманах*. Вып. 14. М.-СПб.: Феникс 1993.

⁵⁴ Stern L. The Creation of French-Soviet Cultural Relations. VOKS in the 1920s and the French Intelligentsia // *AUMLA: Journal of the Australasian Universities Modern Language Association*, 1998. P. 43 – 67

Общества в становлении советско-японских отношений не была предметом специального изучения.

Общество было создано в результате преобразования Комитета заграничной помощи при ЦИК СССР в ВОКС. Первым руководителем была назначена Ольга Давыдовна Каменева (жена Льва Каменева и сестра Льва Троцкого). Главная задача Общества заключалась в распространении информации о достижениях советской культуры, формировании позитивного образа СССР в странах Европы, Америки и Азии.

Благодаря энергии и деятельности О. Каменевой ВОКС получил признание у советского руководства, сделал себя нужным для НКВД, Коминтерна, Оргбюро ЦК. Общество имело тесные контакты, конечно, и с ОГПУ–НКВД, и одной из задач ВОКС было следить за культурными связями СССР с внешним миром, осуществлять сбор информации о приезжающих в страну иностранцах. ВОКС представлял собой пропагандистскую структуру, а если сказать точнее – орган контрпропаганды для активного воздействия на общественное мнение «... широких кругов беспартийной заграничной интеллигенции...»⁵⁶.

ВОКС в деле расширения и закрепления культурных отношений с другими странами опиралось на своих уполномоченных и на просоветски настроенных членов Обществ сближения.

Развитие отношений с Японией занимало важное место в деятельности ВОКС. Об этом свидетельствуют архивные материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Так, согласно документам, японские общества культурной связи превосходили по своей численности организации в других странах. Среди них можно выделить следующие:

1. *Нитиро гэйдзюцу кё:кай* (Японо-Советское литературно-художественное общество), которое заложило основы советских культурных связей в Японии. Общество было организовано в 1925 г. Акита Удзюку⁵⁷ и объединяло японских писателей – друзей СССР. Нитиро Гэйдзюцу Кё:кай насчитывало около 2000 человек, издавало свой журнал «*Нитиро гэйдзюцу*», выпускало много образцов художественной советской литературы.

2. *Японо-советское общество*, созданное в 1926 г., насчитывало около 700 человек.

3. *Кокусай бунка синкокай* (Общество Международной Культурной связи) было создано в 1934 г. в связи с исключением Японии из Лиги наций. Основной его задачей было смягчить последствия

⁵⁵ Гриднев Ю. А. Всесоюзное Общество культурной связи с заграницей: 1925–1929 гг.: диссертация ... канд. ист. наук. М., 2006.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 1. Д. 1. Л. 1а.

⁵⁷ Акита Удзюку (псевдоним; настоящее имя Токудзо) (1883 – 1962) – японский писатель, критик и общественный деятель. В 1928–1934 гг. председатель Института пролетарской науки. Председатель Общества Друзей СССР.

этого события и расширить культурный обмен с другими странами. Большой частью Общество занималось организацией поездок японцев в СССР. Следует отметить, что интерес к «*Кокусай бунка синкокай*» был не случаен со стороны советского руководства. Во-первых, посредством этого общества ВОКС мог получать ценные с научной точки зрения материалы, во-вторых – общество официально поддерживалось министерством иностранных дел Японии, и это был отличный канал взаимодействия двух стран.

4. *Ниссо бунка кёкай* (Японо-советское культурное общество). Состояло преимущественно из молодых писателей, художников, журналистов. Как свидетельствуют архивные материалы, данное общество активно подвергалось преследованию со стороны полиции. В период ухудшения отношений между СССР и Японией в 1930-е годы ВОКС вел работу по укреплению Общества путем вовлечения в него крупных японских ученых и лиц из делового мира, заинтересованных в развитии дружеских отношений с Советским Союзом.

Значительную роль в развитии советско-японских культурных и научных отношений, в формировании позитивного образа Советского Союза в Японии сыграл известный российский востоковед, основатель научной школы японоведения на Дальнем Востоке, уполномоченный ВОКС в Японии – Евгений Генрихович Спальвин (1872–1933 гг.). Е. Г. Спальвин был знатоком языка, культуры и истории Страны восходящего солнца, автором многочисленных научных работ и учебных пособий, редактором периодических изданий «Известия Восточного института», «Известия Восточного факультета»⁵⁸.

С 1925 по 1931 гг. Спальвин работал в качестве секретаря и переводчика советского полпредства в Японии и уполномоченным ВОКС.

Е. Г. Спальвин был активным организатором многочисленных выставок русского и советского искусства в Японии, в том числе, политических плакатов, книг, фотографий, также принимал участие в организации научных конференций, выступал в качестве инициатора и куратора академических обменов. Также ему принадлежит заслуга по организации гастролей японского театра Кабуки в СССР.

Своей всесторонней деятельностью Спальвин вносил большой вклад в установление и развитие культурных, научных отношений между странами, формирование положительных представлений о Японии в Советском Союзе, и наоборот. Его деятельность была важна и с политической точки зрения, так как, несмотря на установление дипломатических

⁵⁸ Более подробно о жизни и деятельности Е. Г. Спальвина см.: Первый профессиональный японовед России. Опыт латвийско-российского-японского исследования жизни и деятельности Е. Г. Спальвина. Владивосток, 2007; *Икута Митико*. Е. Г. Спальвин в Японии // Известия Восточного института ДВГУ. 2001. №6. С.28-34.

отношений, обстановка на Дальнем Востоке продолжала оставаться сложной и напряженной.

В своих отчетах и письмах на имя председателя ВОКС Федора Николаевича Петрова Спальвин максимально пытался осветить различные стороны жизнедеятельности японского общества, отмечал его особенности, возможности расширения и улучшения отношений между странами, выделял благоприятные моменты для этого процесса. В начале 1930-х гг. Е. Г. Спальвин подметил у японцев стремление к инновациям, к техническим изобретениям. В качестве примера данного подхода он описывал использование теафотоснимков: «В прошлом году в Осака я присутствовал в театре Сиоцикудза⁵⁹ при том, как всю дивертисментную часть снимали от начала до конца теми аппаратами, которые позволяют делать моментальные снимки без магния или, как то делается за последние 2–3 месяца, при помощи вспышки»⁶⁰.

Японию Спальвин характеризовал как страну, идущую по капиталистическому пути развития, однако со своей спецификой, с сохранением патриархальных отношений в обществе. В отчетах Е. Г. Спальвин на конкретных примерах стремился показать уникальность японского общества, которую необходимо было учитывать при формировании внешнеполитического курса страны.

Представитель ВОКС в письмах пытался подчеркнуть умение японцев адаптировать европейские достижения к особенностям японского развития. Доказательством этого является его восхищение применением рекламы для продвижения товаров среди населения. Так, он пишет: «Журнальный король Нома⁶¹, стоящий также во главе газеты Хоци⁶², в рекламных целях скупил все билеты Империяль⁶³ с 1 по 18 марта сего года, роздал их друзьям и знакомым и остаток продал и заработал хороший куш. Все посетители угощались новейшим напитком, который выпущен в продажу тем же Нома»⁶⁴. При этом он обращал внимание председателя ВОКСа на то, что в Японии без рекламы ничего нельзя сделать, тем самым подчеркивая способность японцев вести дела, налаживать экономические отношения. Таким образом, еще в 1930-е годы он отметил у японцев особенный подход в управлении бизнесом.

⁵⁹ Театров «Сётикудза» раньше существовало несколько, в частности, в городах Осака, Токио, Нагоя, Киото.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 73. Л. 118.

⁶¹ Вероятно, имелся в виду Нома Сэйдзи (1878–1938) – писатель, издатель, крупный японский предприниматель. В 1910 г. публиковал литературный журнал «Юбэн», а в 1911 г. основал собственное издательство – «Коданся». Издавал такие журналы как «Кодан Курабу», «Сёэн Курабу», «Кингу». Также владел крупной газетой «Хоти» с 1931 г. по 1942 г.

⁶² Хоци, правильное Хоци – влиятельная, крупная японская газета. Первый номер вышел 10 июля 1872 г.

⁶³ Империяль (ТэйкокуГэкидзё) – японский императорский театр, был открыт в 1911 году.

⁶⁴ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 74. Л. 123.

С другой стороны, данным примером он хотел показать, что в Японии развиты рыночные отношения, которые изменили сознание определенной группы населения. Можно предположить, что Спальвин считал, что Страна восходящего солнца уже прошла путь полного заимствования у Запада, она находилась на новом этапе развития.

Изучив специфику предпочтений японского потребителя, Спальвин предложил для продвижения советских товаров обертыть их в оригинальные упаковки, т. е. он сделал своего рода «рыночные рекомендации»: «Даже вечерние уличные торговцы, торгующие с лотка, имеют каждый свою оригинальную упаковку. А наши кустарные изделия – ничего подобного не имели. Коробки, в которых продавались куклы, надо было просто сжечь, а не пустить на магазинные полки. Сделав кукольную обстановку подходящего типа на 25 сен⁶⁵, можно на этом даже заработать 75 сен лишних. Если японцы, делая подарок, даже в случае красивого подарка, о нем говорят, что он никуда не годится, что им говорить о куклах, которые восхитительны сами по себе, но продаются в таком виде, как будто извлечены из помойной ямы. Если же такую упаковку считать за удостоверение происхождения товара, то особенно на обороты рассчитывать не приходится»⁶⁶.

Данные замечания и предложения, казалось бы, были посвящены не столь значительным вопросам, однако в совокупности представляли собой ценную информацию для развития советско-японских отношений. Именно отмеченные тонкости в восприятии японцами окружающего мира приближали представителей европейской культуры к пониманию восточного общества, налаживанию не только политических, но и экономических, культурных отношений.

Также он отмечал такое качество национального характера японцев, как сентиментальность. Спальвин обозначал и благоприятные ситуации для развития советско-японских отношений. Одним из таких моментов являлась годовщина исторических событий. Японцы помнили о том, кто приобщил Страну восходящего солнца к культурному миру, познакомил с железнодорожным транспортом. Спальвин подчеркивал, что исторические связи для японцев имеют большое значение при налаживании отношений.

Особый интерес представляют его комментарии по поводу японской культуры, ее вклада в развитие мировой цивилизации: «Японцы вносят за последнее время очень много в области виртуозных музыкальных выступлений. Можно даже сказать, что есть у них имена, пользующиеся весьма большой международной известностью»⁶⁷. Будучи ценителем музыки, в начале 1931 г. Спальвин пытался организовать гастроль Се-

⁶⁵ Сэн – мелкая монета Японии, равная 1/100 иены.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 76. Л. 97–98.

⁶⁷ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 73. Л. 30.

кия Тосико⁶⁸ в Москве. Однако, на все доводы Евгения Генриховича, ее приезд не одобрило руководство ВОКС.

Из писем представителя ВОКСа следует, что Япония – это удивительная страна, сочетающая в себе достижения европейской и восточной культур; к японцам, по его мнению, необходим определенный подход в развитии отношений. Спальвин пытался обратить внимание руководства страны на то, что культура играет значительную роль в политической жизни двух стран, поэтому деятели искусства могут сделать значительный вклад в укрепление отношений между СССР и Японией.

Можно выделить четыре формы культурного сотрудничества, которые развивало ВОКС:

1. Организация выставок, концертов, театральных гастролей;
2. Обмен книгами, научными препаратами;
3. Организация кинопоказов;
4. Взаимное посещение японцами СССР и советских граждан Японии.

Выставочная деятельность ВОКС была одной из наиболее удачных и обширных сфер деятельности, пользовалась большой популярностью среди населения двух стран. В основном это были выставки книг и плакатов, фарфора и кустарных изделий, живописи и графики.

Одной из первых была промышленно-торговая выставка, открывшаяся в январе 1926 года в универмаге «Даймару» в Осаке под эгидой газет «Осака Асахи» и «Осака Майнити».

В апреле 1926 г. в Москве состоялся вечер японской литературы, в рамках которого актеры театра Мейерхольда показали спектакль «Кагэ-киё».

В Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Одессе и Минске была проведена выставка японской детской книги и рисунка.

В мае 1927 года Всесоюзное общество совместно с Советско-японской ассоциацией и газетой «Асахи» организовали выставку, где экспонировалось около ста сорока полотен и двухсот рисунков русских художников-авангардистов.

Японо-советское литературно-художественное общество в августе 1931 проводило выставку материалов по советской культуре. Однако Е. Г. Спальвин в своих письмах характеризовал ее как «мавзоль с предлагаемыми останками покойного уже несколько лет общества». «На осмотр выставки не требуется даже 3–5 мин[ут]. Несколько старых книг, фотоснимков, плакатов, по большей части без объяснений. Есть несколько плакатов совершенно новых из числа высланных ВОКС Акита через полпредство, но попавших не в полпредство, а куда-то прямо или, скорее всего, при постороннем особенном посредничестве в руки адресата. За 3 дня (2-го, 3-го, 5-го) перебивало на этой, с позволения сказать, выставке человек 25 всего»⁶⁹.

⁶⁸ Сэкия Тосико – японская певица, сопрано, получившая признание во всем мире.

⁶⁹ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 76. Л. 97.

В начале 1930-х годов в Москве была организована выставка японской живописи из коллекции Музея Изыщных Искусств и Восточного Музея, которая вызвала большой интерес со стороны москвичей.

Одним из самых важных событий в советско-японских культурных и политических отношениях стали гастроли театра Кабуки в 1928 г. Уникальность мероприятия состояла еще и в том, что это были первые зарубежные гастроли этого театра. Большую роль в организации поездки японского театра в СССР сыграли советник Полпредства СССР в Японии И. М. Майский и полпред А. А. Трояновский⁷⁰. Однако на сотрудников ВОКС легла основная тяжесть организации гастролей труппы в СССР, в том числе поиск театральной площадки, распространение билетов, организация всех официальных встреч. О всех трудностях, с которыми столкнулось Общество, подробно рассказывает в своем письме И. М. Майскому референт ВОКС по Дальнему Востоку Д. И. Новомирский: «Трудно в нескольких словах рассказать Вам о тех бесчисленных огорчениях, трениях, которые нам пришлось пережить. Не стоило бы об этом говорить, если бы это не отражалось на успешности дела. Бывало так, что багаж лежит целыми днями в таможне, а мы не в состоянии его выкупить потому, что нам не выдают 500–600 рублей, рабочие стоят без дела, потому что у нас нет денег на покупку материалов. Вы легко поймете наше положение и наше настроение, когда мы знали, что от одного дня, быть может, зависит срыв премьеры и, стало быть, весьма значительный скандал, который сейчас же будет подхвачен белогвардейской прессой в Европе и, конечно, в особенности в Японии»⁷¹.

Представления были даны в Москве и Ленинграде. Труппу, включившую 19 актёров, 8 музыкантов и 8 человек вспомогательного персонала, возглавил Итикава Садандзи II⁷². Коллектив привёз с собой три программы, которые имели у советских зрителей большой успех. Участники гастролей имели возможность познакомиться со спектаклями московских театров и общались с советскими театральными деятелями, писателями. Самым важным моментом этого визита была встреча с Сергеем Эйзенштейном.

Сотрудники ВОКС положительно оценивали приезд театра в СССР. Так, заведующий отделом искусств Л. Н. Чернявский на вечере-докладе

⁷⁰ Более подробно о вкладе И. М. Майского в организацию гастролей см: *Ёкотэ Синдзи*. И. М. Майский в Японии в 1927–1929 гг. // Русский сборник: исследования по истории России / Ред.-сост. О. Р. Айропетов, М. Йованович, М. А. Колеров. М.: Регнум, 2010. Т. IX. С. 220–242.

⁷¹ *Майский И. М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. В 2 кн. Кн. 1, 1900–1934. М.: Наука, 2005. С. 321–324.

⁷² Итикава Садандзи 2-й (1880 – 1940) – наиболее выдающийся представитель одной из актерской династии кабуки – Садандзи. Содействовал утверждению современной драмы – сингэки – на японской сцене. Был одним из самых прогрессивных актёров своего времени, стремился обновить искусство кабуки.

Соноике-Коку отметил: «... разве и театр Мейерхольда и театр Таирова не впитали и не переработали таких элементов японского театра, как вертящаяся сцена, своеобразно разрешающая проблему единства времени и места, как устранение сценической коробки, как организующее спектакль музыкальное сопровождение или знаменитая «цветочная тропа» – дополнительная сценическая площадка над головами зрителей и т. д.»⁷³.

Гастроли театра Кабуки позволили С. М. Эйзенштейну сопоставить принципы актёрской игры японцев с европейскими концепциями «выразительного движения», «монистического ансамбля». Интерес советской интеллигенции к японскому театральному искусству можно объяснить поиском новых форм театральных постановок в условиях становления новой культуры.

Д. И. Новомирский в своем письме к И. М. Майскому следующим образом охарактеризовал успех гастролей: «Когда наконец наши театральные спецы согласились дать один спектакль в Большом Театре, после того как 16 спектаклей в Москве были распроданы до последнего билета, все места в Большой Театр были распроданы – по повышенным ценам в течение нескольких часов. При этом во избежание давки у кассы и барышничества, которое, кстати, приняло невероятные размеры в деле Кабуки (билет стоимости в рубль продавался за 15 рублей), были вызваны особые наряды милиции, каждый десяток лиц пропускали под конвоем к кассе, причем каждому выдавалось не больше двух билетов, а представителям общественных организаций не больше 10 билетов. <...> Успех превзошел все наши ожидания»⁷⁴.

Спектакль посмотрели не только представители интеллигенции, а также широкие круги служащих и рабочих, которые «вынесли самые благоприятные впечатления». Публика сумела понять своеобразие и художественную чуткость японской игры.

Важным культурным событием 1931 г. в Токио стал концерт в память М. П. Мусорского.

ВОКС всячески способствовал приглашению японских музыкантов в СССР, тем самым надеясь на сближение двух стран. В частности, приезд известного японского дирижера Коноэ Хидэмаро был организован Обществом. Председатель организации Ф. П. Петров обосновывал перед руководством его приглашение в СССР следующими аргументами: «Коноэ является не только выдающимся музыкальным деятелем, убежденным пропагандистом русской музыки на Дальнем Востоке, но, по своему семейному положению, принадлежит к одному из самых старинных японских родов, близко связанных с императорской фамилией.

⁷³ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 134. Л. 15.

⁷⁴ *Майский И.М.* Указ. соч. Кн. 1. С. 321–324.

Таким образом, пребывание Коноэ в Москве и выступление его перед московской аудиторией нужно расценивать, как дружественный в политическом отношении акт.

Не говоря уже об организационно-технических затруднениях, возможная отмена такого концерта явится, несомненно, грубейшей политической ошибкой и может быть воспринята в Японии, как проявление явного враждебного отношения»⁷⁵.

Концерт прошел с большим успехом 25-го января 1931 г. Коноэ Хидэмаро дирижировал Большим Симфоническим Оркестром Радиоуправления в расширенном составе (104 человека).

О важности культурного события свидетельствует тот факт, что на концерте присутствовали А. С. Енукидзе, Л. М. Карахан, председатель ВОКС Ф. Петров, ответственные сотрудники НКВД, ВОКС и члены японского посольства во главе с послом Хирота Коки. В фойе была развернута небольшая выставка на тему «Культурная связь СССР с Японией».

Особенный интерес у слушателей, переполнивших зал, вызвали произведения японской музыки (старинной и современной) в обработке Коноэ, являвшегося не только дирижером, но и композитором⁷⁶.

Система книгообмена была одним из самых доступных способов культурного обмена между странами. Книгообмен производился с крупными организациями в области культуры – университетами, музеями, известными общественными организациями. Большую часть литературы из Японии ВОКС старалось получать в виде изданий по техническим дисциплинам и экономике. Важным моментом было, конечно, распространение советской литературы среди японской научной и творческой интеллигенции. Развитие книгообмена имело большое значение, особенно после начала 1930-х годов, когда возможности посещения советскими учеными других стран было ограничено.

В силу специфики положения советских ученых ВОКС брало на себя функцию организации обмена научными материалами. Научно-технический сектор Общества осуществлял обмен семенами, образцами растений, почв, гербариями. В основном обмен проходил через организацию «Кокусай Бунка Синкокай».

В сферу деятельности киносекции входило ознакомление зарубежной общественности с советским киноискусством. Деятельность включала в себя: творческий обмен представителей киноиндустрии, обмен информацией о кино, организация киновыставок, организация просмотров советских кинофильмов в Японии.

Значимым событием для двух стран стала выставка японского кино, которая проходила летом 1929 г. в Ленинграде и Москве. В рамках вы-

⁷⁵ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 74.Л. 84.

⁷⁶ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 74.Л. 37.

ставки показали фильмы «Воспитание молодого самурая», «Храбец из Киото» (реж. Кинигаса Тэйносукэ, 1926), «Страна островов». Совкино-театр на несколько месяцев превратился в центр японской культуры: фасад театра был декорирован по-японски стилизованной живописью и фонариками, внутри везде были развешены приветственные лозунги на японском языке, плакаты японских фильмов, установлены витрины с экспонатами. Московская выставка охватывала шесть разделов: кино-производство, кинотеатральную сеть, киноактеры, фильмы, плакаты и прессу. Важным разделом выставки были исторические «самурайские» фильмы⁷⁷.

Председатель ВОКС О. Д. Каменева главную задачу выставки видела в том, чтобы познакомить советских киноработников и зрителей с культурой японского кино, перенять опыт создания массового кинопроизводства⁷⁸.

Представитель «Совкино» Моше Рафес отметил на одном из выступлений: «Мы мало знаем о Японии, пусть кино поможет нам пополнить это пробел»⁷⁹.

О важности выставки японского кино говорит и тот факт, что это была первая в СССР выставка иностранного кино. В качестве докладчика на выставку был приглашен профессор Н. И. Конрад, который прочитал лекцию «О культуре японского кино»⁸⁰.

Примером организованной ВОКС пропагандистской акции является проведение ознакомительных просмотров советских художественных и документальных кинофильмов для посольства Японии.

Одним из приоритетных направлений Общества в деле развития культурных отношений было организация визитов в СССР японцев и советских граждан в Страну Восходящего солнца.

В целях развития советско-японских культурных отношений первым Японию по приглашению *Нитиро гэйдзюцу кё:кай* посетил председатель московского отделения Союза всероссийских писателей Борис Пильняк. Писатель был в Японии в течение двух с половиной месяцев, познакомился с ведущими представителями японской художественной интеллигенции, в частности с Акита Удзюку, Нобори Сёму, Ёнэкава Масао. Французская исследовательница и славист Дани Савелли в своих статьях достаточно

⁷⁷ Выставка японского кино. Москва, 1929. Материалы из газеты «Кино», 1929 (М. Белявский, Н. Кауфман). Н. И. КОНРАД. Японское кино. Д. АРКИН. Японский киноплакат (Ре-публикация, публикатор А. Трошин) // Киноведческие записки. № 75. С. 299.

⁷⁸ Выставка японского кино. М.: ВОКС, 1929. С. 3.

⁷⁹ Выставка японского кино. Москва, 1929. Материалы из газеты «Кино», 1929 (М. Белявский, Н. Кауфман). Н. И. КОНРАД. Японское кино. Д. АРКИН. Японский киноплакат (Ре-публикация, публикатор А. Трошин) // Киноведческие записки. № 75. С. 299. С. 297.

⁸⁰ К открытию выставки была выпущена книжка-буклет Н.И. Конрада «Выставка Японское кино» (ВОКС, 1929). Книга состоит из очерков, представляющих читателю японское кино-историю его становления и специфику в контексте национальной культуры.

подробно описала пребывание Бориса Пильняка в Японии⁸¹ и оценивает его как сенсационное.

Важность миссии советского писателя в деле культурного сближения двух стран подчеркнул в своем докладе референт по Дальнему Востоку ВОКС Д. Новомирский: «... его пребывание в Японии при всех известных недостатках Б. А. Пильняка имело, несомненно, положительное значение, так как дало возможность широким кругам культурного японского общества оживить и продемонстрировать свои симпатии к нашей культуре»⁸².

В 1927 году группа японцев совершила поездку в Советский Союз, приуроченную к десятой годовщине Октябрьской революции. Делегация встречалась не только с руководителем ВОКС, но и с Б. Пильняком. Среди членов группы были уже вышеупомянутые Акита Удзюку, его секретарь Наруми Кандзо, который останется в Советском Союзе на девять лет, Ёнэкава Масао, Одзэ Кэйти, Миямото Юрико.

Активно приглашали в СССР специальных корреспондентов ведущих японских газет с целью показать последние достижения советской промышленности и культуры.

В 1929 г. Японию посетил академик Николай Иванович Вавилов. Свою поездку он описал в статье «Наука в Японии», опубликованной в журнале «Природа», где дал обстоятельный анализ организации научных исследований в Японии того времени, кратко характеризовал основные исследования, научные учреждения, музеи и библиотеки Японии. В целом, на академика произвел впечатление уровень развития японской науки, стремления японцев к новаторству, к нестандартным подходам к решению вопросов.

В течение 1930-х годов между научными кругами двух стран шел обмен опытом. В частности, в 1932–1933 гг. к академику Павлову дважды приезжал И. Хаяси, который работал во Всесоюзном институте экспериментальной медицины около 11 месяцев, осваивая приемы хирургии и методы изучения условных рефлексов и демонстрируя свое трудолюбие, целеустремленность.

Уровень развития японских ученых был оценен советскими и зарубежными исследователями на 15 Международном конгрессе физиологов, который состоялся в 1935 г. в Ленинграде. Профессор Като с шестью своими ассистентами показал свои опыты по микрофизиологии нерва

⁸¹ См.: Пильняк Б. Корни японского солнца. / Сост. Д. Савелли. М.: Три квадрата, 2004; Savelli D. Boris Pilniak: une figure essentielle des relations culturelles soviéto-japonaises (1926–1937)» // Ebusu. 1999. № 20. P. 73–108; Savelli D. Sest' neizdannyh pisem Borisa Pil'njaka o ego pervom prebyvanii na Dal'nemVostoke (v Kitae i Japonii) v 1926 g. // Cahiers du monde russe. URL: <http://monderusse.revues.org/86> (дата обращения 05.11.2015.)

⁸² ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 26. Л. 62.

амфибии, привлекавшее к себе внимание как советских, так и зарубежных физиологов.

В период нарастания внешнеполитической ситуации ВОКС организовывало приезды японских спортсменов, особенно молодых⁸³.

Интересным материалом для исследования являются отчеты сотрудников ВОКС о посещении иностранцами СССР. Данные отчеты о пребывании, настроениях гостей составлялись сотрудниками для руководства Общества. Как отмечает А. В. Голубев, «на их основе делались выводы о перспективах дальнейшей работы с теми или иными деятелями науки и культуры с целью их использования, в первую очередь в пропагандистских целях. Руководство ВОКСа придавало этим отчетам большое значение, так, в циркуляре заместителя председателя ВОКСа, датированном августом 1934 г., подчеркивалось, что показателем работы всех отделов является «своевременность и качество» информации об итогах работы с иностранцами»⁸⁴.

Анализ отчетов показал, что ценность данных источников в том, что в них дается характеристика национальных особенностей японцев, также содержится информация о развитии японского общества, о настроениях, личных впечатлениях от встреч. Так, например, представитель ВОКСа Н. Жерве описывает пребывание профессора Токийского университета Сугияма в Москве и Ленинграде в мае 1935 г.: «Турист Сугияма все время говорил, рассказывая о современной Японии. Отзывов о Советском Союзе были очень благоприятные, говорил, что в Японии большой интерес к Советскому Союзу, что фашизм совсем не распространен в Японии.

Интересуется современностью, но на многое, *как вообще у японцев своеобразная точка зрения*, часто задает совсем неожиданные наивные вопросы. Неплохо знаком с историей революционного движения в России, знает несколько и русскую историю»⁸⁵.

Однако основная цель поездки профессора Сугияма было знакомство с советской системой образования и воспитания в школах. В Ленинграде он посетил 1-ю Образцовую школу, беседовал с заведующим учебной частью. Также встретился с профессором Н. Конрадом.

Среди интересных гостей ВОКСа также можно выделить сотрудника «Лесной Станции Министерства Двора» – Хасэгава и владельца крупнейшего издательства в Токио – Иванами. В сентябре 1935 г. они посетили различные парки отдыха, ЦДХВД. Большой интерес у них вызвали декорации оперы «Сказание о граде Китеже»⁸⁶. Японцы очень плохо го-

⁸³ Там же. Д. 140. Л. 10.

⁸⁴ «Основная цель его приезда ...». Отчеты сотрудников ВОКСа о пребывании в СССР деятелей науки и культуры Великобритании. 1934–1936 гг. // Исторически архив. 1996. №3. С. 136.

⁸⁵ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 217. Л. 7.

⁸⁶ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 178. Л. 79.

ворили по-английски, практически ничего не знали о советской культуре, многое не понимали в жизни советских людей.

По мере нарастания политического недоверия количество поездок и культурных обменов сокращалось. В Японию и СССР отправлялись только «надежные и проверенные» люди, о чем свидетельствуют отчеты сотрудников ВОКС. Деятели культуры, науки, находясь в чужой стране, находись под пристальным вниманием полицейских ведомств.

Рассмотрение деятельности Общества позволяет сделать вывод о том, что, наряду с Интуристом, ВОКС практически имел «монополию» в организации зарубежных поездок и в приеме иностранных граждан, оставался связующим звеном для культурных и научных кругов с международными организациями.

* * *

Подводя итоги сказанному, можно говорить, что Япония занимала особое положение в деятельности ВОКС. Хотя она относилась к Восточному отделу, но в целом политика отличалась от Китая, Турции и Монголии.

Анализ архивных данных показывает, что ВОКС внесло большой вклад не только в становление советско-японских культурных отношений, но и внешнеполитических. Именно культурные мероприятия способствовали развитию дружеских двусторонних отношений: через различные выставки, кинопоказы шло формирование представлений друг о друге, знакомство с традициями, обычаями, представлениями о мире. О. Д. Каменева следующими словами оценила роль ВОКС в развитии культурных отношений не только с Японией, но и Европой: «Культурная связь СССР с Японией имеет значение не только для обеих этих стран. Как уже показал опыт, выступления японской культуры в Советском Союзе делаются достоянием Европы»⁸⁷.

⁸⁷ Выставка японского кино. М.: ВОКС, 1929. С. 3.

В. Г. Дацышен

Статья посвящена одной из важнейших проблем истории русско-японских отношений – формированию образа японцев в русском общественном сознании. В 2015 г. исполнилось 70 лет с времени последней войны между нашими странами. Советско-японская война 1945 г. оказала большое влияние на всю последующую историю русско-японских отношений, представления о ней различны и противоречивы. В августе 1945 г. более миллиона советских солдат столкнулись с сотнями тысяч японских военных, их впечатления стали важнейшим фактором формирования образа японцев в русском обществе. Следы этих событий сохранились в газетных публикациях того времени и в воспоминаниях участников войны. Введение в научный оборот новых источников, их критический анализ и сравнение с другими свидетельствами той эпохи позволят лучше понять ту эпоху, что, несомненно, будет способствовать сближению двух народов.

Ключевые слова: Советско-японская война 1945 г., образ японцев в советском обществе, проблемы японского плена, материалы советских газет, воспоминания участников войны.

В 1945 г. состоялась советско-японская война, ставшая завершающим этапом Второй Мировой войны. Эта война подвела итог периоду войн и военных конфликтов, сотрясавших отношения между двумя странами и народами на протяжении всей первой половины XX в. Длительная эпоха послевоенного мира не привела к преодолению взаимных обид и претензий. Одной из причин сохранения недоверия является наследие войны 1945 г., по отношению к которой два народа имеют разные взгляды и представления.

Действительно, с самого начала августовской войны 1945 г. оформились разные взгляды на нее в мировом сообществе, стали формироваться противоречия, которые сохраняются до настоящего времени. Советский Союз начал войну против Японии строго в рамках международных обязательств, и справедливость этой войны не ставится под сомнение международным сообществом, включая все великие державы. Однако Япония до последнего надеялась, что СССР откажется от выполнения военных обязательств перед союзниками.

Новые противоречия стали формироваться в конце войны, когда советское руководство решило направить военнопленных, личный состав капитулировавшей Квантунской армии, в Советский Союз. В начале войны в советских газетах был опубликован «Ответ Правительства Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Великобритании и

Китай Правительству Японии» от 11 августа 1945 г., в котором говорилось: «Немедленно после капитуляции Японии Правительство отправит военнопленных и гражданских интернированных лиц в безопасные пункты, как будет указано, где они могут быть быстро посажены на борт союзных транспортов»¹. Российские ученые сегодня утверждают, что в середине августа 1945 г. «в адрес маршала А. М. Василевского поступил приказ, подписанный Л. П. Берия <...> В этом приказе было четко определено, что военнопленные японо-маньчжурской армии на территорию СССР вывозиться не будут, что полностью соответствовало духу Потсдамской декларации <...> Не успело это распоряжение вступить в силу, как 23 августа ГКО во главе со Сталиным принимает постановление 9898 <...> «О приеме, размещении и трудовом использовании военнопленных японской армии», в котором подробно говорилось о направлении 500 тыс. японских военнопленных на принудительные работы в Советский Союз»². Последовавшие после окончания войны раскол между союзниками и «холодная война» привели к новому витку противостояния между оккупированной американскими войсками Японией и СССР. В конечном итоге, по итогам Второй мировой войны между двумя странами до сих пор не подписан мирный договор.

На сегодняшний день остается актуальной задача сближения позиций двух народов по сложным вопросам двухсторонних отношений, преодоление доставшихся в наследство от прошлого противоречий. Важным фактором здесь является создания более полной и многомерной исторической картины российско-японского взаимодействия. В начале нынешнего века российские ученые стали озвучивать актуальную в контексте нашего вопроса проблему: «Мы привыкли к тому, что на протяжении многих лет, говоря о войнах, мы рассуждали исключительно об их политической подоплеке, военной стратегии победителя <...> Но почти всегда забывали о людях, втянутых в войны и пострадавших от них...»³. Таким образом, сегодня пришло время рассмотреть советско-японскую войну через призму «истории повседневности». В частности, важно понять, какой образ японца формировался в советском обществе в 1945 г., каким увидели японца советские солдаты и офицеры во время августовской войны, каким они представили его в своих воспоминаниях.

Советская пропаганда накануне и во время Второй мировой войны рисовала негативный образ японцев. Обусловлено это было комплексом причин и факторов. Русское общество еще не успело забыть горечь потерь и поражений войны 1904–1905 гг. Япония оказалась в числе наиболее последовательных противников большевиков и советской

¹ Правда. 12.05. 1945.

² Катасонова Е.Л. Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав. М.: ИВ РАН, 2003. С. 35.

³ Там же. С. 5.

власти после революции 1917 г., а следствием длительной военной интервенции на Дальнем Востоке России стали воспоминания о кровавых столкновениях и карательных акциях, жертвами которых было и мирное население. В 1945 г. еще свежи были воспоминания о сожжении Ивановки и «Николаевском инциденте», во Владивостоке устанавливали новый памятник зверски убитому Сергею Лазо. С начала 1930-х гг. в СССР, как и во всем мире, шла подготовка к новой мировой войне. Советское руководство сделало ставку на союз со странами Запада против фашистской Германии, следовательно, Япония, с ее антиамериканской политикой, рассматривалась в качестве потенциального противника. Однако с начала 1939 г. в Советском Союзе не велось открытой анти-японской пропаганды по причине необходимости избежать войны с Японией в условиях большой войны в Европе. При этом, в той части русского населения, кто непосредственно участвовал в войнах с японцами, к японскому солдату относились с уважением – как к достойному и честному противнику, не исключая при этом таких качеств, как коварство и жестокость⁴.

Советско-японская война 1945 г. стала самым масштабным событием в двухсторонних отношениях по количеству участников. С советской стороны в войне участвовало около 1,5 млн. человек, с японской стороны советскому наступлению противостояло до 1 млн. японцев. Около 600 тыс. японцев были взяты в качестве военнопленных⁵. Сотни тысяч советских солдат, офицеров и генералов напрямую встретились с японцами, сначала на полях сражений, а затем – при приеме капитуляции и отправки в СССР сотен тысяч японских солдат.

Восприятие японцев советскими военнослужащими нашли отражение в газетных публикациях того времени и изданных позже воспоминаниях участников войны. При этом содержание публикаций несло на себе печать не только цензуры, но и жестких внутренних установок, сформированных условиями советского режима и военного времени. Наиболее массовой литературой по истории советско-японской войны стали историко-мемуарные работы советских военачальников. Работы многократно переиздавались, некоторые выдержали до десяти переизданий. Однако в качестве исторического источника их нужно использовать с осторожностью, эти издания носили пропагандистско-воспитательный характер, у военачальников были «соавторы» в виде «литературных редакторов». В Советском Союзе издавались воспоминания не только маршалов и генералов, но и солдат и офицеров. Однако воспоминания солдат крайне редки, их публикации так же тщательно редактировались.

⁴ Дацышен В.Г. Война на МНР. Халхин-Гол в нашей повседневности // Родина. 2009. №8. С. 17-19.

⁵ Военнопленные в СССР 1939–1956. Документы и материалы. / Под. ред. М.М. Загоруйко. М.: Логос, 2000. С. 240.

Воспоминания ветеранов советско-японской войны 1945 г. можно найти в различных публикациях, посвященных истории Великой Отечественной войны и опубликованных в региональных издательствах, чаще всего к юбилейным датам. Многие делают краеведы, разыскивающих ветеранов и собирающих их воспоминания⁶. В рамках устной истории в последние годы был собран материал, отражающий народные представления о советско-японских отношениях той эпохи, например: «Японцы шевелились все время вокруг границы, там они все никак не могли осмелиться, нападать – не нападать, потому что японцы же, они хитрые были»⁷.

В годы Второй Мировой войны советская периодическая печать не просто была подвержена жесткой цензуре, она являлась главным пропагандистским инструментом партийно-советского руководства. Тем не менее, многие газеты не ограничивались официальными сообщениями и политико-пропагандистскими материалами, а печатали сообщения собственных корреспондентов, в том числе и нештатных, с мест событий советско-японской войны.

Содержание советских газет указывает на приемы, которые использовала пропаганда для мобилизации советского народа на войну с Японией. Японцы назывались агрессорами и фашистами. Для консолидации советского народа в войне против Японии, пропагандисты в первые дни этой войны активно использовали тему японской военной интервенции на востоке России в 1918–1922 гг. В газетах помещались статьи с воспоминаниями местных жителей об интервенции. 9 августа в хабаровской газете «Тихоокеанская звезда» были напечатаны статья «Наш счет», в начале которой говорилось: «Японцы! Слишком долго слово это отдавалось ужасом в сознании, чтобы забыть его. Слишком много несло оно горя и слез». Другая статья – «Мы помним» – заканчивалась словами «Мы помним и мы отомстим»⁸.

В первые дни августовской войны советские газеты формировали негативный образ японцев, оперируя примерами уже этой войны. «В «Тихоокеанской звезде» за 11 августа была помещена статья «Удары моряков-амурцев» за подписью К. Динамова. Эта статья завершалась следующими утверждениями: «Первые бои раскрывают подлое нутро врага. Японская военщина всегда прибегала ко всякого рода коварным провокациям. Так было и на этот раз. Наши подразделения вели бой в местечке «Н» <...> Чувствуя безнадежность своего положения, японские офицеры и солдаты, заучившие несколько русских слов, кричали

⁶ Колесник Е.А. Коллекция документов 396-й Хинганской стрелковой дивизии в фондах Шимановского краеведческого музея // Амурский краевед. 2006. №1(23). С. 189.

⁷ Устная история: человек в повседневности XX века. Воспоминания и интервью жителей Красноярского края (о времени, о событиях, о своей жизни). Вып. 2. Красноярск, 2011. С. 157.

⁸ Тихоокеанская звезда. 09.08. 1945.

<...> – Своя, не стреляй! – Сдаюсь! Но это оказалось подлой уловкой. Когда наши бойцы подходили к ним ближе, они набрасывались на бойцов, бросали в них гранаты, стреляли из пистолетов, наносили ножевые раны. В другом случае японские солдаты и офицеры переодеваются в гражданское платье, предъявляют поддельные документы и тут же пытаются нанести удар в спину»⁹. Данная статья была напечатана и в других газетах. «Забайкальский рабочий» 19 августа поместил на своих страницах статью «Японские изверги замучили сержанта Калинина» с описанием следов пыток, обнаруженных на теле насмерть замученного советского бойца. Еще один пример зверств японцев над советскими пленными был описан в статье «Бессмертный подвиг ефрейтора Козлова»¹⁰.

О коварстве японских солдат и их готовности к самопожертвованию в советских газетах писали до самого окончания военных действий. 26 августа 1945 г., уже после того как в Москве отгремел салют победы и лидеры всех стран поздравили друг друга с победой над Японией, «Забайкальский рабочий» поместил сообщение спецкора ТАСС из расположения 2-го Дальневосточного фронта под названием «Коварные приемы врага». Корреспондент писал: «После короткого боя японцы, не выдержав натиска наших бойцов, ушли по извилистым ходам в доты, оставив на дне траншеи несколько трупов. Но стоило нашим бойцам спуститься в траншею, как «трупы» вскочили на ноги и начали стрелять из револьверов и бросать гранаты в наших бойцов. Перед земляным валом рота встретила пулеметный огонь <...> Ефрейтор Оконоенко быстро заставил замолчать ее. Когда бойцы выдвинулись вперед и достигли вала, там оказался один уцелевший японец, который, подняв руки вверх, на ломаном русском языке произнес: – Не стреляй. Сдаюсь! Бойцы решили взять его в плен, но он, приблизившись к ним на несколько метров, выхватил из-за спины гранату и бросил ее под ноги бойцов»¹¹.

Описанные в газетных публикациях примеры поведения японских солдат в бою воспроизводятся и в воспоминаниях ветеранов. Офицер-артиллерист из Бурятии М. И. Соколов вспоминал: «Во время боев японцы неоднократно применяли провокационные методы: отдельные доты выбрасывали белые флаги, оттуда начинали кричать по-русски о сдаче в плен. Когда же наши бойцы выходили из укрытия, поднимались во весь рост, они открывали шквальный пулеметный огонь»¹². Советский офицер-танкист в своих воспоминаниях описал нападение летчиков-камикадзе на советскую танковую колонну вечером 19 августа: «Атака

⁹ Тихоокеанская звезда. 11.08. 1945.

¹⁰ Забайкальский рабочий. 24.08. 1945.

¹¹ Забайкальский рабочий. 26.08. 1945.

¹² Соколов М. И. С освободительной миссией // Встречный удар. /Сост. Ю.Г. Богомолов. Улан-Удэ, 1988. С. 26–29.

развивалась настолько стремительно, что экипажам даже не хватило времени на подготовку пулеметов к стрельбе. Первый самолет на малой высоте помчался к головному танку батальона и с полного ходу врезался в его лобовую часть <...> Языки пламени заплясали на корпусе «Шермана» <...> Второй японский летчик направил свою машину на это строение, но, пробив крышу, она застряла на чердаке. Никто из наших бойцов не пострадал <...> Третий пилот <...> направил самолет в окна здания, но <...> задев крылом телеграфный столб, истребитель-бомбардировщик рухнул на землю и сразу запылал костром. Четвертый самолет, спикировав на колонну, врезался в автомашину медицинского пункта батальона, которая загорелась. Два последних «смертника» нацелили удар по хвостовым танкам, но встреченные плотным зенитным огнем, оба самолета рухнули.»¹³

В воспоминаниях генералов также отмечается упорство и жертвенность японских солдат, но уже без указания на конкретные приемы и методы. В воспоминания генерала А. П. Белобородова приводятся такие примеры: «Ночью большая группа японцев напала на штаб <...> полка, и лейтенант <...> с группой автоматчиков <...> в тяжелом бою спас полковое знамя и прорвался с ним из окружения. Такое же нападение в эту ночь совершил противник и на штаб 75-го инженерно-саперного батальона»¹⁴. Член Военного совета 39-й армии В. Р. Бойко пишет: «12 августа 61-я танковая дивизия, наступая на солунском направлении, завязала бой за железнодорожную станцию Балтай. Вначале противник оказал сильное сопротивление, но после мощных ударов нашей артиллерии, танков и авиации вынужден был оставить станцию. В состав частей противника, оборонявших ее, входили корейцы и монголы-баргуты. Они-то и дрогнули первыми; срывая с себя погоны, массами стали сдаваться в плен. Но отдельные группы японских солдат дрались здесь стойко, даже безрассудно. Одна такая группа численностью до 40 человек бросилась в контратаку против танкового батальона и за считанные минуты была уничтожена». Далее, генерал приводил еще один пример: «Едва полковник вышел из САУ и стал рассматривать в бинокль подступы к городу, как из кукурузы выскочили два камикадзе и ножом смертельно его ранили. Экипаж самоходки гусеницами машины раздал бросившихся было наутек диверсантов»¹⁵.

В мемуарной литературе, в отличие от газетных публикаций, чаще встречаются указания на мирное взаимодействие между советскими и японскими войсками, имевшее место после 15 августа. В воспоминаниях наводчика «Катюш» из состава 42-го гвардейского минометного полка

¹³ Лоза Д. Ф. Танкист на «иномарке». Победили Германию, разбили Японию. М.: Эксмо, 2005. С. 258.

¹⁴ Белобородов А. П. Прорыв на Харбин. М.: Воениздат, 1982. С. 153.

¹⁵ Бойко В. Р. Большой Хинган – Порт-Артур. М.: Воениздат, 1990. С. 98.

И. Ф. Абраменко говорит: «Видимо, японское командование дало распоряжение войскам не вступать в боевые действия с нашими войсками. Это было видно на примере того, что при подъезде к японскому гарнизону у ворот при въезде на территорию гарнизона стояли японские часовые, без какого-либо сопротивления разрешали нам заправлять автомобили горючим, а мы им на количество взятого бензина писали расписку и следовали дальше»¹⁶. Генерал И. М. Чистяков в своих воспоминаниях пишет о событиях 17 августа: «Когда мы сели на аэродроме в Яньцзи, в окно самолета я увидел картину, которая меня насторожила. По аэродрому спокойно ходили японские солдаты. Тишина, спокойствие, будто и нет войны <...> Через некоторое время подходит японский полковник с переводчиком»¹⁷. В первом описании после прибытия в Харбин советского десанта говорилось: «18 августа на исходе. Советский консульский особняк за железной оградой <...> Японские солдаты плотной цепочкой несут охрану по внешнему обводу ограды»¹⁸.

В воспоминаниях советских военачальников встречаются примеры сочувствия японцам, оказавшимся в августе 1945 г. в безвыходном положении. Генерал А. П. Белобородов писал: «Из всего виденного на войне разгромленные японские эшелоны произвели на меня одно из самых тяжких впечатлений, несмотря на то, что это был враг»¹⁹. В мемуарах говорится об особенностях капитуляции японской армии. Генерал И. И. Людников вспоминал: «Было получено следующее донесение: “В городе Сыпингай японская пехотная дивизия ждет, чтобы ее кто-либо взял в плен, но нам некогда ею заниматься, мы пошли вперед. Полковник Коваленко”»²⁰. Генерал В. Р. Бойко писал в своих воспоминаниях: «18 августа в штаб 192-й стрелковой дивизии бойцы привели двух японских офицеров в мундирах медицинской службы. Медики обреченно заявили, что их судьба, как и всех офицеров императорской армии, предreshена: впереди у них одно – расстрел. На родину им никогда не вернуться»²¹.

Особый интерес для нас представляют картины капитуляции японских войск. В сообщении майора П. Макрушенко, опубликованном в газете «Амурская правда», было приведено описание переговоров японского командования: «В период переговоров по радио Советского командования на Дальнем Востоке с командованием японской Квантунской армии произошла встреча Маршала Советского союза Василевского с

¹⁶ Устная история: человек в повседневности XX века. Воспоминания и интервью жителей Красноярского края (о времени, о событиях, о своей жизни). Вып. 1. Красноярск, 2010. С. 71–72.

¹⁷ Чистяков И. М. Служим Отчизне / Литературная запись Г. С. Комиссаровой. – Изд. 2-е. М.: Воениздат, 1985. С. 273.

¹⁸ Финал. Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 году. / Под ред. М. В. Захарова. – Изд. 2-е, доп. и испр. – М.: Наука, 1969. С. 300.

¹⁹ Белобородов А. П. Указ. соч. С. 129.

²⁰ Людников И. И. Через Большой Хинган. М.: Воениздат, 1967. С. 102.

²¹ Бойко В. Р. Указ. соч. С. 101.

представителями командования Квантунской армии. Встреча состоялась 19 августа. В ставку Маршала Советского Союза Мерецкова на самолете прилетели начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант Хата, японский консул в Харбине Миякава и группа старших офицеров японского штаба. Встреча состоялась в лесном домике неподалеку от советско-маньчжурской границы в 15 час. 30 мин. по дальневосточному времени <...> сняв головные уборы, японцы низко поклонились представителям Советского командования <...> Переговоры велись несколько часов. Японцы заявили, что они согласны на безоговорочную капитуляцию <...> В этот день на большей части фронта японцы прекратили вооруженное сопротивление, однако при встрече с нашими передовыми отрядами оружия не сдавали, заявляя, что ожидают приказа <...>. Вслед за 3-й японской армией, приступила к разоружению 5-я японская армия. Здесь первым сдался в плен начальник штаба армии генерал-майор Ковая <...> Прибывший вскоре командующий 5-й армией генерал-лейтенант Семидзу довел до сведения Советского командования, где какая дивизия складывает оружие»²².

Эти же события позже нашли отражения в мемуарах маршала К. А. Мерецкова: «Для контраста расскажу о том, как в конце августа я принимал пленных японских генералов. Они были доставлены в район полевого управления 1-го Дальневосточного фронта. Находившегося в 8 км юго-западнее Духовской, в полной форме, при всех регалиях и при холодном оружии. Сначала генералы держались очень робко. Но потом, когда их пригласили за стол и стали разговаривать с ними спокойно и корректно, они осмелели. Первое, о чем они заговорили, касалось оказания всем японским пленным медицинской помощи и обеспечения их одеждой и продуктами <...> Генералов заверили, что их солдаты будут снабжаться не хуже, чем в Квантунской армии»²³.

Свой взгляд на японцев отразили офицеры-фронтовики, принимавшие капитуляцию японских войск в августе 1945 г. В воспоминаниях офицера-танкиста говорилось: «На станцию Эрчань танкисты ворвались еще засветло. Здесь японцы спешно грузились в эшелон <...> После первого же выстрела из тридцатьчетверки по эшелону паровоз, стоявший под парами, пронзительно свистнул и рванул вперед. Но разбитый снарядом вагон преградил ему путь. Поняв, что им не уйти, японцы вдруг успокоились. Под зычные команды офицеров они начали строиться в колонну. Складывать оружие. Низенький полковник в очках вышел навстречу лейтенанту Неустрову и протянул ему меч, украшенный самоцветами. наших бойцов удивило и насторожило такое поведение японцев.»²⁴.

²² Амурская правда. 24.08. 1945.

²³ Мерецков К. А. Когда отстремели выстрелы // Освободительная миссия на Востоке. М.: Воениздат, 1976. С. 136–137.

²⁴ Безотосов А. Танковый рейд. Записки офицера. / Библиотечка журнала «Советский воин» №8/855. М.: Воениздат, 1988. С. 74.

Офицер-сибиряк М. И. Соколов писал в своих воспоминаниях: «Мне пришлось принимать участие в приеме пленных в восточной части Хайларского укрепрайона. Характерны некоторые моменты, которые говорят о том, что японский солдат с детства обрабатывался в полной покорности императору, эта покорность доводилась до фанатизма. Так японцам был дан определенный срок, в течение которого они должны были захоронить трупы, взять с собой в ранцы самое необходимое, построиться и по одному пройти мимо принимающих, сложить личное оружие <...> По приказу японского офицера солдаты выходили из дотов, становились на колени, сложили оружие перед собой, произносили какую-то молитву или клятву и только после этого строились и выходили для сдачи в плен. Некоторые офицеры, да и солдаты японской армии, штыком или клинком вспарывали себе живот или стрелялись. Был случай, когда самурай бросил под себя гранату, осколками были ранены некоторые из членов близко стоящих членов комиссии <...> местное население постоянно помогало нам в розыске скрывавшихся от пленения японских офицеров и солдат, которые порой совершали террористические акты»²⁵. Офицер-танкист Д. Ф. Лоза, принимавший 21 августа капитуляцию одной японской части в Мукдене, вспоминал: «Привлек мое внимание один офицер – командир таковой роты. Он с дрожью в руках отстегнул от ремня самурайский меч, поддержал его несколько минут почти на вытянутых руках, крепко поцеловал и только тогда, бережно положив его на землю, отошел, низко опустив голову»²⁶.

В воспоминаниях бывшего командира взвода разведки Тихоокеанского флота М. А. Бабикова приводится такой случай, характеризующий японцев: «По наущению и при подстрекательстве нескольких фанатично настроенных офицеров, которые запугивали солдат ужасами расправы большевиков, японцы решили избежать плена, попытаться захватить стоящие на путях эшелоны и на них вырваться из Вонсана, проскочить в южную часть страны и оттуда морем перебраться на родину. Они считали, что пока приказ о капитуляции не подписан, у них есть право на самочинные действия. Все их надежды были на внезапность и на численное превосходство, перед которыми русские не устоят <...> Твердость и выдержка десанта заставили японское командование отступить <...> В восемнадцать часов двадцать второго августа Хори и Тадо заявили, что доставленная офицером связи радиограмма разрешает им капитуляцию советским войскам. <...> С этого момента обстановка в городе резко изменилась. Японские солдаты и офицеры стали утрачивать строгую воинскую организацию. <...> Гарнизон массовым порядком начал сдаваться в плен»²⁷.

²⁵ Соколов М. И. Указ. соч. С. 29–30.

²⁶ Лоза Д. Ф. Указ. соч. С. 265.

²⁷ Бабинов М. А. На восточном берегу. Владивосток, 1985. С. 215.

Наиболее подробно в газетных публикациях и в воспоминаниях военачальников описана капитуляция японских войск в главных городах Маньчжурии – Чанчуне и Мукдене. В августе 1945 г. в газетах была опубликована статья спецкора ТАСС К. Пухова «Подробности капитуляции Чанчуня». В ней, в частности, говорилось: «Из Дугласа высадилось несколько советских офицеров во главе с полковником Артеменко, которых сопровождала группа автоматчиков. Прибывшие направились в помещение коменданта аэродрома, а четверка советских истребителей продолжала барражировать в воздухе. Вскоре по вызову наших офицеров на нескольких машинах прибыли на аэродром представители штаба японской Квантунской армии: заместитель начальника штаба армии генерал-майор Мацуока. <...> Японцы пытались уклониться от вопроса о безоговорочной капитуляции. Тогда полковник Артеменко вызвал через радио «Дугласа» заранее подготовленный на одном из фронтовых аэродромов авиадесант. На военный аэродром Чанчуня один за другим стали опускаться наши транспортные самолеты с автоматчиками. После этого японцы вынуждены были подчиниться»²⁸.

После войны, несколько десятилетий спустя, были опубликованы воспоминания самого И. Т. Артеменко. Бывший советский уполномоченный писал: «Утром 18 августа мы вылетели с одного из монгольских аэродромов и взяли курс на восток. <...> У самолета нас встретили представители командования японских войск. Через 25–30 минут произошла встреча с <...> Ямада <...> Наши требования <...> Ямада не хотел принимать. Он старался различными дипломатическими уловками свести результаты переговоров не к капитуляции, а к перемирию. Развязка настала неожиданно. В кабинет вошел дежурный японский офицер и доложил, что к городу приближается армада русских самолетов-бомбардировщиков под сильным прикрытием истребителей <...> несколько минут Ямада стоял словно в оцепенении. Затем резко выхватил свой самурайский «меч духа», несколько раз поцеловал его и, подав его мне через стол, склонил голову со словами: «Теперь я ваш пленник. Диктуйте свою волю». Его примеру последовали все присутствующие в кабинете японские генералы и офицеры, признавая себя пленными <...> Тут же в 14–10 Ямада подписал акт о безоговорочной капитуляции»²⁹.

В советских газетах в августе 1945 г. были опубликованы заметки о капитуляции японцев в Мукдене (Шэньяне). В хабаровской «Тихоокеанской звезде» была напечатана статья старшего лейтенанта Ф. Коновалова «В Мукдене (Заметки участника авиадесанта)», в которой говорилось: «Наш самолет пошел на посадку и приземлился на Центральном аэродроме Мукдена. Вокруг сотни японских самолетов. Возле них летчики,

²⁸ Амурская правда. 28.08. 1945.

²⁹ Артеменко И.Т. Последние дни второй мировой // Встречный удар. /Сост. Ю. Г. Богомолов. Улан-Удэ, 1988. С. 166–169.

технический состав. Первых представителей советского командования здесь явно не ждали. <...> Генерал-майор Притуло выходит из самолета, за ним – трое офицеров, группа автоматчиков. Японские солдаты низко кланяются, но на вопросы переводчика не отвечают. Через десять минут на аэродроме появляется японский генерал-лейтенант Исиока. Внешне он чрезвычайно любезен, он говорит, что не имеет полномочий на переговоры о принятии капитуляции. Генерал-майор Притуло отправляет наряды автоматчиков на вокзал, радиостанцию, телеграф, к мостам, к стартовой площадке самолетов, а сам в сопровождении Исиока едет к начальнику гарнизона Мукдена <...> в коридоре второго этажа здания японского штаба советских командиров встречает командующий Третий фронт Квантунской армии Усироку. Ознакомившись с письменными полномочиями генерала Притуло, Усироку торжественным тоном говорит: – Выполняя волю императора, сдаюсь на милость победителя <...> Уже в темноте наши офицеры разъезжаются по японским полкам. <...> Всю ночь по городу громят вереницы грузовиков, пушек, 50-тысячный гарнизон Мукдена разоружается и сдается в плен. Утром Мукден начинает жить обычной жизнью.»³⁰.

В советское время были опубликованы воспоминания главных действующих лиц тех событий. А. И. Ковтун-Станкевич в своей статье «Комендант Мукдена» писал: «Садимся. В это время два японских истребителя взмывают в воздух. Кто дал им права на взлет? Это ведь нарушение условий капитуляции. <...> Пока мы разбирались, они сделали несколько кругов над аэродромом, набирая высоту, а затем, войдя в штопор, врезались в землю в метра двухстах от наших самолетов. Раздался взрыв. <...> чуть-чуть ближе – и от наших самолетов могло остаться лишь одно воспоминание. По лицам японских солдат и офицеров видно, что они восхищены поступком своих летчиков. <...> Итак, мы в Мукдене»³¹. В воспоминаниях советских офицеров говорится: «Через два часа нахождения в Мукдене батальон был поднят по тревоге. Мы получили приказ разоружить японскую танковую часть в близлежащем секторе города. <...> Группа с белым флагом направилась в расположение неприятеля. Прошло около 30 томительных минут. Парламентеры, наконец, показали в воротах. С ними вышагивал японский офицер. Подойдя ко мне, он с холодной ненавистью в голосе, на чистом русском языке сообщил, что бригада получила приказ от их командования о сдаче оружия»³².

В воспоминаниях советских генералов нашли противоречия, появившиеся в августе 1945 г. по проблеме японского плена. Генерал А. П. Бе-

³⁰ Тихоокеанская звезда. 29.08. 1945.

³¹ Ковтун-Станкевич А.И. Комендант Мукдена // Освободительная миссия на Востоке. – М.: Воениздат, 1976. С. 151.

³² Лоза Д. Ф. Указ. соч. С. 260.

лобородов писал: «Кавагоэ, приехав к нам сдаваться, начал разговор с возражения против слова «капитуляция». И генерал Симидзу, прощаясь с нами, вернулся к той же теме <...>: “мы не считаем себя пленными, так как мы прекратили военные действия в связи с высочайшим рескриптом, мы никогда не терпели военных поражений. Если бы продолжалась война <...> наши военные погибли бы на поле боя. <...>”. Ну что ответишь на эту словесную казуистику? Пленный есть пленный <...> И в плену вы оказались не потому, что так повелел император, а потому, что ваша армия <...> за десять дней боевых действий против советских войск понесла громадные потери»³³.

Таким образом, участники советско-японской войны оставили многочисленные свидетельства о поведении японцев во время военных действий и при капитуляции Квантунской армии. На первом этапе войны чаще всего указывали на «коварство» японских солдат, приводились примеры их массового самопожертвования. Для второй половины августа типичны описания трагедии японских военных, вынужденных принять условия безоговорочной капитуляции и сдать победителю свое оружие. Эти свидетельства советских военных способствовали формированию определенных взглядов и представлений о японцах, которые затем распространялись в различных слоях советского общества и сохраняются в России до настоящего времени. Расширение круга подобного рода исторических источников, критический их анализ и помещение их в поле сравнительных исследований позволят сделать историческую картину событий более полной, что, без сомнения, будет способствовать лучшему взаимопониманию между народами России и Японии.

³³ Белобородов А. П. Указ. соч. С. 169.

О космогонических мифах Рюкю¹

Е. С. Бакшеев

В статье анализируются различные варианты придворных и фольклорных «космогонических мифов», иначе «мифов о сотворении» Рюкю в историческом, религиозном и культурном контексте региона. Используются основные источники по данной теме: «Оморо-со:си», «Рю:кю: синто:-ки», «Тю:дзан-сэйкан», а также фольклорные материалы, японская, западная и отечественная литература и данные полевых исследований автора. Отмечены общие элементы с мифологией Японии.

Ключевые слова: Рюкю/Окинава, космогонические мифы (мифы о сотворении) Рюкю, государственная (придворная) и народная (фольклорная) мифология, религия Рюкю, рюкюское синто, жреческий культ.

Памяти Татьяны Петровны Григорьевой (1929–2014)

Рюкю (琉球) – геоисторическая и этнокультурная область, охватывающая часть о-вов Нансэй², а именно четыре группы островов – Амами (奄美), Окинава (沖縄), Мияко (宮古), Яэяма (八重山語)³. Рюкюсцы (население Рюкю) – это этническая (субэтническая) группа, или субэтнос общепонского этноса; в прошлом они составляли близко родственную японцам народность, а в настоящее время являются этническим меньшинством Японии.

Как единое государство королевство Рюкю (琉球王国) было основано в XV в. с центром на о. Окинава⁴. В начале XVII в. оно подверглось агрессии

¹ Статья подготовлена при поддержке грантов РГНФ: № 15-03-00581 «Освоение репрезентаций пространства в культурных практиках: история и современность» и № 15-33-14106 «Целевые ориентиры государственной национальной политики: возобновление человеческого ресурса и национальные культуры (проблема Другого)». Фотографии выполнены автором статьи.

² Нансэй сёто: (南西諸島 букв. «Юго-западные острова») – официальное географическое название цепи островов, которые протянулись от о. Кюсю до о. Тайвань и состоят – с севера на юг – из островных групп Сацунан (о-ва Осуми, архипелаг Токара, о-ва Амами), Рюкю (о-ва Окинава, о-ва Мияко, о-ва Яэяма). и Дайто:. Рюкю лучше известны под названием «Окинава» – по своему центральному острову. Подробнее см.: Географическая справка. // Бакшеев Е.С. Наследие Н.А. Невского по культуре Рюкю (Окинавы) и его изучение в России и Японии: достижения, проблемы, перспективы. // Ориентализм / Оксидентализм: Языки культур и языки их описания. М.: Совпадение, 2012. С. 365–66.

³ Эти названия островов результат японизации, как правило, автохтонных топонимов; например, жители о. Мияко называли свой остров «мя:ку»; для записи иероглифы часто употреблены фонетически.

⁴ Сначала королевство Рюкю контролировало только главный остров Окинава и близлежащие острова. О-ва Мияко и Яэяма вошли в состав королевства в начале XVI в., а о-ва Амами – только во второй половине XVI в.

со стороны японского клана Сацума (薩摩藩) и оказалось под его непрямым господством⁵. В 1879 г. правительством Японии создана префектура Окинава

Рюкюсцы имеют общие корни в антропологическом, культурном и языковом отношении с остальной Японией, но здесь сформировалась самобытные социальные, культурные и религиозные традиции.

Люди современного типа (*Homo sapiens S.*) населяли Рюкю в эпоху палеолита (напр., «человек Минатогава» 港川人, ок. 18 тысяч лет т. н.), но, как свидетельствует археологическая история, не смогли выжить в условиях небольших островов; палеолитические насельники островов Рюкю не стали предками последующего населения этих островов и Японии в целом.

Около пяти тысяч лет до н. э. с о. Кюсю на острова групп Амами (северные Рюкю) и Окинава (центральные Рюкю)⁶ проникли носители неолитической культуры Дзёмон; там сложился отчетливый региональный тип культуры «рюкюский Дзёмон»⁷. Эта неолитическая культура прибрежных собирателей, рыболовов и охотников продолжала существовать на островах Амами (северные Рюкю) и Окинава (центральные Рюкю) до конца I – начала II тысячелетия н.э.⁸

В конце I тысячелетия н.э. с о. Кюсю пришла новая волна переселенцев, которые принесли на Рюкю сельское хозяйство (рис, просо, ячмень), металлы, новые технологии и знания вместе с древнеяпонской культурой и религией и проторюкюским языком (琉球祖語)⁹. Примерно с X в. по XII в.¹⁰ (в так называемый «период протогуску») на о. Окинава

⁵ О-ва Амами были отторгнуты кланом Сацума от королевства Рюкю; сейчас они входят к преф. Кагосима.

⁶ Дзёмонцы не смогли преодолеть 250 км между о. Окинава и группой Мияко. Островные группы Мияко и Яэма были заселены ок. 2300 лет до н.э. представителями других народностей (вероятно, аустронезийцами), которые пришли с о. Тайвань и/или из ЮВА; это население также не сохранилось.

⁷ Этот тип культуры сохранял определенную степень общности с культурой обширного региона (от центрального Рюкю до о. Кюсю) благодаря постоянным контактам между центральными и северными Рюкю и Кюсю по так называемому, «раковинному пути» (кай-но мити) вплоть до периода Кофун; в культуре яёй о. Кюсю есть множество изделий (браслеты и пр.) из раковин, добытых в водах Рюкю.

⁸ Этот доисторический период получил в японской науке название «период раковинных куч» (貝塚時代 кайдзука дзидай).

⁹ Новейшая точка зрения лингвистов, специалистов по японскому и рюкюскому языкам, учитывающая последние археологические данные, состоит в том, что, проторюкюский язык (琉球祖語) отделился от японского (очевидно, старояпонского, иначе древнеяпонского (上古日本語/上代日本語) языка примерно в конце периода яёй – начале кофун на о. Кюсю (при этом в течение нескольких веков этот язык бытовал на о. Кюсю до того, как его носители начали свое продвижение на Рюкю); такая точка зрения на время отделения проторюкюского языка в целом подтверждает давнюю гипотезу Хаттори Сиро. См.: Pellard T. The linguistic archeology of the Ryukyu Islands // Heinrich, Patrick, Miyara, Shinsho & Shimoji, Michinori. Handbook of the Ryukyuan languages. Berlin: Mouton de Gruyter. 2015. P. 27.

¹⁰ Период X-XII вв. японские ученые называют «периодом протогуску», когда из среды глав общин, а также из числа бигменов (в частности, воинов, захвативших власть силой) мог-

появилась сеть поселений, базирующихся на местном типе смешанного натурального хозяйства (земледелие и животноводство); начали складываться простые вожества, которые объединяли несколько деревень. Такие вожества¹¹ возглавляли наследственные вожди, которые звались *андзи*, или *адзи* (按司; от яп. *арудзи* – «хозяин»; «отец»). К XII в. на о. Окинава и ближних островах возникло стратифицированное общество, основанное на сельскохозяйственном производстве. Появление более сложного социального устройства связывается с последующим периодом: на XII–XIV вв. пришелся расцвет таких вожеств, их союзы, поглощения, образование крупных вожеств и их трансформация в протогосударство; этот период японские ученые называют «периодом *андзи*», или «периодом *гуску*» (グスク時代)¹². В XII–XIV в.в. на о.Окинаве шли процессы образования вторичного государства; в первой половине XIV в. в результате междоусобной борьбы мелкие вожества были объединены в три «королевства»¹³ – политики (протогосударственные образования), которые представляли из себя крупные сложные вожества, но имели рыхлую внутреннюю организацию со слабой властью правителя («короля») и неразвитым аппаратом управления¹⁴.

В «период *гуску*» (XII–XV вв.) сестры или жены таких региональных правителей исполняли роль главных жриц вожеств и звались *кими* (君

ли выделяться ранние вожди андзи. Местные элиты также могли пополняться за счет японских иммигрантов. Достоверных свидетельств об этом не имеется, но легенды и предания говорят о японских самураях, прибывших на Рюкю; особенно популярен Минамото-но Тамэ-томо (1139–70 гг.), который якобы был отцом «короля» Сюнтэн, основателя новой «королевской» династии Рюкю (считается, что правил в 1187–1237 гг.); в официальных летописях королевства Рюкю «Тюдзан сэйкан» (1650 гг.) и «Тюдзан сэйфу» (1697–1701 гг.) эта легенда использована как «доказательство» родства королей Рюкю с императорской династией Японии.

¹¹ Вожество (от англ. *chiefdom*) – «автономная политическая единица, включающая в себя несколько деревень или общин, объединенных под постоянной властью верховного вождя». Carneiro R. L. The Chiefdom: Precursor of the State // The Transition to Statehood in the New World. / Ed. by Jones G.D., and Kautz R R. Cambridge &c. 1981. P. 45.

¹² Происхождение *гуску* / *гусуку* (в современном понимании «крепость», «замок») до сих пор неясно; прототипом *гуску* могли послужить усадьба (укрепленная резиденция вождя), селение, святилище или даже место захоронения, обнесенные каменной оградой. Автор данной статьи предпочитает использовать в своих русскоязычных работах транскрипцию «гуску» – по произношению этого термина (второй гласный редуцирован). В материалах Н.А. Невского: «*gusiku* (Com.) 城 Замок» / *гусуку* (Общешимокское) 城 Замок» (пер. и ред. Е. Бакшеева). – Невский Н.А. [«Материалы для изучения говора островов Мияко»]. 『宮古方言ノート』 («Заметки по диалекту Мияко»). Факсимильное издание. Мэрия г. Хирара, о. Мияко. 2005.. Т. 1. С. 213). В русскоязычной литературе встречается также написание «гусуку».

¹³ Нандзан (南山 «Южная гора»), Тюдзан (中山 «Срединная гора») и Хокудзан («Северная гора»); по традиции, XIV в. – это «эпоха трех гор» (三山時代 сандзан дзидай), т. е. троецарствия. Такие названия им дали китайцы; «гора», на самом деле, значит «остров»; так, о-ва Мияко китайцы называли «Тихоокеанскими горами (островами)» (太平山 яп. Тайхэйдзан).

¹⁴ Некоторые специалисты называют их «городами-государствами»; по сути, это были «крепости-государства»: вожди из своих «замков» контролировали окружающие территории – селения с жителями, сельхозугодия, места добычи морепродуктов, порты, торговые пути и т. д.

рюкюс. *чимми*)¹⁵. Жрицы *кими* избирались из числа сестер *андзи* и вместе с братом создавали властную систему типа диархии, ставшую прототипом системы верховной власти в королевстве Рюкю¹⁶. Вожди *андзи* совместно с жрицами *кими* назначали жриц *норо* (ノロ) в подвластные им селения¹⁷.

В первой трети XV в. под эгидой Первой династии Сё: (第一尚氏) было образовано единое королевство Рюкю; в 1470 г. власть перешла ко Второй династии Сё: (第二尚氏). Создание единого национального культа и общегосударственной жреческой корпорации в конце XV в. – начале XVI в. (в период правления короля Сё: Син 尚眞・尚真 из Второй династии Сё: 1477–1527 гг.) служило средством усилить центральную королевскую власть и поставить под ее контроль автономные центры власти в регионах.

В идеале, на всех уровнях социальной организации традиционного общества Рюкю (ок. XII в. – XIX в.) рядом с мужчиной, который обладал социально-политической властью, – от главы дома до главы деревенской общины и, далее, до регионального правителя и короля – должна была находиться жрица-родственница (в основном, сестра)¹⁸. Ее функции состояли в том, чтобы, опираясь на «волю» божеств, духовно и ритуально подпитывать авторитет лидера. В традиционной картине мира Рюкю особая магическая сила *сидзи* (シジ яп. *сэдзи*), пребывающая в Ином мире, обеспечивала существование и обновление жизни в этом мире. Мужчины, и даже сам король, не имели доступ к этой силе; только женщины, а именно, жрицы могли овладеть ей. Короли Рюкю были вынуждены полагаться на посредничество жриц, чтобы сила *сидзи* поступала из Иного мира для защиты трона и процветания государства. В древности статус такой жрицы был даже выше, чем у мужчины-правителя, который осуществлял правление от ее имени. Такую структуру власти королевства Рюкю мы определяем как диархию («двоевластие»), а систему правления – как теократическую¹⁹.

¹⁵ «Госпожа». Позднее в жреческой иерархии единого королевства Рюкю – высшие (придворные) жрицы *кимигими* (君君).

¹⁶ Подробнее см.: Бакшеев Е. С. Историко-культурные, социально-правовые и гендерные аспекты становления государственной религии на Рюкю (Япония) // Вестник Академии и права. 2014. №35. С. 58–64.

¹⁷ Сейчас всех жриц Рюкю обычно называют «норо» (ノロ・祝・祝女 рюкюс. нуру, ну:ру); этот институт относительно новый, он возник в конце «эпохи гуску», т. е. в XIII–XIV вв., когда вожди *андзи* стали контролировать по несколько деревень и назначать в каждую деревню жрицу *норо*, чей статус был выше, чем у природной жрицы деревни *ни:ган* (根神 яп. нэгами «корневая богиня»). Официальный титул «норо» (祝女) был введен в годы правления Сё: Син (1477–1526 гг.); в системе общенационального культа королевства Рюкю *норо* – название государственных жриц на низшем этаже жреческой иерархии Рюкю, совершавших официальные ритуалы на о-вах групп Окинава и Амами.

¹⁸ В таком качестве сестра называлась «сестрой-богиней», по-японски онари-гами (おなり神).
¹⁹ В терминологии японских исследователей – политика «единства культа и правления» (祭政一致 сайсэй-итти). Система правления сайсэй-итти Рюкю отличалась от той, которая практиковалась в древней Японии.

В традиционном религиозно-культовом мире Рюкю можно выделить, по меньшей мере, шесть основных комплексов: 1). Жреческая религия²⁰. 2). Шаманизм. 3). Погребально-поминальный культ и культ предков. 4). Культы богов-пришельцев (来訪神 *райхо:син*) и обряды ряжения. 5). Культы божеств дома и усадьбы. 6). Общинные обряды ритуального очищения.²¹

«Космогонические мифы», или «мифы о сотворении» Рюкю

В каждой культуре особое место занимают космогонические мифы, или мифы о сотворении Ойкумены (мира и населяющих его людей), а также мифы о возникновении человеческого общества, создании страны, государства и основании правящей династии.

В отечественной науке фольклор и мифология рюкюсцев впервые – после Н. А. Невского – специально рассматривались в работах известного японоведа А. Р. Садовой в рамках комплексного исследования мифологии и фольклора народов Японии (японцы, айны, рюкюсцы)²².

²⁰ Жреческая религия, которую также можно охарактеризовать как религию жриц «священных рош» (святилищ утаки 御嶽), т. е. религию, отправляемую жрицами святилищ утаки. Жреческая религия – основа традиционной духовной и социальной культуры Рюкю. Жреческая религия Рюкю имеет общие корни с традиционными японскими культами божеств-ками («синто»), в которых, по мнению многих ученых, в древности женщины главенствовали. Так, в Японии известен ряд мифо-легендарных и исторических персонажей от богини солнца Аматэрасу и правительницы Химико до жрицы сайгу, которую назначал в главный синтоистский храм Исэ каждый император после вступления на трон. Показательно, что и Верховная жрица (Кикоз-огими) Королевства Рюкю и некоторые другие жрицы носили ожерелья с каплевидными или комма-образными бусинами-магатама, которые аналогичны священным символам синтоизма и регалиям императоров Японии.

²¹ О традиционном религиозно-культовом мире Рюкю подробнее см.: *Бакиев Е. С.* Очерк системы культов и верований Рюкю/Окинавы (в контексте общепонских религиозных представлений). Часть 1–2. // Культурологический журнал. 2014. №4; 2015. №1. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/305.html&j_id=21; URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/319.html&j_id=22 (дата обращения 05.11.2015); *Бакиев Е. С.* Архетип и ритуальная практика «бога-пришельца» в Японии и на Окинаве // Языки культур: образ – понятие – образ. СПб.,: РХГА, 2009; *Бакиев Е. С., Смирнов Ю. А.* Двустадийная погребальная обрядность Окинавы как археологическая и культурно-историческая реальность // КСИА. Вып. 224. М.: Инст. Археологии РАН, 2010. С. 60–76; *Бакиев Е. С.* «Две смерти» в культурах Японии и Рюкю (Окинавы): двустадийная погребальная обрядность в традиционных обществах как историко-культурологическая проблема (в контексте культур Азиатско-Тихоокеанского региона). // NB: Исторические исследования. 2013. № 1. С. 129–191. URL: http://e-notabene.ru/hr/contents_2013_1.html (дата обращения 05.11.2015); *Бакиев Е. С.* В поисках «Богини из Ниима»: по следам легенды «Почему перестали рождаться красавицы». Из наследия Н. А. Невского по культуре Окинавы (Часть 1–2) // Fushigi Nippon. URL: <http://leit.ru/modules.php?name=Pages&pa=showpage&pid=1475-1476>. (дата обращения 05.11.2015); *Bakshiev E.* Where People Meet Deities: Form and Structure of Sacred Places in the Miyako Islands, Okinawa // Nichibunken Forum. Kyoto, 9. 12. 2003 (presentation in Japanese).

²² *Садова А. Р.* Мифология народов Японии: Литературные и устные версии: Диссертация. ...докт. филол. наук. М., 2000; *Садова А. Р.* Айны и рюкюсцы: народные верования, фольклор и мифология. М.: ИМЛИ РАН, 2009.

В этих работах подробно проанализированы фольклорные материалы по данной теме, сделаны ценные обобщения и выводы. При этом, учитывая специфику истории и культуры Рюкю, «космогонические мифы» рюкюсцев требуют специального окинавоведческого исследования в историческом, религиозном и культурном контексте региона, не ограничиваясь фольклорным материалом (сказки *мукасибанаси*, народные повествования *минва*) и с привлечением основных оригинальных исторических источников, содержащих тексты на эту тему, например, «Рю:кю: синто:-ки», «Тю:дзан сэйкан», «Тю:дзан сэйфу»; такая попытка предпринята в настоящей статье.

На Рюкю имеются два типа т. н. «космогонических мифов», иначе «мифов о сотворении»: придворные мифы и фольклорные (народные) мифы²³. Придворные мифы содержатся в трудах, составленных при королевском дворе в Сюри на о. Окинава (это, главным образом, исторические хроники), а фольклорные мифы, имели хождение – вплоть до последнего времени – на островах групп Амами, Окинава, Мияко и Яэяма. В целом «мифам о творении» Рюкю присущи разнообразие мотивов и многочисленные как сходства, так различия между этими двумя видами мифологии и между отдельными мифологическими текстами.

В традиционной культуре Рюкю создание о. Окинава с соседними островами является синонимом создания всего мира, вселенной, поэтому так называемые «космогонические мифы» – это мифы о сотворении о. Окинава с близлежащими островами (придворные мифы) или какого-либо другого острова и его первых жителей (фольклорные мифы)²⁴.

При этом устойчивый элемент менталитета рюкюсцев в отношении священного – это отсутствие отвлеченных метафизических построений. В мифо-легендарном комплексе Рюкю нет ничего собственно о космогонии, создании вселенной или всего мира²⁵. Местный «миф о творении», по мнению У. Лебра, маститого исследователя религии Окинавы²⁶,

²³ Для Рюкю характерно сосуществование двух полноценных культур – придворной и народной; об этом см.: *Каримата Кэйити*. Очерк устного народного творчества Рюкю. (перевод Е. Бакшеева) // Николай Невский: жизнь и наследие. / Сост. и отв. ред. Е. С. Бакшеев и В. В. Щепкин. СПб., 2013. С. 193–203.

²⁴ Показателен пример о-вов Мияко; так, в материалах Н. А. Невского: «m'a:ku / мя:ку (Ps/ Хирара) (Sa/ Савада) 1. 宮古島ノコト。2. 世界。3. 都 1. о. Мияко. 2. Мир, Вселенная. 3. Столица. [(Ya) me:ku (Shuri) m'a:ku/ na:ku (Na a) m'a:ku/ ma:ku]» (пер. и ред. Е. Бакшеева). – Невский Н. А. [«Матерьялы для изучения говора островов Мияко»]. 『宮古方言ノート』 («Заметки по диалекту Мияко»). Факсимильное издание. Мэрия г. Хирара, о. Мияко. 2005. Т. 1. С. 449.

²⁵ Немногочисленные исключения составляют прямые заимствования из китайских источников, имеющиеся в поздних текстах (напр., «Тюдзан сэйфу», 1697–1701 г. г.).

²⁶ У. Лебра занимался изучением религии на о. Окинава. Здесь много общего с другими историко-культурными районами Рюкю (например, о-ва Мияко и Яэяма), которые, тем не менее, имеют свою яркую специфику. Например, различные диалекты Рюкю так отличаются, что их носители друг друга не понимают. Можно говорить о четко выраженном культурном регионализме на Рюкю.

«очень прост»: самые первые божества – это сиблинги, т. е. сестра и брат, которых называют *уминаи-гами* («сестра-богиня») и *умикии-гами* («брат-бог»). Это антропоморфные духи, которые были отправлены с небес по приказу «Высшего божества»; они создали землю и породили первых людей. Таким образом, как можно понять, мир начинается с о. Окинава, но речь идет о первых людях на Земле. В целом, по У. Лебра, с которым, однако, нельзя во всем полностью согласиться, на Окинаве «высшая мифология чрезвычайно скудна»: мифы о культурных героях, предания о мифических временах и мифы о главных божествах или слабо развиты, или вообще отсутствуют. С другой стороны, на Окинаве множество «этиологических мифов»; по свидетельству этнографов, еще во второй половине XX в. одной деревне можно было услышать несколько разных мифов, объясняющих происхождение одного и того же обряда, что указывает на то, что мифы играли важную роль освящения сложившейся социальной практики.

Придворные «мифы о сотворении»

Различные варианты придворных «мифов о сотворении» содержатся в нескольких источниках, главные из которых: 1). Антология «Оморо-со:си» (1532–1623 гг.); 2). «Рю:кю: синто:-ки» («Записи о Пути богов Рюкю», 1603–06 г.) японского монаха Тайтё; 3). «Тю:дзан сэйкан» («Зерцало поколений Тю:дзан – королевства Рюкю», 1650 г.); 4). «Кикё-огими огисики-но сидай» («Обрядник Верховной жрицы», 1875 г.).

(1) «Миф о творении» в «Оморо-со:си»

«Оморо-со:си» (おもろさうし «Записи песен *оморо*»²⁷, 1532–1623 гг.) – это поэтическая антология (в 22-х томах), включающая всего 1553 древних ритуальных жреческих песнопений²⁸ (XII–XVII вв. и древнее) групп островов Окинава и Амами (т. е. Центральные и Северные Рюкю); песни записаны слоговой азбукой хирагана и простыми иероглифами. Составление антологии началось в период правления короля Сё: Сэй (尚清 правил в 1527–1555 гг.), – когда шло активное государственное и культурно-идеологическое строительство.

Значение «Оморо-со:си» для культуры Рюкю трудно переоценить; образно говоря, для рюкюской культуры – это как для японской культуры поэтическая антология «Манъё:сю:» и синтоистские молитвословия *норито* вместе взятые²⁹.

²⁷ По принятой версии, «оморо», что по-рюкюски звучит как «умуи», соответствует японскому «омои» (思い); таким образом, это слово можно перевести как «дума», «думка».

²⁸ Оморо исполнялись жрицами в святилищах утаки, как предполагается, в состоянии одержимости божествами; таким образом, в песнях изрекался оракул.

²⁹ Песни оморо трудны для понимания и перевода, в частности, из-за того, что рюкюский язык транскрибирован японской азбукой. Переводов песен оморо на иностранные языки очень мало; несколько песен перевел Н. А. Невский. В Японии же имеется богатая традиция изучения, комментирования и перевода «Оморо-со:си» на современный японский язык, прак-

«Миф о творении» содержится в песнопении *оморо* «В начале» (『昔初まりや』; том 10, песня № 512):

«Сначала, давным-давно, в начале Великий бог солнца (てだこ大主 *Тэдако о:ниси*)³⁰ ослепительно сиял. И долго-долго в начале Великий бог солнца ослепительно сиял. И Великий бог солнца взглянул вдаль, взглянул вниз [и увидел нечто плавучее]. И повелел он Амамикё, и повелел он Синэрикё:³¹ «Создайте острова, создайте страны (国 *куни*)». [Амамикё спустилась вниз с небес]. И много островов, и много стран [она создала]. <...> И Великий бог солнца устав ждать <...> [повелел посеять семя людское:] «Породи народ Амамия, породи народ Синэрия³², божество [Амамикё], породи добрый народ»³³.

(2) «**Рю:кю: синто:-ки**» (琉球神道記 «Записи о Пути богов Рю:кю:», ок. 1603· 1606 г.). Это самый старый исторический источник, в котором нашел отражение религиозный мир Рюкю каким он был до вторжения Сацума в островное королевство в 1609 г.

Автор – буддийский монах из амидаистской «Школы Чистой земли» (*Дзё:до-сю:*) Тайтю: Рё:тэй (Тайтю:-сё:нин 袋中上人, 1552· 1639 гг.), который в 1603 г. прибыл на Окинаву и по просьбе двора Рюкю за три года написал это сочинение в пяти томах (опубликовано в 1648 г).

тически неизвестная в России. Среди этих исследователей: Иха Фую, Накахара Дзэнтю, Хокама Сюдзэн, Торигоэ Кэндзабуро, Симидзу Акира, Хатэрума Эйкити, Сакима Тосикацу. Под редакцией маститых С. Хокама и Сайго Нобуцуна антология составила 18-й том престижной академической серии «Памятники мысли Японии» (Оморо-со:си // Нихон сисо: тайкэй. Т. 18. Токио: Иванами сётэн, 1972 (1979).

«Сын солнца» (рюкюс. てだこ тидако, яп. 太陽児 тайё:дзи) – солярное божество (太陽神). Идеология, соединившая королевскую власть на Рюкю и культ солярного божества (太陽神), называется исследователями «идеологией Сына солнца» («тидако сисо:»). Она начала формироваться в районе Урасоз (центральная часть о. Окинава), колыбели рюкюской государственности, во второй половине XIII в. Начало этого процесса связывается с «королем» Эйсо (согласно традиционной датировке, правил в 1260–99 гг.), который первым назвал себя «Сыном солнца». Эта идеология была абсолютизирована в период правления Сё: Син (1477–1526 гг.): раньше король получал от тидако, солярного божества, магическую силу (靈力 рэйрёку), а затем сам стал считаться таким божеством – «Сыном солнца» (тидако). При этом король Рюкю не был первосвященником; он был королем, который правил благодаря священному праву, дарованному ему жрицами.

³¹ Амамикё (Амамику, Амамико, Амамику *Амамикио · Амамику*) – букв. «человек (люди, народ) Амами»; считается божеством-первопредком жителей о-вов Амами и Окинава. Синэрикё (Синэрику, Синэрико, Синэрику *Шинэрикио · Шинэрику*) – букв. «человек (люди, народ) Синэри»; одно из сложных мест для понимания; в японской комментаторской традиции есть две гипотезы: (1) Синэрикё – это мужское божество-первотворец; (2) слово «Синэрикё» – это просто поэтическая фигура речи (как параллель к слову «Амамикё»), таким образом «Амамикё-Синэрикё» – это единое божество. Подробнее об Амамикё и Синэрикё см. далее.

³² Амамия – согласно одному из толкований, первоначально означало «земля Амами»; затем – «древность», «век божества-первопредка Амамикё». Подробнее об Амамия и Синэрия см. далее.

³³ Оморо-со:си (Записи песен оморо) // Нихон сисо: тайкэй. Т. 18. Токио: Иванами сётэн, 1972 (1979). С. 184; Sakihara M. A Brief History of Early Okinawa Based on the Omoro Sōshi. Tokyo: Honpo Shoseki Press, 1987. P. 15–19.

Первые три тома посвящены буддизму Индии и Китая, т. 4 – японскому буддизму, который Тайтё: трактует в духе учения *хондзи-суйдзюку* (японские kami – воплощение будд и бодхисаттв). И только в 5 т. он описывает религиозный мир Рюкю – «рюкюское синто» (фактически, рюкюский вариант японского *рё:бу-синто*:, а конкретно, семь синто-буддийских комплексов с культом гонгэн), а также местные традиционные верования, миф о творении Рюкю, божественный пантеон и обрядность.

«Рюкюское синто» (琉球神道 *рю:кю: синто:*) – широкий термин, который охватывает и так называемое «синто святилищ» (*дзиндзя синто*), которое было привнесено на Рюкю из Японии начиная со средневековья, и традиционные верования Рюкю (главным образом, жреческую религию, или культ священных рощ *утаки*; в этом случае также говорят «старое рюкюское синто» 琉球古神道), которые считаются «примитивной» формой синто. «Синто святилищ» на Рюкю испытало сильное влияние японского синто-буддийского синкретизма (*рё:бу синто:*).

По имеющимся данным, буддизм был принесен на Рюкю в XIII в. японским монахом Дзэнкан. С тех пор все короли были его страстными приверженцами, особенно Сё: Тайкю: (尚 泰久). В годы его правления (1454–1460) буддизм развивался особенно бурно – в это время на о. Окинава были построены, как их называют, «Восемь святилищ Рюкю» (琉球八社 *Рю:кю: хасся*), – восемь синто-буддийских комплексов (синтоистские святилища с приданными им буддийскими храмами)³⁴. Все восемь буддийских храмов принадлежали к школе Сингон. В Асато Хатиман-гу: как воплощения Хатиман-дайбосацу почитались «император» О:дзин, богиня Тамаёри-химэ и «императрица» Дзингу:; в остальных семи святилищах – различные воплощения Кумано-гонгэн.

Королевский двор Рюкю оказывал щедрую поддержку этим комплексам (за исключением Кин-гу:) и назначал там священнослужителей. Особенность рюкюского буддизма и «рюкюского синто» (как варианта японского *рё:бу-синто:*) того периода состояла в том, что они позиционировали себя только как защитники королевского двора и аристократии: они, фактически, игнорировали простой народ и не обращались к массам; у них не было организаций прихожан (яп. *удзико*)³⁵. Как следствие, буддизм и синтоизм оказали незначительное влияние на традиционную, в особенности, народную культуру и религию Рюкю³⁶ – жри-

³⁴ Нами-но-уэ-гу: (с Гококудзи), Оки-гу: (с Ринкайдзи), Сикина-гу: (с Дзиньо:дзи), Футаэма-гу: (с Дзингу:дзи), Суёёси-гу: (с Хэнсё:дзи), Асато Хатиман-гу: (с Дзинтокудзи), Амэ-ку-гу: (с Сэйгэндзи) и Кин-гу: (с Кин-Каннондзи).

³⁵ Китайский посол в 1534 г. был поражен не только богатством и великолепием буддийских храмов, которые уступали только королевскому дворцу, но и тем, что в них вообще не допускались простолюдины.

³⁶ Позднее буддизм оказал некоторое влияние на поминальную обрядность Рюкю. Местные исследователи также спорят о возможности влияния культа Кумано гонгэн на традиционные культы Рюкю.

цы, по-прежнему, молились в священных рощах *утаки*. Основная масса населения до последнего времени была приверженцами местных традиционных культов и верований.

Значение «Рю:кю: синто:ки» и в том, что Тайтё: первым использовал формулу «рюкюское синто» применительно к традиционной религии Рюкю; в результате этого японские фольклористы начала XX в. (группа Янагида Кунио, в частности Оригути Синобу) стали рассматривать жреческую религию Рюкю как синто.

«Миф о творении» содержится в т. 5 «Рю:кю: синто:-ки»:

Давным-давно, в самом начале, когда в этой стране еще не было людей, двое (二人) · мужчина Синэрику и женщина Амамикю – спустились с небес. Остров [на который они спустились,]³⁷ был сначала очень маленьким и плавал по океану. Они насадили деревья и создали горы, посадили траву, – и так «страна» (*куни*) была окончательно создана. Хижины Синэрику и Амамикю стояли рядом, – таким образом, их Ян (мужское начало) и Инь (женское) не соединялись. Однако благодаря порывам ветра у них родились трое детей: старший сын стал родоначальником местных правителей («хозяев на местах» 「所主ノ始」³⁸), дочь – жрица (「祝ノ始」)³⁹, а второй сын – простого народа (крестьян; 「土民ノ始」). Огонь для очага был принесен с морского дна – из «дворца дракона» (*рю:гу*)⁴⁰.

(3) «Тю:дзан сэйкан» («Рю:кю:коку Тю:дзан сэйкан» 琉球國中山世鑑 «Зерцало поколений Тю:дзан – Королевства Рюкю», 1650 г.)⁴¹, том 1. Здесь представлен самый полный вариант «мифа о сотворении».

³⁷ В тексте прямо не указано, но позднейшая традиция определяет этот остров как о. Кудак. Островок Кудак (久高島) находится на расстоянии ок. 4 км от юго-восточного берега о. Окинава. Считается «местом происхождения» окинавцев; он издавна был одним из главных мест общенационального государственного культа.

³⁸ Вожди андзи / адзи.

³⁹ Гиодза и Сакихара переводят 祝 как «жрицы норо» (ノ口); о соотношении жриц норо с другими категориями жриц см. далее.

⁴⁰ Рю:кю: синто:ки (Записи о пути богов Рюкю) // Дзэнъяку Рю:кю: синто:ки / Ориг. текст и пер. на яп. яз. Гиодза Сиго. Окинава, Наха: Тоё тосё сюппан, 1988. С. 137, 222; *Sakihara M.* A Brief History of Early Okinawa Based on the Omoro Sōshi. Tokyo, 1987. P. 24–25.

⁴¹ «Тю:дзан сэйкан» («Тю:дзан» 中山, букв. «Срединная гора», – название одной из трех политий до возникновения единого государства в нач. XV в.; затем – название королевства Рюкю) – первая официальная летопись, составленная в 1650 г. (в период правления короля Сё: Сицу, 1648–68 гг.) государственным деятелем Ханэдзи Тё:сю: (1617–1676 гг.; также известен как Сё: Сё:кэн). Ханэдзи Тё:сю: с 1666 г. и до своей смерти находился на высоком посту «регента» (сисси; ; яп. сэссэй) – первого советника короля Рюкю. Он дважды входил в состав дипломатической миссии королевства Рюкю в Сацума (в 1658 г. и 1660 г.). «Тю:дзан сэйкан» была составлена под общей редакцией принца Кин Тё:тэй (иначе, Сё: Сэй – сэссэй в 1629–54 гг.), неоднократно посещавшего Сацума и хорошо знавшего верхушку клана Сацума.

Сотворение Рюкю (琉球開闢之事)

Давным-давно в Небесном замке (天城 Тэн-гуску⁴²) жила богиня (神) по имени Амамику (阿摩美久). Небесный император (天帝 Тэн-тэй), правивший Поднебесной (下知シ給ケル), призвал Амамику и повелел: «Внизу есть много мест, где живут боги (神), но островов (島) еще нет, и это прискорбно. Спустишься вниз иди и создай острова».

Амамику послушно спустилась с небес и увидела, что там много суши (земли 多地), а островов нет; только волны гуляют из Восточного моря в Западное, и из Западного моря – в Восточное.

Амамику поднялась на небо и, получив от Небесного императора землю, скалы, травы и деревья (土石草木), создала множество островов (嶋): навалив землю и камни по кромке моря, она насадила деревья и травы, чтобы преградить путь волнам. Вначале она также создала девять священных рощ *утаки*⁴³ (святилищ) на о. Окинава и о. Кудака.

... Прошло много лет, а людей всё не было. Тогда Амамику опять поднялась на небо и попросила у Небесного императора «семя людское» (*хитосанэ*), чтобы заселить созданные острова.

В ответ на ее просьбу Небесный император отправил на землю своих детей – сына и дочь. Их хижины стояли рядом, – таким образом, их Ян (мужское начало) и Инь (женское) не соединялись. Однако благодаря порывам ветра у них родились пятеро детей: старший сын стал королем («Господином страны» – «куни-но сю:») – основателем династии *Тэнсон-си* (天孫氏)⁴⁴; средний сын – родоначальником вождей *андзи*⁴⁵; младший сын – предком всех крестьян; старшая дочь – прародительницей высших жриц *кими* (*кимигими*)⁴⁶, а младшая дочь – родоначальницей местных жриц *норо*.

⁴² На Рюкю местные укрепленные сооружения под названием гуску / гусуку обозначались иероглифом 城 («защитная стена, укрепление», «крепость, замок», «укрепленное поселение»).

⁴³ Святыни в жреческом культе Рюкю. Подробнее см.: Бакшеев Е. С. Очерк системы культов и верований Рюкю/Окинавы (в контексте общепонских религиозных представлений). Часть 1–2. // Культурологический журнал. 2014. №4; 2015. №1.

⁴⁴ «Династия Небесного внука» (天孫氏王統, 天孫王統) – мифическая королевская династия Рюкю; согласно традиционной историографии, первая династия королевства Рюкю, которая якобы правила 25 поколений в течение 17802 года до 1187 г.

⁴⁵ Вожди, местные и региональные правители.

⁴⁶ Кими – высшие (придворные) жрицы Рюкю, главным образом, родом из королевской семьи, включая Верховную жрицу королевства (聞得大君 яп. Кикозэ-огими); «кимигими» – это множественное число от «кими». После создания жреческой иерархии в начале XVI в. все государственные жрицы делились на две категории, высшую – кими и низшую – норо; Кикозэ-огими (聞得大君; рюкюс. Чифи-уфудзин, или почтительно Чифи-уфудзин-ганаси Чифи-уфудзин-ганаси / 聞得大君加那志) – главная среди кими (огими – «великая кими»; эпитет «кикозэ» – «славная», «известная»); если переводить по иероглифам, то можно перевести образно «Внимающая и Ведающая Великая Госпожа» (перевод Е. Бакшеева, 2004 г.). Древних японских правителей также называли «о:кими» – «Великий государь»; позднее – членов императорской фамилии; принцесс (о:дзэ) звали «о:кими онна» («Великая государыня»). Пост Ки-

И снова Амамику поднялась на небо и попросила у Небесного императора «семена пяти злаков», которые она посадила на о. Кудака и в районах Чинэн и Тамагуску о. Окинава⁴⁷.

Подробная характеристика этого памятника выходит за рамки задач данной публикации, поэтому здесь только кратко отметим, что «Тю:дзан сэйкан» написана по-японски в манере «Адзума кагами» (『東鑑』・『吾妻鏡』 «Зерцало Адзума», ок. 1266 г.) – исторической хроники Японии с 1180 г. по 1266 г. о первом периоде камакурского сёгуна. В «Тю:дзан сэйкан» используется японская хронология (*нэнго*); также видно знакомство автора с двумя военными хрониками (*гунки*) рубежа XII–XIII в.в. – «Хо:гэн-моногатари» (『保元物語』・Сказание о годах Хо:гэн) и «Хэйдзи-моногатари» (『平治物語』・Сказание о годах Хэйдзи).

В «Тю:дзан сэйкан» содержатся цитаты из китайских хроник, например, из «Ши цзи» (『史記』 «Исторические записки», ок. 100 г. до н.э.) Сыма Цянь. Также использовались материалы из записок китайского посла ко двору Рюкю в 1534 г. для объяснения смены династий и правителей в истории Рюкю привлечена китайская теория «мандата Неба» и использован сам термин «тяньмин» (天命).

Как очевидно, версия мифа о сотворении Рюкю из «Тю:дзан сэйкан» содержит заимствования из японской и китайской мифологий; подробный анализ этого требует отдельной публикации.

(4). «*Кикоз-о:гими окисики-но осидай*» / «Кикоз-о:гими удун нарабини угуску окисики-но осидай» («Обрядник Верховной жрицы» / «Порядок проведения обрядов Верховной жрицей в своей резиденции и в королевском замке Сюри» 「聞得大君御規式の次第」 / 「聞得大君御殿並御城御規式之御次第」, 1875 г.), часть 4.

В самом начале богиня Амамику создала семь «священных рощ» (*утаки*)⁴⁸. Вдвоем с Синэрику они спустились с небес в эти рощи и

коз-оогими был введен в период правления Вторая династия Сё: (с 1470 г.); до этого, по мнению Иха Фуэ, высшую строчку в таблице о рангах занимала верховная жрица южного «королевства» Нандзан (см.: Окинава дайхякка дзитэн (Большая энциклопедия Окинавы). 1983. Т. 2. С. 828). Первой Верховная жрицей королевства Рюкю в 1470 г. стала Ототито-но омоиканэ, старшая дочь короля Сё: Эн, основателя династии Вторая Сё:. В ряде источников (например, «Рю:кю: синто-ки») говорится, что под началом Верховной жрицы была, в частности, группа высокопоставленных придворных жриц, которых называли «33 кими» (三三君; «33» – значит «много»; их магические потенции считались необходимыми для поддержания династии Сё:. В «Книге для чиновниц двора» (『女官おさうし』 «Нёкан осо:си», 1709 г.), составленной одной из управ двора Сюри и содержащей перечень обязанностей придворных дам, ритуалов, молений и т. д., приводится список титулов этих «33 кими» (на самом деле, их было 37, в том числе Кикоз-о:гими).

⁴⁷ Тюдзан сэйкан (Зерцало поколений Тюдзан – королевства Рюкю) // Рюкю-сирё сосё. Токио: Иноуэ сёбо, 1962. Т. 5. С. 13; Sakihara M. A Brief History of Early Okinawa Based on the Omoro Sōshi. Tokyo: Honpo Shoseki Press, 1987. P. 25–26.

увидели, что только волны гуляют из Восточного моря в Западное, и из Западного моря – в Восточное...⁴⁹. Тогда они поднялись на небеса и принесли деревья, кустарники и цветы. У *Тэнтайси*, дочери Неба, родилось трое детей: старший сын, *Тэнсон* («небесный внук») стал основателем королевской династии, старшая дочь – предком высших жриц *кимигими* (и Верховной жрицы *Кикоз-о:гими*), а младшая дочь – родоначальницей местных жриц *норо*.

Рассказывается также о роли о. Кудак в сотворении Рюкю, а также о том, как были принесены семена пяти злаков⁵⁰.

Спор о «Амамикё» и «Синэрикё»

В XX в. – в связи с бурным развитием в Японии этнографии, фольклористики, диалектологии, а также собственно рюкюанистики, – в научной среде велось обсуждение фундаментальных вопросов истории, культуры и религии Рюкю, в частности мифологии. Так, в ходе этой дискуссии шел спор, что же такое «Амамикё» и «Синэрикё» – эти понятия важны для анализа содержания мифологии Рюкю, Японии, ЮВА и Океании, а также этно- и культурогенеза рюкюсцев

Так, в мифе из антологии «Оморо-со:си» Бог солнца приказывает Амамикё создать острова и людей. Роль Синэрикё не вполне ясна; Иха Фую, основатель рюкюанистики⁵¹, и другие видные ученые-исследователи культуры Рюкю (С. Хокама, К. Торигоэ) полагали, что «Синэрикё» («Синэрико», «Синэрику», которое толкуется как «человек (люди, народ) Синэри») в антологии является не самостоятельной сущностью (мужским божеством), а поэтической фигурой речи (*かえし言葉 каэси котоба*) – в параллель к «Амамикё», другими словами «Амамикё-Синэрикё» – это единое божество. В самом деле, этимология «Синэри» не известна, записей о «народе Синэри» и о «Синэрия» («земля Синэри») нигде в источниках нет; почти всегда «Синэрикё» встречается в сочетании «Амамикё-Синэрикё». Вариант в «Тю:дзан сэйкан», где в качестве

⁴⁸ Это т. н. «Семь святилищ сотворения Рюкю» (яп. Рю:кю: кайбьяку нанацу утаки 琉球開闢七御嶽). Одно из них – Сэ:фа утаки (斎場御嶽), центральное в теократической системе королевства Рюкю, – расположено на высоком берегу главного острова Окинава. Островок Кудак находится как раз напротив этого святилища в пределах прямой видимости; некоторые моления в этом святилище проводились жрицами в направлении этого островка.

⁴⁹ Здесь «Обрядник» повторяет рассказ о творении из «Тю:дзан сэйкан».

⁵⁰ Кикоз-о:гими удун нарабини угуску окисики-но осидай (Порядок проведения обрядов Верховной жрицей в своей резиденции и в королевском замке Сюри) // Синто тайкэй. Дзиндзя-хэн. Окинава-Токио: Синто тайкэй хэнсан иинкай, 1982. Т. 52. С. 263–73; Sakihara M. A Brief History of Early Okinawa Based on the Omoro Sōshi. Tokyo: Honpo Shoseki Press, 1987. P. 24.

⁵¹ Об Иха Фую см.: Бакшеев Е.С. Краткий очерк истории изучения этнографии Окинавы в Японии и вклада российских ученых // Окно на Окинаву. 2006. Вып. 7. URL: <http://www.ru-jp.org/baksheev11.htm> (дата обращения 06.11.2015.)

бога-создателя Рюкю упоминается только Амамикё, казалось бы поддерживает эту точку зрения.

Другие же ученые, такие как известный Обаяси Тарё, ссылаясь на «Рю:кю: синто:-ки», «Тю:дзан сэйфу» и «Кю:ё:»⁵², где Амамикё и Синэрикё предстают как два божества (мужское и женское), утверждали прямо противоположное. Действительно, супружеская пара божеств, иногда даже сиблинги (брат и сестра), – традиционные персонажи мифов и легенд на островах Рюкю.

Позиция Т. Обаяси: также была подвергнута критике; Араки Мориаки обратил внимание на недостаточную проработку у Обаяси концепции божества в эпоху «Оморо-со:си», т.е. примерно в XII–XV вв. Ссылка на «Рю:кю: синто:-ки», «Тю:дзан сэйфу» (1697 г.) и «Кю:ё:» (1745–1876 гг.) также не вполне состоятельна; интерпретация «Амамикё-Синэрикё» в «Рю:кю: синто:-ки» как двух богов всего лишь отражает понимание мифологии Рюкю автором этого памятника – буддийским монахом Тайтё: из Японии. Два других текста – «Тю:дзан сэйфу» и «Кю:ё:» – написаны в XVII–XVIII веках, т.е. гораздо позднее эпохи «Оморо-со:си». Араки считает, что «Амамикё-Синэрикё» – это одно божество с двумя именами, а порождение таким бесполом божеством людей – уникальная характеристика мифологии Рюкю⁵³.

В этой связи Сакихара Мицугу, исследователь «Оморо-со:си», обращает внимание на то, что в «Оморо-со:си» нет ни единого указания на пол богов, что также наблюдается и в космогонических мифах Японии (начиная с первого бога Амэ-но нака-нуси и по пятое поколение)⁵⁴; и только с шестого поколения (Изанами и Идзанаги) появляются пары мужских и женских божеств. Позже, с развитием общества Рюкю и под влиянием японской культуры, концепция богов на Рюкю стала более рациональной, и они стали идентифицироваться с мужским или женским началом. Такой переход можно наблюдать по материалам самого

⁵² «Тю:дзан сэйфу» (中山世譜, «Генеалогия Тю:дзан», 1697–1701 гг., последний вариант 1874 г.) – переработанная версия «Тю:дзан сэйкан» на китайском языке, подготовленная группой конфуцианских ученых из «Бюро генеалогий» («Кэйдзудза») при дворе Рюкю под руководством Сай Таку (1645–1725 гг.) и его сына Сай Он (1682–1763 гг.). Миф о творении излагается в томах 1 и 3, где перечисляются правители с древнейших времен (мифо-легендарного периода Тэнсон).

«Кю:ё:» (球陽 «Свет Рю:кю:») – одна из официальных историй Королевства Рюкю, составленная с 1745 г. по 1876 г. Поэтическое название, очевидно, подражает названию сочинения «Сацуё:» (薩陽 «Свет Сацума»).

⁵³ Sakihara M. A Brief History of Early Okinawa Based on the Omoro Sōshi. Tokyo: Honpo Shōseki Press, 1987. P. 20–22, 27.

⁵⁴ Сакихара считает, что первые божества Окинавы и Японии были гермафродитами, поскольку всемогущее божество должно было обладать всей полнотой бытия – в том числе, репродуктивной функцией – в себе самом. Сакихара также объясняет, но менее убедительно, такую бесполость богов как отражение гермафродитизма, который якобы был присущ части шаманок и жриц древнего Рюкю и Тихоокеанского региона (Sakihara M. Op.cit. P. 22).

старого словаря языка Рюкю «Конко: кэнсю:» (『混効験集』, 1711 г.): в одной словарной статье фраза «амамия кара» переведена как «с древних времен»; тут же следует фраза «синэрия кара», которая поясняется как «каэси-но котоба», т. е. фигура речи, не имеющая самостоятельного смысла. Но в другой статье Амамикё и Синэрикё ясно названы мужским или женским божествами, создавшими Рюкю, т. е. Синэрикё теперь предстает как независимая сущность. Сам Сакихара считает, что изначально «Синэрикё» был всего лишь фигурой речи *каэси-котоба* (返し言葉 букв. «возвратное слово») – эпитетом-рефреном к «Амамикё», но позже Синэрикё приобрел функции мужского божества в паре с женским – Амамикё.

Слово «Амамикё» могло обозначать как божество, так и человека. Для рюкюсцев несвойственна резкая дихотомия «божество – человек». В их менталитете не было четкого различия между божественным и человеческим. На протяжении всей истории Рюкю встречаются примеры, когда герои, выдающиеся личности, добившиеся великих достижений в ратном деле или в мирной жизни, становились объектами поклонения как боги. Даже душа обычного человека, которому нечем особенно гордиться, после смерти входит в мир божеств *ками*⁵⁵. Поэтому «Амамикё» не может быть именем индивида. По мнению Сакихара, равно и как Хигасионна Кандзюн, маститого историка с Окинавы, «Амамикё» – не имя индивидуума, а название племени, которое прибыло, очевидно, с островов Амами в «далеком прошлом» на Окинаву и стало там править; по прошествии многих лет «Амамикё» стало обозначать божество-первопредка всех окинавцев⁵⁶. Этимологически, как полагают японские ученые, «амами» происходит от «амабэ» («ама» – «рыбак», «бэ» – «профессиональная группа; корпорация; гильдия»), названия рыбацкого племени, которое, по некоторым оценкам, находилось на службе у правящей династии Ямато. Предположительно племя *амабэ*, населявшее западный берег о.Кюсю, постепенно продвинулось на юг – к островам Амами и Окинава. Со временем «Амамикё» стал считаться божеством-творцом и первопредком жителей о-вов Амами и Окинава.

Таким образом, название островной группа «Амами», лежащей между Японией и Окинавой, приводится в качестве доказательства, что племя *амабэ* на пути своей миграции на Окинаву проследовало через о-ва Амами.

⁵⁵ О посмертном обожествлении людей на Рюкю см.: Бакшеев Е. С. Двустадийная погребальная обрядность Японии и Окинавы как культурная модель (Дисс. ... канд. культурологии). М., 2005. Т. 1. 223 с.; Т. 2. 112 с.; Бакшеев Е. С. Японская книга мертвых. Том 100. Смерть и священное в культурах Японии и Окинавы. <http://leit.ru/modules.php?name=Pages&pa=showpage&pid=1469> (дата обращения 06.11.2015);

Baksheev E. Becoming Kami? Discourse on Postmortem Ritual Deification in the Ryukyus. // Japan Review. International Research Center for Japanese Studies, Kyoto, Japan. 2008. №20. P. 275–339. URL: http://shinku.nichibun.ac.jp/jpub/jr/year_study_view.php?pub_year=2008&lan=JP. (дата обращения 06.11.2015)

⁵⁶ Sakihara M. Op.cit. P. 23.

Известный исследователь религии Рюкю У. Лебра резко критически относится к подобным утверждениям (в том числе, что «Амамикё» – это личное имя): о племени *амабэ* мало что известно, за исключением того, что в древней Японии это была «бэ», «наследственная гильдия» рыбаков; считать их первопоселенцами Рюкю из-за частичного сходства этих названий – абсолютно неоправданно; также нелогично отождествлять божество, племя и гильдию⁵⁷.

В сохранившейся устной версии «мифа о сотворении» Рюкю говорится о том, что два божества – сиблинги, *уминаи-гами* (сестра-богиня) и *умикии-гами* (брат-бог) создали землю и породили первых людей. По мнению Лебра, ссылающегося на местных окинавских историков и филологов, слово «Амамикё» возникло в результате транскрибирования рюкюского диалекта на японский или китайский язык. В одной из священных песнопений *оморо* (диал. *умуи*), записанного Лебра, упоминались *амами*, *амами кан ганасии*, *амами ками ну ганасии мээ*. Старики-информаторы сообщили ученому, что эти слова относятся к небесному божеству, обычно называемому сейчас *тин ну ками* (яп. *Тэн-но ками*); оно, в принципе, считается верховным божеством. Первых людей называют *амантю* («небесный народ, небесные люди», т. е. сошедшие с небес). Аналогично этот период – «начало времен» – называется *ама ну ю*: («эпоха Неба») или *ками ну ю*: («век богов»). Лебра считает, что «Амамикё» обозначает просто «небесное божество» или «небесный человек». Слово «Синэрикё» еще труднее поддается расшифровке; в фольклоре Рюкю нет родственных ему слов; мнение ученых (Аракаки Магоити): простое значение «Синэрикё» – «мужское божество» или «человек». Лебра обращает внимание на то, что все эти имена изначально транскрибировались по-японски, а потому испытывали на себе все ограничения японской слоговой азбуки; таким образом, исконное окинавское произношение и значение во многом были утрачены. По мнению Лебра, из-за многих ошибок в записи и даже сознательного искажения, сохранившиеся устные версии «мифа о творении» более точно передают древнюю традицию⁵⁸.

Согласно преданиям, о. Кудака, который называют «островом богов», было местом первого поселения и колыбелью окинавцев («местом происхождения»). Сообщается, что затем первые люди переселились на о. Окинава, в район Чинэн как раз напротив о. Кудака, заселив местность, где находится Сэфа утаки, главное святилище Рюкю. Из-за нехватки воды люди двинулись по берегу моря на юг (примерно на 1,5 км) – на место современной волости Хякуна в районе Тамагуску. Здесь, как считается, впервые был посажен рис на поле, которое называется Миифуддаа; это поле и два ближайших источника стали важнейшими объектами

⁵⁷ Lebra W. P. Okinawan Religion. Belief, Ritual, and Social Structure. Honolulu, 1966 (1985). P. 96-97.

⁵⁸ Ibid. P. 96-97.

поклонения (оставались таковыми до последнего времени). А отсюда, как передают, люди постепенно расселились по всему о. Окинава⁵⁹.

Хотя эта пара сиблингов и является божествами-творцами Окинавы, они больше нигде не появляются и не играют никакой значительной роли ни в традиционном культе, ни в повседневной жизни. Они могут символизировать всеобщую дихотомию «мужское-женское», но не являются аналогом китайской концепции Инь и Ян, — хотя бы потому, что на Рюкю женщина считается духовно выше мужчины. Пример Рюкю вполне укладывается в схему островной Азии: эти божества сходны с парами богов-сиблингов «Идзанами – Идзанаги» (Япония), а также с божествами неролов Филиппин и аборигенов Тайваня⁶⁰.

Сравнительный анализ четырех вариантов придворного мифа в историческом развитии⁶¹

Согласно Сакихара Мицугу, в мифе из антологии «Оморо-со:си», самом раннем источнике, обрисована та стадия в развитии общества, когда социальная иерархия, так показательная для трех позднейших текстов, еще отсутствовала («Породи народ Амамия, породи народ Синэрия, божество [Амамикё], породи добрый народ»). Хотя некоторые лексические особенности указывают на то, что данная песня-оморо была записана сравнительно поздно, содержание и форма самого мифа предстают довольно древними, и, по сути, это самая ранняя версия из этих четырех мифов⁶².

В мифе из «Кикоз-о:гими окисики-но сидай» Синэрику – мужское божество, которое вполне логично составляет пару с женским Амамику. При этом Амамику и Синэрику являются не прародителями людей, а простыми посредниками между безличным Небом и землей. В этом варианте мифа для сына Небесного императора (*Тэнтэйси*) создана партнерша *Тэнтайси*, которая, похоже, появляется только для того, чтобы составить пару *Тэнтэйси*. О предке простых людей (крестьян) здесь нет и речи; такое сознательное упущение, а также упор на культовые аспекты ясно говорят о том, что автор обращается к Верховной жрице⁶³.

В «Рю:кю: синто:-ки», напротив, представлен сбалансированный взгляд на правителей, жриц и простой народ. Исходя из того, что здесь правители не подразделяются на короля и вождей андзи (местные и региональные правители), а у жриц нет деления на высших жриц (во главе с Верховной жрицей) и низших (местных) жриц, исследователи заключают, что этот вариант мифа предположительно восходит еще к додинастийной эпохе, когда Окинава еще не была объединена под вла-

⁵⁹ Ibid. P. 97–98.

⁶⁰ Ibid. P. 24.

⁶¹ По Сакихара Мицугу (*Sakihara M. Op. cit.*).

⁶² *Sakihara M. Op. cit.* P. 27.

⁶³ *Sakihara M. Op. cit.* P. 28.

стью единого короля, и на островах соперничали между собой многочисленные вожди *андзи*, а у жриц отсутствовала четкая иерархия⁶⁴.

Таким образом, эпоху, о которой говорит Сакихара, можно идентифицировать – пользуясь терминологией японских ученых-рюкюанистов – как «период *андзи*» (иначе, «период гуску»). Этот период охватывает XII–XIV вв. и характеризуется расцветом на о.Окинава и ближайших островах вожеств, возглавляемых вождями *андзи*, и трансформацией таких вожеств в протогосударства.

Хотя «Тю:дзан сэйкан» была составлена всего через 45 лет после «Рю:кю: синто:-ки», их версии мифа сильно отличаются. При этом автор «Тю:дзан сэйкан» (ТС) использовал «Рю:кю: синто:-ки» (РС) и «Оморо-со:си» (ОС) в качестве источников. Так, фраза о рождении детей благодаря порывам ветра у них, фактически, идентична: «Их хижины стояли рядом, – таким образом, их Ян (мужское начало) и Инь (женское) не соединялись. Однако из-за порывов ветра женщина зачала» (РС); «... богиня зачала» (ТС)». «Рюкю синто-ки» трактует Амамикю и Синэри-кю как два отдельных божества – мужское и женское. В «Тю:дзан сэйкан», вслед за «Оморо-со:си», представлена только Амамикё. При этом такие использование таких терминов как «Тэнтэй» («Небесный император») и «Тэнсон-си» («династия Небесного внука») явно указывают на оригинальность автора по отношению к предыдущим текстам и свидетельствуют о его знании китайской⁶⁵ и японской культуры.

Еще важнее следующее. В «Рюкю синто-ки» говорится, что у Синэри-кю и Амамикю родились трое детей; согласно же «Тю:дзан сэйкан», у сына и дочери Небесного императора родилось пятеро детей, которые не имеют никакого отношения к Амамику. При этом местные вожди *андзи* («хозяева на местах») из «Рю:кю: синто:-ки» в «Тю:дзан сэйкан» дифференцируются на короля («хозяина страны») и *андзи* (региональные правители), а жрицы подразделяются на высших жриц, включая Верховную жрицу, и местных жриц. Подобные различия в версиях «Рюкю синто-ки» и «Тю:дзан сэйкан», по мнению исследователей, показывают как изменения в социальном устройстве влияли на содержание мифа. Вариант в «Оморо-со:си» отражает раннюю стадию развития общества Рюкю – хотя светские и религиозные лидеры на уровне отдельных поселений уже обладали определенной властью и престижем, стратификация общества была еще незначительной и социальные группы еще четко не определились. Вариант в «Рю:кю: синто:-ки» отражает более позднюю стадию, когда многочисленные мелкие местные вожди воевали

⁶⁴ Сам Сакихара считает, что в эту эпоху все местные жрицы назывались *норо* (см. Sakihara M. Op. cit. P. 29). Действительно, в «Рю:кю: синто:ки» использован иероглиф 祝, а в позднейших источниках термин «*норо*» обозначался как 祝女. Выскажу, однако, предположение, что у Тайтю: речь идет о рюкюских жрицах вообще.

⁶⁵ Sakihara M. Op. cit. P. 29–30.

друг с другом до тех пор, пока самый сильный из них не завоевал всю Окинаву⁶⁶.

«Хозяева на местах» в «Рю:кю: синто:-ки» – это местные вожди (*андзи*), которые из своих небольших крепостей *гуску*, контролировали окружающие земли и их население. В то время *андзи* были единственной политической правящей группой, и никаких королей над ними не было. По Сакихара, жрицы *норо*⁶⁷, которые выбирались среди сестер этих вождей (*андзи*) составляли религиозную элиту. Таким образом, согласно мифу из «Рюкю синто-ки», окинавское общество до объединения страны состояло из местных вождей, которые осуществляли политическую и социальную власть в своих владениях, жриц, которые были связаны с этими вождями и которые осуществляли религиозную власть в тех же владениях, и простолюдинов, или крестьян. По мнению Сакихара, здесь видно стремление правящей верхушки – с целью поднять и утвердить свой статус и обеспечить абсолютный характер, неизменность и постоянство своей власти – выделить своих предков из числа предков других социальных групп показав, используя авторитет «мифа о творении», что с самого начала она и генетически, и исторически отличалась от других групп и стояла над ними⁶⁸.

При этом, если миф в «Рю:кю: синто:-ки», видимо, принадлежит еще к эпохе до объединения страны в начале XV в., вариант из «Тю:дзан сэйкан» очевидно принадлежит к более поздней эпохе объединенного централизованного государства. В это время *андзи* (местные и региональные правители) были поставлены под контроль короля Рюкю. Жрицы, которые ранее находились при местных вождях (*андзи*), также утратили свою независимость и были поставлены под контроль Верховной жрицы, назначавшейся из числа членов королевской семьи. При верховенстве короля и Верховной жрицы над местными вождями и рядовыми жрицами ранее единый правящий класс «хозяев на местах» («правители» 主 из «Рюкю синто-ки») был разделен на две группы – король и местные вожди. Так же религиозные лидеры – жрицы, стали подразделяться на высших (придворных) и низших (местных) жриц, что поддерживалось соответствующим происхождением. Так «миф о творении» в «Тю:дзан сэйкан», объясняя, что при централизованном правлении короля из Сюри общество Окинавы состоит из пяти социальных групп – короля, высших жриц во главе с Верховной жрицей, местных вождей, местных жриц *норо* и простолюдинов (крестьян), – тем самым усиливал и поддерживал авторитет властей⁶⁹.

Суммируя всё вышеизложенное, можно видеть, как «народ (люди)» в целом из «Оморо-со:си» стал «тремя детьми» в «Рю:кю: синто:-ки» и

⁶⁶ Sakihara M. Op. cit. P. 30.

⁶⁷ По моему мнению, элиту составляли жрицы кими.

⁶⁸ Sakihara M. Op.cit. P. 31.

⁶⁹ Sakihara M. Op. cit. P. 31–32.

затем «пятью детьми» в «Тю:дзан сэйкан», что соответствовало нарастающей стратификации общества Рюкю. Основной целью таких «мифов о сотворении», по мнению некоторых японских ученых социологической ориентации, было освятить статус правящей верхушки и магически утвердить ее высокое положение, – тем самым, поддерживая существующее положение в социальной иерархии⁷⁰.

Фольклорные «мифы о сотворении» Рюкю

Как отмечалось, согласно У. Лебра, в сохранившейся на о. Окинава устной версии «мифа о сотворении» говорится, что самые первые бо-жества (антропоморфные духи) – два сиблинга, *уминаи-гами* (сестра-богиня) и *умикии-гами* (брат-бог) были отправлены с небес по приказу «Высшего божества»; они спустились с небес и создали землю и породили первых людей⁷¹.

Фольклорные мифы и легенды о сотворении имеются на многих островах Рюкю; причем, они гораздо разнообразнее, чем придворные мифы⁷². Многие из них говорят о том, что Ойкумена (т. е. различные группы островов Рюкю) была создана не божеством, спустившимся с небес, а сиблингами – братом и сестрой. Многие народные мифы о творении также, фактически, являются «мифом о потопе»; в таком случае брат и сестра – единственные люди, кто спасся после наводнения (цунами). Во многих из них описывается как первое потомство, рожденное у пары сиблингов, оказывается неполноценным, что сходно с обстоятельствами брака Идзанаги и Идзанами (см. ниже). Во многих народных сказаниях (*минва*) описывается брачный обряд брата и сестры, во время которого они обходят вокруг какого-либо объекта.

«Легенда об основании святилища Курохама утаки» (о. Ирабу, группа Мияко)

Давным-давно там, где сейчас святилище Курохама утаки (黒浜御嶽), Небесное божество (Тэн-но камисама) призвал сестру и брата и отправил

⁷⁰ Sakihara M. Op. cit. P. 32.

⁷¹ Lebra W. Op. cit. P. 97.

⁷² О фольклорных «космогонических» мифах, т. е. о народных сказаниях о рождении отдельных островов, об их заселении и о других связанных с этим мотивах см.: Садокова А. Р. Айны и рюкюсцы: народные верования, фольклор и мифология. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 123–135. Только требуется уточнение: не «горные вершины», а святилища «утаки» (御嶽) – таково официальное название святилищ в традиционной религии Рюкю. И не «лес», а «священная роща» Сюи-Мадамамуи утаки (яп. Сюри-Мадамамори утаки 首里真玉森御嶽); рюкюское «муй» (яп. мори) – исконное (народное) название тех же святилищ, имеющих общие корни со «священными рощами» Японии и синтоистскими святилищами (о святилищах «утаки» подробнее см.: Бакшеев Е. С. Очерк системы культов и верований Рюкю/Окинавы (в контексте общепонских религиозных представлений). Часть 1–2. // Культурологический журнал. 2014. №4; 2015. №1; Baksheev E. Where People Meet Deities: Form and Structure of Sacred Places in the Miyako Islands, Okinawa // Nichibunken Forum. Kyoto, 9. 12. 2003 (presentation in Japanese).

их вниз (на землю): «Спуститесь здесь на землю и заселите остров (оснуите людское поселение; *сима-датэ о ситэ*)»⁷³. И вот брат с сестрой спустились на этот остров и стали мужем и женой. И первый ребенок у них родился – рыба *фугу*. «Вот кто у нас родился», – доложили они Небесному божеству. А он говорит: «Раз это морское существо, то отпустите его в море». Во второй раз у них родилась рыба *оникасаго*. «А теперь вот кто у нас родился», – опять доложили они Небесному божеству. А он: «И это морское существо, так что отпустите его в море». В третий раз у них родился угорь. «А теперь вот кто у нас родился», – вновь доложили они Небесному божеству. А он опять молвит: «И его отпустите в море»⁷⁴.

Сестра с братом опечалились: наверно, такие дети у них рождаются из-за того, что они сестра и брат. «С еще большей любовью родим других детей», – решили они. Так они и сделали. И вот у них родился настоящий человек (*ма-нингэн*); и доложили они Небесному божеству: «А сейчас у нас родился настоящий человек». А он повелел: «Этот ребенок – божество-основатель людских селений, божество-хранитель этого острова (島立て *симадатэ*). Растите его с тщанием. Родите еще много детей и заселите весь остров (создайте больше селений; *сима-о хирогэ-насай*)». Вот так два божества, сестра и брат, заселили остров. Их почитают в этом святилище Курохама утаки как богов-покровителей странствующих (旅行立の神 *рё:кодати-но kami*) и богов-подателей потомства⁷⁵.

«Миф о сестре»⁷⁶ (о. Тарама, группа Мияко)

Давным-давно, огромная волна цунами погубила всех людей на о.Тарама; в живых остались только сестра и брат, которые стали мужем и женой. Сначала у них родилось несколько «неправильных» детей, но затем они породили предков всех жителей острова. На окраине селения сохранилось маленькое святилище, посвященное этой паре; здесь молятся о даровании потомства.

Этот миф – как и с других островах Рюкю, например, о.Хатэрума (波照間島; группа Яэяма) – вариант мифологического мотива, широко распространенного во всем аустронезийском (тихоокеанском) регионе.

⁷³ Понятие «сима» (яп. «остров») в рюкюском языке многозначно. В материалах Н. А. Невского: «*sīma*/ *сыма* (Соп / Общешимское) 島。村。國。世界。故郷。Остров, деревня, селение, государство, мир (вселенная)» (пер.Е.Бакшеева) (*Невский Н. А. [«Материалы для изучения говора островов Мияко»]. 『宮古方言ノート』* («Заметки по диалекту Мияко»). Факсимильное издание. Мэрия г. Хирара, о. Мияко. 2005. Т. 2. С. 194).

⁷⁴ Здесь особенно очевидны параллели с рождением у Идзанаги и Идзанами хируго («дитя-пиявка», по Е. М. Пинус).

⁷⁵ Ирабу-но минва (Народные сказания о. Ирабу). Окинава, Ирабу: Ирабу-тё, 1989. С. 278–79.

⁷⁶ На диалекте о. Тарама «буназз, бунал»; это то же, что и «онари» по-японски.

Основы изучения истории, культуры и языка Рюкю в России были заложены Н. А. Невским в 20–30-х годах прошлого века. В силу ряда причин, в частности, из-за трагических личных обстоятельств ученого, школа рюкюанистики (окинавоведения) в отечественной науке не сложилась; изучение Рюкю, в частности, ее религии и мифологии только начинается. Предстоит большая работа по изучению оригинальных летописных, литературных и фольклорных текстов на рюкюском языке и его диалектах, а также этнографических материалов, их анализ в историко-культурном контексте Рюкю. Результаты такой работы могут быть полезны для российского японоведения и востоковедения в целом.

В качестве краткого обобщающего заключения можно сказать, что особенностью мифов Рюкю, когда речь идет о государственной мифологии, является поздняя фиксация текстов (с XVI в.) – при сохранении многих архаических мотивов – и их «прикладной», ангажированный характер. Одной из задач таких «мифов о сотворении» было идеологически обосновать сложившийся социально-политический порядок в рюкюском обществе и освятить государственное устройство. В народной мифологии, запись текстов которой началась только в конце XIX в. и которая в виде народных сказаний, легенд и сказок продолжала бытовать на островах вплоть до последнего времени, сохранилась «живая душа» народа Рюкю.

В целом мифологию Рюкю, как всю ее культуру, можно отнести к «океаническому» (тихоокеанско-юговосточноазиатскому) типу; несмотря на наличие элементов японской, китайской и других азиатских мифологий, она обладает собственной спецификой и отражает культурную идентичность рюкюского этноса.

Основная тема данной статьи – глиняная и лаковая буддийская скульптура, которая зародилась в эпоху раннего средневековья и в настоящее время бережно сохраняется в храмах старых столиц Японии. Все эти замечательные образцы буддийской пластики представлены в контексте времени, породившего их. Технически совершенные скульптуры символизируют эстетические достижения эпох и занимают высокое место среди мировых шедевров.

Ключевые слова: Скульптуры в технике сухого лака, глиняные скульптуры, Четыре небесных царя, пятиярусная пагода, буддийская скульптура, мандорла, раскрашенная глина, предстоящий, Золотой Зал, Внутренние ворота, Тысячерукая Каннон, буддийский храм, статуя, буддийские образы, иконография

Традиции национальной японской глиняной скульптуры восходят к периоду Ямато (IV–VI вв.) и представлены *ханива* – погребальными изображениями обычных людей, воинов, жрецов и жриц, а также охраняемыми идолами *до:гу*. Основное предназначение ханива, найденных в больших курганах или вокруг них, заключалось в эскорте высокопоставленного усопшего и предстоянии перед высшими богами. Отсюда и другие названия ханива, включающие слово стоять (*тацу*)¹. Каждая из фигур наделялась только ей присущими деталями, выразительностью позы и взгляда. По боевой амуниции – шлему, доспехам, оружию, а также суровому выражению лица угадывался воин. Молитвенно сложенные у груди руки, тонко моделированные лица выдавали жриц. За непринужденной мимикой, выражавшей радость, наивность, беззаботность и непосредственность просматривались простые люди².

В дальнейшем иконографический канон развивался, в том числе, благодаря преемственности пластических решений, сформировавшихся на ранних стадиях. Процесс моделировки выполнялся с помощью бамбукового стека в местной стилистике, размеры фигур колебались от 30 до 130 см. Особой проработке на лице подвергались нос и подбровья, слепленные в одной манере «смело и крепко» и придававшие им особую выразительность.³ Мастера уже тогда обнаружили в податливой глине огромный пластический ресурс, позволивший вылепить разнообразные незатейливые фигурки, которые явились предтечей крупной гли-

¹ Цутинингё; татэмоно, цути, тати.

² Виноградова Н. А. Скульптура Японии. М.: Изобразительное искусство, 1981. С. 36.

³ Иофан Н. А. Культура древней Японии. М.: Наука, 1974. С. 80.

няной пластики, а в целом всей японской храмовой скульптуры из лака, дерева или бронзы.

Черты насыщенной буддийской иконографии, пришедшей с континента, обнаруживаются и в ранних образцах японской народной пластики. Ханива предопределили пути развития глиняной скульптуры и оказали влияние на формирование национального пластического мышления. Присущая буддийской скульптуре монументальность вызревала в мелкой глиняной пластике, как круглой, так и носящей линейный характер. Стилизация, присущая эстетике ханива, вобравших ясность скульптурных форм, четкость и эмоциональность в трактовке лиц, обобщенность силуэта, точность деталей была воспринята последующей буддийской иконографией. Накопленный опыт позволил сформировать национальный облик японской скульптуры, развивавшейся в русле местных традиций и благотворного континентального воздействия.

В подпериод Хакухо: (645–709 гг.) создавались первые образцы глиняной скульптуры *содзо:*, обнаруженные в храме Таимадэра в Нара, где главной святыней *хондзон* (истинно-почитаемое) был будда грядущих времен, а пока бодхисаттва Мироку (Майтрейя). Сидящая фигура бодхисаттвы (223 см), запечатленная не в канонической позе, при которой правая нога, согнутая в колене лежит на левой, а со спущенными, скрещенными ногами⁴, была освящена в 685 г., т.е в том же году, что и знаковая для всей японской скульптуры статуя Будды Шакьямуни из храма Ямададэра (Нара). Общее, что роднит головы этих фигур, безусловно, ясная и смелая моделировка круглого, как будто чеканного лица, четкие линии глаз с приподнятыми наружными кончиками, бровей, короткого носа и ясный взгляд, полный достоинства. Различия касаются деталей, а не общей пластической выразительности. О величественности позы Будды можно судить только по единственно сохранившемуся фрагменту – крупной голове на мощной шее. Монументальность же фигуры Мироку более очевидна, она подчеркивается и соразмерной статуе мандорлой⁵ с кругом, в центре которого большой многолепестковый лотос, а по краям ажурный орнамент из языков пламени. Складки классической монашеской одежды параллельными линиями спускаются с левого плеча, переходят в нижнее одеяние-юбку и фестончатым рисунком ложатся на пьедестал. Правое плечо слегка прикрыто. Одевание сконструировано таким образом, чтобы показать мощную грудь Мироку.

Подлинными шедеврами глиняной скульптуры признаются примерно девяносто раскрашенных фигур на внешней стороне пятиярусной пагоды Годзю:то: храма Хо:рю:дзи (Нара). Миниатюрные ниши четырех

⁴ В подобной позе изображен бодхисаттва Майтрейя в монастыре Цяньфодун (Дуньхуан), раскрашенная глина, V в.

⁵ Ит. миндалина. Изображение богато декорированного задника-нимба, принятое в буддийской иконографии, символ божества.

стен, подсказанные китайскими гротами, декорированы глиняными композициями, которые связаны с четырьмя важнейшими событиями буддийской истории: «Успение Будды» *нэхан дзо:до:* (север), «Раздел реликвий» (останков Будды) *бунсяри буцудо:* (запад), «Диспут» бодхисаттвы Мондзю, пришедшего навестить заболевшего благочестивого мирянина, познавшего закон Будды, Юима (Вималакирти) – *Юимакицу дзодо* (восток), а на южной стороне изображено «Пророчество Мироку» – *Мирокубуцу дзо:до:*. Безусловно, не все фигуры подлинные, многие подверглись реставрации или новоделу.

В восточной нише установлена сидящая глиняная скульптура Юима, положившего руки на маленький столик, упирающийся единственной ножкой в его скрещенные ноги (44. 5см., 711г.). Развивавшийся в Японии, как и Китае, бытовой буддизм, утверждал идеалы буддиста-мирянина, самым ярким представителем которого и был Юима, превзошедший своей мудростью не только ученых буддистов, но и бодхисаттв. За ходом спора, касающегося трактовки пассажа из «Сутры о Вималакирти» («Юймагё:»), наблюдают ученики Будды, бодхисаттвы, небесные существа, которые, несмотря на схожесть поз и примерно одинаковый размер, отличаются друг от друга формой одеяния, прическами, жестами рук и даже взглядами. Особенно это касается фигур из нижнего ряда, где представлены монахи, обычные мужчины, женщины, дети. Скульптор изобразил сцену спора, поэтому Юима запечатлен с открытым ртом, хотя в конце, по преданию, он сомкнет уста в молчании. Мондзю, окруженный слушателями, отличается от них размером (50,9 см) и положением рук: пальцы правой сплетены в мудре *сэмуин*, левой – *ёганъин*. Сейчас он готов парировать высказывания Юима. Выполненные из мягкой, податливой глины, фигурки поражают пластичностью и гибкостью, они особенно выразительны в многообразных сплетениях рук. Их жизнеподобие и камерность стимулировали действенность восприятия. Глиняная композиция создана с соблюдением принципов гармонии и в своем декоративно-символическом убранстве создает ощущение благодати.

На южной стене пагоды доминирует фигура Мироку, выполненная не в канонической позе. Он изображен сидящим со спущенными ногами, которые упираются в пьедестал, так называемое, положение *идзо:* (от *ису* – стул), в сопровождении бодхисаттв, богов и стражников. На голове «шиньон» с мелкими завитками волос, пальцы сложены в мудрах *сэмуин* и *ёганъин*, одежда, традиционно открывая мощный торс, складками ниспадает с плеч до щиколоток босых ног. Согласно сутрам («Сутра о нисхождении Майтрейи» – «Мироку гэсё:кё:», «Сутра о становлении Майтрейи буддой» – «Мироку дзё:буцукё:»), Майтрейя, верный своим обетам, в будущем через сотни миллионов лет родится на земле, обретет просветление и произнесет три проповеди, что принесет освобождение всем живым существам.

Северный фасад стены украшен самой драматичной сценой вхождения Будды в нирвану (*маханаринирвана*). Золоченая фигура Будды возлежит на низком ложе, перед ним на коленях пожилая женщина, Будду окружают десять учеников *ракан*, запечатленных в различных позах, выражающих глубокое страдание. Они достигли Просветления благодаря собственной добродетели. Трое учеников на переднем плане, изможденные аскезой, о чем свидетельствует их крайняя худоба и ребристые тела, особенно неистово демонстрируют невыносимое горе. Изображенные на северном фасаде фигуры Восьми господ Хатибусю: представляют собой композицию из двух различных групп: одни выражают крайнее потрясение, другие, как например, Асюра спокойно наблюдают за уходом Будды. На заднем плане изображены драконы, демоны, ангелы, птицы, животные, представляющие пятьдесят два вида живых существ, а дальше на скалах просматриваются фигуры монахов, мужчин и женщин. Скорбят все: и старик-мирянин, сжавший руки в кулаки и еле сдерживающий печальные чувства, и аскеты-послушники. Их жесты и взгляды, выражающие полное отчаяние, устремлены к телу Учителя. Объединенные общим горем, фигуры композиционно сосредоточены вокруг Будды, но каждая наделена собственными человеческими чертами, которые и отличают людей от божеств. Нарушение иконографического канона в этой сцене проявилось в отсутствии симметрии и фронтальности.

Западная стена отдана сюжету о разделе останков *сярира* сожженного тела Будды и похоронного костра⁶. По центру в глубине на возвышении установлен большой, отливающий золотом ларь с реликвиями. По обе стороны от него на различных уровнях расположены коленопреклоненные фигурки правителей государств или их представителей, последователей буддизма. В оформлении гротов, облике фигурок, не говоря о сюжете, прослеживается континентальное влияние. Возможно, вся композиция дело рук китайских мастеров. Эти глиняные рельефы, представляющие живописную картину, не раз реставрировались, при этом сохранялся изначальный замысел, но некоторые фигуры утрачены, в частности, двух персонажей, несущих дерево для похоронного костра. В изображениях коленопреклоненных бодхисаттв и сидящего Майтрейи, который сохранился в первоначальном виде (его также окружают стражи врат и львы), явно прослеживается связь с китайскими пещерными каменными рельефами в Тяньлуншане провинции Шаньси. Исследователи указывают на стилистическую общность глиняных фигур, представленных на всех четырех стенах, с китайской пластикой, что

⁶ Физическое тело Будды было помещено в четырехслойный гроб из золота, серебра, бронзы и железа, и после сожжения останки в равном количестве роздали правителям восьми государств.

проявилось в позах, лепке черт лица, особой моделировке корпусов, когда деликатно прорабатывались впадины и выпуклости тел.

Способ создания глиняных фигур и их раскраски не избежал некоторого континентального влияния в то время, когда строили храм Хо:рю:дзи. Они напоминали терракотовые скульптуры периода Тан (618–907 гг.), которые, в свою очередь, имели своим прототипом глиняные изображения, принадлежащие к матхуртхской и гандхарской изобразительной культуре. Но нельзя забывать, что в глине выполнены и образцы японской архаической пластики. Поскольку этот материал считался народным, то первоначально из него создавались фигуры не самых важных божеств. Глина была более удачным материалом для изображения телесности фигур, нежели бронза или дерево. Особенно скульпторам удавалась лепка из глины мелких изящных деталей и передача динамичных поз. Податливая глина пластично реагировала на прикосновение скульптора. Специфические свойства этого материала требовали быстрого темпа работы, но в то же время допускали внесение дополнений и исправлений. Глина наиболее соответствовала реалистической изобразительной форме, характерной для следующего периода Нара (710–794 гг.). Скульпторы раннего средневековья оценили этот популярный материал за большую адаптированность и широко использовали его, но усложнили технику лепки. Деревянный остов *симбоку* обматывался соломенной веревкой *варанава*, на него наносилось три слоя глины разного качества – грубой с мелкими камешками (*араццуги*), средней (*накаццуги*) и отделочной (*сиагэццуги*), которые закреплялись отжимочной формой. Наиболее уязвимые детали тела и одеяния фиксировались медными пластинами *до:сэн*. Остовы рук обматывались нитями из пеньки. После высыхания скульптуры ярко раскрашивались, но перед этим они грунтовались гипсом. Наружная роспись способствовала сохранению скульптуры, препятствуя проникновению влаги. Кроме того, по сравнению с бронзой и деревом материальные затраты на глиняные скульптуры были значительно меньше. И все-таки для японского климата этот материал, активно впитывавший влагу и легко трескавшийся, не очень подходил, поэтому искусство ваяния глиняных фигур было почти утрачено после годов Тэмпё: (710–783 гг.).

Глиняная пластика рассматриваемого периода отличается большим разнообразием буддийских персонажей, популярных в первой половине VIII в. Среди них стражи врат Нио: (Тю:мон, Хо:рю:дзи, 378,8 см, 711 г.), Четыре небесных царя (хранятся там же, от 109 до 160 см, первая половина VIII в.), Бонтэн (хранятся там же, 110,2 см, первая половина VIII в.), Китидзётэн (Кондо:, Хо:рю:дзи, 166,3 см, первая половина VIII в.) и другие.

⁷ Матида Юити. Нихон кодай тёкокуси гайсёцу (Очерк истории древней японской скульптуры). Токио, 1974. С. 78.

Перечисленные герои буддийского мира не встречаются или не сохранились в бронзе и дереве. До наших дней они дошли только в глиняном исполнении, но с утраченным красочным слоем. Стражи врат, стоящие во Внутренних воротах Тю:мон храма Хо:рю:дзи, по сравнению с вышеупомянутыми статичными барельефными изображениями на бронзовой вотивной доске храма Хасэдэра (Нара) отличаются динамикой тел и мимикой лиц. В резких поворотах корпуса, выпученных глазах, гневном оскале рта проявилась необузданная ярость, направленная против врагов буддизма. В дальнейшем они стали эталонными при изображении охранителей буддийской веры, готовых сразиться с противниками Учения. Их экспрессивные фигуры вызывают в памяти изображения из пещер Майцзишаня в западной китайской провинции Каньсу, а форма глаз сродни той, что характерна для древних погребальных ханыва.

Как божества-охранители веры Нио: (санскр. дварапала), или Конго:рикиси (держашие ваджру) известны еще по индийской иконографии. Одно из первых японских изображений Нио: (Акэ) с открытым ртом относится к 686 г. и представляет собой уже упоминавшийся барельеф на бронзовой табличке (Хасэдэра). В нишах храмовых ворот, как правило, устанавливают скульптуры стражей Нио:, ярых охранителей буддийской веры⁸. Левый с открытым ртом, олицетворяющий первую букву санскритского алфавита «а», ориентирован на запад – Миссяку Конго: (Гухяпада Ваджра), правый с сомкнутыми устами, представляющий последнюю букву «ум», направлен на восток. Это Нараян Конго: (Нараяна Ваджра). Они изображали начало и конец – греческие альфа и омега. Индийские по происхождению Нио: прижились на японской почве, став неотъемлемой частью буддийской храмовой архитектуры. Изображенные в остро динамичных и даже устрашающих позах, стражи врат напоминают брутальных персонажей мифологических времен. На их оголенных торсах может быть нагрудное украшение; низ задрапирован юбкой с развевающимся подолом. Ликом они свирепы, что резко отличает Нио: от медитирующих божеств, молитвенно общаясь с которыми, верующие обретают покой и умиротворение. Сейчас Нио: встречают паломников перед входом в «священную землю» буддизма, а изначально помещались непосредственно в самих храмах.

Самая старая, уже упоминавшаяся, стоящая отдельно скульптура Нио: с открытым ртом из раскрашенной глины, высотой 330 см., создана в 711 г. для ворот Тю:мон храма Хоккэдо: (Нара). Интересно, что у этой фигуры отсутствует обязательный атрибут ваджра *конго:сё*. А в остальном это типичная динамичная скульптура стража врат, символизирующая силу, которая активно передается через налитые мускулы,

⁸ Изначально был один бог-охранитель Будды Шакьямуни по имени Сюконго:дзин, который в соответствии с центрально-азиатской традицией изображался в военных доспехах.

рельефный оголенный торс и вздувшиеся от напряжения вены, как будто наполненные кровью. На крупном черепе скручены в пучок волосы, трогательно перевязанные лентой, что слабо вяжется со свирепым обликом Нио:. Разлетающиеся вверх брови, сверкающие яростью большие глаза, широкий оскал рта дополняют ощущение мощи, которую демонстрирует этот персонаж. Глиняный Нио: из Хоккэдо: храма То:дайзи отличается от вышеописанного (вторая половина VIII в., 326 см.). Прежде всего, он в ярких, сложных по конфигурации доспехах, которые, конечно, призваны подчеркнуть его боевой дух, но в то же время скрывают мощное тело, не давая полное представление о силе героя. Образ яростного защитника веры, возможно, передается через прическу в стиле *дохэцу*, имитирующую вздыбленные кверху волосы. Один из персонажей, тоже выступающий как защитник вероучения, Сюконго:дзин⁹ (раскрашенная глина, 167,5 см, 733 г., Хоккэдо:, То:дайзи) типологически схож с Нио: -- в доспехах, пучок волос перевязан лентой, то же гневное выражение лица. В правой руке держит ваджру, как будто прицельно направленную на врагов. Но предплечья не прикрыты латами, а оголены так, что видны вздутые вены. Сжатая в кулак левая кисть свидетельствует о его необыкновенной силе. Иконография стражей врат и других яростных защитников веры, пройдя через множество трансформаций, не утратила главного признака – яркого динамизма и несоответствия каноническим идеалам красоты, характерным для высших божеств. Они всегда наделены гипертрофированным признаком силы, мощью, способной все смести на своем пути. У них скорее квадратные, нежели овальные лица, а глаза не классической миндалевидной формы, а круглые, едва не вылезающие из орбит.

В индийской иконографии облики Тайсякутэн (Индра) и Бонтэн (Брахма) отличаются друг от друга прическами и атрибутами, которые они держат в руках. Японские мастера наделили этих персонажей из глины похожими прическами, а также маленькими коронами, облачили в кожаные доспехи, поверх которых смоделировали одеяния свободного покроя с множеством складок в нижней части. Но у Тайсякутэн оно перевязано впереди на уровне талии. Подобный крой одежды придавал телам объемность и значительность. До периода Нара Тайсякутэн и Бонтэн располагались в Золотом зале Кондо:. Они воспринимались как божества, охраняющие Шакьямуни и его учение. По индийской легенде,

⁹ В «Японских легендах о чудесах» (Нихон рё:ики, VIII в.) рассказывается об отшельнике, самочинном монахе убасоку, по другой версии, это был второй патриарх школы Кэгон – Ро:бэн (689–773), который без отдыха молился глиняной статуе Сюконго:дзин, привязавшись веревкой к ее ногам, исповедовался в грехах, а однажды от ног статуи разлилось сияние, достигшее дворца государя Сё:му. Государя вначале одолели сомнения, он послал гонца, подтвердившего это чудесное явление. Восхитившись таким усердием, разрешил Ро:бэну принять монашество. Согласно легенде, статуя стояла у северного входа в молельню Кэнсакудо: храма О:дайзи. (Золотая книга мифов. Ростов-на-Дону, 2011.С. 454–455).

Тайсякутэн жил на вершине горы Сумэру – центре мироздания и обладал огромной силой. От взмаха ваджры, постоянного его атрибута, зависели изменения погоды и явления природы. Тайсякутэн под своим изначальным именем упоминается в священной книге индуистов «Ведах» как идеализированный воин, а в священной книге зороастрийцев «Авесте» он выступает в облике дьявола. В буддизме ему была отведена роль избавителя от бед и препятствий, стоящих на пути человека. Тайсякутэн в иконографии может предстать носителем эзотерического учения *миккё*: и обладать множеством рук и ликов, а также быть проводником явного учения *кэнкё*:, и тогда его изображали Двуруким и Одноликим.

Самые старые глиняные скульптуры сохранились в трапезной (Дзикидо:) храма Хо:рю:дзи (раскрашенная глина, 108,5 см, VII–VIII вв.). Кроме того, известны старейшие скульптуры божеств-охранителей из Хоккэдо: храма То:дайдзи и Дзикидо: храма То:сё:дайдзи в Нара. Их лики излучают умиротворение, чем они напоминают бодхисаттв, но одеяния, под которыми прячутся доспехи, вызывают в памяти боевое снаряжение Четырех небесных царей Ситэнно:. Они находятся на более высокой ступени божественности, нежели небесные цари¹⁰.

В изображении глиняных фигур Четырех небесных царей наблюдается отход от жесткого фронтального положения, что было характерно для большинства работ периода Асука (538–644 гг.) и раннего Хакухо:, и обнаруживается тенденция к свободной, естественной трактовке поз. Широко распахнутые глаза, открытый рот, поворот головы, широко расставленные ноги создают впечатление подвижности монументальных персонажей. Особенно это заметно в фигуре Дзо:тё:тэн. Наплечные латы выполнены в форме львиных голов с открытыми пастьми. Обернутые вокруг талии кушаки на концах завязаны, образуя большую петлю.

Глиняные изображения Четырех небесных царей, находящиеся в павильоне Кайданъин храма То:дайдзи (742–746 гг., в среднем высотой 170,5 см) тоже являют собой образцы нарской пластики и считаются лучшими японскими изображениями этих персонажей. Самым яростным и воинственным из Четырех небесных царей является Сикконго:дзин (син) с большой разящей палицей-ваджра в правой руке (173 см, Хоккэдо:, То:дайдзи, 733 г.). Он в военном обмундировании китайского образца, которое смягчается шарфами, изящно продетыми через руки, поясницу и свисающими по бедрам вдоль ног. Наплечные латы заканчиваются львиными мордами *сигами*. Но самый интересный атрибут – это лента, стягивающая пучок волос, которая выглядит несколько нелепо на таком грозном персонаже. Появление ленты связывают с легендой о втором патриархе школы Кэгон – Ро:бэном, который глубоко почитал Суконго:дзин. В 940 г. лента, как рассказывают, превратилась в осу и

¹⁰ Тэн но буцудзо но субэтэ. (Все о небесных государях). Токио, 2013. С. 36–41.

до смерти зажала мятежника Тайра-но Масакадо¹¹. Сейчас скульптура стоит в Зале Кэнсакудо: в То:дайдзи у северного входа. Фигура, которая находится в Хоккэдо:, считается скрытым, обычно не доступным изображением *хибуцу*, и может быть открыта для обозрения только в шестой день двенадцатого месяца. Сюконго:дзин – это тот, кто с оружием и ваджрой, разрушает препятствия на пути познания Закона Будды. В нишах храмовых ворот уже двое стражников-защитников, их называют Сюмонсин (боги-защитники ворот), также они известны под именем Конго:рикиси–Нио:. Если изображения небесных царей в храме Хо:рю:дзи (период Асука), лишены динамики, а у Ситэнно: из храма Таимадэра (пер. Хакухо:), намечена тенденция к движению, то идентичные фигуры из Хоккэдо: уже наполнены экспрессией. Разнятся они и одеянием-доспехами: отсутствуют длинные рукава и подолы, что придает статуям легкость. Танское влияние явно ощущается в нарских Ситэнно:, которых называют «скульптуры в доспехах *тякко:дзо:*». Но доспехи на этих фигурах не выглядят так тяжеловесно, как например, на Хатибусю: из храма Ко:фукудзи. Скрывая тело, они не дают возможность ощутить его мощь. У Сюконго:дзина открыты по локоть напряженные руки с натуралистически вспухшими венами, по которым как будто пульсирует кровь.

К образцам скульптур, выполненных в период расцвета нарской пластики, относят глиняные изображения Китидзё:тэн¹² (218,8 см, 772 г., Сангацудо:, Нара), и Бэндзайтэн (218,8 см, 772 г., Сангацудо:), считавшиеся центральными святынями в храме Китидзё:до:. В 954 г. огонь разрушил эту постройку, находившуюся к востоку от храма Сангацудо:, а поврежденные статуи перенесли в настоящее место. Обряд, посвященный богине красоты, богатства, благополучной судьбы Китидзё:тэн, впервые провели в Японии в 767 г., а торжественную службу в ее честь устроили в храме То:дайдзи через пять лет. В храме Хо:рю:дзи хранится глиняная скульптура Китидзё:тэн. (166,3 см, первая пол. VIII в.) Облик Китидзё:тэн с круглым лицом и маленьким ртом напоминает китайских придворных дам, изображенных на известной ширме из императорской Сокровищницы Сё:со:ин в То:дайдзи. Высокий пучок, венчающий гладко зачесанные волосы, несколько удлинняет круглое лицо.

¹¹ Мидзуно Кэйдзабуро. Нара Кёто но фурудэра мэгури. (По древним храмам Нара и Киото). Токьо, 2006. С. 100.

¹² К периоду Нара относится обычай в январе в храме Якусидзи проводить так называемый обряд Китидзё:кэка, т. е. покаяние дзангэ, когда в Кондо: храма поклоняются живописным изображениям Китидзё:тэн (национальное сокровище). Считается, что в качестве модели выступила государыня императора Сё:му – Ко:мэй. Это самая старая полихромная живопись. Подобный обряд проводился и с привлечением глиняной скульптуры Китидзё:тэн из храма То:дайдзи (Хоккэдо:). В период Хэйан (794–1184 гг.) в качестве основной святыни для проведения этого обряда стали использовать изображение Якуси, и он стал называться Якусикэка, поэтому количество скульптур будды Якуси по сравнению с Китидзё:тэн возросло.

В левой руке богини цветок лотоса, правая вытянута вдоль тела. Глубокий ворот-вырез открывает грудь. Красивое платье богини на талии перехвачено поясом, завязанным на бант. Она спокойно, с достоинством смотрит на мир, готовая помочь тому, кто надеется на ее силу, подтверждая слова: «Верно говорю – вера глубокая без ответа не останется»¹³.

Японские мастера этого периода работали и в технике сухого лака *кансицу*, образцы таких скульптур хранятся в храме Таимадэра – Четыре небесных царя, сгруппированные вокруг глиняного Мироку. Эти самые старые лаковые скульптуры, выполненные во второй половине VII в., открыли путь к нарсским шедеврам. В них наметилась тенденция перехода к новому, более реалистическому стилю изображения. Таким предстает монах Гё:син (Юмэдоно, Хо:рю:дзи, вторая половина VIII в., 90 см. сухой лак), первоначально служивший в монастыре Хо:ко:дзи, а после изучения сутр школы Хоссо: и других ветвей буддизма поселился в храме Хо:рю:дзи, где до сих пор сохраняется много сутр, переписанных по его просьбе. Статуя была сделана вскоре после смерти монаха (умер в 757 г.), мастером, который хорошо его знал. Говорят, ее изготовление не потребовало много времени, так как скульптор торопился, боясь, что его покинет ощущение живого образа монаха, ускользнет индивидуальность. Мастер смог передать не только внешнее сходство (вскинутые вверх концы век, мощная шея, длинные уши), но подчеркнул высокое достоинство волевого персонажа, его духовную концентрацию, спокойствие и красоту совсем не старого лица.

В обликах небесных царей из храма Сангацудо: больше земного: выражения их непохожих лиц передают различные душевные состояния. Самый эмоциональный в этой группе, наверное, Дзикокутэн (Дхритарастра) (363 см, 757–64 гг.), о чем говорят сверкающие гневом глаза и открытый в ярости рот. Дзо:тё:тэн (Вирудхака, 363 см, 757–64 гг.), Тамонтэн (Вайсравана), Ко:мокутэн (Вирупакса), в общем, не уступают ему в ненависти, и под внешней сдержанностью скрывается та же буря эмоций. Эти фигуры, выполненные в технике сухого лака, по динамике поз аналогичны глиняным изображениям из Кайданъин. Наглядность в передаче воинственных образов достигается напряженностью мускул, резкостью движений, а также соответствующей амуницией и оружием в виде копья (за исключением, Ко:мокутэн). Большой ресурс мягкой глины позволил создать экспрессивный ансамбль из Четырех божественных царей, в котором отсутствует скованность и статичность, но типологически схожий с суровыми защитниками веры из Сангацудо: и храма Хо:рю:дзи.¹⁴

¹³ Золотая книга легенд и мифов. Ростов-на Дону, 2011. С. 452.

¹⁴ Скульптуры из глины, достигшие расцвета в период Нара, после длительного перерыва снова начали ваять в конце эпохи Камакура (1185–1391 гг.), в период Муромати (1392–1571 гг.) они снова получили широкое распространение. Последний всплеск в искусстве ваяния глиняных фигур произошел в начале эпохи Эдо (1600–1867 гг.).

Гандзину, оставившему большой след в религиозной жизни Японии, в основанном им храме То:сё:дайдзи, посвящен скульптурный портрет священника, выполненный в технике сухого лака (вторая половина VIIIв., 80,5см.). Скорее всего, мастер-китаец, которого Гандзин привез с собой, взялся за изображение патриарха еще при его жизни и закончил вскоре после кончины. Согласно легенде, ученик Гандзина монах Нинки увидел во сне, как обломилась балка в Кондо:, счел это за предзнаменование, связанное со скорой кончиной учителя, поэтому поторопился вылепить портрет последнего. Безусловно, он хорошо знал портретируемого и добился не только внешнего сходства, но и передал глубокий внутренний мир великого представителя и распространителя буддийского учения в Китае и Японии, создав один из первых в Японии скульптурных портретов *йдзо:*. Ослепший во время своей шестой попытки попасть в Японию, Гандзин изображен фронтально в позе медитации с закрытыми глазами, пальцы сплетены в мудре *Амида дзё:ин*. На нем монашеское одеяние, слегка открывающее грудь и глубокими фалдами спадающее с плеч и закрывающее ноги. Одежда красно-черных тонов драпирует не по возрасту сильное тело. Складки одеяния являются скупым элементом выразительности и декоративности. В крупном лице передан натурализм такого физического признака как слепота и воля, выраженная крепко сжатыми губами и тяжелым подбородком. Тщательно вырезаны ноздри крупного носа, смело очерчены ровные губы и четко смоделированы большие уши. Достигший для того времени немалого семидесятипятилетнего возраста, Гандзин изображен еще полным сил, мудрым, зрелым мужем, демонстрирующим духовный подвиг. В этом образце ранней портретной скульптуры передано не только внешнее сходство с прототипом, но и внутреннее богатство его души и глубокая мудрость, роднящие образ священника с божествами.

Это не единственный скульптурный портрет знаменитого человека того времени. Хотя подобного рода изображения, в основном в технике сухого лака, не были широко распространены, тем не менее, они занимают особое место в национальной пластике, поскольку являются предтечей известных камакурских портретов. Кроме портрета Гандзина, заслуживают внимания статуя Гё:сина, канонизированного святого, умершего в 750г. в изгнании, настоятеля храма Хо:рю:дзи, по чьему приказу также был построен Юмэдоно (сухой лак, 87. Зсм. поздний Тэмплё:, Юмэдоно)

Есть только примерная дата (776 г.) создания такой мощной лаковой фигуры как Дайнити, появление которой связывают со строительством Кондо: (храм То:сё:дайдзи) под руководством Нёхо, ученика Гандзина, когда монастырь экономически укреп. Великое Солнце – таков перевод имени Дайнити – воплощает центр Вселенной и означает бесконечно сияющий свет, проникающий во все уголки великого пространства.

Попавший в зону света Дайнити, постигал истину, заключавшуюся в единении слова, тела и мысли. Поэтому космическое божество окружено рельефными нимбами с расходящимися солнечными лучами, которые озаряли храмовое пространство более чем на пять метров. Деревянная мандорла будды Дайнити включает множество маленьких нимбов, в которые было помещено 1000 рельефов миниатюрных будд (сейчас 862). Сам облик величественного Дайнити, постепенно занимавшего главное место в сонме будд, благодаря широкому распространению «Сутры о Великом Солнце» («Дайнитикё»), решен в традиционном ключе: пухлые чувственные губы, вытянутый разрез глаз, длинные разлетающиеся брови. Обращает на себя внимание очень строгий взгляд Дайнити, какой не отмечается у известной скульптуры Дайнити из храма То:дайзи. Уравновешенность величественной позы с поджатыми под себя широко расставленными ногами подчеркивается плавными, мягкими линиями одеяния, окутывающего тело. Руки сложены в мудру «единения» как символ невежества и дальнейшего просветления, указательный палец левой руки олицетворяет чувственные существа, кулак правой -- будд. Пять пальцев указывают на пять элементов материального мира -- землю, воду, огонь, воздух и эфир. Лотосовая чаша *рэмбэн*, на которой непосредственно восседает будда, состоит из 1000 лепестков, символизирующих 1000 будд. Если хорошо приглядеться, то на каждой лепестке можно заметить прочерченные тушью поверх лака изображения будд (*кэбуцу*). Высота фигуры с пьедесталом более пяти метров. Дайнити всегда располагается в центре¹⁵ или на востоке; цвет, который с ним ассоциируется, – белый; животное-спутник – лев.

Будда-целитель Якуси и бодхисаттва Тысячерукая Каннон, фланкирующие главную святыню, тоже считаются работами Нёхо, но сделанными в классической технике сухого лака *мокусин кансицу*, а не *даккацу кансицу* (об этом далее), как скульптура Дайнити. Когда в XX в. проводилась реставрация статуи Якуси (336,5 см), то под слоем лака в ладони левой руки была обнаружена медная монета, отчеканенная в 795 г. Дата создания Тысячерукой Каннон (535,7 см) точно не известна, скорей всего, это конец Нара или начало Хэйан, В Кондо: То:сё:дайзи были собраны разнообразные скульптуры из сухого, лака, а также дерева и глины.

Среди шедевров поздней нарской пластики в технике сухого лака, впечатляют скульптуры покровительницы искусств Гигэйтэн (212,2 см, 780–806 гг.), Бонтэн (те же годы), Тайсякутэн (те же годы) и бодхисаттвы Гудацу для храма Акисинодэра (Нара)¹⁶. Правда, от этих скульптур

¹⁵ Если Дайнити располагался в центре, то на юге – будда Хо:сё:, на западе – Амида, на востоке будда Асюку, на севере будда Фуку:дзё:дзю:.

¹⁶ Храм, основанный в 780 г. монахом Дзэнсю:, считается последним проектом Управления по строительству То:дайзи. В 785 г. Дзэнсю: поместил в храм изображение принца Сага-

остались только головы, а утраченные тела были заменены на деревянные в период Камакура. Возможно, автором торсов был Ункэй (ум. в 1223 г.), самый знаменитый скульптор того времени. При обозрении четырех голов божеств в глаза бросается их внешнее сходство, проявившееся в выражении нежных ликов, проработке линий носа, губ, глаз, а также почти полная идентичность в моделировке овалов лиц. Даже некоторое разнообразие причесок не лишает их стилистического единства. Самым совершенным считается только одно известное скульптурное изображение богини искусства Гигэйтэн, воплощающее изящную, утонченную женственность, а также беспредельное милосердие и сострадание.

Из самых известных скульптур подобным способом были сделаны Фуку:кэндзяку Каннон из Хоккэдо: в То:дайдзи (360,6 см, 746 г., лак с раскраской), скульптуры Десяти учеников (сохранились шесть: Сярихоцу, Мокукэнрэн, Сю:бо:дай, Фуруна, Касэнъэн, Рагора) и восемь фигур Хатибусю: -- Господа восьми Частей Света из храма Ко:фукудзи (Гобудзё:, Сакара, Куханда (Губанда), Кэндацуба (Гэндацуба), Асюра, Карура, Киннара, Хибакара). (Асюра, 734 г., 153,4 см, национальное сокровище). Асюра, наделенный в Японии качествами стойкого защитника буддизма, а не его противника, как в индийском каноне, изображался юношей с миловидным даже красивым лицом, несколько простодушным и спокойным взглядом. В нем было гораздо больше человеческого, нежели божественного и таинственного, даже невзирая на его шестирукость. Асюра как один из Хатибусю: находился в охране Будды, а также в свите Каннон среди Нидзю:хатибусю: (Двадцать восемь телохранителей). Его две руки перед грудью сложены ладонями в мудре *гассё:*, а остальные четыре, длинные, тонкие, поражающие своей симметричностью, напоминают изящные, говорящие руки индийского танцора. Хатибусю:, согласно древней индийской мифологии, были разновидностями так называемых *кидзин*, демонов, но позже встали на путь защиты Закона Будды. Они все приблизительно одной высоты 150 см и помещены на пьедестал *сухамадза* в виде скалы. По возрасту Десять учеников подразделяются на старых, в расцвете сил и молодых -- *ро:-со:-дзяку*. Среди них есть персонажи с закрытыми глазами, сомкнутыми устами и, наоборот, с открытыми глазами и ртами, различным положением рук и выражением на лицах. Существуют расхождения и в деталях одеяния, которое зависит от возраста учеников: у пожилого Касэнъэн оно лежит мелкими складками, у полного сил Сярихоцу спускается вертикальными фалдами. Другими словами, конструкция одежды определяется возрастом и характером персонажа.

Хатибусю: стоят несколько особняком от других классических фигур, изображающих персонажи буддийского мира, как не имеющие отношения

ра для воздания молитв об успокоении его души. В 806 г. здесь проводились поминальные службы на 35-й день кончины императора Камму (781–806 гг.).

к китайским образцам. Они связаны с творчеством индийского иммигранта, получившего в Японии имя Кэнтоси, и отражают влияние индийской иконографии. Хатибусю: обычно выступают в качестве свиты Шакьямуни и защищают Учение и его приверженцев. Эта же композиция сохранилась в Кондо: храма Ко:фукудзи. Изначально они считались злыми божествами, демонами, которые насылали на людей беды, а с появлением буддизма превратились в добрых. Упоминание о них встречается в различных сутрах, в том числе в «Сутре Лотоса Святого Закона» («Хоккэкё:»). Как и Четыре небесных государя, они изображаются в военных доспехах. Трехликий и Шестирукий Асюра по облику близок к бодхисаттвам, но его одеяние больше напоминает одежду выходцев из Юго-Восточной Азии. Карура наделен птичьей головой и крыльями за спиной, к губам он прикладывает предмет, похожий на флейту (Двадцать восемь господ, Камакура, храм Рэнгэо:ин). У Киннара три глаза. Прежде всего, в этих персонажах, прошедших путь эволюции и ставших милосердными, привлекает открытый, юный и мягкий взгляд, притягивающий человечностью. Скульптуры, сохранившиеся в Кондо:, высотой от 0,5 м. до 1,6 м и, согласно документам из Сокровищницы Сё:со:ин, созданы в 734 г. под патронажем военачальника Мампуку. Он же обозначен как скульптор-*бусси*, хотя это выглядит неправдоподобно. Хатибусю:, так же как и Десять учеников, были созданы в первую годовщину смерти госпожи Татибана Митиё:¹⁷ и из существующих лаковых фигур считаются самыми старыми. Хатибусю: из храма Ко:фукудзи выполнены в национальной пластической манере. Они сохранились достаточно хорошо, хотя подвергались некоторой реставрации, в частности, в период Камакура был обновлен красочный слой.

В эпоху Камакура мастера мало работали в традициях сухой лаковой скульптуры. Кроме вышеописанных образцов лаковой скульптуры безусловный интерес вызывает единственная центральная фигура Триады Шакьямуни из храма Дзю:фукудзи; предстоящие Мондзю и Фугэн выполнены из дерева. В духе камакурской пластики голову Будды украшает высокая, художественно декорированная прическа, но корона отсутствует, тем не менее, он называется Хо:кан Сяка нёрай – Шакьямуни в короне. Исторический Будда изображен в сидящей позе *кэка-фудза*, пальцы рук сплетены в мудре *дзэндзё:ин*, одеяние *ноэ* украшают глубоко задрапированные складки, создающие впечатление накатывающих волн. По размерам, а его высота 3 м, Будда одинаков с Бирусяна (храм То:сё:дайdzi, 3 м) и на полметра выше Якуси (Октогональный северный храм, территория Хо:рю:dzi). Специалисты признают высокую технику исполнения этой скульптуры, оригинальный способ ваяния, креплений десяти листов, каждый не более 1 см. и их прочность. В эпоху Эдо только три из них подверглись реставрации. Изначально

¹⁷ Была женой важного государственного деятеля Фудзивара Фубито (659–720). Умерла в 733 г.

скульптура была покрыта позолотой, одежда по лаковой поверхности раскрашена, а в глазницы вставлен хрусталь.¹⁸

Техника сухого лака *мокусин кансицу* является чисто японским изобретением, известна с подпериода Тэмпё: и развивалась в начальный период Хэйан. Деревянная основа из мягких пород дерева слой за слоем в несколько сантиметров пропитывалась лаком *уруси*, смешанным с мелкими древесными опилками – *мокусо:уруси*. Отдельные детали соединялись металлическими пластинами *тэцусин*. Ноги крепились отдельно. Получившуюся форму подвергали моделировке и тщательно обрабатывали. В целом, это упрощенная схема техники исполнения, на самом деле все было достаточно сложно, и работа сопровождалась различными техническими тонкостями. Главное, что этот способ давал возможность выявить телесность статуи, но он же ограничивал подвижность сочленений и из-за каркаса делал установку на жесткость позы корпуса. Самым известным произведением в этой технике является Одиннадцатиликая Каннон из храма Сёриндзи в Нара (вторая половина VIII в., 209 см), а также изображения буддийских божеств второй половины эры Тэмпё:.

Другая, не менее сложная техника сухого лака в ее разновидности *даккацу кансицу*, была частично заимствована из Китая¹⁹ и применялась исключительно в период Асука-Тэмпё:. В Китае этот прием ваияния применялся в VI–VII вв. Она привлекла японских скульпторов меньшей затратностью и доступностью материала, хотя тоже была трудоемкой и требовала времени. По этому способу деревянный остов, намечающий контур изображения, обмазывался глиной, ему придавалась скульптурная форма, которую оборачивали слоями льняной или шелковой ткани, пропитывали лаком и окончательно формировали скульптуру. После высыхания глину выбирали. Во избежание поломки, просадки скульптуры в образовавшееся пустое пространство для прочности вставляли деревянный каркас.²⁰ Мелкие детали тоже деликатно выполнялись в этой технике. При обоих технологических приемах, благодаря тщательной полировке, поверхность становилась гладкой и шелковистой. Лаковые фигуры золотили, раскрашивали, подвергали различной моделировке, при этом обращалось внимание на детали, им сообщалась экспрессия. Визуально фигуры были похожи на бронзовые светящиеся изваяния. Легкость лаковых скульптур давала возможность без труда их перемещать. Изошренная техника позволяла исполнять сложные многоцветные фигуры.

¹⁸ *Симидзу Мадзуми*. Камакура но буцудзо бунка. (Культура буддийской скульптуры Камакура). Токио, 1980. С. 31.

¹⁹ В Китае в IV–III вв. до н.э. таким способом также делали сосуды, различную утварь, заготовки для лаковых изделий, формуя их из пропитанных лаком тканей.

²⁰ В Токийском институте искусств можно увидеть внутренний каркас скульптуры одного из Десяти учеников.

Пластический потенциал глины и лака очень высок. Скульптуры из лака и раскрашенной глины в руках японских мастеров обретали бархатистость, телесную осязательность, чистоту линий и завершенность. В полумраке храмов полихромно насыщенные фигуры по-праздничному светились, создавая особую атмосферу таинственности. Глубокая связь с фигурками погребальной культовой пластики особенно обнаруживается в глиняных образах, обладающих убедительной силой и выразительностью. Самостоятельность японского пластического мышления ярче проявилась в скульптурах из глины, возможно потому, что генетически они больше других восходили к самым ранним формам древнего искусства. Но по своей многослойной символике, канонизированности поз и жестов, обобщенности вечных истин, отстраненности от потока жизни, просветленности глиняная скульптура, как и лаковая, находится в одном ряду с деревянной и бронзовой. Общность иконографических основ помогает зрителю постигать неисчерпаемый по разнообразию мир духовности и красоты, воплощенный в многочисленных буддийских скульптурных образах.

В статье рассматривается образ Японии в творчестве французского писателя Клода Фаррера (1876–1957), известного как автор «колониальных» и «экзотических» романов о «Востоке», от Турции до Японии. Основным предметом анализа являются столкновение Востока и Запада, конфликт старого и нового, описанные в романе «Битва» о русско-японской войне, и «японофильская» публицистика 1930-х годов, в которой Фаррер одобрял колониальную и экспансионистскую политику Японии в Азии.

Ключевые слова: Япония, Китай, война, модернизация, колонизация, экспансия.

Отражение Японии в творчестве русских и европейских писателей и публицистов XIX–XX веков заслуженно привлекает внимание исследователей, поскольку «если посмотреть на дело с точки зрения макрокультурной, то столкновение Японии и Запада было подобно встрече разнотемпературных морских течений, когда в зоне контакта создаются благоприятные условия для роста культурной биомассы»¹.

В одних случаях главная причина внимания к «жапонескам» коренится в личности автора – если речь идет о выдающемся художнике, каждое произведение которого ценно, даже если изображение Японии в нем не выходит за рамки шаблонных представлений эпохи. В других случаях важен сам текст, автор которого может быть забыт или находиться на периферии читательского сознания, – если произведение содержит важный материал для исследователя или имело большой резонанс и оказало воздействие на современников, в том числе на восприятие Японии.

«Идеальным» случаем является произведение выдающегося автора, сохраняющее художественную и историческую ценность, как «японские» главы «Фрегата “Паллада”» Гончарова или «Корни японского солнца» Пильняка. Очерки о Японии Киплинга и Бальмонта – пример того, когда личность и взгляд автора интереснее содержания текста. Напротив, записки «В дальних водах и странах» Всеволода Крестовского, написанные автором «Петербургских трущоб», привлекают внимание прежде всего содержанием, а не тем, как в них отразилась художественная индивидуальность писателя. Наконец, «Осенние японски» и «Госпожа Хризантема» Пьера Лоти, едва ли обладающие вы-

¹ Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2006. С. 7.

дающимися литературными или историческими достоинствами, оказали сильное влияние на восприятие Японии в Европе конца XIX и начала XX вв. и потому по праву стали предметом изучения². Современный читательский интерес к Лоти во многом основан на этих книгах.

Произведения, пожалуй, всех значительных русских, европейских и американских писателей о Японии – по крайней мере до середины XX в. – можно считать изученными, будь то в контексте их биографии или «образа Японии» в целом, хотя историку всегда найдется чем заняться. С течением времени границы поиска расширяются, охватывая менее известные или считающиеся менее значительными фигуры. Но тут нас поджидает опасность впасть в антиисторизм, поскольку современное восприятие «масштаба» того или иного произведения и его автора может радикально отличаться от синхронного.

Литературную судьбу Клода Фаррера (настоящее имя и фамилия: Фредерик-Шарль Баргон; 1876–1957) трудно назвать несчастливой. Уже первый сборник рассказов «В чаду опиума» (1904) принес ему известность, первый роман «Носители культуры» (1905) – Гонкуровскую премию, что считалось хорошим стартом – хотя и не гарантией – успешной писательской карьеры. Писавший для «широкого читателя», он не претендовал на репутацию и лавры Марселя Пруста или Андре Жида и не был удостоен Нобелевской премии (не знаю, выдвигался ли). Пределом мечтаний большинства французских литераторов было кресло одного из сорока «бессмертных». После неудачных попыток 1927 и 1928 гг. Фаррер в 1935 г. был избран во Французскую академию, опередив Поля Клоделя – признанного поэта и бывшего посла в Токио и Вашингтоне; Франсуа Мориак назвал этот выбор самым скандальным за всю историю Академии.

Одаренный и трудолюбивый профессионал пера, Фаррер за полвека опубликовал более 80 книг, не считая многочисленных переизданий, и написал предисловия к примерно такому же количеству сочинений других авторов – показатель прижизненной известности и авторитета. Несколько наиболее популярных его романов до конца 1970-х годов выходили в массовой серии «Livres de poche», но затем переиздания прекратились. Единственная биография писателя появилась через 32 года после его смерти под заголовком «Случай Фаррера. От Гонкуров до забвения»³. Однако три его самых известных «восточных» романа вошли в большие тематические антологии, что, впрочем, подчеркивает их прежде всего исторический интерес для современного читателя⁴.

² Funaoka S. *Pierre Loti et l'Extrême-Orient*. Tokyo: France-Tosho, 1988.

³ Quella-Villegier A. *Le Cas Farrère: du Goncourt à la Disgrace*. Paris: Presses de la Renaissance, 1989.

⁴ «Носители культуры» (1905) в антологии «Индокитай – грёза Азии» (*Indochine – Un rêve d'Asie*. Paris: Omnibus, 1995); «Человек, который убил» (1907) в антологии «Стамбул – грёзы

Несмотря на популярность на родине, Фаррера сравнительно мало переводили. Наибольшее число переводов приходится на русский язык: более двух десятков отдельных изданий, включая основные романы, в период с 1909 г., всего через пять лет после дебюта, и до конца 1920-х годов, когда его объявили «реакционным» и «бульварным»; переиздания появились только в начале 1990-х годов, но интереса не вызвали. Громкая «русская слава» Фаррера – обойденная вниманием его биографа! – еще одна причина нашего внимания.

Наибольшую известность писателю принесли романы и путевые заметки о «Востоке», понимаемом очень широко – от Турции до Японии. Признанный мастер «колониального» и «экзотического» романа, восхищавшийся Кипплингом, Фаррер был одним из самых последовательных туркофилов и японофилов Франции с конца 1900-х годов до Второй мировой войны. В этом отношении он подхватил эстафету Лоти – «в миру» офицера флота по имени Жюльен Вио, – которого высоко ценил как писателя, хотя не был его учеником или подражателем, и под командованием которого одно время служил во флоте. Написанное Фаррером о Японии достойно изучения, хотя об этом существует всего одна статья на французском языке⁵; на русском языке есть лишь отдельные упоминания о романе «Битва», в том числе в работах автора этих строк.

Корни японофильства Фаррера надо искать в его происхождении и юных годах, когда он звался Шарль-Эдуар Баргон (позже даже друзья юности называли его «Клод», хотя он не сделал литературное имя «паспортным»). Детство будущего романиста, родившегося 27 апреля 1876 г. в Лионе в семье полковника морской пехоты, пришлось на пик активности колониальной политики Третьей Республики и одновременно на пик «жапонизма», покорившего Францию в 1870-е годы. «Из раннего детства отлично помню, – рассказывал Фаррер в 1923 г. в лекциях, послуживших основой книги «Прогулка по Дальнему Востоку» (1924), – как на каминной полке в нашем доме стояли две расписные вазы – одна из прекрасного зеленого фарфора, другая из столь же прекрасного позолоченного, обе с большим количеством фигур. На одной были изображены китайцы, на другой японцы. Вот что стало первоосновой моих знаний о Китае и Японии. В детстве Китай, Кохинхина (современный Вьетнам – В. М.) и Япония казались мне краем света. Когда отец, который бывал там, рассказывал мне о них, я воображал нечто, находящееся за горизонтом, бесконечно далекое, бесконечно таинст-

Босфора» (Istanbul – Reves de Bosphore. Paris: Omnibus, 2001); «Битва» (1909) в антологии «1905. Вокруг Цусимы» (1905. Autour de Tsoushima. Paris: Omnibus, 2005).

⁵ Beillevaire P. Apres “La Bataille”: l’égarement japonophile de Claude Farrere // Les carnets de l’exotisme. Faits et imaginaires de la guerre russo-japonaise (1904–1905). Paris: Kailash, 2005. P. 223–246.

венное и бесконечно отличающееся от всего, что я знал, от всего, что знали мы, бедные и скучные жители Европы»⁶.

Баргон-старший мечтал стать моряком, но не смог. Сын воплотил его мечту и в 18 лет поступил в военно-морскую академию в Бресте, где подружился с однокашником – японским аристократом Мацуи Дзиндзабуро (идентифицировать его пока не удалось). Первый год обучения совпал с началом японо-китайской войны, в которой европейские аналитики – политические и военные – предсказывало победу Китаю, поскольку Япония оставалась «неизвестной величиной». Франция не считалась союзницей Японии (хотя продавала ей военные корабли), но симпатии кадета Баргона были на стороне Страны корня солнца, «тактика и энергия которой принесли победу» (MV. Р. 278). В 1897 г. он впервые выступил как журналист, пишущий на флотские темы, затем как автор путевых очерков. Офицеры на действительной службе могли печататься только с разрешения начальства (наиболее строгое прочтение инструкции распространяло это правило на публикации под псевдонимом), поэтому Баргон подписался «Пьер Тулвен». От этого имени он отказался ради «Клода Фаррера», лишь сделав окончательный выбор в пользу литературы. Некоторые считали интерес беллетриста Фаррера к политике – чем он принципиально отличался от эстета Лоти! – дилетантским и случайным, но это неверно. Офицер Баргон, неотделимый от своей писательской ипостаси, интересовался политикой профессионально и не боялся высказывать свое мнение, даже если оно шло вразрез с позицией командования и министерства.

Прослужив во флоте более 20 лет, Фаррер немало путешествовал по Тихому и Индийскому океанам и сразу попал под обаяние Дальнего Востока, в восприятии которого увиденное своими глазами переплелось с романами Лоти. Первое посещение Японии – Нагасаки и его окрестностей в течение всего трех дней, между 13 и 18 сентября 1899 г., – произвело на него впечатление «земли обетованной». «Город мадам Баттерфляй» описан Лоти в «Госпоже Хризантеме» по свежим впечатлениям. Фаррер изобразил его в романе «Битва» (написан с 20 октября 1907 г. по 12 сентября 1908 г.; газетная публикация в ноябре 1908 г.; отдельное издание в феврале 1909 г.; окончательное, исправленное издание в мае 1911 г.)⁷, взяв большинство деталей «из третьих рук» и

⁶ Claude Farrère. Mes voyages. I. La promenade d'Extrême-Orient. Paris: Flammarion, 1924. Р. 195–196. Далее сокращенно: MV – с указанием страницы в тексте. При написании статьи у меня не было русского издания (Л., 1925), поэтому привожу все цитаты в собственном переводе.

⁷ Имеются два русских перевода (под заглавиями «Битва» и «Душа Востока»), выдержавшие по два издания. Я использовал второе издание перевода, который сделал литератор символистского круга А. Г. Койранский, выпущенное без указания фамилии переводчика-эмигранта: Фаррер К. Душа Востока. Роман. Перевод А. К. М.: Пучина, 1924. Далее цит. по этому изданию сокращенно: ДВ – с указанием страницы в тексте.

многое придумав. «Браться за роман из японской жизни было рискованным предприятием, – заметил биограф, – если знать только красоту долины Сува, несколько историй и народных преданий да то, о чем успел поведать «жапонизм» конца прошлого века»⁸.

«Экзотизм рифмуется с эротизмом»⁹, но в «Битве», в отличие от большинства сочинений Фаррера, любовная интрига занимает второстепенное место и введена как будто лишь для того, чтобы не разочаровать читателя. Роман прославился не столько картинами Японии, сколько художественно ярким и профессионально точным изображением морского боя эпохи броненосцев и крейсеров, первым во французской прозе. «В романе битва идет повсюду, – отметил биограф, – в жестах и сердцах, между европейцами, между мужчинами и женщинами, человека с морем»¹⁰.

Главная тема – столкновение Востока и Запада, традиционного и современного, но в изображении Фаррера нет примитивного дуализма. «Кто говорит – русский, говорит – азиат. А мы вскоре станем европейцами, – заявляет, обращаясь к англичанину и французам незадолго до Цусимского сражения, офицер японского флота маркиз Ёрисака (в старом переводе: Иорисака) Садао. – Победа наша принадлежит вам столько же, сколько и нам, потому что это победа Европы над Азией» (ДВ. С. 20). «Мы совсем, совсем европейцы, мой муж и я» (ДВ. С. 12), – убеждает их его жена Мицуко, чей будуар обставлен по последней парижской моде и которая отказывается позировать французскому художнику в кимоно – к его великому огорчению.

«Вам, милостивые государи, мы обязаны прогрессом, которым наслаждаемся теперь, – говорит европеизированный аристократ Ёрисака. – Мы не забудем, сколько терпения и снисходительности вы затратили на эту трудную роль воспитателей. Воспитанник был очень отсталый, и ум его, застывший в стольких веках рутины, лишь с трудом усваивал западное обучение»¹¹. Но ваши уроки принесли плоды. И, быть может, наступит день, когда Япония, действительно цивилизованная, сделает честь своим учителям» (ДВ. С. 19). Родовитые Ёрисака даже как будто стыдятся семейных и национальных корней и готовы отказаться от них. Их резко осуждает китайский сановник Чеу Пе-и, традиционалист до мозга костей и друг французского художника: «Япония показала вам домашний очаг, откуда изгнан дух предков: кров, под которым десять

⁸ *Quella-Villegier A. Le Cas Farrère. P. 74.*

⁹ Там же. P. 101.

¹⁰ Там же. P. 75.

¹¹ Ср.: «Как и человек, который неожиданно попадает из темной пещеры на яркий солнечный свет, Япония на время потеряла ориентацию, растерялась, ею овладел комплекс неполноценности. На какое-то время обитатели архипелага стали думать, что в их стране нет ничего достойного похвалы. Но они не стали сидеть сложа руки, а стали учиться»: *Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. С. 7.*

тысяч безрассудных новшеств заняли место традиций и угрожают гармоническому будущему семьи и расы» (ДВ. С. 37).

В отличие от авторов более примитивных «колониальных романов», Фаррер не считал европейскую цивилизацию единственной «цивилизацией», но и не идеализировал «благородных дикарей». Рисуя противостояние эпох и культур, он не стремился их противопоставлять, но искал гармонию. Супруги Ёрисака, принимая правила «цивилизованного мира», стыдятся прошлого своей страны как «отсталого», но гордятся ее «прогрессивным» настоящим и уверены в блистательном будущем. Маркиз Ёрисака такой же храбрый воин и пламенный патриот, как его сослуживец виконт Хирата Такамори – тоже сын даймё, но участвовавшего в восстании Сайго Такамори в 1877 г. Хирата «не знает ни английского, ни французского», но «это не мешает ему быть превосходным офицером, вполне ознакомленным с новейшими идеями войны. На борту «Никко» (корабля, на котором служат оба офицера, – В. М.) он заведует электрическими машинами, и немногие европейские инженеры могли бы его заменить» (ДВ. С. 79–80).

Отказ от традиций и «корней» не означает антипатриотизма, если помогает более эффективно служить стране и императору. Верность традициям не означает отказа от достижений современной науки и чужой цивилизации – ради служения стране и императору. Слепое копирование «импортных» обычаев и мод – при наличии собственной богатой истории и культуры – изображено с иронией, поскольку для автора традиционная Япония является не менее «цивилизованной», чем Франция. В этой «битве» Фаррер не принимает ничью сторону: в 1904 г. в Константинополе он дружески общался с русскими, но предсказывал победу Японии, поскольку для японских солдат это оборонительная война за свою страну, а для русских – колониальная война на чужой территории с непонятными целями. «Русские сражались хорошо, но японцы лучше», – таков вывод писателя (МВ. Р. 275–276). Сложность ситуации в «Битве» символически подчеркнута тем, что английский офицер Ферган, допущенный на японский корабль в качестве наблюдателя, является боевым товарищем и другом маркиза Ёрисака и... любовником его жены. Он изображен без намека на карикатурность, но симпатия к английским морякам не входила в число традиций французского флота.

Взяв несколько частных примеров и эпизодов, Фаррер показал сложность и многоаспектность модернизации Японии. «Момент истины» наступил после Цусимского сражения, во время которого погибли Ёрисака и Ферган. Хирата принял командование кораблем, заслужил благодарность командующего эскадрой, испытал упоение победой: «торжествующий крик Японии-победительницы, крик торжества древней Азии, навсегда освободившейся от европейского ига» (ДВ. С. 156). И совершил сэлпуку – потому что накануне битвы в разговоре с Ёрисака

«мой слабый ум заставил меня произнести разные слова, которые я теперь считаю несправедливыми» (ДВ. С. 160). О чем речь?

«Я ненавижу иностранцев всей силой моей ненависти, – признался Хирата. – Вы же, точно так же ненавидевший их некогда, теперь любите их. Не приняли ли вы мало помалу их нравы, их вкусы, их идеи, даже их язык, на котором вы беспрестанно говорите с этим английским шпионом, якобы нашим другом (Ферганом – В. М.)?» (ДВ. С. 139).

Ответ Ёрисака должен был поразить и собеседника, и читателя:

«Мое фальшивое лицо было только для европейцев. А вы обмануты им, вы, благородный японец! Виконт Хирата, ваши предки пали при Куамото (в 1877 г. – В. М.)... Но неужели не поняли вы, какой урок они дали нам своим поражением и смертью? Урок терпения и осторожности! Урок хитрости! Время сражений, выигранных одним только лезвием меча, прошло безвозвратно. Чтобы победить чужеземцев мы пошли оба в школу. Но то, чему учились мы там, было пустяком. К тому же и учились мы плохо. Наши японские мозги не усваивали европейское преподавание. И я быстро почувствовал необходимость приобрести европейский мозг, чего бы это нам ни стоило» (ДВ. С. 140).

Под конец убежденный Хирата задал последний вопрос: «Уверены ли вы, что мы будем, как вы утверждаете, победителями? А если мы будем побеждены, представляете ли вы себе прозвище, которое даст нам Европа за наше смешное и бесплодное подражание?

– Да, – ответил маркиз Иорисака. – Европа назовет нас обезьянами. Но мы не будем побеждены.

– Сам Иохитсне (очевидно, Ёсицунэ – В. М.) бывал побежден.

– Но мы не будем.

– Я верю вам на слово. Мы победим. Но после?

– После?

– После боя? После подписания мира? Вы вернетесь, Иорисака, в ваш дом в Токио. Вы принесете туда ваш европейский мозг, ваши идеи, ваши нравы, ваши европейские вкусы. И так как вы будете прославленным героем, японский народ, соблазненный вашим славным примером, станет подражать вашим вкусам, вашим нравам, вашим идеям...

– Нет! – сказал Иорисака» (ДВ. С. 141–142).

В речах маркиза заметно отражение формулы *вакон ёсай*: «японский дух – европейская техника (знание)». Высоко ценивший воинские доблести, Фаррер любит обоими героями и не противопоставляет их друг другу, поскольку теперь оба – в отличие от событий 1877 г. – воюют с одним и тем же врагом, во имя одной родины и императора, одним и тем же «европейским» оружием. Хирата вынес урок из поражения «великого Сайго»: самурайский меч бессилен против картечи. Симпатизировавшая автору романистка Рашильд (псевдоним Маргариты Эмери) отметила в рецензии на «Битву»: «Существует Япония внешняя, похо-

жая на коллекцию фарфора, но существует и Япония древних традиций, ничего не забывшая из исконных пристрастий. Несмотря на внешнюю европеизацию, никуда не делась Япония, умеющая вспороть себе живот дабы подтвердить свое благородство. <...> В «Битве» новая и древняя Япония смотрят в глаза друг другу»¹².

Фаррер предпочитал аристократию буржуазии, но восхищался не столько «военщиной», сколько героизмом – зная, что его формы многообразны. Узнав о гибели мужа, маркиза Ёрисака «стояла прямая и застывшая, неузнаваемая, непостижимая – азиатка от головы до пяток, настолько азиатка, что даже как-то не замечалась ее европейская одежда» (ДВ. С. 176–177). Она сделала если не героический, то единственно правильный – по японским понятиям – выбор: отправилась в Киото, «чтобы жить в буддистском монастыре дочерей даймё, чтобы жить там под власяницей и умереть достойно» (ДВ. С. 180). Этими словами заканчивается роман, написанный весьма «жестко», в противоположность умильным картинам Лоти. Биограф назвал его «противоположностью “Госпоже Хризантеме”», отметив, что писатель «сторонясь японесок, искал другую Японию» и «вывел на сцену японский национализм»¹³.

«Битва» оказалась если не лучшим, то самым известным и «долгоиграющим» произведением писателя: к 1939 г. она продолжала продаваться по 30 000 экземпляров в год, а совокупный тираж превысил миллион экземпляров; по роману написаны две пьесы (одна самим Фаррером), сделаны три радиопостановки и сняты два фильма, причем второй, показанный в США в 1934 г., стал первой французской картиной, имевшей успех за океаном и конкурировавшей с продукцией Голливуда. С 1919 г. и до наших дней фирма «Gerlain» выпускает духи «Mitsouko», названные в честь маркизы Ёрисака. Роман оказался неподходящим только для японской аудитории: официальному имиджу противоречили и слишком откровенные речи Ёрисака и Хирата, в которых можно усмотреть «азиатское коварство», и слишком вольное поведение Мицуко, готовой после романа с Ферганом сбежать с итальянским аристократом. В предисловии к «исправленному» изданию романа в 1911 г. автор счел нужным объяснить: «Три важнейших японских персонажа – маркиз Ёрисака, маркиза Мицуко и виконт Хирата – в гораздо меньшей степени являются фотографиями, нежели обобщенными портретами всей японской аристократии, для которых отобраны лишь самые важные ее черты. <...> Я уверен, что никакая японская маркиза никогда не допускала интимной близости ни с каким британским офицером и что ни один лейтенант японского флота не вспорот себе живот вечером после

¹² Цит. по: *Quella-Villeger A. Le Cas Farrère. P. 74.*

¹³ *Quella-Villeger A. Le Cas Farrère. P. 75.*

славной победы 27 мая 1905 года»¹⁴. Интересующиеся могли прочитать «Битву» в оригинале, но, насколько удалось установить, единственный японский перевод вышел только в 1991 г., небольшим тиражом в маленьком провинциальном издательстве¹⁵, и никакого резонанса не получил. В японской Википедии есть статьи «Битва» (о романе) и «Мицуко» о марке духов, где указано, в честь кого они названы, но нет статьи «Клод Фаррер».

Анализ «Битвы» необходим для понимания позднейших взглядов Фаррера на Японию и оценок ее политики. Он трезво смотрел на очаровавшую его страну и верно понимал мотивы, которыми руководствовалась ее элита. Тем интереснее его эволюция в сторону неkritического японофильства и видения политики Токио через «розовые очки» в 1920-е и особенно в 1930-е годы.

Писатель вернулся к японской тематике в 1923 г. в цикле лекций о своих путешествиях, составивших книгу «Прогулка по Дальнему Востоку». Глава «Древняя Япония» дает общий очерк ее истории – от мифов и происхождения японцев (Фаррер вел его от населения Океании) до «черных кораблей» Перри. Особое внимание он уделил «бусидо, японскому кодексу чести»: подобие «нашего (западноевропейского – В.М.) рыцарского кодекса, но более долговечное, более абсолютное и, несомненно, более цивилизованное». «С XIII в. он не менялся и правит в Японии до наших дней», – уверял оратор (MV. P. 238–239). Глава «Современная Япония» началась с восторженных воспоминаний о посещении этой страны, которую лектор назвал «землей обетованной». Он восторгался всем: пейзажами, красота которых превосходит Лазурный берег, элегантностью и изяществом быта и вещей, чистотой города и домов (нетипично для тогдашней Азии, знакомой рассказчику), трудолюбием взрослых, жизнерадостностью детей и даже тем, что «в японском языке нет ни одного оскорбительного слова» (MV. P. 255). Рассказывая о Никко, где он не был, Фаррер пространно цитировал «Осенние японески» Лоти.

«Настанет день, когда Япония сможет говорить с Соединенными Штатами на равных. – утверждал он. – Америка потеряет главное преимущество – численное превосходство. А у Японии, которой слишком тесно на ее островах, появится необходимость выйти за их пределы» (MV. P. 279, 281). «На Тихом океане – возможном поле будущей битвы – наши интересы весьма невелики, и мы, уверен, будем нейтральны в конфликтах, которые там случатся. <...> В решающий час наши симпатии могут быть на стороне Империи восходящего солнца, которой я сегодня предсказываю блестящую победу!» (MV. P. 284). Последние сло-

¹⁴ Цит. по: 1905. *Autour de Tsoushima*. P. 779. В использованном мной русском переводе это предисловие отсутствует.

¹⁵ Перевод *Ногутти Сэити* Куродо Фарэру. Сэнтэ (Битва). Фукуока, 1991.

ва, которыми завершается вся книга, – ключ к пониманию оценок японской политики в выступлениях Фаррера 1930-х годов.

Публицистика писателя на темы мировой, в том числе азиатской политики не переиздавалась, не переводилась на иностранные языки и почти не изучалась, что делает ее перспективным объектом исследования. Ее следует рассматривать в общем контексте политических взглядов автора, которые на рубеже 1920–1930-х претерпели изменения. Фаррер всегда был ярким патриотом, считая Францию «страной вкуса и порядка», а французов – «самым чувствительным, самым художественно одаренным и самым умным народом»¹⁶. При этом он был чужд расизма: «Я не из тех, кто считает белых единственными цивилизованными людьми на земле»¹⁷. Из описателя – и нередко критика – французской колониальной политики Фаррер, начиная с романа «Новые люди» (1922), стал ее апологетом. «Здесь перед читателем проходит старательно отобранная галерея мудрых администраторов, предприимчивых, талантливых и честных дельцов, относящихся к эксплуатации колониальных стран как к некоему общественному служению. <...> Киплинг умел не быть лубочным и примитивным, «преображая» колониальную действительность. У Фаррера она отлакирована настолько наивно и грубо, благополучие и добродетели, расписанные в «Новых людях», настолько очевидно выдуманы, что <...> оказываются за пределами и реализма, и какой бы то ни было художественности»¹⁸.

Приведенное мнение советского критика в целом верно, но Фаррер не столько приукрашивал реальную действительность, сколько дидактически конструировал – поэтому уместно предпринятое Рыковой сравнение со вторым томом «Мертвых душ» – идеальный образ «мирного и патерналистского колониализма»¹⁹. Эту мысль развил один из героев романа «Девушка путешествовала» (1925): «Наш французский мир, который мы дали всем нашим колониям, основан – и будем горды этим! – на справедливости, на равенстве, на свободном сотрудничестве переселенцев и местных. Мы не начинали с того, что всех перебили (намек на англичан – В. М.). Напротив, мы помогали жить. А это не такое простое дело, как кажется на первый взгляд»²⁰. Даже после Второй мировой войны Фаррер напоминал: «Мы принесли мир в Индокитай и цивилизовали его»²¹. Понятно, что японская колониальная политика – какой она демонстрировалась миру – получила у него полное одобрение.

¹⁶ Цит. по: *Quella-Villegier A. Le Cas Farrère*. P. 275.

¹⁷ Цит. по: *Quella-Villegier A. Le Cas Farrère*. P. 283.

¹⁸ *Рыкова Н. Современная французская литература*. Л.: ГИХЛ, 1939. С. 123–124.

¹⁹ *Quella-Villegier A. Le Cas Farrère*. P. 284.

²⁰ Цит. по: *Quella-Villegier A. Le Cas Farrère*. P. 285.

²¹ *Claude Farrère Souvenirs*. Paris: Arthème Fayard, 1953. P. 11. Далее сокращенно: S – с указанием страницы в тексте.

Симпатии писателя к действиям Токио подпитывались общей ситуацией в мире. Главной опасностью для европейской цивилизации он считал большевизм – не столько «советский эксперимент», соблазнявший литераторов-некоммунистов, сколько «мировую революцию», особенно в Азии, где революционное движение прямо угрожало интересам Франции в ее колониях. Антикоммунизм Фаррера подпитывался личными мотивами: его жена, актриса Генриэтта Роже до революции играла в Михайловском театре в Петрограде, и у супругов было немало знакомых среди «белых» эмигрантов, включая Шаляпина и Куприна. На склоне лет он писал: «Мы потеряли без возврата несчастную Россию, которая покончила с крепостным правом при цивилизованных и цивилизовавших ее царях, – чтобы оказаться в настоящем рабстве у жестоких господ, уничтоживших все религии и заменивших их террором на псевдонаучной основе» (S. P. 161). Склоняясь к авторитаризму как альтернативе «продажной» буржуазной демократии, с одной стороны, и социализму, с другой, Фаррер одобрял идеи и политику Муссолини, Салазара и Франко (но не Гитлера!). С начала 1930-х годов он поддерживал националистическое и монархическое движение «L'Action Française», заявив, что его идеолог Шарль Моррас «научил меня думать должным образом»²².

Именно «крайне правые», которых представляли «L'Action Française» и ее одноименная газета, оказались наиболее японофильской частью французского общественного мнения 1930-х годов, которое в целом заняло антияпонскую позицию после оккупации Маньчжурии и выхода Японии из Лиги наций. Представители этого лагеря симпатизировали Стране корня солнца по многим причинам: монархия, сакральный характер которой постоянно подчеркивался; усиление консервативных и традиционалистских настроений; подавление «красных» внутри страны и противостояние экспансии СССР и Коминтерна за ее пределами; отсутствие реальных экономических и политических противоречий с Францией. Следует учесть и влияние «жапонизма», пришедшееся на годы детства и юности лидеров и идеологов движения, в жизни которых искусство играло не меньшую роль, чем политика.

Популярный писатель, ставший после избрания в Академию «нотаблем» государственного уровня, Фаррер сотрудничал в журнале «France-Japon» (1934–1940), выпускавшемся при участии японского посольства, выступал с лекциями во Франко-японском обществе в Париже. В публицистической книге «Духовные силы Востока: Индия – Китай – Япония – Турция», вышедшей в апреле 1937 г., т. е. до начала японо-китайской войны, он утверждал, что Тибет, Туркестан, Монголия и Маньчжурия «несколько не являются китайскими» и критиковал «добрых людей из Женевы», т. е. Лигу Наций, за игнорирование этого обстоятельства и «невежество в географии»²³.

²² Цит. по: Weber E. L'Action Française. Paris: Stock, 1964. P. 568.

²³ Claude Farrère. Forces spirituelles de l'Orient: Inde – Chine – Japon – Turquie. Paris: Flammarion, 1937. P. 137–138. Далее сокращенно: FSO – с указанием страницы в тексте.

В «Духовных силах Востока» Фаррер выдвинул парадоксально прозвучавшую для многих мысль о близости «белой» европейской (читай: прежде всего французской) и японской цивилизаций. «На протяжении веков Япония развивалась примерно так же, как мы, как все наши страны. На самом деле я вообще не уверен, что японцы исходно были азиатским народом – они стали им с течением времени» (FSO. P. 143). Аргументация писателя более поэтична, чем исторична, и сосредоточена на том, что предки нынешних японцев пришли на острова с Юга Тихого океана – возможно, «с континента, исчезнувшего подобно Атлантиде» (FSO. P. 145) – и принесли с собой цивилизацию, которой не знали дикое коренное население архипелага, – включая календарь, письменность, мореплавание, воинские доблести и «кодекс чести», роль которых он настоятельно подчеркивал. «Япония всегда была великой страной и знала подлинно великих людей. У нее были свой Ришелье – Нобунага, свой Бонапарт – Хидэёси, свой Людовик XIV – Иэясу. При таком количестве гениев и достижений можно удивляться лишь одному: что Япония раньше не стала столь мощной страной, какой она является сегодня» (FSO. P. 159). Более того, «сегодня Япония является самой великой страной мира, поскольку в результате войны 1914 года только она одна по-настоящему усилилась как морально, так и материально», хотя ей «рано или поздно понадобятся земли для колонизации, а не для завоевания. <...> Я думаю о Калифорнии, об Орегоне, о Вашингтоне (штате Вашингтон – В.М.), о просторах почти пустынной Австралии» (FSO. P. 169, 171). Ничего не скажешь, размышлялся...

Перейдя к «текущему моменту», Фаррер заявил, что «Япония слишком хорошо знает Китай, чтобы понимать, что ничего не выиграет от участия в китайских смутах. Если она пойдет на интервенцию на континенте, то лишь для отпора русскому нашествию, военному или политическому. Я склонен думать, – заключил писатель, – что Япония более всего хочет положить конец китайской анархии – косвенным путем, если получится, или прямым, если потребуется» (FSO. P. 172).

Сказанное отлично соответствовало «генеральной линии» тогдашней пропаганды Токио, поэтому неудивительно, что в конце 1937 г. правительство Японии через МИД Франции официально пригласило его – как «писателя известного своей абсолютной независимостью» – посетить страну и ее колонии. «Я задал всего один вопрос: «Буду ли я свободен, по-настоящему свободен?». Мне это гарантировали – и сдержали слово» (S. P. 268· 269). Второе пребывание в Стране корня солнца – через 38 лет после первого – началось 30 января 1938 г. с торжественной встречи в порту Кобэ. На протяжении всего визита писателя сопровождал молодой дипломат Мацуи, «умница и, несомненно, будущий посол, представитель старинного аристократического рода, чей отец заседал в палате пэров» (S. P. 269). Вероятнее всего, это Мацуи Акира –

послевоенный посол во Франции и представитель в ООН, сын барона Мацуи Кэйсиро, бывшего министра иностранных дел и тоже посла в Париже. Фаррер подарил провожатому самую новую на тот момент из своих книг «Поездка к испанцам (зима 1937)» с надписью «в память чудесных часов в его обществе в Токио, которыми я ему обязан, с живой благодарностью и дружеской симпатией». Однако адресат даже не разрезал книгу – и через семьдесят лет она в первозданном виде оказалась в собрании автора настоящей работы.

Итогом поездки стала книга «Великая драма Азии», написанная во время возвращения домой морем (Фаррер всегда писал быстро). Впечатления от Японии, составившие первую часть книги: кроме Токио, куда он приехал из Кобэ через Осака и Иокогама на лучшем экспрессе тех лет «Цубамэ», автор побывал в Никко, Камакура, Киото, Нара и Симоносэки – оказались яркими, но их умильное изложение не отличается оригинальностью. Писателю понравилось буквально всё, и старинное, и современное. Его официально приняли премьер-министр принц Коноэ Фумимаро и члены его кабинета, среди которых на гостя особое впечатление произвел морской министр адмирал Ёнаи Мицумаса – своей молчаливостью (S. P. 269–270). Беседы с ними, несмотря на сугубо протокольный характер, очаровали честолюбивого гостя. «Почему же часть Европы и прежде всего Англия отказываются понимать нынешнее положение Японии?» – спросил гостя министр иностранных дел Хирока Киоки. «Исключительно по неведению, Ваше превосходительство!» – с готовностью ответил тот²⁴. И выразил готовность рассеять это «неведение»

Неожиданным «бонусом» (или все-таки МИД постарался?) оказалась встреча с... Ёрисака, но не из «Битвы», а с «живым, настоящим», как он отрекомендовался романисту. «Когда-то давно вы выбрали для героя своего романа фамилию, звучащую очень по-японски, – сказал ему почтительный незнакомец в столичном отеле «Тэйкоку» («Imperial Hotel»), построенный по проекту Фрэнка Ллойда Райта). – Но знали ли вы, что она существует на самом деле. Так вот, она существует. И от ее имени я пришел поблагодарить за честь, которую вы нам оказали, дав ее в вашей книге настоящему самураю, верным старинной чести. Мы верны ей и всегда будем верны» (GDA. P. 20–21). «Изменилась ли Япония?» – задал себе вопрос sentimentalный вояжер. И сам ответил на него: «Нет, она все та же. Вечная». «Новая снаружи, вечная внутри» (GDA. P. 42, 48).

Большой интерес представляет вторая часть книги «Китай и Япония в 1938 году», содержащая не только впечатления, но и размышления от увиденного на континенте – автор также посетил Корею и Маньчжоу-го, где его встречали с теми же почестями и вниманием. В Маньчжоу-го

²⁴ Claude Farrère. Le grand drame de l'Asie. Paris: Flammarion, 1938. P. 31. Далее сокращенно: GDA – с указанием страницы в тексте.

один японец умно польстил гостю, сказав, что его соотечественники здесь «много изучали методы вашего великого маршала» Юбера Лиотэ (GDA. P. 76–77), «вице-короля» Марокко и знакомого Фаррера, который написал о нем апологетическую книгу. Результаты колониальной политики Токио вызвали его восхищение: «Благодаря японцам, Корея стала богатой и плодородной. Ее поля возделаны. Сеть шоссейных и железных дорог целиком покрыла ее. Порты Пусан и Чемульпо безукоризненно оснащены. Те же успехи в Маньчжурии, при том что здесь японцы обосновались только лет семь тому назад» (GDA. P. 105).

Писатель построил анализ ситуации на противопоставлении не только «сильной», но и «молодой», несмотря на древность, Японии – и не просто «старого», но «дряхлого» Китая, в котором «увы, ничего не изменилось» (GDA. P. 106). Эту мысль он развил в книге «Европа в Азии» (1939): «Китай так и остался старым Китаем, а Япония с помощью уникального энергичного усилия стала новой Японией»²⁵. Китайские «режимы» Фаррер назвал «преступными организациями», действия которых «Европа просто не может вообразить», а о Чан Кайши насмешливо заметил, что «его еще называют генералиссимусом» (GDA. P. 108–109). Целиком и полностью одобрявший японскую вооруженную экспансию за пределами Маньчжурии – слово «агрессия» он использовал только применительно к СССР, – гость из Франции заявил: «Да, японцы в Китае. Но не как завоеватели, а как организаторы и блюстители порядка» (GDA. P. 122).

Особое внимание писатель уделил советскому фактору дальневосточного конфликта. «Япония ничего не хочет от Китая, а Китай не знает, чего хочет, от Японии. Ситуация необъяснима, если не помнить, что за ее кулисами – Москва. А она там. <...> Если Япония сегодня и борется в Китае, то не против Китая и уж тем более не против китайцев. Она борется против коммунизма. Она борется за порядок и цивилизацию, против московского порабощения. Она делает это не только из альтруизма и ради всеобщего благополучия. Япония – страна порядка, страна высокой культуры и социального мира – не может терпеть распространение у своих границ кремлевского варварства. <...> Москва для Японии, – заключил он с пафосом, – не только хаос, революция и распад общества, как для Берлина, Лондона или Парижа. Москва для Японии – это пожар, разрушение, руины, это горы трупов на улицах всех ее городов и деревень» (GDA. P. 115, 113–114, 117). Теперь писатель назвал «русских» «чистыми азиатами» (GDA. P. 141). Что сказал бы об этом его друг Шалапин?

Пламенный призыв Фаррера к франко-японскому союзу на основании «внутренней близости» не произвел впечатления на его родине. Прочитав

²⁵ Claude Farrère. L'Europe en Asie. Paris: Flammarion, 1939. P. 37. Далее сокращенно: ЕЕА – с указанием страницы в тексте.

посланную ему «Великую драму Азии» маршал Филипп Петэн скептически о трудности «из sentimentalного плана в политический»²⁶. Изменения в мировой политике также не располагали французов к прояпонской риторике. В июле 1939 г. писатель закончил небольшую книгу «Европа в Азии», которую издатели не хотели печатать из-за похвал Токио – потенциальному союзнику Берлина – и критики в адрес Москвы. Она увидела свет лишь в октябре, после «пакта Молотова-Риббентропа» и ухудшения франко-советских отношений. Здесь автор окончательно сформулировал свое видение Японии как «Дальнего Запада».

«Японцы ни в коей мере не являются восточным народом. Их история и национальный характер связывают их с Европой и Америкой, даже с Океанией, но никак не с Азией, хотя живя на краю Азии добрых двадцать столетий, японцы стали физически походить на азиатов. В любом случае сходство это внешнее. В моральном отношении японец куда ближе к французу, чем русский, венгр или даже немец. <...> Вся история Японии – это история Дальнего Запада. <...> Вся современная история Японии кажется копией современной истории Франции или Англии. <...> Но ей не нужно было имитировать Европу: японец – европеец по инстинктам и, может быть, по происхождению» (ЕЕА. Р. 8, 56). Согласно Фарреру, французов и японцев особенно сближают «национальное чувство и патриотическое воодушевление» (ЕЕА. Р. 36). Призывы к актуальной франко-японской дружбе пришлось поумерить, но автор и здесь не забыл подчеркнуть, что действия Японии на Дальнем Востоке – это «борьба порядка против хаоса, борьба западной цивилизации против анархии большевизма и Востока» (ЕЕА. Р. 98).

Анализ образа Китая и китайцев у Фаррера не входит в задачу настоящей работы, но совсем обойтись без него нельзя. В «Европе в Азии» писатель высказался наиболее резко: «Главной ошибкой правительств и дипломатов Европы, Америки и даже Японии было то, что они принимали китайцев за таких же людей, каковы они сами. Это огромная ошибка, потому что китайцы решительно отличаются от остальных людей. Это не значит, что они выше остальных, или, напротив, ниже. Они другие – и всё тут» (ЕЕА. Р. 19).

В художественной форме утверждения, изложенные в этой книге, воплотились в романе «Одиннадцатый час», работу над которым писатель начал на обратном пути из Японии весной 1938 г. и закончил в канун новой войны в Европе в августе 1939 г.; книга была дозволена военной цензурой в феврале 1940 г. и вышла месяцем позже. «Ни Европа, ни Япония не понимают той многоликой Азии, которой является Китай.

²⁶ Цит. по: *Quella-Villegier A. Le Cas Farrère*. Р. 336.

Японцы – народ не Дальнего Востока, но Дальнего Запада»²⁷. «Сегодняшнюю Японию» автор характеризовал словами: «Франция, но более дисциплинированная; Англия, но менее иерархичная; Италия, отказавшаяся быть тоталитарной и германизированной» (ОН. Р. 274). Главные положительные герои – японский дипломат Ацуда Киемори и его свояк полковник Нагаока Акира – носители «самурайского духа, который является западным, а не восточным» (ОН. Р. 127).

В основу сюжета романа, действие которого происходит в Китае весной 1936 г., положен Сианьский инцидент 12 декабря 1936 г. – арест Чан Кайши бывшим правителем Маньчжурии «молодым маршалом» Чжан Сюэляном и генералом Ян Хучэном, которые хотели принудить главу Гоминьдана прекратить гражданскую войну и вступить в «единый фронт» с коммунистами против японцев. Автор обратил внимание читателя на разницу дат и подчеркнул, что его книга – «роман, а никоим образом не романизированная история» (ОН. Р. 117). Однако в европеизированном диктаторе Сунь Човэе узнается Чан Кайши, как Чжан Сюэлян – в коварном и жестоком «маршале» из бандитов Кун Вэнчуне. Если первый показан как воин и человек чести, вызывающий уважение у японцев, то второму – марионетке в руках загадочной и всемогущей московской эмиссарши Дарьи Сергеевой – автор щедро придал все негативные черты. Добавлю, что французские офицеры и дипломаты в романе помогают японцам, с которыми у них полное взаимопонимание.

Основной, «авантюрной» части этого затянутого и избыточного описаниями и диалогами повествования предшествуют сцены токийской жизни – целая глава изображает спектакль в театре Кабуки, чего развитие сюжета в общем не требует. Создается впечатление, что Фаррер хотел максимально использовать свежие впечатления. В условиях войны и поражения Франции роман прошел практически незамеченным. Больше к теме Японии писатель не обращался.

Клод Фаррер умер 21 июня 1957 г. в возрасте 81 года, пережив свою славу. «С его смертью отошло в прошлое целое литературное поколение», – таков был лейтмотив вежливых некрологов²⁸. Однако среди провожавших писателя в последний путь был японский посол.

²⁷ Claude Farrère. *La onzième heure*. Paris: Flammarion, 1940. Р. 127. Далее сокращенно: ОН – с указанием страницы в тексте.

²⁸ Цит. по: *Quella-Villeger A. Le Cas Farrère*. Р. 395.

О. А. Забережная

В данной статье рассматриваются этические взгляды трех крупнейших писателей японского литературного объединения и одновременно гуманистического идейного течения «Сиракаба» – Мусянокодзи Санэацу, Арисима Такэо и Сига Наоя. Главное внимание уделяется проблеме эгоизма, отношения к другому, сочувствия – актуальных проблем, стоявших перед интеллектуалами эпохи Тайсё (1912–1926) в период формирования в японском обществе индивидуалистических ценностей.

Ключевые слова: Сиракаба, этика, мысль, Тайсё, Мусянокодзи Санэацу, Сига Наоя, Арисима Такэо, эгоизм, персонализм, эго.

Японское литературное объединение и одновременно гуманистическое движение «Сиракаба» («Белая береза») – одно из центральных идейных течений эпохи Тайсё (1912 – 1926). «Сиракаба» образовалось вокруг одноименного журнала, издаваемого с 1910 по 1923 гг. группой молодых людей аристократического происхождения, учившихся в старших классах престижной токийской Школы пэров (Гакусюин). В «Сиракаба» размещались статьи об искусстве с иллюстрациями – репродукциями картин известных западных художников, художественные произведения (стихи и проза), заметки, эссе, критика участников и их друзей, литераторов и живописцев. Журнал стал «окном», через которое японцы знакомились с западным искусством, а также площадкой для литературных и художественных дискуссий.

Участники «Сиракаба» известны своей приверженностью идеалам индивидуализма, гуманизма, идеализма и пацифизма.

Этот набор «измов» японские критики относят к «сиракабовской мысли» (*сиракаба-тэки сисо:*), выделяя ее в отдельное идеологическое течение, которое играло заметную роль в общественной и культурной жизни Японии конца Мэйдзи (1868–1912) – начала Тайсё (1912–1926) – времени, когда Япония только начинала узнавать литературу, живопись и философию Европы во всем многообразии.

Гуманистическая мысль «Сиракаба» славилась глубоким интересом к этическим вопросам – отдаленная от политических реалий, она была сосредоточена на изучении человеческой природы, ее внутренних проблем и взаимодействии с окружающим миром. В центре внимания творчества и всей жизни участников объединения находилась творческая, духовная личность. Их волновали вопросы, что такое человек, индивид, личность, цель человеческого существования, роль индивидуальности в искусстве, отношения человека к Богу, вся сфера этико-эстетических

вопросов – о красоте, счастье, любви, свободе, нравственности, и т. д., то есть вся проблематика идеологии персонализма.

Когда преобладавшие в эпоху Мэйдзи идеалы конфуцианства начали сменяться новым индивидуалистическим духом Тайсё, подошла к концу эпоха самопожертвования для государства и конформизма. На фоне формирующегося капиталистического общества появлялась потребительская культура, оправдывавшая стремление к богатству и удовольствиям. Если, по словам мыслителя Токутоми Сохо, для японцев эпохи Мэйдзи государство было религией, в эпоху Тайсё они как будто потеряли веру, установилось настроение «моральной неопределенности»¹, когда кто-то сохранил приверженность старой системе ценностей, а кто-то искал эти ценности на Западе. Былой идеал морального совершенства превратился в концепцию «эстетического» совершенства – развитие в себе вкуса, художественных способностей, восприятия искусства². «Эстетический» человек подразумевал и личность «этическую», а также весь связанный с этим комплекс вопросов добра, любви, честности, совести и др. Развитием именно этого этико-эстетического идеала и занимались сиракабовцы.

Предшественником сиракабовцев в этом смысле можно правомерно назвать Такаюма Тёгю (1871–1901) и его гуманистический инстинктивизм, который провозгласил главным идеалом «эстетическую жизнь» (*битэ-ки-на сэйкацу*) творческой личности, основанную на эмоционально-чувственном восприятии мира. До него Цубоути Сёё (1859–1935) изложил новую концепцию современной японской прозы, где он в том числе отмечал, что главная цель произведения – не порицание греха и прославление нравственности, не описание состояния общества, морали и обычаев, а достоверное изложение человеческих эмоций и страстей.

Невозможно обойти стороной и идеал «внутренней жизни» (*найбу сэймэй*), о котором заявил поэт Китакура Тококу (1868–1894), что было «равносильно декларации прав человека в эпоху Тайсё»³. По мнению Тококу, именно «внутренняя жизнь», то есть опора на свое восприятие, позволяла освободить искусство от обыденной морали. В то же время анархист Осуги Сакаэ (1885–1923) противопоставил творческую энергию эго – «расширение жизни» (*сэй-но какудзю*;) консервативным общественным системам, и в т. ч. государству.

Подобные идеи, отдававшие предпочтение внутренней жизни, раскрытию индивидуальности, обсуждавшиеся с конца XIX века среди

¹ Flenner D. A Critical Study of Shiga Naoya, and a Translation. Fuji women University, 2011. P. 73.

² Japan in Crisis: Essays on Taisho Democracy. / Ed. by B. S. Silberman and H. D. Harootyan. New Jersey: Princeton University Press, 1974. P. 21.

³ *Описи Сумицу*. Китакура Тококу найбу сэймэй рон кара Арисима Такэо хоннотэки сэй-кацу-э (От внутренней жизни Китакура Тококу до инстинктивной жизни Арисима Такэо) // Кокубунгаку кайсяку то кансё. 2007. № 6(72). С. 52.

японских литераторов, мыслителей, разработали почву для появления нонконформизма «Сиракаба».

Сиракабовский персонализм испытал влияние и западных писателей и философов религиозно-этической, трансцендентальной, эстетической направленности – Ницше, Бергсона, Эмерсона и др.

Формы эгоизма у сиракабовцев, отношения «я – другой»

Основным тезисом, который провозгласил Мусянокодзи Санэцу (1885–1978), один из основателей и неформальный лидер объединения, в идеологической программе «Сиракаба», было «развитие себя» (*дзико-о икасу*), и можно утверждать, что все сиракабовцы в той или иной мере действовали в рамках этого тезиса. Для того, чтобы раскрыть его смысл, необходимо понять, что означает понятие «я» (*дзико*) для Мусянокодзи, и связанные с ним «эго» (*дзига*) у Сига Наоя (1883–1971), «индивидуальность» (*косэй*) у Арисима Такэо (1878–1923). На этих понятиях «себя», которые они и стремились «реализовать» или «развивать», зиждется сиракабовский эгоизм (*дзига сюги*), эгоцентризм (*дзико тю:син сюги*), в котором их не переставали обвинять многочисленные критики.

Первая отрицательная реакция интеллектуалов на «Сиракаба» была связана, в первую очередь, с резким контрастом их идеалов с общей атмосферой неуверенности, разочарованности и ужесточившейся цензуры. В этой обстановке вдруг появилась группа молодых обеспеченных людей, которые бесстрашно заявляют о своем равнодушии ко всему общественному, «самореализации», следовании желаниям своего «я», не предлагая при этом поначалу никаких литературных шедевров или открытий.

«Мы не можем удовлетвориться ни литературой «Субару»⁴, ни натуралистов, мы создаем литературу, которая соответствует нашим требованиям», – писал Мусянокодзи в первых изданиях «Сиракаба», провозглашая счастье, понимаемое как самореализацию, главной целью жизни и творчества. «Раньше люди умели страдать, современные люди умеют радоваться. Свое счастье, своя радость – есть ли более прекрасные слова?»⁵, – заявлял он. Его слова были восприняты несерьезно, как легкомысленные, наивные, тем более, что только перед изданием «Сиракаба» в 1909 году вышел роман Нацумэ Сосэки «Затем» («Сорэ кара»). Казалось, что сиракабовцы сошли с его страниц, что стал реальностью описанный Сосэки «герой нашего времени» Дайсукэ – сын богатых родителей, который ведет праздный образ жизни, не задумывается о нравственности своих поступков и не может найти своего предназначения.

⁴ Журнал «Субару» печатал в основном поэтов-романтиков Исикава Такубоку, Ёсано Тэккан и Ёсано Акико, Такамура Котаро и др.

⁵ Мусянокодзи Санэцу. Ару катэй (Одна семья). //Мусянокодзи Санэцу дзэнсю (Полное собрание сочинений Мусянокодзи Санэцу). Токио: Сёгакукан, 1988. Т. 2. С. 2-21.

После выхода журнала с критикой на объединение обрушился Икута Тёко (1882 – 1936), обвиняя «Сиракаба» в голословном прославлении жизни и себя, не основанном на опыте реальной жизни или даже осмыслении предыдущей традиции. На это Мусянокодзи отвечал, что пусть их называют наивными, но только они, имея возможность писать не для заработка, а из настоящих внутренних побуждений, действительно могли оценить важность человеческой жизни и свободного творчества.

Эгоизм Мусянокодзи

Для Мусянокодзи «реализация себя» означала следование своим желаниям, потребностям или «инстинктам» с их учетом в равной мере. «Я» или «мое я» – *дзико*⁶ – это субъект, подверженный действию мировой воли и выполняющий в соответствии с ней определенную миссию, которая вносит вклад в общечеловеческое развитие.

Мировая (или природная) воля наделила «я» яркими индивидуальными особенностями, которые нужно поддерживать в себе и ограждать от окружающего мира. «Наглядный» пример этой позиции Мусянокодзи представлен в его пьесе «Комната персикового цвета» (*Момо иро-но ситцу*, 1911), где описывается жизнь двух семейных пар – одна живет в серой комнате, а другая – в комнате персикового цвета. Женщина из персиковой комнаты, когда ее мужу становится жалко «серых» людей, наотрез отказывается пускать их в свое жилище – она боится, что их «серость» повлияет на ее персиковый цвет и сделает его более тусклым.

Развитие себя ограничено механически – извне. У Мусянокодзи собственное развитие отталкивается от утверждения необходимости роста человечества, это главная цель, к которой движется Вселенная. Поэтому человечество не «может позволить себе не быть эгоистом»⁷, считает он, а индивид, как его часть, должен быть и частью общемирового процесса. В таком восприятии Мусянокодзи человечество напоминает лес или сад, где все растения должны давать друг другу место.

Поэтому *дзико* Мусянокодзи находится во взаимодействии с другими индивидами и носит определенно социальный характер, без общества это «я» не имело бы своей жизни. Утверждая необходимость, казалось бы, эгоистического следования своим желаниям, Мусянокодзи ограничивает это уважением к другому, за которым признается такое же право на самовыражение. В своем «манифесте индивидуализма»⁸ он говорит:

⁶ Мусянокодзи использует слова *дзико*, *дзига* и *косэй* как синонимы, но чаще употребляет *дзико*.

Мусянокодзи Санэацу дзэнсю (Полное собрание сочинений Мусянокодзи Санэацу). Токио: Сёгакукан, 1988. Т. 1. С. 550.

⁸ Манифестом индивидуализма у Мусянокодзи считаются три произведения – «Работа собственной кистью» (*Дзibu-но фудэ-дэ суру сигото*), «Мораль индивидуализма» (*Кодзинсю-ги-но до:току*), «О жизни для своего эго и прочем» (*Дзико-но тамэ оёби соно хока-ни цуйтэ*). См.: Мусянокодзи Санэацу дзэнсю (Полное собрание сочинений Мусянокодзи Санэацу). Токио: Сёгакукан, 1988. Т. 1.

«Я – индивидуалист. Я рассматриваю и себя, и другого как цельного человека. Я уважаю другого и себя как индивида. Я не желаю приносить себя другому в жертву и не желаю жертвы другого ради себя».⁹

В этом смысле позиция Мусянокодзи схожа с концепцией «разумного эгоизма» Чернышевского. В сдерживании внутренних побуждений человеку помогает разум (*рисэй*). Взаимовыгодное сосуществование индивидов, основанное на уважении и разумном самоограничении ведет общество к процветанию – такую идеалистическую картину рисует Мусянокодзи. Конкретной теории общественного устройства он не предлагает, однако утверждает необходимость самостоятельности личности.

Человек же должен стремиться не к компромиссу с другим, а к гармонии со своими инстинктами – то есть если «социальный» инстинкт призывает совершить действие, то необходимо перед его совершением убедиться, что это не противоречит другим инстинктам. Если все инстинкты находятся в нужной «пропорции», собственное «я» развивается ровно настолько, насколько это не будет вступать в конфликт с интересами других. Нежизнеспособность этих абстрактных и оторванных от реальности рассуждений доказал впоследствии его неудачный социальный эксперимент «Новая деревня» (*Атарасики мур*).

До утверждения «развития себя» и господства индивидуальности в духе «Сиракаба» Мусянокодзи прошел определенный путь – от идеалистического альтруизма до радикального эгоизма.

Так, в юные годы еще до издания журнала он мечтал о спасении всего человечества, что изложено в его первом сборнике «Дикое поле» («Арано»). Однако сборник интересен более всего тем, что там Мусянокодзи высказывает социалистические мысли, впоследствии ему не свойственные – о желании стать простым рабочим, победить «нерациональность мира», социальную несправедливость. Такие устремления было бы трудно понять «даже Сига», который был наиболее близок Мусянокодзи, считает Хонда Сюго¹⁰. Арисима же, наоборот, в отличие от критиков, которые обрушились на этот первый опыт писателя с негодованием и насмешками, обвиняя его в «детскости», наивности и нехудожественности, с похвалой отзывался на ранние рассказы Мусянокодзи, хотя и отметил их идейную незрелость. Общий пафос социализма, наполняющий «Арано», был близок Арисима, который долгое время придерживался этой идеологии.

В целом же индивидуализм, утверждение себя и эгоизм, к которому приходит Мусянокодзи, это, во-первых, его защита от одиночества и горечи неразделенной любви.

⁹ Мусянокодзи Санэцу. Кодзинсюги-но до:току (Мораль индивидуализма) // Мусянокодзи Санэцу дзэнсю (Полное собрание сочинений Мусянокодзи Санэцу). Токио: Сёгакукан, 1988. Т. 1. С. 345.

¹⁰ Хонда Сюго. Сиракаба-ха но сакка то сакухин (Авторы и произведения «Сиракаба»). Токио: Мирайся, 1968. С. 2.

«Сначала я не был индивидуалистом, – писал он. – Я хотел идти вместе со всеми, но потом понял, что у каждого – своя работа и своя судьба. Мою работу могу выполнить только я, любить себя могу только я. И это вселило в меня силу»¹¹.

Во-вторых, эгоизм был его бунтом против христианского понимания любви к ближнему, которое Мусянокодзи не мог принять. Мусянокодзи увлекался учением Льва Толстого. Под влиянием его нравственных идеалов Мусянокодзи пытался развить в себе альтруистическую любовь к людям, но пришел к выводу, что никогда не сможет вполне понять и почувствовать другого человека. В этот момент ему попадаете сочинение Мориса Метерлинка «Мудрость и судьба»¹².

«Я узнал от Метерлинка, что ближнего нужно любить в себе. С этого момента началось мое отхождение от Толстого... Я вступил на путь к жизни, которого до сих пор не знали японцы»¹³, – говорит он. Более всего Мусянокодзи поразила мысль Метерлинка о том, что прежде, чем любить ближнего, необходимо полюбить самого себя¹⁴. Энтузиазм Мусянокодзи в связи с этим «открытием» показывает одну из характерных особенностей восприятия сиракабовцами (и вообще японским обществом того времени) западной культуры – выборочное и несистематичное «выхватывание» отдельных теорий и художественных произведений. Поэтому идея об отрицании идеи самопожертвования, не революционная для европейской мысли, оказалась революционной для Мусянокодзи, он вздохнул с облегчением и провозгласил веру в себя и свои силы.

Арисима Такэо и эгоизм

Арисима, в отличие от других сиракабовцев, «утверждающих себя» (*дзико котэй*), изначально находился на позиции неуверенности в своем «я», разрываемом противоборствующими началами в человеке. Поэтому в его сочинениях встречается нечто подобное раздвоению личности, когда автор ведет диалог со своим «я».

«Если ты увидишь меня, ты разочаруешься, – говорит писателю его индивидуальность (*косэй*) в воображаемом диалоге. – Я не тот прекрасный образ, что ты создал в своих мечтах. Если ты будешь судить меня

¹¹ Мусянокодзи Санэацу. Кодзинсюги э-но-канся (Благодарность индивидуализму) // Мусянокодзи Санэацу дзэнсю (Полное собрание сочинений Мусянокодзи Санэацу). Токио: Сёгакукан, 1988. Т. 1. С. 389.

¹² Как рассказывает сам Мусянокодзи, Метерлинка ему «открыл» известный тогда поэт и критик Уэда Бин, к которому они с Сига однажды были отправлены в старших классах с поручением.

¹³ Сёки сиракаба бунгаку сю (Собрание ранних сочинений писателей «Сиракаба»). / Под ред. Хонда Сюго // Мэйдзи бунгаку дзэнсю (Полное собрание литературы Мэйдзи). Т. 76. Токио: Тикума сёбо, 1973. С. 80.

¹⁴ Метерлинка М. Мудрость и судьба // Электронная библиотека Максима Мошкова. URL: <http://www.lib.ru/PXESY/METERLINK/rock.txt> (дата обращения 06.11.2015.)

по внешним меркам, тебе будет казаться, что я ущербен»¹⁵. Но поскольку ничего кроме самого себя человеку не дано, он должен сделать так, чтобы установленных окружающим миром стандартов для него больше не существовало.

Арисима пытается обрести жизненный источник для поддержания своего «я». Пытаясь познать себя и смысл своего существования, он обращался к Богу, к древним мудрецам и современным философам, но пришел к выводу, что все идеалы ложны. В конечном итоге, чтобы обрести себя, Арисима приходит к действию, противоположно направленному, чем у Мусянокодзи – к полному погружению в себя и тем самым обретению способности увидеть мир взглядом, незамутненным противоречиями. Тогда формируется его идеал свободного «себя», который живет инстинктивной (или интуитивной) жизнью и не опирается на стандарты окружающего мира. «Ты не должен меня воспринимать в диалектике «добро-зло» и «красота-уродство», как ты привык воспринимать весь мир. Ты должен принимать мои требования как нечто целостное», – говорит эго Арисима.

Энергия «я» направлена не на выполнение вселенской миссии, а на собственное единство. Тем самым объясняется и равнодушие Арисима к общей судьбе человечества. «Возможно, ты будешь думать о вреде, которое это (твое уединение) нанесет человечеству. Однако когда ты действительно ко мне вернешься, тебя перестанет это волновать»¹⁶.

Косэй Арисима призывает его не к сосуществованию, а к изоляции, поэтому его рост и развитие имеют иной смысл, чем у Мусянокодзи. Выражение индивидуальности происходит через освобождение и свободное творчество за счет внутренних импульсов. «Во мне нет противоречия между телом и духом, добром и злом. Я расту только как целостность», – говорит ему эго.

Своему «я» Арисима благодарен: «Я есть и принадлежу только себе. Я люблю себя так, что не променяю ни на кого. Это позволяет мне занять низкую, но крепкую позицию. И из этого положения я могу вызывать к тому, что выше меня (к Богу) и жить в настоящем... За это я благодарен себе (*дзико*)».¹⁷ Для Арисима познание своего «я» не помогает избавиться от одиночества, а напротив, погружает его в более глубокую изоляцию. Тем не менее, он не в силах отказаться от этого процесса, ведущего к возможности увидеть мир и себя в его целостности, что, по Арисима, равносильно познанию истины.

Погружение в себя означает внутреннее игнорирование внешних стандартов, но отнюдь не предполагает прекращение физического общения с окружающим миром, без этого общения человек не может существо-

¹⁵ *Арисима Такэо*. Осими наку ай ва убау (Любовь – безжалостный похититель). Токио: Иванами сётэн, 1980. С. 55

¹⁶ Там же. С. 34.

¹⁷ Там же. С. 8.

вать и развиваться. Рост или развитие «я» у Арисима тесно связано с взаимоотношением с другим, более того, это происходит за счет другого. «Только когда я стал пробовать увидеть себя и понять, кто я, только тогда я увидел другого»¹⁸, – замечает он и в конечном итоге приходит к тому, что отношения с другим заключаются в расширении себя за счет «жадного поглощения» другого. Это Арисима раскрывает в своей теории любви, в которой прослеживается противоположная Мусянокодзи логика – любя ближнего, мы любим самого себя.

Прежде всего, он спорит с тем, что любовь – сила, вселяющая энергию, заставляющая человека жертвовать всем ради другого. Влюбленный готов отдать предмету обожания пищу, дом, делать подарки, тратить время и усилия, но в реальности он не отдает ничего, поскольку, одаривая свой объект, он на самом деле забирает его и делает частью себя (но также и наоборот). Более того, любит он не сам объект, а ту часть, которую он присвоил, следовательно, он любит самого себя. «Я могу любить других, только когда нахожусь с ними во взаимодействии. А если я потеряю себя, я не смогу этого делать. Поэтому, строго говоря, только когда другие поглощаются моим “я”, только тогда я могу их любить»¹⁹. Здесь переставлены местами причина и следствие: только любя (по-христиански, а не эгоистично) другого, я могу относиться к нему, как к самому себе. Именно любовь позволяет осуществить заповедь: возлюби ближнего, как самого себя, а не объединение с ближним позволяет его любить. У Арисима представления, воспринятые из христианства, требовали определения и обоснования уже в его новом мире – внецерковном, мире искусства. Поэтому родилась его концепция высшего инстинкта (аналог духа) как центральной силы искусства и жизни.

Во фразе «в итоге я, любя других, люблю себя. И только себя»²⁰ подразумевается не повседневное «я» Арисима, а его духовное, вселенское воплощение.

Любовь не отдает, а забирает и направляет полученную энергию в творческое созидание. С христианской точки зрения, наоборот, творчество может быть направлено только на любовь (к ближнему, к Богу). Поглощающая любовь, о которой говорит Арисима, далека от христианского понимания. Эта любовь направлена на созидание для удовлетворения самого себя, своего инстинкта творчества. Главная цель такой любви – развитие творческого начала, выход за рамки обыденного. Страстное желание познание высшей силы (Бога), присущее Арисима и не получившее удовлетворения, стало искать идеал не в Боге, а в некой высшей форме бытия своего «я», заменило один трансцендентный объ-

¹⁸ Арисима Такэо. Дзико но косацу (Наблюдение за собой) // Арисима Такэо дзэнсю (Полное собрание сочинений Арисима Такэо). Токио: Тикума сёбо, 1980. Т. 7. С. 409.

¹⁹ Арисима Такэо. Осими наку ай ва убау (Любовь – безжалостный похититель). Токио: Ивадзэми сётэн, 1980. С. 64.

²⁰ Там же.

ект познания на другой. Поэтому именно любовь – основной, чистый инстинкт, к которому стремится человеческое существо, он направлен на себя, но не только на увеличение масштаба своего «я», или «развитие себя», как у Мусянокодзи, а на чистое творчество. «Обыденная жизнь отбрасывает тень на наше “я”, а интеллектуальная – накапливает их внутри. Интуитивная жизнь отбрасывает все и летит»²¹. Без этого «полета» индивидуальность будет незавершенной и неполной. «Я желаю не только сохранения своего “я”, но и его роста и завершенности (духовной полноты, зрелости). Именно это и есть моя любовь. Кроме меня (моих трех ипостасей – телесной, душевной, духовной), ей ничего не надо. Как мне достичь этой завершенности – брать у других (отдавать другим). Поэтому любовь крадет»²². Такая любовь направлена на себя, но в то же время не только на расширение себя, но на создание истинного, в понимании Арисима, искусства. Истину в искусстве (и жизни) он нашел (или пытался найти) в единстве противоположностей человеческой натуры, тогда как Мусянокодзи – в обобщении и приведении в порядок ее разнообразия.

Арисима также не сразу пришел к своей концепции всецелой концентрации на себе и поглощающей любви, изложенной в работе «Любовь – безжалостный похититель» (1922). В отрочестве и юности он начал пытаться постичь через веру в Бога возможность жертвенной любви, искреннего сочувствия и взаимопомощи. Но постепенно он начинает видеть несоответствие между формальными проявлениями веры, любви и внутренней пустотой и тогда целиком погружается во внехристианское постижение внутренней жизни.

Таким образом, и Арисима, и Мусянокодзи признают первичную роль «эго» или «себя», но совершенно в разном ключе.

Мусянокодзи направляет действие «я» вовне, стремится увеличить, расширить, развить свое «я». У Арисима это движение внутрь, к центру, к полному одиночеству.

Индивидуальность Мусянокодзи можно сравнить с деревом, которое тянется к солнцу, но дает жить и развиваться другим растениям в лесу. Арисима же в этом лесу, по своему собственному сравнению, – заяц: «Поскольку я слаб, мое сердце – как заяц, находит свою норку и сидит там. Но именно поэтому я возвращаюсь к себе, и в этом есть определенная сила»²³. Идеальный «лес» Мусянокодзи, где гармонично существуют и развиваются индивиды – утопия.

Поэтому сравнивать Арисима и Мусянокодзи, с одной стороны, так же некорректно, как сравнивать дерево с зайцем. Жизнь дуба дольше, он устойчив и неподвижно будет стоять долгие годы, а заяц рискует в любой момент погибнуть. Так произошло с Мусянокодзи и Арисима –

²¹ Там же. С. 85.

²² Там же. С. 65.

²³ Там же. С. 23.

один прожил долгую жизнь, другой покончил жизнь самоубийством. С другой стороны, это сравнение позволяет рассмотреть индивидуализм с двух фундаментально различных точек зрения. Оба они индивидуалисты в том отношении, что признают приоритет индивидуального над государственным – Арисима в сторону социализма, потом анархизма, Мусянокодзи – в сторону идеалистической утопии (до периода яростного милитаризма в годы Второй мировой войны).

Индивидуализм Мусянокодзи провозглашает безграничную веру в «себя» как часть человечества, в силу «воли природы» и подвластных ей человеческих возможностей. Индивидуализм Арисима означает тотальное одиночество человека, который оказывается лицом к лицу со своим неприглядным и греховным с христианской точки зрения внутренним миром. Обретая свободу, он отграничивается от остального человечества и теряет связь с его развитием. В земном мире он видит не развитие, а апокалиптическую деградацию.

Арисима идет по «дороге», обусловленный внутренней необходимостью. В противном случае, то есть если смириться с противоречием человеческого существа, происходит разделение «я» (на телесное и духовное), что приводит к трагедии и к «смерти» индивидуальности. Для Мусянокодзи смерть – отсутствие внешнего движения. Он идет по «дороге», обусловленной необходимостью развития человечества. Эгоизм Арисима, который заключается в полном погружении в себя, значительно глубже и драматичнее, чем у кого бы то ни было из участников «Сиракаба». Японские исследователи (и сам Арисима) называют этот эгоизм «идеологией любви к себе» (*айко сюги*), который он разграничивает с «идеологией стремления к собственной выгоде» (*рико сюги*), что объясняется следующим образом:

«Мне недостаточно только сохранения себя. Я должен двигаться, развивать себя (в познании действительности и себя), насыщать себя (*дзико*) (давать себе нужную пищу для развития). Пусть сознательно, пусть бессознательно, я должен без усталости удовлетворять свои желания и должен избежать того, чтобы эти желания попадали в область расчетливой жадности (*рико сюги*). Иначе это грозит разрушением смысла того, что называется любовью к себе (*айко сюги*)»²⁴.

Здесь мы сталкиваемся с проблемой перевода, поскольку слова *айко сюги*, *рико сюги*, *дзико сюги*, которые верно позволяют охарактеризовать нюансы эгоизма в данном контексте, переводятся на русский язык одним и тем же словом. Поэтому мы должны уточнить, что говорим о различных формах этого явления – любви к себе (цельному и божественному) Арисима и утверждении себя (как своего существования и развития) Мусянокодзи.

²⁴ Там же. С. 63.

Говоря о Сига Наоя, исследователи обычно употребляют термин *дзига сюги* или *дзигатю:синсюги* (эгоцентризм). Здесь нужно пояснить разницу между понятиями, обозначающими «эго» или «я» – *дзико* и *дзига*. До сих пор в отношении Мусянокодзи и Арисима мы в большей степени говорили о *дзико* или же индивидуальности *косэй*. Значения *дзига* и *дзико* различаются философией, психологией, социологией в исследовании проблем эго, субъекта, личности, индивидуальности. Однако для нашей проблематики (поскольку речь идет об употреблении этих терминов писателями или критиками) нам потребуется общее различение между ними в контексте восприятия японского языка. В этом смысле *дзига* ближе к самоидентификации и личному восприятию себя, *дзико* – к «я», воспринимаемому другими, то есть к личностным качествам, персональности. *Дзига* – субъект, который человек противопоставляет окружающему миру для обозначения собственного существования, а *дзико* – противопоставленность другим в результате объективной (внешней) оценки индивидуальных особенностей. Поэтому вполне закономерно, что Мусянокодзи утверждает и стремится развивать именно то, что понимается под «дзико». Он чаще всего использует этот термин, а «косэй» или «дзига» – реже. Также и диалог Арисима с самим собой заключается, можно сказать, в разговоре *дзига* (воспринимаемым собой) с *дзико* (воспринимаемым окружающим миром).

Для Сига же слово *дзига*, которое упоминают большинство исследователей, говоря о его «мощном я» (*кё:рэцу-на дзига*) действительно, наиболее правомерно, хотя сам писатель чаще всего использует нейтральное слово «я» – «*дзибун*», которое не привязано к каким-либо «измам».

В отличие от Мусянокодзи и Арисима, Сига не воспринимает свое эго идеологически, и именно поэтому оно имеет (для него) непоколебимый авторитет. «Я» Сига – это единственный имеющий полномочия субъект, все действия которого оправданы.

В рассказе Сига «Случай с Сасаки» («Сасаки-но баай») главный герой – молодой военный, который заводит романтическую связь со служанкой Томи, приставленной присматривать за хозяйской дочкой. Однажды девочка по вине Томи получает серьезный ожог. Сасаки оставляет Томи саму разбираться со своей бедой, но через много лет возвращается и предлагает ей возобновить связь, вообразив, что он станет ее благодетелем, спасет ее. Однако Томи решила искупить вину, никогда не выходить замуж и навсегда остаться с девушкой – своей подопечной. В конце рассказа повествователь (*дзибун*) излагает мнение о письме своего приятеля. Он критикует Сасаки – тот не понял чувств Томи, ее выбора и ее слов о том, что она «вполне счастлива» и так. Он считает, что если устранить препятствие в виде ее «жертвенного сердца» и чувства

долга, то они смогут быть вместе. Автор призывает Сасаки к большей чуткости, но в то же время он сам «не сторонник таких жертв» и – что важнее всего – он не разрушает «я» Сасаки, не уничтожает его, сохраняет ему право на его позицию и поведение. Автор дает и Томи право принести свою жертву, но негативно относится к ее поступку, поскольку, хотя она и обрела счастье, она отрицает, забывает свое «я». Несмотря на присутствие рассказчика, точка зрения автора проявляется не только в его собственных словах, но и в действиях каждого из героев – его «я» доминирует над миром произведения.

Рассказ «До Абасири» («Абасири мадэ») посвящен описанию женщины с ребенком, которых главный герой встречает в поезде по дороге в Абасири. Разглядывая свою соседку, рассказчик «воспроизводит» все ее прошлое и настоящее, ее горести и радости в своем воображении. Хотя повествование ведется о ней, об ее отношениях с мужем и непонимании между ними, в рассказе женщины прослеживаются мотивы, связанные с самим Сига – его неудовлетворенность отношениями в семье, конфликт с отцом. Женщина в этом рассказе несамостоятельна, она – проекция самого автора, когда герой идет на сближение с ней, используя ребенка как связующее звено, он, можно сказать, вступает в контакт с самим собой. И в этом, и в других рассказах Сига можно часто увидеть присутствие двух «я» – наблюдающего и действующего. Действующее «я» – протагонист, наблюдающее проявляется во всех героях одновременно, они должным образом оттеняют, обрамляют главного героя, направляют ход произведения в нужную автору сторону. Так, исследователи в отношении повести «Примирение» («Вакай», 1917) отмечают, что представленный там суровый и непреклонный отец – это всего лишь тот образ, который воспринимал Сига со своей субъективной позиции обиженного сына, а в реальности его отец был далеко не так суров.

Сига в течение своего творческого пути двигался от конфликта к примирению и гармонии. Исследователь Такэда Мицухиро называет это движением от *дзико хонъи* (опоры на себя) к *сокутэн сикё* (удалению от себя)²⁵. Так, в конце романа «Путь во мраке» Сига вдруг переводит взгляд от главного героя Кэнсаку к его супруге Наоко и сообщает читателю ее мысли. Это небывалое «событие» в прозе Сига и единственный раз, когда точка зрения перемещается к другому герою в этом произведении. Наоко рассуждает, что независимо от того, выживет ли Кэнсаку, она будет с ним, какая бы судьба ее ни ждала. Это Такэда называет «удалением от себя». После того, как герой достиг близкого к нирване состояния на горе Дайсэн, он от ожесточения приходит к умиротворению и отказывается от борьбы с окружающим миром, борьба превра-

²⁵ Такэда Мицухиро. Нацумэ Сосэки то Сига Наоя – дзико хонъи то сокутэн сикё-но рё-рицу э-но кокороми (Попытка сочетания опоры на себя и удаления от себя у Нацумэ Сосэки и Сиги Наоя) // Нара когё кото сэммон гакко кэнкю киё. 2012. № 47. С. 54.

щается во взаимодействие, и герой уступает доминирующую позицию своего «я» другому:

«Кэнсаку устал говорить и так и заснул, сжимая ее руку. На его лице появилось умиротворенное выражение. Наоко впервые видела у него такое лицо. Она подумала, что он, может быть, и умрет теперь вот так. Но странно, ее это совсем не печалило. Наоко как будто вся погрузилась в бесконечное разглядывание его лица. Выживет он или умрет, я не оставляю его и пойду за ним куда угодно, думала она»²⁶.

То, что Сига (и его герой Кэнсаку вместе с ним) приходит от конфликта с окружающим миром к гармонии, не вызывает сомнений. Однако весьма спорно, можно ли говорить об «отходе от себя» или об оставлении своей доминантной позиции как об окончательном явлении в прозе Сига. Напротив, сцена, подобная последней в «Пути во мраке», – скорее исключение из правила. Взгляд Наоко там действительно носит иной характер, чем другие несамостоятельные, подчиненные автору точки зрения героев в рассказах Сига. В этой сцене герой находится в состоянии осознания нового «себя» после кризиса – и телесного, и духовного. Он обрел после своего единения с природой новую Вселенную, поэтому здесь в произведении впервые появляется иное измерение, второй мир, а над тем, прежним миром герой как бы теряет власть, что и показано с помощью предоставления права слова Наоко.

В других произведениях Сига – полновластный хозяин своего мира. В отличие от Мусянокодзи и Арисима, он не уделяет внимания расширению или углублению, развитию своего эго. Ему нет необходимости расширять территорию своего «я», поскольку оно и так занимает все пространство вокруг. Следовательно, не встает вопроса и о разделении этого пространства с другими. Гармония, к которой приходит Сига в своем позднем творчестве, – это также гармония не с людьми, а с природным началом в жизни. В его зарисовках сцен природы, рассказах, где действующими лицами становятся деревья, собаки, ящерицы, где переданы их мысли и ощущения, видно признание своего места как части огромной природы и желание мирно сосуществовать с ней. Так, краб внушительных размеров в рассказе «Смерть краба» («Ядокари но си», 1911), считает, что больше его нет никого в море, но вдруг встречает огромного моллюска и понимает, что ошибался. Краб приходит в такое смятение, что вылезает из своей скорлупы и ищет новую, большего размера и пытается дорасти до нее. Так он растет все больше и больше, но ему встречаются все новые и новые превосходящие его моллюски. В конечном итоге несчастный краб, доведенный до полного истощения в своей борьбе за рост, умирает. Этот рассказ, вызывающий ассоциацию с «Премудрым Пискарем» Салтыкова-Щедрина, показывает,

²⁶ Сига Наоя дзэнсю (Полное собрание сочинений Сига Наоя). Токио: Иванами сётэн. Т. 5. С. 590.

что, во всяком случае, в природном мире нужно знать меру своему развитию.

Однако в мире людей Сига помещает свое эго на недостижимо высокий пьедестал. Несмотря на то, что и Мусянокодзи, и Арисима признают «другого» только после признания «себя», этот «другой» по сравнению с «другим» в восприятии Сига – гигант. Если Арисима считает, что он сам – «точка», то у Сига «точками» становятся все, кроме него самого.

* * *

Этические представления сиракабовцев гуманистичны и персоналистичны. Основной вопрос их этической мысли – как возвысить человека (в сторону божественно-мистического у Арисима или же развития индивидуальности у Мусянокодзи).

Действия, которые заставляют поступать наперекор своему «я» (усилие воли, направленное на изменение внутреннего себя), для них неприемлемы. Главным же достоинством человека становится счастье, гармоничное сосуществование со своим «я», искреннее отношение к нему и его запросам.

Сига в этом смысле стоит особняком, поскольку он не прославляет человека, а выступает за наибольшее приближение его к искренности (то есть к естественности), к раскрытию своего «я» в его естественном состоянии. Для Сига это тоже род человеческого самосовершенствования. Это означает не обнажение всей изнаночной стороны человеческой натуры (как у натуралистов), а наиболее верное отражение своего «я».

Сига чужды какие-либо этические утверждения императивного характера. Он рассуждает не о том, как должно быть, а как уже есть, и только здесь он может выдвинуть определенные суждения.

Этика сиракабовцев – идейная основа для их литературы, где, в числе прочего, проявляется их идеал «этического» человека, который у Мусянокодзи рассудителен, оптимистичен, в меру эгоистичен и счастлив, у Арисима – обладает сверхъестественной способностью постигать свое духовное «я», а у Сига предстает внимательно наблюдающим за собой практиком естественного течения жизни, стихийным экзистенциалистом.

Рождение образа новой женщины в Японии и взгляды Окамото Каноко

А. М. Сулейменова

В данной работе рассматривается значение образа новой женщины в контексте становления литературы «женского потока» в начале XX века. Предметом обсуждения являются эссе «Разговор о женщине нового времени» («Синдзидай дзёсэй но мондо:», 1925), роман «Колесо жизни» («Сё:дзё: рутэн», 1939) писательницы Окамото Каноко (1889–1939), затрагивающие образ новой женщины, трансформировавшийся из «женщины, борющейся за права и свободы», в «современную девушку» (*мога*).

Ключевые слова: японская проза XX века, образы женщин, произведения Окамото Каноко.

В XX веке под напором феминистских представлений было пересмотрено место женщин-авторов в культуре, в частности, писательниц. О явлении усиления так называемой «женской волны» (女流派, *дзё-рю:ха*) в японской литературе и специфической роли произведений этой группы авторов как маркеров культурных сдвигов хотелось бы поговорить в данной работе.

Критическим этапом в изменении отношения к японским писательницам, художницам и актрисам стало начало эпохи Тайсё (1912–1926). Как отмечается в исчерпывающем исследовании на эту тему, в начале 1910-х годов в потоке всеобщей вестернизации в японском обществе, идеологии, быту и моде наблюдается «отход от строгого разграничения социальных ролей по половому признаку. ...Происходит “феминизация” мужчин и “маскулинизация” женщин»¹. Бросаются в глаза такие образцы поведения, как японская «современная девушка» (*мога* или *modern girl*), независимая молодая женщина, выбиравшая собственную манеру одеваться, общаться, предпочитавшая брак по любви (*рэнъаи кэккон*) или вообще, свободные отношения. Символом такого образа поведения и женского образа можно счесть Наоми, героиню повести Танидзаки Дзюньитиро (1885–1965) «Любовь глупца» («Тидзин-но аи», 1924). Некоторые западные критики японской литературы изучали «феномен Наоми», женщины-вамп, доминировавшей над мужчинами.

Тем не менее, не только образы дамы в стиле *femme fatale*, привнесённые из Европы в переводах «Саломеи» Оскара Уайльда и «Гедды Габлер» Генриха Ибсена, взойшли на культурную арену Токио и Осака.

¹ Чегодарь Н. И. Литературная жизнь Японии между двумя мировыми войнами. М.: Восточная литература, 2004. С. 7.

Начало 1910-х годов ассоциируется с деятельностью первого феминистического общества «Сэйто:» («Синий чулок», 1911–1918), выпускавшего одноименный журнал. Лидером этого общества была Хирацука Райтё (1886–1971), главный редактор журнала. Именно она опубликовала в первом выпуске «Сэйто:» своего рода манифест движения японских женщин за свои права «Первой женщиной было солнце» («*Гэнси дзёсэй ва тайё: дэатта*», 1911). В этом эссе-манифесте Хирацука Райтё сравнивала современных ей женщин с древними японками, возглавлявшими племена, с богиней Аматэрасу, символизирующей солнце. Современницы казались Райтё спящими лунами, пассивными, довольствующимися ролью матерей и жен своих мужей.

В том же выпуске было напечатано стихотворение знаменитой поэтессы Ёсано Акико (1878–1942) «Придет день, когда сдвинутся горы» («*Ику яма хи китару*», 1911).

«Придет день, когда сдвинутся горы»
Придет день, когда сдвинутся горы.
Говорю же, а люди не верят!
Слишком долго спали горы.
В долгом сне своем
Зажглись они огнем от солнца и сдвинулись.
Однако, не верят в это все же.
Люди! Кто-нибудь, да поверьте вы!
И женщины очнутся от сна и двинутся в путь².

В стихотворении нарисован образ женщины-горы, спящей под тяжестью догматов. Ёсано Акико в аллегорической форме иллюстрирует требования японских женщин начала XX века, поздних годов эпохи Мэйдзи (1868–1912) – свободу выбора (супруга, работы, образа жизни и воспитания детей), отказ от консервативной морали старой Японии с браком по настоянию родителей, девизами типа «хорошая жена, умная мать» (良妻賢母, *рёсай кэмбо*). Сама поэтесса, в 1912 г. совершившая самостоятельную поездку в Европу, вернулась, полная идей раскрепощения японок. Во многих произведениях Акико касается образов «новых женщин», даже в серии рассказов для детей «Год из жизни Тамаки» («*Тамаки-но итинэнкан*», 1912) заглавная героиня встречается с несправедливостью в отношении к девочкам и пускается в приключения, которые могли произойти и с любой французской или английской девочкой.

Стоит отметить, что японская литература знала времена, когда авторы «женского потока» являлись лидерами «литературной моды». Такие писательницы, как Мурасаки Сикибу (978–1014), считаются родоначальницами высокого стиля в прозе и стоят у истоков японского литературно-

² Ёсано Акико-о манабу хито-но тамэ (Для людей, изучающих творчество Ёсано Акико) / Под ред. Уэда Хиреси, Томимура Сюдзо. Киото, 1995. С. 345–346.

го языка, до сих недостижимого ориентира в описании женских судеб и неординарных характеров. В начале XX века японская литературная традиция возродилась в произведениях «новых женщин» Японии.

К «новым женщинам»-писательницам необходимо отнести Тамура Тосико (1884–1945), Окамото Каноко (1889–1939), чьи произведения доказывают существование среди женщин профессиональных авторов, зарабатывавших только своим творчеством. Тамура Тосико начала карьеру прозаика победой в литературной конкурсе, буквально на следующий день после публикации результатов конкурса «проснулась знаменитой». Она и опубликовала свои произведения на страницах журнала «Сэйто:».

Бросившая вызов кружку писателей во главе с ее бывшим учителем Кодэ Рохан (1867–1947), порвав отношения с мужем Тамура Сёгё (1874–1948), Тамура Тосико «взрывала» воображение читательниц характерами независимых, свободных, пусть и бедных женщин. К сожалению, ее произведения до сих пор неизвестны в России. Деятельность писательницы продолжалась до 1918 г., когда после закрытия журнала «Сэйто:» Тосико оказалась в чуждом окружении критиков традиционно-го толка и была вынуждена иммигрировать в Канаду, а затем и в США.

В Канаде Тамура писала в основном стихи для женской колонки газеты социалистического направления «Тайрику ниппо» («Daily Continental»), поддерживающей японских иммигрантов в Канаде. После внезапной смерти возлюбленного в 1933 г. Тамура переехала в Лос-Анджелес, работала там три года для колонки «Рафу симпо» газеты Los Angeles Times, колонка печаталась на японском языке для японских иммигрантов. Вернулась Тамура в Японию в 1936 г.

Япония, в которую она вернулась, разительно отличалась от той Японии, из которой она уехала в 1918 г. Та Япония была окрашена «демократией эпохи Тайсё», восторженно воспринимала западные идеи эмансипации и освобождения женщин. Теперь же в стране развернулось правление императора Сёва (1926–1989), «встал на перо» японский милитаризм. Когда Тамура вернулась, многие её друзья-социалисты претерпели тяжелые испытания, атмосфера в стране резко изменилась. Писательницу просили публиковать только сочинения из ее «старого» багажа.

Не чувствуя себя родной в собственной стране, Тамура переехала в Китай в 1938 г. Первоначально она планировала полгода поработать в качестве китайского корреспондента центральной японской газеты «Тю:о: ко:рон» («Центральное обозрение»). Однако, она осталась в Китае до конца своих дней. Умерла в Шанхае в 1945 г., за несколько месяцев до объявления поражения Японии в войне. К концу карьеры Тосико стала интересоваться не только проблемами пола, но и выступала за равенство рас, наций, классов. С 1942 по 1945 г. ее последним местом работы была редакция журнала «Нюшен» («Женские голоса», 1942–1945),

публиковавшем в Шанхае на китайском языке произведения японских писателей. Об этом периоде жизни писательницы сведений очень мало, но китайские и японские исследователи установили, что Тосико плодотворно работала даже в такой сложной ситуации, когда ей приходилось представлять несправедную сторону в войне, сторону страны-оккупанта. Она активно сотрудничала с некоторыми китайскими писателями, деятелями Коммунистической партии Китая в подполье.

Среди писательниц-феминисток выделяется Окамото Каноко. Эта писательница и поэтесса популярна на родине не только своими произведениями, но и самим образом нестандартной женщины, буквальным воплощением образа «новой женщины» эпохи Тайсё, с короткой стрижкой, европейскими манерами и независимым поведением.

Девичья фамилия Окамото Каноко была Онуки, она родилась в богатой семье в районе Аояма г. Токио. У отца девочки были больные легкие, поэтому она с детства проживала с семьей в имении Футако в пригороде города Кавасаки префектуры Канагава. Там, на берегах реки Тамагава, домашние учителя преподавали ей традиционные искусства, японскую и китайскую классику. Вместе со своим старшим братом Сёсэн (другое имя Юкиносукэ) Кано (детское имя поэтессы и писательницы) увлеклась европейской поэзией и прозой. Юкиносукэ одно время учился вместе с будущим выдающимся писателем Танидзаки Дзюнъитиро (1886–1965), выпускал школьный журнал. Сестра Каноко тоже в юности писала для романтического журнала «Мё:дзё:» («Утренняя звезда», 1900–1908). В России известная только как прозаик, Каноко начинала свой путь, примкнув к группе «Синсися» («Общество новой поэзии»), которую возглавляли Ёсано Тэккан (1872–1935) и Ёсано Акико. Когда Каноко училась в старшей школе для девочек Атами, она обратилась за советом к знаменитой поэтессе Ёсано Акико, уже прославившейся такими поэтическими сборниками, как «Спутанные волосы» («Мидарэгами», 1901), «Наряд любви» («Коигоромо», 1904), стихотворением «Не отдавай, любимый, жизнь свою» («Кими си-ни тамау кото накарэ», 1904). Первые произведения Окамото Каноко – пятистишия *танка* были опубликованы в журнале «Мёдзё», затем поэтесса сотрудничала с журналами «Субару» («Плеяды», 1909–1913), «Сэйто:».

Японские биографы подразделяют творчество Окамото Каноко на две большие неровные части – начиная с первого сборника *танка* «Легкая ревность» («Кароки нэтами», 1912) до 1929 г., когда вышла антология с «говорящим» названием «Мой самый последний сборник *танка*» («Вага сайсю: касю:»).

Страстный, мощный характер этой женщины всегда подавлял окружающих, Каноко была эгоцентрична, что отразилось и в ее стихах, и в прозе. В них поражает изобилие женских образов, исполненных чувства собственного достоинства, доходящего иногда до нарциссического восхищения собой. Подобная особенность творческой манеры объяснима

культурной ситуацией, сложившейся в Японии в 1910–1920-е годы, когда женщины получили возможность самовыражения, значительно большую, нежели в конце XIX века. Самоутверждение стало принципиальным способом отделить творческую личность от привычного стандарта, от набившего оскомину образа скромной и верной японки.

В качестве иллюстрации отношения женщины и автора «нового типа» к изменениям в японском социуме предлагается эссе Окамото Каноко, в которой она обсуждает феномен японки XX века с мужем, Окамото Иппэй. Здесь представлен взгляд интеллигентов, мужчины и женщины на проблемы традиционного и инновационного.

**Окамото Каноко. Разговор о женщине нового времени
(Синдзидай дзёсэй мондо:).**

Иппэй: Как бы то ни было, куда-то пропал тип женщин нового времени.

Каноко: Во внешности, в духовности?

Иппэй: Ну, в ответственности что ли... Тот тип, что раньше называли «новой женщиной».

Каноко: Особенный типаж пропал, не так ли? Такой, как во времена «Сэйто»?

Иппэй: Можно сказать, нынешняя «новая женщина» стала не такой, утратила поэтические идеалы, стала практичной.

Каноко: Так давай поговорим, как будто мы можем изъясняться этими поэтическими идеалами! Мы ведь и этих слов, которые называются поэтическими, не сможем подобрать!

Иппэй: Это фантазии.

Каноко: Нет, идеалы!

Иппэй: Ну вот, и ты стала прагматиком...

Каноко: Что же это такое – «прагматик»?

Иппэй: Ну, к примеру, в среде людей, проповедовавших социальные идеалы, считалось необходимым присоединиться к общественному движению и увлекаться художественными направлениями, поэтому и женщины прошлого обладали некоторым очарованием. В наши дни, это очарование опустилось на землю и пошло, постукивая каблучками.

Каноко: Это потому что настали времена комфорта, и желание быть «новой женщиной» перестало быть таким уж настоящим, как во времена «Сэйто». Ну, например, когда кипели страсти, даже желания находили выход в причёске, в одежде. Да еще везде в дамских журналах использовали модные слова, и в тебе, читавшей это, рождалось удовольствие, открывалась некая для самой себя свежесть. Тогда всё, решительно всё стало доступным, поэтому женщинам стало казаться, что нет ничего традиционного. Из-за того, что эти веяния коснулись и женского вопроса, крупные критики и эстеты стусева-

лись, выцвели, остались только уже завоевавшие место под солнцем. Новизна времени «Сэито:», когда все жёничины узнали разные технические термины, повлияла на всех современных жёницин до такой степени, что их употребляли и в быту, похоже...

Иппэй: А нет ли тут какой-нибудь особенной тенденции, пришедшей из-за границы?

Каноко: Да, тут мало такого... Как если бы незначительная деталь, подобранная где-то, прибилась к общей тенденции.

Иппэй: Вот потому в словах и внешности современных жёницин оцутим чрезвычайно поверхностный привкус, а внутренняя суть, как всё старое, было просто отброшено, и жёничины ее не восприняли.

Каноко: Со стороны видно, что жёницин с явно проявляющимися современными манерами много, но это касается таких вещей, как свобода, позволенная нынешним жёничинам, ответственность перед самой собой, которая пришла с новым вкусом, распространившимся среди жёницин, а вот во внутреннем содержании, как оно есть, наблюдается недостаток искреннего творчества и страстного чувства. В современных жёничинах есть расчетливость, но, тем не менее, и в расчетливых жёничинах, ставящих выгоду выше всего, просчитывающих всевозможные преимущества и недостатки, случаются минуты, когда промелькнет искра, оживляющая чувства. Такие минуты бывают в любви... В общем, за исключением жёницин, сознательно создающих произведения искусства, жёницин с сильной у жизненной позицией, у остальных жёницин временами вспыхивает чувство простого желания украсить себя, а вот искренние, настоящие страсти и чувства мелки. Как, например, у жёницин-литераторов.

Иппэй: И мне так же кажется. Кстати, а в западной литературе, там что? Ну вот, эти жёничины-анархистки из Испании. Как они тебе?

Каноко: Те, что появляются у Поля Морана³? Ле Медиоз в его «Каталонских ночах», например...

Иппэй: Там тоже изображены так называемые «традиционные» жёничины – изнутри, а снаружи прикрытые чем-то вроде современного стиля.

Каноко: Да нет, там, я думаю, описываются очень утонченные дамы. Нельзя сравнить вкус жёницин «Турецких ночей» со вкусом современных японских жёницин. Тем не менее, то, что в наши дни, называют новым, стало общераспространенным, переросло в привычку, и никаким новым не является.

³ Поль Моран (1888–1976) – французский писатель-модернист, принадлежащий к течению ранних модернистов и имажистов, был близок М. Прусту. Автор коротких новелл «Открыто всю ночь» («Ouvert la Nuit», (N.R.F., 1922, 1923, 1924, 1927). В годы второй мировой войны примкнул к коллаборационистскому режиму Виши во Франции. «Каталонские ночи», «Турецкие ночи» – новеллы П. Морана из сборника «Ночи» 1927 г.

Иппэй: Всё это входит в жизнь.

Каноко: Действительно. Словно люди, обутые в старые добрые дзори⁴, раскрывают над собой зонтики в европейском стиле.

Иппэй: Другими словами, примеривают на себе новое. Как «Энтаро»⁵ с их автомобилями.

Каноко: Да, это так.

Иппэй: Ну, есть способности, которые применяют, даже не разбираясь в содержании, как с электричеством.

Каноко: Просто потому, что это удобно.

Иппэй: Когда я читаю новые романы, меня трогает тонкая манера письма, а вот не думаю, что в этих «новых» женищинах есть что-то особенно новое.

Каноко: Да нет, здесь чувствуешь утонченность. Это утонченность новых женищин, которые придут после того, как пройдет вал нанесенной новизны, и нынешняя новизна израсходуется вконец. Это будет смиренность тех женищин, что примут крещение нового знания; то новое, которое отличается от принужденных доводов и жеманной современности тем, что в этом новом есть возвышенная смелость.

Иппэй: В прошлом у женищин смелость была, а вот утонченности не было. Где-то был натурализм, где-то реализм. Ну, так грядущие женищины от этого оттолкнутся, и тогда в них появится утонченность и определенная новизна?

Каноко: Думаю, во все времена новый взгляд на жизнь не формируется, даже если всё гармонично складывается – и разумная кротость, и возвышенная смелость должным образом применяются и проживаются.

Иппэй: Современные молодые женищины обретаются в мире, в котором совершенно нет ничего темного, по миру, в котором все настолько слажено, что бывает и опасно – поскользнешься на гладкой поверхности, по миру, в котором нет ничего, чтобы сдерживало это движение. Тут-то и быть современной женищине нового типа, ведь так?

Каноко: Можно подходить с двух сторон к этому миру – легко, как молодежь или пробуя на вкус пенки времени, да это так... Конечно, во взглядах на женищину существуют некие предубеждения. В твоём взгляде на современную молодежь нет ничего ошибочного. Однако, если попытаться сравнить, среди современной молодежи необычайно много тех, кто охвачены интересными идеями. Например, спросишь про отношение к нам, к женищинам, и вот даже я, сама женищина, а постепенно понимаю, до какой степени я изучаю самое себя, настолько, что не могу не прислушиваться к чуждому мнению.

⁴ Дзори – соломенные сандалии, которые носили в старой Японии.

⁵ «Энтаро-басу» – японская транспортная фирма, фирма проката автомобилей, занимавшаяся транспортными перевозками на автомобилях фирмы Форда.

Иппэй: А как любовь современных женщин? Нынешняя молодежь говорит, что не может любить, а сами несутся куда-то в поисках мимолетной любви. Вот потому-то нет глубокого интереса к женщинам. Зато с преувеличенным интересом относятся к жизни без проблем, мужской героизм куда-то подевался.

Каноко: И женщины прикрываясь, как щитом, своими правами, положением в обществе, насытившись поверхностным эгоизмом, манерностью, иногда ищут непосредственности. И все больше срывается с губ что-то типа: «Как все заурядно...». Это ловко стало выходить, как по клише в любовном письме, написанном в расчете на чувствительную персону... Однако, не может быть, чтобы не было настоящему любящей женщины, ни раньше, ни сейчас. Не то чтобы я не знала, что это такое – настоящая любовь и людские представления о ней, но в любви есть многое от привычки, многое от вечности»⁶.

В данном диалоге, который можно назвать своего рода обменом едких мнений между мужем и женой, представлено отношение к феномену новой, современной японской женщины, появившемуся в конце двадцатых годов. Эта новая женщина или современная девушка, по-японски *мога* (от английского *modern girl*) – предмет обсуждения не только потому, что вызывает некоторое раздражение Окамото Иппэй и Каноко. В действительности, эффект *мога* выявляет особенности японской культуры первой половины XX века и возможное обоснование причин, по которым стала развиваться японская модель общества далее, в сороковые и пятидесятые годы. Современными девушками *мога* считались такие городские девицы, которые были независимы в экономическом плане, зарабатывали на жизнь чаще всего сами, без помощи семьи, были свободны от моральных и сексуальных предрассудков, а в толпе легко выделялись европейской одеждой и манерой держаться.

Перекидываясь ремарками относительно образа «новой женщины», под которой подразумевается девушка *мога*, супруги Окамото выделяют две стороны этого образа – поверхностную склонность молодежи к изменениям и неистребимость традиционных представлений японок о положении женщин в социуме. Каноко сравнивает новое поколение женщин с поколением движения «Сэйто:» и не находит радикальных изменений в новых женщинах ни в отношении к обществу, ни в собственной самооценке, ни в отношении к любви. Времена «Сэйто:» ей кажутся действительно революционными, тогда как современное состояние дел вызывает раздражение («искренние, настоящие страсти и чувства мелки»⁷). Писательница, возможно, понимает, что поколение

⁶ Окамото Каноко. Синдзидай дзёсэй мондо (Разговор о женщине нового времени). Синтё. 1925. № 9. URL: http://www.aozora.gr.jp/cards/000076/files/4550_15438.html (дата обращения 06.11.2015).

⁷ Там же.

«Сэйто:» не было полностью принято обществом, но достижения общества феминисток 1910-х годов достигли определенной женской аудитории, которая просто использовала моду на феминизм и добавила в свой культурный арсенал. Ничего не остается, резюмирует Каноко, как ждать прихода по-настоящему обновленной женщины «после того, как пройдет вал нанесенной новизны, и нынешняя новизна израсходуется вконец»⁸.

Ироничное отношение к девушкам-мога наиболее ярко представлено в «Сборнике особенностей поведения современной молодой женщины» («Гэндай вакаки дзёсэй катаги сю:», 1999), опубликованном после смерти писательницы. Сама писательница в кратком предисловии к этому каталогу портретов современных девушек трактовала это произведение, как «описание духа современной женщины, сатира, общий обзор, парадокс», уверяла, что «в особенностях есть недостатки и преимущества», поэтому этот скетч был построен по интерференционному принципу японских дзуйхицу (записей «вслед за кистью»)⁹.

«О, любовь и все с ней связанное, такая глупость! – говорят они. Но тут же: «А ведь я не могу без любви!».

«Замужество? Ну-у, я бы могла выйти замуж только за мужчину, который разрешил бы мне жить по-своему, или за такого сильного, который бы заставил подчиняться себе!»

«Единственное, что заставит меня плакать – голод или то, что придется долго ждать поезда».

«Я так сильно хочу поехать в Париж, что умру от этого желания!»

«Такая радость – свежая клубника со сливками, яркий зонтик от солнца, начало лета...»

«Когда мы вместе с друзьями развлекаемся где-то, все возмущены нашими «мужскими выражениями». Когда же возвращаемся домой, то мы снова такие паиньки, дочки хороших семей. А для нас тут нет ничего противоречивого, это – часть нашего секрета».

«Люди говорят, что ими нужно руководить, чтобы они почувствовали что-то настоящее в жизни...Ну, а мы, разве не так живем, а?»¹⁰.

Ирония пронзает этот сборник высказываний, подслушанных, зафиксированных Окамото Каноко, причем очевидны и ирония самих девушек-мога, и авторская ирония, и интерес к внутренней борьбе внешне эгоцентричных, но все-таки жаждущих любви новых женщин.

В представленном выше диалоге демонстрируется своеобразный обзор мнений образованной части японской элиты двадцатых годов о специфике формирования женской идентичности, когда от следующих

⁸ Там же.

⁹ Окамото Каноко. Гэндай вакаки дзёсэй катаги сю (Сборник особенностей поведения современной молодой женщины). Токио: Пасадзю ёсё, 1999. URL: http://www.aozora.gr.jp/cards/000076/files/4538_15433.html (дата обращения 06.11.2015).

¹⁰ Там же.

поколений ожидают большего, нежели они, эти поколения, могут дать. В то же время складывание представлений о самом себе и мире протекает более сложными путями. Как рассуждает австралийская исследовательница Т. Моррис-Судзуки в работе о факторах, играющих роль в формировании национальной культуры: «Слои идентичности не залегают аккуратнo один над другим, как в русской матрешке, а (даже в более интегрированных обществах), перекрывают и стирают друг друга, поэтому самоидентификация рождается и перерождается в постоянной борьбе и выборе среди множества этих слоев идентичности в потоке повседневности»¹¹. Это иллюстрируют слова Окамото Канoko в эссе-диалоге с мужем: «Например, спросишь про отношение к нам, к женщинам, и вот даже я, сама женщина, а постепенно понимаю, до какой степени я изучаю самое себя, настолько, что не могу не прислушиваться к чужому мнению»¹². «Слой» поколения женщин, новаторски относившихся к миру, уходит и сталкивается с поколением «мога», поколением, взявших удобные для себя тезисы, но переработавшим, подогнавшим их под свои прагматические жизненные приоритеты. Окамото Канoko же ищет себя в этом столкновении поколений и в конце диалога обнаживает в образе вечно любящей женщины, в которой «есть многое от привычки, многое от вечности»¹³.

С литературной точки зрения, «Разговор...» Окамото Канoko привлекателен и как игра в новый жанр, известный в европейской литературе с античных времен, но мало представленный в японской литературе нового времени – жанр «диалога». Писательница таким образом представляет точку зрения женщины и точку зрения мужчины, переплетающиеся, взаимодействующие друг с другом. На примере этого эссе можно изучать также способы манипулирования партнерами по общению, особенно обращая внимание на взаимные уступки, на которые идут оба персонажа этого диалога.

Моррис-Судзуки дает определение культуры с точки зрения поиска идентичности как «попытку совместить концы конфликтующих друг с другом видов идентичности»¹⁴. Если представить литературные произведения как постоянный поиск себя, своего «я» в этом мире, то произведения Окамото Канoko являют собой наглядный пример подобных попыток совместить концы разных «я» – «я» автора, разглядывавшего модных девушек Токио того времени, «я» автора, вспоминавшего себя саму в молодости, и «я» самих молодых девушек.

¹¹ Morris-Suzuki T. *Re-Inventing Japan: Time, Space, Nation*. M.E. Sharpe, 1998. P. 158.

¹² Окамото Канoko. Синдзидай дзёсэй мондо: (Разговор о женщине нового времени). Синтё.. 1925. № 9. URL: http://www.aozora.gr.jp/cards/000076/files/4550_15438.html (дата обращения 06.11. 2015).

¹³ Там же.

¹⁴ Morris-Suzuki T. *Re-Inventing Japan:...* P. 158.

Другой пример поиска себя в подобном «поли-идентичном» обществе можно обнаружить в повести Окамото Каноко «Колесо жизни» («*Сё:дзё: рутэн*», 1939). Образ героини повести Тёко¹⁵, незаконнорожденной дочери преуспевающего профессора и гейши, выписан с целью провести читателя через процесс взросления человека, становления женщины. Тёко на протяжении повествования встречается с разными видами любви. В шестнадцатилетнем возрасте девушка охвачена возвышенными идеями романтической любви. Имеющая успех у мужчин, героиня не отдает никому предпочтения, хотя автор образует с ее участием массу любовных треугольников. Девушку увлекает и женская дружба, дружба с учительницей Атака-сан, хотя ее отталкивает пуританская воздержанность старшей подруги. Одновременно с этими душевными порывами Тёко находит утешение в выдумках о «вечном отце и вечной матери» («*эйэн-но тити, эйэн-но хаха*»), любовь которых совсем иная, нежели юношеская романтика. В родительских отношениях ей бросается в глаза разочарование, испытываемое старшим поколением. После смерти матери девушка ощущает потерю «вечной матери» и родного человека. Раздираемая подобными противоречивыми поисками себя, девушка отправляется странствовать, притворяясь безумной глухой нищенкой. Далее, в повести уделяется значительное место тем людям, которых Тёко встречает на своем пути, но мотивы всех персонажей концентрируются вокруг темы любви. Героиню обнаруживают, раскрывают ее истинное имя, девушке приходится вернуться к людям своего круга, она снова претерпевает трансформацию – из бродяжки в деловую женщину. Но в конце повествования Тёко покидает город со свободным нищим Бункити, оставляя читателя гадать о ее дальнейших приключениях.

Подобные странствования (буквальные и аллегорические) героини в поисках любви, по мнению Судзуки Митико, «мифологизация современного женского «я», занятого совершенствованием благодаря любви»¹⁶. Склонность к бродяжничеству и бродягам, оказывается, проистекает из генеалогической загадки, открывающейся героине – ее отец, ныне профессор, родился в семье нищих. С другой стороны, каждый человек должен пройти подобный путь к своим истокам или соединить концы двух начал, как героиня Тёко, притворяющаяся немой, с трудом выдавливающая из себя лишь два звука – «А» и «Ун»¹⁷, своего рода «альфа» и «омега» буддистского пути самопознания.

Другая героиня романа «Колесо жизни», учительница Атака-сан, ассоциируется с образами «новых женщин» начала XX века, Хирацука

¹⁵ Имя девушки «Тёко» можно перевести как «бабочка-ребенок».

¹⁶ Suzuki M. *Becoming Modern Woman: Love and Female Identity in Prewar Japanese Literature and Culture*. Stanford, 2010. P. 125.

¹⁷ М. Судзуки полагает, что «а-хум» (“A-hum”, санскр.) – первая и последняя буквы санскрита (Suzuki M. *Becoming Modern Woman*... P. 125).

Райтё, Ёсано Акико. Отец Атака-сан проповедует западные идеи просвещения в Японии, в частности, он увлечен пуританскими идеями писателя и мыслителя Сэмюэля Смайла (1812–1904)¹⁸. Но окружающие японцы не разделяли аскетизма и самоограничения в быту, которое рьяно защищает герой, и сожгли его дом, а про дочь, Атака-сан, распустили слух, будто она помешанная или «дочь дьявола». В конце концов, отец Атака покидает Японию, но и в Америке его мечтам о процветании не удалось сбыться.

Атака-сан, как и ее отец, весь мир рассматривает сквозь призму западного образования, идей честной бедности, девичьей невинности до брака, но, поставленная в условия жизни в Японии, обращается и к восточным ценностям. Тем не менее, Запад уже стал опорой ее идентичности, о чем можно судить по тому, как она сама объясняет свое поведение: «Наши умы были возвращены в период Мэйдзи, отталкиваясь от западной культуры, согласно которой все должно пониматься в ходе тонкого анализа и твердого восприятия», поэтому она кажется самой себе «обезьяной, упавшей с дерева»¹⁹.

Анализируя образ Атака-сан, ее метания в поисках себя, можно увидеть варианты проекций современных девушек, о которых рассуждают Окамото Каноко и Иппэй в «Разговоре о женщине нового времени». Их двойственность, двусмысленность заявлений и поступков, возможно, базируется на тех же положениях, которые двигают Атака-сан. Не обладающие способностями и желанием развиваться, они отказываются от борьбы за свои права, но, с другой стороны, эти женщины уже не удовлетворены пассивной ролью жены, матери в семье. Вот и подаются современные *новые женщины* в разные стороны – кто к девушкам *мога*, кто к вечно медитирующим учительницам Атака-сан.

С героиней же, Тёко, писательница связывает свое понимание понятия «новая женщина» в Японии. В финале романа героиня остается у океана с убогим Бункити, как женщина, сведшая воедино начала и концы своей жизни и жизни Бункити, как женщина, реализовавшая себя и в ипостаси матери, и ипостаси дочери одновременно. Таких героинь – «женщин-девочек», в японской литературе еще не было.

Обе героини – и Атака-сан, и Тёко сливаются с природой: первая уходит в горы и туман покрывает ее целиком, вторая погружается в морские волны. Окамото Каноко подчеркивает естественность подобного

¹⁸ В России произведения С. Смайла многократно переиздавались, а главная книга Смайла «Self-help» (в русском переводе «Самодетельность») издавалась с 1866 до 1903 года десять раз.

¹⁹ В этих словах Окамото Каноко обыгрывает японскую поговорку «И обезьяна падает с дерева» (русский аналог «И на старуху бывает проруха») о том, что и опытный человек может попасть впросак. *Окамото Каноко. Сё:дзё: рутэн (Колесо жизни) // Окамото Каноко дзэнсю (Полное собрание сочинений Окамото Каноко). Токио, 1974–1978. Т. 6. С. 215*

завершения их блужданий в жизни, тем самым связывая изображенные характеры с романтическими образами женщин, воспетых Хирацука Райтё и Ёсано Акико. Поиск идентичности, проделанный Окамото Каноко, привел к демонстрации сдвига интереса простых женщин от борьбы за права к образу «прожигательниц» жизни, к привычке пользоваться социальными достижениями и отказу от жертвенности. Писательница сожалеет об утере старых представлений феминисток десятых годов XX века и ищет «новую женщину» в иных условиях, поэтому в художественном произведении изображен идеал, но черты этого идеала позаимствованы у многих «новых женщин» и в японской традиционной мысли.

На улицах японских городов двадцатых годов XX века, среди потока модно одетых современных девушек, можно было встретить талантливую писательницу Тамура Тосико, самостоятельно зарабатывавшую на жизнь сочинением, и гордую поэтессу Окамото Каноко, открыто заявляющую о себе как самой красивой и великолепной женщине. Вместе с ними, в то же время, жили и работали лидеры феминистического движения Хирацука Райтё и Ёсано Акико. Все они по мере сил старались разрушить стереотипный образ традиционной японки – тихой, незаметной скромницы.

Статья посвящена одному из наиболее известных жанров в японском кино – ганстерским фильмам (*якудза-эйга*), посвященным проблемам японской организованной преступности (*якудза*). Этот жанр сформировался в послевоенные годы, но до сих пор не теряет своей популярности. Эти фильмы принесли мировую известность японским режиссерам: Киндзи Фукусаку, Такэси Китано, Сэйдзюн Судзуки и актерам: Кэн Такакура, Бунта Сугавара, Дзюнько Фудзи, в то время, как благодаря их успеху такие кинокомпании, как «Тозэй», «Никкацу» обрели в киномире прочные позиции.

Ключевые слова: японское кино, якудза, якудза-эйга, нинкё, дзицуруку, сукэбан.

1960–1970-е гг. стали кризисными временами для японского кинематографа, что было связано, в первую очередь, с агрессивным вторжением в жизнь современного телевидения, регулярные передачи которого начались в Японии в 1953 г. С этого времени голубой экран, казалось, навечно приковал к себе тысячи, а затем и миллионы преданных поклонников кино. Домашние просмотры вскоре заменили им привычные регулярные походы в кинотеатры и стали комфортным времяпрепровождением в кругу семьи. И как реакция на это нововведение происходит массовый отток зрителей из кинотеатров, число которых стало стремительно сокращаться. Не помогли кинопрокатчикам ни широкий экран, впервые установленный в Японии в 1957 г., ни широкоформатные ленты, которые стали демонстрироваться в 1961 г. Резкий спад наметился и в кинопроизводстве, а в национальном прокате выросла доля зарубежных фильмов, причем около 60% из их числа составляли ленты производства США.

Для спасения отечественного киноискусства японские кинематографисты вынуждены были уйти в серьезные художественные поиски злободневных тем, захватывающих сюжетов и новых оригинальных форм. Требовалось нечто отличное от того, что предлагалось в кино как великим, но до конца не понятым у себя на родине Куросава Акира, так и бунтарями «новой волны» – Осима Нагиса и др., углубившимися в эти годы в почти документальные исследования социальных проблем японского общества, и т. д. И вскоре эти поиски привели к небывалому подъему японского жанрового кино, предоставившему широкие возможности для самовыражения многим выдающимся мастерам экрана.

Как указывает известный киновед Иван Денисов: «Используя интересные кинематографические идеи не в ущерб, но в пользу зрелищности, сочетающие индивидуальный почерк авторов с захватывающими сюжетами жанровые картины “золотого века” японского кино и сегодня впечатляют, интригуют и не оставляют равнодушными. Да и специалистам по новейшей истории Японии самурайские, криминальные и даже эротические ленты 60–70-х могут дать куда больше тем для исследования, чем унылое “фестивальное кино”»¹.

Одним из самых популярных жанров японского кино в эти годы становится *якудза-эйга* – ганстерские фильмы, когда-то рассчитанные исключительно на японскую аудиторию, а в наши дни хорошо известные и за пределами Японии благодаря именам их создателей – режиссеров: Фукасаку Киндзи, Судзуки Сэйдзюн, Китано Такэси, киноактера Такакура Кэн и др. Но не только эти культовые фигуры привлекают к себе массового зрителя. Сам жанр *якудза-эйга* обладает необычайной выразительностью, динамизмом сюжета, неординарностью образов героев, да и само слово *якудза* всегда интригует публику своей преступной романтикой.

Понятие *якудза* родилось в Японии еще в XVII в. В дословном переводе оно означает сочетание цифр «893» – проигрышную комбинацию в популярной в прошлом карточной игре. Первые *якудза* или, образно говоря, «люди 893» также были неудачниками, правда, не в картах, а в жизни. Не имея крыши над головой и средств к существованию, они странствовали по деревням и зарабатывали себе на пропитание карточной игрой. Многие из них являлись выходцами из семей крестьян и ремесленников, а также обедневших *самураев*, потерявших хозяина, – *ро-нинов*. И, будучи в душе благородными романтиками, а на деле неплохими фехтовальщиками, они всегда были готовы прийти на помощь такому же, как и они, простому люду, страдавшему от произвола *самураев* и чиновников. Этакое японские Робин Гуды, у которых, был даже свой свод моральных правил – *нинкё:до*., чем-то напоминающий кодекс самурайской чести *бусидо*:. Причем, в обычаях у *якудза* всегда строго соблюдался запрет на их вмешательство в жизнь обычных людей.

Правда, как замечает киновед Сато Тадао, «*якудза* эпохи феодализма были просто бандитами, а не свободными людьми *нинкё:до*»². Такое перерождение произошло уже потом в XIX в. Но в народе за *якудза* долго еще сохранялся этот почти мифологический статус народного защитника, который возник в средневековой Японии. Однако к середине XX в. былые благородные деяния *якудза* и их образ справедливых преступников

¹ Денисов И. Якудза эйга. Жанровое кино по-японски (Проблемное поле). // Дневники.Ykt.ru. URL: http://dnevniky.ykt.ru/%D0%9F_%D0%9F/515934 (дата обращения 06.11. 2015.)

² Сато Тадао. Кино Японии. М.: Радуга, 1988. С. 38.

окончательно ушли в предания. Теперь эти люди уже олицетворяли собой мир современного криминала – представителей организованной преступности, которая охватила всю страну, стремительно срачиваясь с бизнесом и политикой и превратившись в одну из самых острых социально-политических проблем в Японии. И японские кинематографисты, почувствовав актуальность этой проблемы, сразу обратились к этой теме, приступив к массовому производству ганстерских фильмов. В расчет шли как своего рода социальный заказ – задачи борьбы с преступностью, так и четкие ориентиры на коммерческий успех, ведь подобного рода тематика давала широкие возможности для построения захватывающих детективных сюжетов и всегда пользовалась большим спросом у японских зрителей.

Этот жанр зародился в Японии еще в довоенные годы и был тесно связан с историей так называемого самурайского кино и его самых популярных и зрелищных поджанров *кангэки* и *тямбара* – динамичных фехтовальных фильмов, близких американским вестернам. Обычно эти ленты были экранизацией исторических драм *дзидайгэки* из репертуара театра *Кабуки*. И эта тесная связь с традициями с самого начала придавало японским ганстерским лентам ярко выраженный национальный колорит, разительно отличающий японские кинообразцы от их американского аналога.

Первое появление героя-якудза на японском экране произошло в 1920–1930 гг., когда средневековые каноны исторической драмы начали уступать место поиску новых форм и новых персонажей, рожденных современной жизнью и влиянием западного театра и кино. Это было временем зарождения так называемой реформаторской исторической драмы, галерея образов которой пополнилась новыми персонажами – людьми, свободными духом и не признающими в жизни никаких запретов. Это – *якудза*, бродяги, странствующие циркачи, разорившиеся *самураи*, мелкие мошенники и т. д., которые стремительно ворвались на японский экран. Да и сами *самураи* в японском кино, традиционно являвшиеся до недавнего времени олицетворением благородства и стойкости духа и обычно действовавшие вместе со своими преданными вассалами, все чаще стали приобретать образ мятежных и циничных бунтарей – одиночек.

Этот новый экранный тип героя впервые появился в сценарии Сусукита Рокухэй, написанного для фильма «Мастер гравюры» («Укиёэ-си», 1923 г.). Не только главное действующее лицо, но и центральные сцены сражений на мечах, поставленные Канамори Бансё, были совершенно непривычными для японских зрителей. Они были сняты по образцу американских «фильмов действия» – динамичных, с быстрой сменой кадров, позволяющей придать поединкам особую остроту и напряженность и вызвать у зрителя эмоциональное потрясение. В этих сценах уже не было ничего общего со стилизованными «балетными движе-

ниями», унаследованными от *Кабуки*, правда, насилия на экране стало больше, а реализм был принесен в жертву красоте формы.

Критики называли героев Сусукита «бандитами-нигилистами», а когда их начал играть в 1924 г. известный актер Бандо Цумасабура, образ страдающего мятежника, не понятого его окружением, прочно вошел в галерею героев японского кинематографа. Как пишет историк японского кино Сато Тадао: «Как правило, японская публика не сочувствовала нестоящему *самураю*, также как изгою, не принадлежавшему к правящему классу. Настоящий *самурай* – тот, кто сражается за свою гордость и честь, поэтому настоящие образцы самурайского духа не обязательно должны являть представители воинского сословия. Люди, обладающие этими духовными качествами и попадающие и затруднительные обстоятельства, вызывают гораздо большее сочувствие, что и было одной из причин популярности фильмов о бандитах, якудза времен феодализма»³.

Новая волна фильмов о *якудза* накатил в 1960-е гг. и продержалась целое десятилетие. Успех этих лент был беспрецедентным в истории японского кино. Они заняли главенствующее положение старой исторической драмы и даже заметно потеснили собой самурайское кино, несмотря на то, что оба жанра очень близки между собой в построении сюжета, выражали похожие чувства и неизменно имели трагический финал – решающее сражение, в котором поэтизировались кровь и смерть. Кинокритики, в том числе такой авторитетный киновед и сценарист Пол Шрейдер, всегда восхищались виртуозной режиссурой японских мастеров ганстерского кино. Да и актеры на роли представителей преступного мира подбирались из числа самых известных.

Возможно, именно по этой причине историю ганстерского кино в Японии иногда связывают с именем Куросава Акира, который совмещал в своем творчестве создание блестящих самурайских боевиков с лентами остро социального звучания. В этой связи некоторые исследователи обращаются к его ранней картине «Бешеный пес» («Нора ину». 1948), стараясь отыскать в ней черты сходства с ганстерским кино. Однако этот фильм, изображавший жизнь обездоленных в послевоенной Японии и имеющий ярко выраженную социальную направленность, трудно в полной мере отнести к жанру *якудза-эйга*. Куда более типичным образцом ганстерского кино этих лет является серия фильмов, посвященных легендарному боссу *якудза* Дзиротё Симидзу, *ставшая* суперхитом 1950–1960-х гг. Это – веселая история о большом клане *якудза*, действовавшем с размахом в подпольном мире конца XIX в., подчинив себе все игорные притоны вдоль главной дороги из Эдо в Киото.

Однако с наступлением 1960-х меняется и сам зритель, и тематика *якудза-эйга*. Теперь создатели криминальных лент были вынуждены ориентироваться на новую социальную группу японцев – преимущест-

³ Там же.

венно, одиноких мужчин, приехавших из провинций в крупные города в поисках работы. Япония переживала в 1960-е гг. период высоких темпов экономического и индустриального роста. Вновь открывающиеся городские предприятия и модернизированные старые заводы и фабрики постоянно испытывали острую потребность в новой рабочей силе, тогда как деревня еще жила во многом патриархальной жизнью. И тысячи молодых сельских жителей ринулись в большие города с мечтой о новой обеспеченной жизни, оставив в далеких деревнях семьи и друзей. Получив работу, они сожалели о потерянной радости человеческого общения и тепле родного дома. И чтобы как-то скрасить свой холостяцкий быт и забыть об одиночестве, эти провинциалы направлялись в кинотеатры, чтобы окунуться в мир грез и почувствовать себя приобщенным к какой-то группе людей, близким по духу или по жизненным проблемам.

Глядя на экран, они часто отождествляли свою тяжелую жизнь с судьбой одиноких *якудза*. Ведь их привели на путь преступлений та же разобщенность с окружающим миром и такое же стремление стать членом небольшой, тесно спаянной дружкой и верностью группы людей, стремящихся к свободной жизни. Современные фильмы о *якудза* предлагали молодому одинокому человеку, растерявшемуся в большом городе, своего рода спасительную утопию, в которой он нуждался острее всего. И чем нереальнее она была, тем казалась для одиноких людей, пришедших в кинотеатры, прекрасным идеалом, затаенной мечтой об утраченном доме и человеческом общении. А заодно сценаристы сознательно строили сюжеты *якудза-эйга* так, чтобы найти оправдание насилию со стороны групп *якудза*, представив его как ответ простых людей на гнет больших предприятий, которые, заботясь только о прибыли, забывают о своих работниках, делая людей придатком машин. И такому повороту событий весь зрительный зал аплодировал от души.

Особенно востребованным в те годы оказался самый популярный поджанр *якудза-эйга* – *нинкё*:. Сюжет этих фильмов мог развиваться в разных исторических эпохах, но неперменной их особенностью оставалась средневековая мораль *якудза* – *нинкё:до*: и яростные красочные бои на мечах или пистолетная пальба, сопровождаемые кровью и смертями. Мода на эти фильмы началась в 1963 г. И хотя они снимались на всех ведущих студиях страны, их основным производителем стала студия «Тоэй».

Действия большинства из фильмов, снятых на этой студии, происходит в XX в. А в качестве главного героя выступает благородный *якудза*, живущий по принципам кодекса *нинкё:до*:, а потому олицетворяющий собой старую формацию с ее ностальгическими для японцев представлениями о добре и справедливости. Его жизнь – вечная неравная и жестокая схватка с противниками – современными *якудза*, символизирующими собой новый криминальный мир и новую общественную

мораль. И, наконец, неперенный «happy end»: победа борца-одиночки, который, вооружившись лишь мечами, либо пистолетом, побеждает группы бандитов, благодаря своему высокому духу и бойцовским навыкам.

Типичный сюжет таких фильмов обычно развивается следующим образом. В Токио или другом большом городе действует банда *якудза*, члены которой свято чтут заповеди кодекса *нинкё:до*. Если не считать случаев мелкого воровства, они стараются не наносить вреда простым людям. Предводитель шайки, как правило, человек с моральными принципами, которого уважают члены банды. Однако в том же районе действует шайка-конкурент, ее босс не испытывает угрызений совести по поводу того или иного преступления, будь то мелкое мошенничество и даже убийства, он по горло завяз в грязных махинациях. Внешне же все это спрятано под видом респектабельности и благополучия: шикарный офис фирмы располагается в современном фешенебельном здании, и он имеет тесные связи с одной из гигантских корпораций Японии. Наделенный отрицательными чертами главарь, преследуя свои коварные цели, убивает членов «хорошей» шайки, жаждущих открытой схватки, но удерживаемых от этого их предводителем. Но вот убивают и его, и этот вызов уже не может остаться без ответа: происходит нападение на контору «злого» босса, и фонтаны крови омывают победоносную развязку. Сразив несколько дюжин врагов, герой убивает самого сверхзлодея, а затем спокойно отдает себя в руки полиции.

Следующая серия начинается обычно в момент выхода героя на волю, где его уже ждет разочарование: его шайка выродилась в современную банду ганстеров, ищущих наживы, участвуя в незаконных делишках. Теперь уже они преследуют членов другой шайки, до сих пор придерживающейся кодекса *нинкё:до*, и история начинается сначала.

Если *якудза* – герой старых фильмов, обречен на верную смерть в столкновении с какой-то крупной шайкой, или же на существование еще более одинокое, чем прежде, то герой современных фильмов о *якудза* не гибнет в открытой схватке, и это сознание скрашивает его одиночество и заставляет жить и бороться. Более того, новые фильмы активно проповедовали идею о том, что борьба даже самой маленькой группы людей с какой-то большой криминальной структурой не обязательно обречена на поражение, если эти люди имеют перед собой высокие цели.

Эти фильмы и их идеи оказались востребованными практически всеми политическими силами Японии в условиях бурных общественных волнений, охвативших страну в 1960-е гг. Консерваторы и националисты воспринимали эти ленты о благородных *якудза* как восхваление японских ценностей прошлого. Знаменитый Мисима Юкио сравнивал *нинкё*: с античными трагедиями⁴. А студенты и активисты левого

⁴ Денисов И. Якудза эйга. Жанровое кино по-японски (Проблемное поле). // Дневники. Ykt.ru – URL: http://dnevnik.ykt.ru/%D0%9F_%D0%9F/515934 (дата обращения 06.11. 2015.)

крыла видели в этих вымышленных персонажах бесстрашных борцов за интересы простого народа. Фукасаку Киндзи – один из выдающихся режиссеров этого жанра откровенно признавал: «Для бунтарей 60-х фильмы о якудза стали эмоциональной разрядкой»⁵.

Стремление романтизировать якудза в Японии отвечало и стремлению представителей самой организованной преступности реабилитировать себя в глазах общества. Они вкладывали немалые деньги в ганстерские фильмы и негласно участвовали в кинопроизводстве. Их власть над миром кино была настолько велика, что когда полицейские попытались воспрепятствовать выходу на экран одной из криминальных лент, сын знаменитого главы самого влиятельного клана Ямагути-гуми – Таока Мицуру моментально разрешил все проблемы. А еще японская мафия любила поиграть в меценатство и всегда трепетно относилась к своим кумирам, в числе которых обычно называют идола японского криминального кино Такакура Кэн, блестяще сыгравшего благородных ганстеров в десятках фильмов киностудии «Тоэй».

Также, по-видимому, неслучайно, продюсированием криминального кино на «Тоэй» занялся Сюдзо Кодзи, который, по слухам, был также тесно связан с преступным миром. Известно, например, что в годы Второй мировой войны он был завсегдатаем игорных притонов, контролировавшихся мафией, и даже, как говорят, был близко знаком с одним из «крестных отцов». Однако сам Сюдзо предпочитал умалчивать об этой стороне своей биографии и потому сюжетами для своих фильмов выбирал, обычно, прошлые времена, овеянные духом ностальгии и романтики. Вскоре благодаря фильмам Сюдзо Кодзи киностудия «Тоэй» выдвинулась в лидеры производства ганстерских фильмов, а сам поджанр *нинкё* стал победителем японского кинопроката.

И тогда студийное начальство решило на время отказаться от съемок самурайских боевиков, оставив их на откуп другим кинокомпаниям, и бросить все свои лучшие творческие силы на создание наиболее востребованных и прибыльных в те годы *якудза-эйга*. В их числе оказался и Кудо Эйити, непревзойденный мастер батальных сцен и известный постановщик самурайских фильмов, столь близких ему по духу. Ведь Кудо был выходцем из старинного самурайского рода. Но вот ганстерские картины и в особенности в стиле *нинкё*, прославлявшие кодекс чести якудза, казались ему открытым лицемерием. Дело в том, что в начале творческой карьеры режиссеру приходилось не раз встречать в павильонах киностудии этих людей, волочащихся за молоденькими актрисами и терроризирующих их окружение, и эти грязные и опасные любовные интрижки оставили у него далеко не благодные воспоминания и никак не ассоциировались с образом благородного якудза.

⁵ Там же.

«Все эти “*нинкё*”, – говорил Кудо – меня никогда не привлекали... гораздо важнее было найти реалистический подход к теме»⁶. Во время съемок своей дилогии «История преступного мира Японии» («Нихон анкокуси», 1967–1968) Кудо даже пригласил на одну из главных ролей бывшего *якудза* Андо Нобоку, кстати говоря, тоже выходца из старинного самурайского рода. К тому времени известный артист уже окончательно поменял криминальный мир на мир кино, но продолжал играть *якудза* на экране. Образ человека со шрамом, который он приобрел в годы своего криминального прошлого, так и остался за Андо на протяжении всей его актерской карьеры. Андо всегда сохранял серьезное каменное выражение лица, символическую маску, которая словно должна была показать, что в жизни *якудза* нет места страху, смеху или чувственным желаниям. Это отнюдь не объяснялось отсутствием у него актерского опыта. Например, другой знаменитый актер Цурута Кодзи играл роли *якудза* с тем же выражением лица.

Но Кудо привлекла в Андо не только специфическая и выразительная внешность актера и его манера игры, но, прежде всего, его большой криминальный опыт, который помог привнести большую долю реализма в эту во многом придуманную историю. «Мне было важно показать, как складывались банды, как ганстеры объединяются для войны, как такая жизнь влияет на их существование... все они простых отношений, любви. А это приводит к отвратительным поступкам и жестоким действиям»⁷. Особенно успешной была первая часть дилогии «Большая бойня» («Дайсацудзин», 1964), где режиссер рассказал историю дружбы пожилого полицейского (Бан Дзюндзабуро) и молодого *якудза* (Андо Нобоку), которая постепенно перерастает в их глубокую взаимную неприязнь и заканчивается неожиданным, но весьма предсказуемым разрывом. И, таким образом фильм соединил в себе особенности двух жанров: ганстерского кино и психологической драмы, сдобренных изрядной долей реализма. Сам режиссер усматривал в этой ленте прообраз нового направления японского ганстерского кино – *дзицуроку*, предполагающего максимальное приближение к документальному повествованию.

Но произвести настоящую революцию в области *якудза-эйга*, разрушив все устаревшие каноны его поджанра *нинкё*, и сделать *дзицуроку* самым ярким явлением японского криминального кино, Кудо так до конца так и не удалось. Это делает его старинный друг Фукасаку Киндзи, чьи фильмы в жанре *дзицуроку* получили всемирную известность. И, тем не менее, Кудо не оставлял попыток привнести в однообразные и достаточно поднадоевшие многим ганстерские фильмы элементы новизны и развлекательности. И даже шел для этого на смелые

⁶ Денисов И. Японское жанровое кино. Якудза эйга. Часть II. // Сinemатека. URL: <http://www.cinematheque.ru/post/119414/print/> (дата обращения 06.11.2015.)

⁷ Там же.

эксперименты, соединив жанр комедии с боевиком в сериале «Братство гадюки» («Хэбигуми мадэн», 1964). Правда, эти творческие поиски продолжались недолго. Вскоре вновь наступает кризис в японском кино, и Кудо, как и все его коллеги, вынужден был искать спасения от творческого простоя на телевидении, где ему вновь пришлось вернуться к своему излюбленному коньку – самурайским телесериалам. А снятые в эти годы для большого экрана ганстерские ленты уже не могли повторить высокий уровень его ранних работ. Вскоре режиссер и вовсе разочаровался в японском кино, признавался, что даже фильмы Китано Такэси навевают на него сон, и стал поклонником американских боевиков.

Похожая судьба ждала не только его, но и других мастеров *якудза-эйга*, покусившихся на пересмотр жанровой структуры фильмов *нинкё*. Но, тем не менее, творческие эксперименты по его реформированию и попытки вернуть угасавший зрительский интерес к ганстерскому кино никогда не прекращались. В роли очередных ниспровергателей канонов *нинкё*: выступил режиссер Като Тай с группой своих коллег со студии «Тоэй». Главной причиной, из-за которой они критиковали фильмы *нинкё*, был «чрезмерно упрощенный и перенасыщенный благостными стереотипами взгляд на проблемы организованной преступности»⁸. Вот почему основная задача создателей ганстерского кино виделась им, в первую очередь, в создании острых, оригинальных и нестандартных сюжетов. Одновременно с этим предполагалось сосредоточить внимание на поиске новых художественных средств, как в области режиссуры, так и актерской игры.

И вскоре Ито Тай со своими творческими единомышленниками попытались претворить эти идеи в реальность, приступив к совместным съемкам фильма «Женщина-игрок по кличке “Красный пион”» («Хиботан бакудо», 1968–1972). Так впервые в криминальных картинах студии «Тоэй», долгие годы специализирующейся на производстве фильмов «мужского» жанра, появились подружки *якудза*, их жены и вдовы, которые сражались за своих мужей и любовников, практически не уступая мужчинам. И, более того, в этих картинах эффектные кадры с жестокими женскими баталиями искусно перемешивались с не менее откровенными и впечатляющими сексуальными сценами. В этих ролях стали знаменитыми актрисы Фудзи Дзюнко и Ивасита Сима. Но успех этих фильмов был кратковременным.

Однако идея «раскрутки» женской части фабулы ганстерских картин не канула в лету. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. Японию потрясли дерзкие преступления девичьих криминальных групп, ставших женским вызовом мужскому криминальному миру. Они получили название *сукэбан*, что в дословном переводе с японского означает «женщины-

⁸ Денисов И. Якудза эйга. Жанровое кино по-японски. // Русский журнал. URL: <http://www.russ.ru/pole/YAkudza-ejga> (дата обращения 07.11.2015)

боссы», и сформировали одну из первых молодежных субкультур. Эти «новые» японки, облаченные в строгие школьные формы и вооруженные острыми бритвами и тяжелыми цепями, собирались обычно неподалеку от железнодорожных станций и совершали там магазинные кражи, карманное воровство и невиданные доселе акты насилия. И даже в своем кругу они строго соблюдали почти тюремную дисциплину, не допуская непослушание старшему и общение с противоположным полом. Что уж тут говорить о реакции со стороны обычных жителей близлежащих городов, когда даже якудза относились к ним с большим почтением и даже некоторой опаской. Чем не тема для криминального кино?

Так в стенах студии «Тэй» возник новый поджанр *якудза-эйга* – *сукэбан*, который стал беспощадно эксплуатироваться режиссерами, постепенно дополнив его элементами боевиков, триллеров и даже эротики. Одним из ранних образцов этого нового поджанра является картина «Сукэбан-блюз: контратака королевы пчел» («Сукэбан бурусу: мэсубати-но гякусю», 1971), рассказывающая о сложных взаимоотношениях женской молодежной банды *сукэбан* с местными *якудза*. А из более поздних популярных работ этого жанра следует назвать ленту «Сукэбан-прокурор» (2006) известного режиссера Фукасаку Кэнта, сына покойного Фукасаку Киндзи. В центре сюжета – судьба девушки, завербованной политической организацией «К» и засланной в элитную школу, чтобы предотвратить там террористический акт.

Другая лента «Сукэбан-блюз: месть» или «Партизанская война девушки-босса» («Сукэбан гэрира», 1972) рассказывает о дружбе и соперничестве двух женских криминальных группировок мотоциклисток и является еще одной из вариаций *сукэбан*. Дело в том, что в те годы в Японии на смену «*сукэбан*» пришла другая массовая полукриминальная молодежная субкультура байкеров – *босодзоку*. Когда-то фильмы с участием Джеймса Дина и Марлона Брандо вызвали к жизни целое байкерское движение на Западе. А в Японии, наоборот, байкеры, появившиеся, в том числе, благодаря тем же западным кумирам, вскоре стали героями не только криминальным сводок, но и криминальных фильмов, получивших название *босодзоку*. И это, отчасти, закономерно, поскольку практически всем им, в том числе и девушкам, были свойственны тяга к театральным эффектам, начиная с экстравагантности их костюмов. А постоянное внимание к ним СМИ и осуждение общества сразу же создали байкерам скандальную репутацию.

А, когда и байкеры уже не могли поддерживать стабильный интерес зрителя к криминальному кино, в ход пошло самое беспримысленное оружие – эротика, причем в сочетании с криминальными сюжетами в стиле *сукэбан*. Яркий пример таких лент – «Мальчик-сукэбан» («Ойра сукэбан» 2006) – эротическая комедия о приключениях юноши, про-

бравшегося в женскую гимназию под видом новой ученицы и открывшего для себя много шокирующих тайн девического сообщества.

На фоне столь разнообразной продукции *якудза-эйга*, созданной в стенах такого мощного в те годы киногоганта, как «Тоэй», вклад других крупных кинокомпаний в развитие этого жанра выглядит куда скромнее. И, тем не менее, каждая из них, следуя тогдашним кинотрендам и сохраняя свою художественную специфику, создала немало ярких оригинальных образцов *якудза-эйга*.

Так, кинокомпания «Синтохо», удивившая весь мир своими фильмами о Годзилле, после отхода от левой идеологии, взяла ориентир на западное кино. Поэтому среди ее кинопродукции преобладали ганстерские ленты в американских и итало-французских традициях. А среди создателей этих картин, в первую очередь, следует назвать имя талантливого мастера *якудза-эйга* Исии Тэруо, снявшего на «Синтохо» свой популярный ганстерский экшн с элементами эротики «Королева пчел и школа для драконов» и др. Правда, полностью реализовать себя в криминальном жанре ему удастся лишь спустя годы, работая на других студиях. Дело в том, что в 1961 г. «Синтохо» объявила о своем банкротстве.

Немногим более продолжительной оказалась судьба кинокомпании «Дайэй», разорившейся в 1971 г., но и она успела оставить свой след в области криминального кино. Эта кинокомпания всегда специализировалась на выпуске самурайских лент, поэтому здесь создавались в основном *якудза-эйга* с явно историческим уклоном, т. е. в стиле *нинкё*:. В качестве примера достаточно назвать серию фильмов «Молодой босс» («Вака оябун», 1965–1967), одним из постановщиков которой был Кадзу Икэхиро, который предпочитал как раз самурайские картины и явно недолгоблуждал ганстерское кино. Другой яркой фигурой «Дайэй» в области *якудза-эйга* был режиссер Масумура Ясудзо, а главными звездами – Итикава Райдзо («Молодой босс»), «Судьба игрока» (Бакуто итидай симацурри», 1969), Кацу Синтаро («Дурная репутация» (Акумё», 1961) и Ясуда Митио («Женщина-якудза из Канто» («Канто онна акумё», 1969).

Кинокомпания же «Никкацу», долгие годы выпускавшая исключительно легкие и жизнерадостные молодежные фильмы, лишенные и намека на социальную проблематику, также вынуждена была искать свою нишу в ганстерском кино. Это был поджанр «безграничного действия» (*мукокусэки акушон*) и его вариации – «мелодраматический экшн» (*мудо акушон*) и более жесткий «новый экшн» (*ню акушон*). Основы этого направления начали закладываться на студии еще в 1950-х гг., когда авторы лент почувствовали творческую свободу, обретенную после войны. И тогда они стали охотно заимствовать художественные идеи для своих фильмов из американских «нуаров» и европейских криминальных лент, а во второй половине 60-х гг. появились и прямые цитаты из американских вестернов.

И хотя на студии по-прежнему продолжали создавать фильмы в стиле *нинкё*: (сериал «Долг мужчины» и т. д.), куда большее внимание уделялось работам таких режиссеров, как: Фурукава Такуми («Жестокая стрелька» («Кэндзю Дзанкоку», 1964), Номура Такаси («Мой паспорт» – кольт» («Коруто ва орэ-но пасупото», 1967), Ида Мотому («Три секунды до взрыва» («Бакухацу 3 бё маэ», 1967) и др., отсылавшим зрителя к западным образцам. Были и свои опыты с *сукэбан* («Рок бродячей кошки: первая в банде» («Нора нэко рокку: онна бансё», 1970), однако куда скромнее более поздних лент «Тозэй». А в 1970-х гг. «Нikkaцу» и вовсе переключилась на эротику, вернее, на гремучий гибрид эротики и *якудза-эйга*, создав дилогию с секс-звездой Тани Наоми «Веревочный ад» («Ниидзума дзигоку», реж. Охара Каю, 1975) и «Веревка и кожа» («Дан онироку нава то хада», (реж. Нисимара Сёгоро, 1979) и др. И здесь порнографы с «Нikkaцу» заметно обошли своих вечных конкурентов с «Тозэй», как по количеству лент, так и по непристойности сюжетов.

Однако «коньком» «Нikkaцу» все-таки оставались фильмы «безграничного действия», которые создавались такими известными режиссерами, как: Курахара Корёси («Я жду» («Орэ ва маттэру дзэ», 1957), Масуда Тосио «Ржавый нож» («Сабита найфу», 1958), «Песнь ганстера» («Якудза-но ута», 1960) и т. д. Они вошли в историю японского кино как безукоризненно исполненные жанровые фильмы, в которых прославлялся японский индивидуализм и освобождение от уз традиционализма. Эти и другие ленты киностудии прославила целая плеяда звезд криминального кино, как: Ватари Тэцуя, Сисидо Дзё, Кадзи Мэйко, Мацубара Кёко, создавшие огромную галерею ярких и запоминающихся образов представителей преступного мира. И все-таки лицом «Нikkaцу» тех лет называется не кто иной, как Судзуки Сэйдзюн, один из самых талантливых и неординарных режиссеров Японии, большой мастер криминального жанра, который из-за своей тяги к оригинальности даже вынужден был однажды навсегда распрощаться с киностудией.

Его оригинальность проявляется во всем, начиная с достаточно нетрадиционного чувства юмора и кончая свойственным только ему колористическим решением и композиционным построением кадра. Судзуки в своих работах подчеркивает абсурдность окружающего мира, поэтому и смерть героев фильмов у него не окрашена в трагические тона, а предстает нелепой случайностью. А цвет выражает яркие эмоции и неординарные черты характера персонажа, подчеркивает настроение и т. д. Нелучайно принято сравнивать многие работы режиссера с мюзиклами Винсетта Минелли, преисполненными визуальной яркости.

И эти особенности режиссерского стиля ярко прослеживаются почти по всех его фильмах, начиная с картины «Молодость зверя» («Ядзю:но сэйсюн», 1963). Сюжетная линия фильма фактически повторяет историю «Телохраниителя» («Ё:дзимбо», 1961) Куросава. Неуловимый *якудза*

Мидзуно в исполнении Сисидо Джо склоняется по убогим улочкам, по злачным барам и другим непристойным местам, пытаясь найти для себя жизненную правду. По признанию самого Судзуки, в фильме «Молодость зверя» он обрел свой режиссерский стиль, поскольку в ранних своих лентах: «Красотка преступного мира» («Анкокугай-но бидзё», 1958), «Цель – тюремный фургон» («Дзюсанго тайхи-сэн ори: соно госсё: о нэ-раз», 1960) он еще слепо следовал законам криминального жанра.

Теперь смелый творческий эксперимент сопутствует почти каждому его фильму. И в этом отношении очередная криминальная картина «Токийский скиталец» («Токё нагарэмоно», 1966) представляет собой важный этап в его режиссерской работе. В ней колористическое решение, впрочем, как и внутрикадровое построение, приобретает еще большую концептуальность и осмысленность, что потребовало, в первую очередь, использования дорогостоящих визуальных эффектов, современной аппаратуры и т. д. Эти технические новации не укладывались в бюджет фильма и стали причиной конфликта Судзуки с руководством «Никкацу». В результате он был вынужден пойти по пути экономии средств, что, в конечном итоге, привело к нарушению режиссерского замысла и созданию достаточно странных и почти сюрреалистических световых эффектов. В результате фильм «Токийский скиталец» превратился в произведение, отличающее своей стилистической эксцентричностью и буквально разрушающее жанровую структуру ганстерского кино.

В 1967 г. Судзуки решает продолжить начатый эксперимент и приступает к съемкам в некотором роде провокационного фильма «Рожденный убивать» («Короси-но ракуин») – еще более сюрреалистичного и несколько абсурдного произведения с едва уловимой последовательностью развития событий и т. д. И это стало причиной очередного скандала на студии, который закончился его увольнением. И все-таки фильм вышел, правда, в черно-белом варианте, но при этом режиссеру удалось создать целостный визуальный ряд, отличающийся, с одной стороны, своей простотой и структурной четкостью, а с другой стороны, полный новых режиссерских находок. Очевидно, что Судзуки, несмотря на работу в рамках одного жанра, никогда не было заложником раз и навсегда выбранного стиля. И об этом свидетельствуют почти все работы в жанре ганстерского кино «Татуированную жизнь» («Ирэдзуми итидай», 1965).

Творческие новации Судзуки были по многим созвучны художественным поискам представителей протестной «новой волны», работавших на студии «Офуна» кинокомпании «Сётику». Прежде здесь специализировались на производстве однообразной народной драмы *сёмингэки* и слезоточивых женских мелодрамах о матерях *хаха-моно* и женах *цума-моно*, пока не появилась новая плеяда режиссеров, показавших в своих фильмах жестокую действительность и новое мятежное и циничное поколение японцев. Что касается ганстерского кино, то на «Сётику» сни-

малось намного меньше эталонных для этого жанра фильмов, чем «То-эй». И, тем не менее, именно здесь начинал свой актерский путь легендарный Андо Нобору. И даже известный мастер *нинкё*: Като Тай, который в силу разных причин вынужден был «дрейфовать» со студии на студию, прежде, чем поработать на «Тоэй», успел создать здесь несколько своих криминальных лент, в том числе и в успешном сотрудничестве с Андо в картине «История лица» («Отоко-но као ва рирэки-сё», 1966). А еще в стенах этой студии прославленный режиссер Синода Масахиро снимал свой фильм «Бледный цветок» («Кавайта хана», 1964), который считается моделью для всех *якудза-эйга* 1960-х гг.

Следуя художественным принципам своих единомышленников по «новой волне», Синода в очередной раз вступил в спор с кинотрадициями, созданными его предшественниками – режиссерами Одзу, Киносита и Мидзогути. Вместе с Судзуки Сэйдзюн, Масумура Ясудзо и др. он стремился переосмыслить не только и не столько содержание и тематику японского ганстерского кино, сколько основы киноязыка старой кинематографической школы, низлагая их эстетические нормы и нарративную структуру киноповествования. В своем фильме режиссер отказывается от отработанных в этом жанре приемов. И, используя привычные сюжетные ходы и изобразительные решения, создает новую структуру жанра *якудза-эйга*.

В основу сюжета фильма был положен одноименный роман модного прозаика Исихара Синтаро, пророка «солнечного племени» – *тайё-дзоку*, бунтарей и прожигателей жизни, отвергших духовные ценности старшего поколения и сделавших целью своего существования развлечения, богатство и успешную карьеру. Вместе с произведениями Исихара на японский экран пришел новый герой – мятежный, циничный изверившийся в идеологии конформизма. А вместе с ним – секс, насилие жестокость, эпатаж и все то, что бросало вызов японскому обществу и его традициям. Первый роман писателя так и назывался «Солнечный сезон» («Тайё-но кисэцу»). Он вышел в 1956 г. и буквально сразу же был экранизирован режиссером Фурукава Такуми на студии «Никкацу».

Но на сей раз Исихара переносит действие своего романа с океанских пляжей и дорогих баров в мрачную ганстерскую среду. Молодой *якудза*, только что отбывший срок за убийство, знакомится в игорном доме с загадочной молодой женщиной. Но в скором времени вновь попадает в тюрьму, став участником разборок двух криминальных группировок и убив босса своих противников. Там он узнает, что пока он находится в заключение, его возлюбленную совратили и посадили на наркотики. И им вновь овладевает чувство мщения. Такая драматургическая конструкция позволяет продолжитьхождение героя и создать серию фильмов.

Фильм начинается безмолвной сценой: за продолговатым столом группа людей играет в карты. Тревожна и мрачна атмосфера игорного

дома. Нервный ритм смонтированных коротких планов создает атмосферу надвигающейся опасности. Его усиливают и монотонные реплики банкомета, изредка нарушающие тишину. Камера ловит тайно брошенные взгляды, условные жесты – детали, сгущающие и без того напряженную обстановку. Мир ганстеров, живущий по своим законам и традиционным ритуалам, подробно и весьма эмоционально воссоздается Синода, который за счет совокупности деталей – азартных игр, шантажа, эротики, смерти одновременно стремится показать быстротечность и бессмысленность этой жизни.

На самом деле жанр фильма «Бледный цветок» трудно причислить исключительно к ганстерскому кино. Ведь для главного героя с его нигилистским восприятием жизни ощущение опасности и риска составляет суть его существования. Преступление для него никак не воспринимается в контексте исполнения морального долга, что типично для героев *якудза-эйга*, но далеко не свойственно психологии самого режиссера. Атмосфера фильма пронизана чувством отчаяния и пустоты, тоски и одиночества, и одновременно с этим непреодолимой жаждой жизни. Позиция режиссера далека от морализаторской даже когда главный герой, наконец, ощущает полноту жизни от процесса совершения убийства, потому что для него это – единственный способ познать и утвердить себя в этом мире. И все-таки Синода все-таки выносит свой вердикт, признав в одном из своих интервью, что «послевоенное молодое поколение утратило чувство духовного единства и целесообразности жизни»⁹.

Картина наполнена острым социальным звучанием: «В фильме выведены люди, творящие зло, – отмечал сам режиссер. – Я вижу их как порождение общества, в котором они живут. Это работой я пытался выразить свой протест против подобной порождающей зло действительности»¹⁰. Этот протест, о котором говорит режиссер, присутствует в большинстве ганстерских фильмов этих лет. И во многом объясняет причину столь стремительного роста популярности ганстерского кино в 1960-е гг., причем, также, как и ее резкого спада в 1970-е гг.

И это, в первую очередь, было связано с теми социально-политическими переменами, которые произошли в Японии за это десятилетие. Дело в том, что герой этих лент, как правило, предстает перед зрителем как выходец из бедной семьи, познавший в юности нужду и лишения, и это толкает его на преступную стезю, поскольку иного пути в том обществе практически не существует. Став *якудза*, бывший бедняк не только получает определенный жизненный достаток, но приобретает реальную силу и уверенность в себе, а это, в свою очередь, порождает у

⁹ Мухамеджанова А. Жанры японского кино (кино 1950 – 1970-х годов) // ArtCritiques. Смольный институт свободных искусств и наук. URL.: <https://artcritiques.wordpress.com/2010/03/24/жанры-японского-кино-кино-1950-1970х-годов/> (дата обращения 07.11.2015.)

¹⁰ Mellen J. Voices from the Japanese cinema. N.Y.: Liveright, 1975. P. 230.

него желание мстить богатым за бедных и слабых. Подобные сюжеты «врачевали» души людей, оказавшихся в трудные послевоенные годы в рядах нищенствующих социальных изгоев, и вселяли в них надежду на сильных заступников, с которыми по старой традиции ассоциировались благородные *якудза*.

Однако стремительный экономический скачок, который совершила Япония в 1960-е годы, и рост благосостояния, приведшие к кардинальным социальным сдвигам, сделали подобные сюжеты мало востребованными широкой публикой, начинающей уже забывать о тяжелом прошлом. Да и созданный миф о справедливости и благородстве *якудза* уже многим казался смешным и фальшивым на фоне возросшей преступной деятельности японской мафии, сферы интересов которой теперь уже простиралась в экономические и политические сферы.

В этой ситуации популярность ганстерских фильмов в Японии начала стремительно падать, несмотря на все старания кинематографистов сделать этот жанр вновь интересным широкому зрителю. Переломным в истории *якудза-эйга* стал 1972 г. Во-первых, к этому времени уже были преданы забвению идеалы левого движения 1960-х гг. и наступил трагический конец демократическим настроениям в обществе. Кровавые преступления левых радикалов: жестокая чистка собственных рядов в «Красной армии», организованные ими захваты заложников и т. д. отвратили от них большую часть их бывших сторонников. Конечно же, симпатии к властям от этого в обществе не прибавилось, но отныне протестные движения ассоциировались в глазах общественности не с благородными героями прошлого, а с безжалостными хладнокровными убийцами.

Эксплуатировать романтизированный образ *якудза* уже не представлялось возможным и по другой причине. В 1970 г. Мисима Юкио совершил ритуальное самоубийство во имя реставрации довоенного императорского режима, тем самым окончательно подорвав идеалистическое восприятие националистических идей.

Примешивались и далекие от политики обстоятельства. В том же 1972 г. на мировые экраны вышел легендарный «Крестный отец» Фрэнсиса Форда Coppola, который с огромным успехом был показан и в Японии. Эта лента перевернула представления японцев о криминальном кино. И после ее просмотра японские продюсеры уже не могли не понять, что японские картины в жанре *якудза-эйга* более не выдерживают конкуренцию со стороны американского кинематографа. Требовался достойный ответ. И он не заставил себя ждать. Японским ответом американскому «Крестному отцу» стала прославленная лента Фукасаку Киндзи «Бои без чести и жалости» («Дзингинаки татакай», 1973 г.), сегодня уже причисленная к наивысшим достижениям японской культуры XX в. Так началась новая страница в истории японского ганстерского кино.

Путь японской книги: история печатной книги от древности до наших дней

Н. Н. Егорова

В статье рассматривается история развития книгопечатания в Японии с периода Нара (710 – 794 гг.) до наших дней. Уделяется внимание тому, как выглядела книга, приводятся основные виды переплетов. История развития отрасли в XX веке прослеживается на примере крупнейшей компании Японии – «Коданся». Подчеркивается связь с влиянием извне (Китай и Запад) и литературным процессом в самой Японии.

Ключевые слова: книга, книгопечатная отрасль, переплеты, «Коданся», история, японские книгоиздательства

Литература Японии составляет важную часть мирового литературного процесса и культурного наследия. С одной стороны, мы очень много знаем о литературных произведениях этой страны. Возможно, многие даже увлекались чтением с разбором подробных комментариев, касающихся особенностей той или иной эпохи. Но, с другой стороны, наверное, мало кто задавался вопросом: а как же выглядела книга того времени? Как развивалась печать и типография в Японии?

Общеизвестно, что долгое время вся литература Японии переписывалась от руки, главным образом, аристократами, и не все произведения сохранялись в полном и первозданном виде. Это известная проблема свитков, когда произведения доходят до нас в различных вариантах и сложно сказать, какой из оставшийся в сохранности свитков наиболее близок к оригиналу. Но что же культура печати? Существовала ли она в то время или появилась в конце XIX века вместе с открытием Японии? Об этом и пойдет речь в данной статье.

Внешний вид книги

Исторически наиболее часто встречаются 5 видов переплетов.

Кансубон (卷子本), или свитки, – это ранняя форма книги, почти полностью идентичная западным свиткам. *Кансубон* представляет собой некоторое число листов, разложенных вертикально и склеенных вместе. Этот метод использовался исключительно для рукописных манускриптов, и сейчас к нему прибегают редко. Данный вид переплета в наше время сохранился как традиционное искусство.

Орихон (折り本), или «складывающиеся книги», сходны с *кансубон* в том, что представляют собой несколько листов бумаги, склеенных

вместе, но, в отличие от *кансубон*, они не скатываются в рулон, а складываются через равные промежутки (наподобие буклета). Этот метод в основном использовался для рукописей, однако и в современной Японии можно встретить книги в стиле *орихон*. Такие книги-гармошки было легче переносить с места на место, и считается, что на их создание вдохновили книги, которые носили с собой индийские и китайские торговцы. Традиционно японские книги *орихон* включали в себя буддийские сутры с изображениями и текстом только на одной стороне. Однако некоторые книги *орихон*, в основном те, что включали каллиграфию и рисунки, склеивались так, чтобы можно было использовать обе стороны.

Далее, *дэтё:со:* (粘葉装) или склеенные книги. Чтобы сделать эти книги, переплетчики брали лист бумаги в два раза шире обычного листа и складывали пополам, чтобы получился один кусок бумаги с 4-мя сторонами, годными для печати. Несколько таких листов затем накладывались друг на друга и промазывались клеем в местах, где были складки. Затем обрабатывались клеем передний и задний листы, и все листы оборачивались обложкой, представляющей собой сплошной лист бумаги. Этот тип переплета использовался в основном для рукописей.

Тэцуё:со: (綴葉装) или сшитые книги. Как и склеенные книги, сшитые книги состояли из листов бумаги, сложенных пополам до стандартного размера бумаги. Но в отличие от *дэтё:со:*, такие книги не склеивались в местах сгибов, а сшивались. Обложка для скрепления и скрытия швов не применялась, а необходимая информация помещалась в том числе и на первом и последнем листах. Этот стиль также использовался в основном для рукописей.

Фукуро тодзи (袋綴じ), или книги с прорезными карманами, также делали из сложенных листов бумаги, но, в отличие от предыдущих двух типов, сложенные листы сшивались не в местах складок листов, а с противоположной свободной стороны. Благодаря этому методу стало возможным использовать более тонкую бумагу, хотя это и сократило площадь печати. Данный метод применялся в основном для печатных книг. 90% книг периода Эдо было выполнено в данном стиле.

История книгопечатания до XX века

Книгопечатание в Японии началось в период Нара (710 – 794 гг.) с создания памятника культуры «Один миллион малых деревянных пагод и молитв-дхарани» (百万塔陀羅尼 *Hyakumanto: darani*). Императрица Кокэн приказала отпечатать миллион копий определенной молитвы *дхарани*, буддийской мантры, на протяжении с 764 г. по 770 г. н. э. и поместить каждую копию внутрь 30-сантиметровой трехступенчатой деревянной пагоды. Затем она отсылала эти пагоды в храмы по всей Японии. Метод, при помощи которого был отпечатан данный памятник,

вызывает споры между историками до сих пор, но большинство сходятся в том, что это была печать с гравированных пластин¹. Создание этого памятника культуры потребовало огромных затрат, и в дальнейшем в стране полагались в основном на рукописные книги.

Другие памятники печатной книги эпохи Нара не дошли до наших дней.

В периоды Хэйан (794 – 1185 гг.) и Камакура (1185 – 1333 гг.) в сфере книгопечатания особого прогресса не наблюдалось, но техника печати стала доступнее и получила более широкое распространение. Крупные буддийские храмы стали делать печатные копии сутр для дальнейшего их изучения монахами. Храм Кофукудзи был крупнейшим производителем таких документов, но и другие крупные храмы также использовали данный метод. Но для небольших предприятий этот метод печати был недоступен, поэтому книги всё еще в основном переписывались от руки.

В качестве примера можно привести дневниковые записи Фудзиварано Митинага от 1009 г., в которых говорится о тысяче отпечатанных копий лотосовой сутры. Но, к сожалению, ни одна копия до нас не дошла. Считается, что эти копии были сделаны не для того, чтобы сохранить их и передать другим поколениям, а для использования в качестве оберега, заговора против болезни или смерти. Это объясняет и тот факт, почему копии не сохранились: ведь для этих целей не было нужды использовать высококачественную бумагу. Иными словами, в то время отпечатанные копии продолжали нести в большей степени сакральный смысл.

В период Муромати (1336–1573 гг.) продолжились традиции периодов Хэйан и Камакура. Книги продолжают печататься тем же методом, а их содержание ограничивается сутрами и религиозными текстами, предназначенными для обучения и помощи монахам в крупных монастырях. Важно отметить появление издания *Годзанбан* (五山版), под которым имелись в виду книги, выпускавшиеся по единой технологии печати пятью ведущими монастырями Киото (Кэнтёдзи, Энкакудзи, Дзюфукудзи, Дзёти-дзи, Дзёёдзи). *Годзанбан* включал тексты на китайском языке, написанные преимущественно китайскими авторами. Несмотря на то, что в основном эти тексты были буддийской или дзэн-буддийской направленности, примерно четверть их представляла собой китайские тексты светского содержания.

Таким образом, в рассмотренные периоды книги были в основном рукописными, а печатные издания носили скорее сакральный характер или использовались для обучения монахов. Аристократия же продолжала переписывать произведения от руки ввиду высокой себестоимости печати и нехватки технологий. Также следует отметить, что печатались

¹ Ohashi Tadayoshi. The Fascination of Japanese Traditional Books. // SOAS University of London. URL: <http://www.soas.ac.uk/gallery/tenri/file83921.pdf> (дата обращения 07.11.2015.)

тексты в основном на китайском языке, а центры печати были разбросаны по стране.

Два разных новых вида книгопечатания появились почти одновременно в конце 16 и начале 17 вв. Один из методов назывался *тёсэн кокаудзи* (朝鮮古活字), он появился в Корё (государстве, которое позже вошло в состав Кореи) и был привнесён в Японию в результате военных походов Тоётоми Хидэёси 1592 г. и 1597 г. Этот метод заключался в следующем. Брались пластины из спрессованного песка, и на них вырезались символы. Эти на удивление прочные формы затем наполнялись расплавленным свинцом, который после остывания вынимался и использовался в качестве литеры. Данная инновация уменьшила расходы книгопечатников в несколько раз, так как исходные материалы могли использоваться неоднократно.

Печать стала гораздо доступнее, но поскольку непросто было раздобыть материал и найти рабочих, знакомых с данной техникой, большинство книг печатались по приказу императора или *сёгуна*. Поэтому в основном печатались официальные исторические хроники и политически важные тексты, которые до этого были доступны в виде рукописей. В частности, одним из первых техникой *тёсэн кокаудзи* был напечатан «Нихон Сёки» в 1599 г. по приказу императора Го-Ёдзэй.

Приход христианских миссионеров в 1549 г. также повлиял на развитие книгопечатания в Японии, так как многие из них были достаточно хорошо знакомы с техникой книгопечатания Гутенберга и могли воспроизвести ее в Японии. Миссионеры печатали книги, используя книгопечатный станок Гутенберга, до конца 16 в. Книги, отпечатанные таким образом, назывались *кириситанбан* (キリシタン版).

Метод Гутенберга, как и метод *тёсэн кокаудзи*, был сравнительно доступен. Однако, стойкая его ассоциация с христианством и миссионерами была причиной того, что он не получил должного распространения в Японии. Книги, напечатанные в данной технике, являлись японскими переводами западных работ на латинице и стали ценным источником по изучению японского языка без соприкосновения с японским письмом. Первой такой книгой стали басни Эзопа, напечатанные в 1593 г. Данная публикация оказала огромное влияние на восприятие японцами европейской культуры, так как была и первым западным литературным произведением, напечатанным в Японии, и первым их знакомством с западной литературой.

Первый японский метод ручного набора появился почти сразу после того, как вышеуказанные техники печати были привезены в страну. Один из богатых жителей района Киото Суминокура Соан стал применять ручной набор с использованием деревянных литер. Книги, отпечатанные в этой технике, получили название *сагабон* (嵯峨本). Они довольно редки, так как Суминокура печатал книги в основном для личного пользования. Книги печатались с большой аккуратностью, а переплеты

делались в технике *тэцуёсо* в подражание манускриптам. Также при их изготовлении использовалась бумага *караками* (唐紙), особый вид декоративной бумаги².

Ксилография оставалась главным видом печати вплоть до периода Мэйдзи, когда издатели стали использовать доступные западные методы ручного набора. В начале Мэйдзи издатели попытались следовать западной технике книгопечатания, отказавшись от традиционных японских методов, как, например, использование бумаги *васи* или классических переплетов. В конце концов новый вид книги полностью заменил традиционную японскую книгу как таковую, хотя некоторые исторические репродукции с использованием старых техник воссоздаются до сих пор.

В плане освоения западной техники книгопечатания важно отметить роль императора Мэйдзи и японского правительства. Власти хорошо понимали, что производство бумаги и печатная промышленность необходимы для дальнейшей модернизации Японии. Велись переговоры по поводу налаживания в стране бумажного производства, в Европу и Америку направлялись делегации, чтобы освоить продвинутые западные технологии.

Формирование бумажной промышленности в это время было поручено правительством трем крупным компаниям: «Мицуи», «Оно» и «Симада». Сибусава Эйити убедил эти компании оказать реальную услугу стране путем создания бумажной промышленности. Он говорил: «Западные цивилизации достигли пика своего развития в каждой области. Это потому, что они посвятили себя культурному и научному развитию путем поддержки распространения высшего образования. В Японии мы должны стремиться к культурному и научному развитию. Для того, чтобы поднять уровень развития Японии как современной нации, нам предстоит совершить много дел. Одно из важнейших дел – это продвигать печатную промышленность для того, чтобы публиковать огромное множество газет и книг, которые станут доступны каждому»³.

В ноябре 1872 г. эти три компании основали компанию «Пэйпер» («Paper Company»). Спрос на бумагу для книгопечатания постепенно возрастал, так как газеты, книги, журналы начали печататься по западному методу.

Хотя производство бумаги быстро росло, импорт продолжал превышать объем внутреннего производства. Например, в 1877 г. внутреннее производство составляло 547 т., а импорт – 771 т. В 1875 г. начал свою работу завод «Одзи», который внедрил западный способ производства бумаги⁴.

² Kornicki P. The book in Japan: a cultural history from the beginning to the nineteenth century. Leiden, 1998. P. 500.

³ The History of Oji Paper, published by Oji Paper Co., Ltd. 2004. P. 163.

⁴ Noda H. The Japanese Pulp and Paper Industry and Its Wood Use // Forestry and the forest industry in Japan. 2002. P. 214.

История компании Kodansha ltd.

XX в. – знаменательное время в развитии книгопечатания. С появлением печатных станков производство книг получило наконец должное распространение ввиду невысокой цены производства и относительной простоты техники печати. В связи с этим стали появляться индивидуальные предприниматели, образовалось много издательских компаний. Многие из них прекратили свое существование, но немало и тех, кто остался на плаву. Одной из таких компаний является компания «Коданся».

«Коданся» – это крупнейшее издательство в Азии. Сейчас издательство возглавляет Нома Ёсинобу (с 2011 г.), а до этого долгое время его возглавляла женщина, Нома Савако, что для Японии довольно необычно. Еще более интересный факт заключается в том, что женщина получила бразды правления компанией, хотя и ненадолго, еще до Второй мировой войны. Более того, «Коданся» – это компания, которая активно участвует в международной деятельности, стремится поддерживать начинающих книгоиздателей в Азии и Африке. Это единственная книгоиздательская компания, у которой есть дочерняя компания в США, «Kodansha International/USA», ответственная за перевод японских литературных, исторических, искусствоведческих изданий на английский язык с целью расширения представлений на западе о японской культуре. Особенно поражает западного человека, привыкшего рассматривать японскую культуру как не поощряющую проявлений индивидуализма, индивидуализм и креативность тех, кто основал и руководит «Коданся», и тех, кто оставил свой след в истории этой компании.

Начало XX века: первые журналы Нома Сэйдзи

Компания была основана Нома Сэйдзи, который, как он писал в своей автобиографии, родился в период великих потрясений. К 1878 г., году его рождения, прошло уже десятилетие после *Мэйдзи исин*. Социальное и экономическое перерождение Японии только начиналось. Семья С. Нома была на стороне *сёгуната* и потерпела поражение. Последствия были катастрофические для его родителей и родственников. Проигравшие *даймё* были вынуждены отдать свои владения государству, а их самураи оказались лишены дохода и места службы и были вынуждены зарабатывать на хлеб всеми возможными способами. Отец С. Нома, будучи одним из таких самураев, перепробовал разные способы заработка, но безуспешно. Тем не менее, мать и сестра С. Нома упорно работали, чтобы иметь возможность дать ему образование.

Как когда-то бережливость и упорный труд матери и сестры позволили Нома стать уважаемым учителем, а затем и школьным инспектором, так позже и его жена помогла ему стать успешным предпринимателем.

Да и самому ему были присущи амбиции и непреодолимое желание двигаться вперед. Поэтому, когда ему предложили довольно престижный руководящий пост в юридической школе Токийского университета, он согласился, хотя у него было мало опыта для такой работы. Но это удовлетворило его ненадолго. Когда университет поддался новому увлечению молодежи – ораторике, или дебатам, он позволил учредить клуб дебатов и принимал в его деятельности активное участие.

Клуб дебатов подвигнул Ному опубликовать речи студентов и преподавателей, хотя он не имел ни малейшего представления, как это осуществить. В 1910 г., листая телефонный справочник, он наткнулся на компанию «Дай Ниппон Принтинг» («Dai Nippon Printing Company»), отправился туда и изумил владельцев своими смелыми планами по выпуску журнала. Таким образом были заложены основы для создания компании «Коданся». Можно сказать, что эта компания была по сути венчурным предприятием. «Дай Ниппон Принтинг» не только согласилась сотрудничать с Номой в таком рискованном предприятии, но даже предоставила ему скромное жалование как издателю журнала «Юбэн».

В 1909 г. Номой основал компанию «Dai Nippon Yuben Kai» и годом позже вышел в свет первый выпуск «Юбэн». С тех пор днем Номой выполнял свои обязанности управляющего, а ночью – обязанности издателя. Тем временем стоимость выпуска журнала превысила самые пессимистичные прогнозы. Большую часть времени он тратил не на редактирование, а на попытки достать деньги. Вскоре издатели отдали ему права на журнал «Юбэн», и Номой стал его единственным издателем.

Это было самое сложное дело в его жизни. Номой был не только новичком в этой отрасли, но и не имел необходимых средств. Более того, он был вынужден оставить свою надежную должность в университете, чтобы войти в незнакомый бизнес. Между тем, к 1920 г. Япония не только сравнялась с Западом в технике печати, но и стала второй в мире по объему издаваемых книг, уступая только Великобритании.

Номой был заинтересован, прежде всего, в выпуске журналов. Вместе со своей женой, бывшей учительницей начальной школы, он усердно изучал каждый этап издательского бизнеса. Номой был вынужден торговаться с типографами и распространителями, а тем временем его семья обеднела и влезла в долги. Одна лишь вера в свое дело заставляла его идти дальше и не сдаваться.

В 1911 г., чтобы начать выпускать второй журнал, «Кодан Курабу» (позже переименованный в «Коданся»), Номой основал еще одну компанию – «Коданся». Новый журнал содержал истории из японского героического прошлого, истории героизма, в который верили Номой и его поколение. Эта вера еще больше окрепла в результате победы Японии в русско-японской войне. «Кодан Курабу» оказался довольно популярным. Истории нашли своего благодарного читателя среди стремительно растущей прослойки грамотного населения.

К этому времени Нома стал уже весьма успешным предпринимателем. В период с 1914 г. по 1923 г. им было запущено издание еще пяти журналов, а его издательство стало одним из крупнейших среди журнальных издательств Японии.

Во многих отношениях Нома был типичным предпринимателем тех лет: он использовал дешевый труд мальчиков-подростков, работавших с утра до вечера и имевших лишь два выходных дня в месяц. В то же время он строил жилые кварталы с местами отдыха и развлечений для молодых неженатых работников и сохранил основной костяк рабочей силы в тяжелых условиях рецессии 1920-х годов.

После разрушительного землетрясения в Токио и Йокогаме 1923 г. «Коданся» и «Дай Ниппон Юбэн Кай» оказались одними из немногих издательств, чей бизнес не был задет этим бедствием. Нома к тому времени уже был состоятельным человеком, «королем журнала» в Японии, а для его конкурентов – «Муссолини журнального мира». Он был также «гражданином мира» и охотно перенимал идеи западных издательств. Идея о новом очень успешном журнале «Фудзин», вышедшем в свет в 1920 г., появилась у него во время прочтения американских «Saturday Evening Post» и «Ladies Home Journal». Он понял, что нужно выпускать журнал для всех, который будет включать всё, что «интересно, любопытно, легко и расслабляюще».

В 1925 г. уже приближающийся к концу своей жизни Нома запустил свой пятый и самый успешный журнал – «Кингу» (от английского слова «король»). Тон журнала был нравоучительный, но тем не менее это был самый успешный журнал в истории современной Японии – ежемесячный объем продаж составлял 1,5 млн. экземпляров. В том же 1925 г. Нома осуществил слияние двух своих издательских компаний, «Дай Ниппон Юбэн Кай» и «Коданся». Компания после слияния получила название «Дай Ниппон Юбэн Кай Коданся».

Последний журнал Нома – детский – не пользовался большой популярностью, но к тому времени, за 10 лет до смерти, его уже больше интересовал книгоиздательский бизнес. Хотя количество книг, опубликованных компанией до Второй мировой войны, было невелико, они продавались очень хорошо. Компания имела все шансы стать лидером книгоиздательской отрасли, но этому помешала скоропостижная смерть Нома в возрасте 60 лет и приближение Второй мировой войны.

Год его смерти, 1938, был также годом, когда начался резкий спад в издательском бизнесе, который окончился полной остановкой печатной деятельности в 1945 г. Это были тяжелые годы для японских издателей. После смерти Нома бразды правления взял в свои руки его сын Хасаси, но он вскоре скоропостижно скончался от болезни. Вдова Нома, Нома Саз, была вынуждена взвалить этот груз на себя. Тот факт, что она возглавила такую крупную компанию, был беспрецедентным для Японии, где жен-

щины на тот момент не имели даже права голоса. Так как ее единственный сын умер, она приняла в семью второго мужа вдовы своего сына, Такаги Сёити, который принял фамилию Нома и возглавил компанию в 1941 г. Вскоре компания «Дай Ниппон Юбэн Кай Коданся» была переименована и стала официально называться «Коданся».

Вторая мировая война была тяжелым временем для японских книжных издательств. Помимо государственного контроля за печатью существовала также катастрофическая нехватка бумаги, которая распределялась централизованно. В 1945 г. книгоиздательская деятельность остановилась из-за исчерпания запасов бумаги.

Возрождение книгопечатной индустрии в послевоенный период

Как только после капитуляции страны контроль над прессой был снят, японское предпринимательство воспрянуло духом. Но с приходом американцев японская цензура была заменена американской. Ранее милитаристски ориентированная Японская ассоциация книгоиздателей теперь всячески разоблачала тех, кто сотрудничал с государством во время войны, в том числе и «Коданся» под руководством Нома Сёити.

Обвинения в сотрудничестве возымели эффект: в первую волну «чисток» в 1946 г. Нома был снят с поста президента «Коданся». Но работники продолжали поддерживать фирму вплоть до почти невероятной реабилитации своего хозяина в 1949 г.

Вернувшись на прежний пост, Нома направил все свои усилия на модернизацию и реорганизацию компании, а основным ее бизнесом стало книгопечатание, хотя продолжался и выпуск журналов. Время для этого было весьма подходящее. Корейская война, начавшаяся в 1950 г., способствовала быстрому восстановлению Японии. К тому времени, как война закончилась, японская издательская отрасль уже полностью оправилась от последствий Второй мировой войны.

Нома Сёити обладал тем же предпринимательским чутьем, что и Нома Сэйдзи и знал, какой журнал следует выпускать. Поворотным моментом для компании стал выпуск литературного журнала «Гундзо», который привлек лучших японских писателей того времени. Нома Сёити первым начал массовую публикацию книг в Японии, чем заслужил звание «Отца японского книгоиздательства». Он также принял участие в совместном проекте с зарубежными издателями, который вылился в крайне прибыльную и успешную серию книг, таких как «Музеи мира» или «Святыни мировых религий».

В 1963 г. Нома решил освоить рынок США, что было смелым шагом для японского издателя. Он основал компанию «Kodansha International/USA» в Нью-Йорке, которая стала одной из важнейших и самых успешных ее дочерних компаний. Она выпускает сотни книг по японскому искусству, литературе, истории в переводе на английский язык.

К 1980 г. «Коданся» стала крупнейшей и самой успешной издательской компанией в Японии.

Нома Сёити также много сделал для расширения межнационального культурного общения. Его детище, «Организация издателей для культурного обмена», была основана с целью представить японскую культуру миру и приобщить японцев к иностранной культуре. За этим последовало учреждение в 1979 г. «Азиатской/Африканской стипендии Нома», дабы дать возможность студентам из Азии и Африки получить образование в Японии. В 1980 г. была учреждена «Награда Нома» за издательскую деятельность в Африке, присуждавшаяся за лучшую книгу, написанную и напечатанную в Африке. В том же году была учреждена «Литературная награда Нома», вручаемая группе лиц или отдельным людям за вклад в борьбу с неграмотностью.

В 1981 г. Нома ушел в отставку и передал место президента своему усыновленному сыну Нома Корэмита, который оставался президентом компании до своей смерти в 1987 г. В этот период «Коданся» вошла в эпоху аудиовизуальной электроники и, как и многие японские издательства, стала расширять выпуск комиксов. В 1990-е годы число издаваемых компанией комиксов достигало почти трех тысяч.

Информационные технологии в 1990-х годах

После смерти К. Нома его вдова, Нома Савако, заняла пост президента, став второй женщиной-президентом за историю существования «Коданся». Хорошо образованная, владеющая английским языком, мать пятерых детей Нома С. продолжила стратегию своих предшественников по продвижению компании в международный издательский бизнес.

Следующая декада была ознаменована огромным ростом продаж продукции «Коданся», достигшими пика в 1997 г. (1,8 млрд. долларов). Большей частью успех компании определялся ее готовностью осваивать новые технологии в качестве средства разработки новых продуктов. Так, в начале 1990-х годов «Коданся» была одной из немногих издательских компаний, которая предоставляла информацию о книгах в Интернете, а в июле 1997 г. стала вторым издательством, которое предложило услугу он-лайн заказа книг. Во второй половине десятилетия «Коданся» участвовала в нескольких совместных проектах, которые продвигали инновации в сфере электронных устройств. В 1998 г. она совместно с 29 другими компаниями создала ассоциацию по продвижению электронных книг через сеть компьютерных терминалов, которые располагались в розничных торговых точках по всей стране. В следующем году она представила линию веб-аудиокниг, предназначенных для людей с нарушением слуха, а в 2000 г. объединилась с еще семью издательствами для создания виртуального книжного магазина, предлагающего эксклюзивный электронный контент.

Бум *манга* во второй половине 1990-х годов также оказался довольно прибыльным для «Коданся». Они впервые стали популярны в Японии в 1959 г., когда «Коданся» выпустила журнал «Weekly Shonen», в котором они были опубликованы. Спустя несколько десятилетий с появлением нескольких анимационных фильмов, основанных на комиксах *манга*, например «Акира» или «Покемон», *манга* стали популярны и в Северной Америке. В начале 1990-х годов «Коданся» передала права на *манга* «Акира» дочерней компании «Марвел» «Epic Comics», предоставив ей возможность создать версию этой истории в виде комиксов специально для американской аудитории. В 1996 г. «Коданся» открыла предприятие в Северной Америке специально для продвижения японской анимации, а в 2000 г. состоялась премьера в США *аниме* «Cardcaptor», оригинального произведения «Коданся», которое было невероятно популярно в Японии.

Переход к рынку современных технологий не повлиял на репутацию «Коданся» как издателя печатной литературы. В 1993 г. компания «Kodansha America» начала выпуск «Kodansha Globe», серию книг в мягкой обложке, посвященную культурам народов мира. В это же время Савако Номы учредила целую серию литературных премий, спонсируемых компанией, включая приз за лучшие переводы японских произведений. В США «Kodansha America» привлекла также внимание публикации работ американских писателей в дополнение к расширяющейся линии английских переводов японских произведений.

На внутреннем рынке компания сосредоточилась на возросшем спросе на женские журналы и запустила серию успешных публикаций, включая «Vose» и «Mine». Хотя компания сталкивалась с множеством трудностей в конце десятилетия, включая нарушение авторских прав в других азиатских странах и спад интереса к чтению среди подростковой аудитории Японии, ее способность осознать новые возможности помогла ей сохранить лидирующие позиции в японском и международном издательском бизнесе и в XXI веке⁵.

* * *

Таким образом, печатная книга прошла долгий путь, прежде чем стала доступна каждому японцу. Долгое время, до периода Эдо, техника книгопечатания была столь дорогостоящей, что заниматься печатанием книг могли только храмы и императорский двор, а сами книги носили в основном сакральный характер. Толчок к развитию книгопечатания получило в период Эдо, но по-настоящему доступными книги стали только в период Мэйдзи, когда в страну пришла не только западная техника печати, но и западная бумага. В конце XIX в. при поддержке прави-

⁵ International Directory of Company Histories, St. James Press, 2001. V. 38.

тельства начали появляться книжные издательства. В большинстве своем они начинали как журнальные издательства, и только лишь после Второй мировой войны некоторые из них начали специализироваться на выпуске книг. На пути книжной отрасли в первой половине XX в. вставало множество препятствий: экономический кризис 1920-х годов, землетрясение 1923 г., депрессия 1930-х годов, а затем цензура милитаристской Японии и разрушительная Вторая мировая война.

Тот факт, что книгопечатание не исчезло, говорит о том, что книги и журналы играют не последнюю роль в жизни японцев. Страна, где, как считается, появился первый в мире роман («Гэндзи моногатари»), не могла позволить исчезнуть издательскому делу. В начале XX в. и позже огромную роль в процветании издательского бизнеса играла почти абсолютная грамотность японского народа, который тянулся к литературе и периодике. И даже при появлении новых технологий в 1990-е годы книгоиздательская отрасль сумела перестроиться и подстроиться под изменившиеся вкусы и предпочтения читателей.

Р. А. Кантур

Данная статья представляет собой анализ роли и места института гэнро в системе органов власти Японии эпохи Мэйдзи и его эволюции на рубеже XIX–XX веков. Особый упор делается на причины столь значительного политического веса данного института.

Ключевые слова: гэнро, Реставрация Мэйдзи, Ито Хиробуми, Ямагата Аритомо.

Изучение государственно-политического устройства Японии эпохи Мэйдзи невозможно без рассмотрения такого важнейшего института, как гэнро (букв. «старейшина»), который на протяжении многих лет определял вектор внутри- и внешнеполитического развития Японии и носил определенный отпечаток национально-культурных особенностей этой страны.

Гэнро – это наименование, используемое по отношению к нескольким приближенным к императору государственно-политическим деятелям, проводившим после Реставрации Мэйдзи реформы, кардинально изменившие облик японского государства и стимулировавшие его модернизацию в последней трети XIX – начале XX вв.

Данный институт возник в 1889 г., когда указом императора нескольким представителям высшего государственного истеблишмента страны был придан статус государственных старейшин (гэнро). В эпоху Мэйдзи такой статус имели семь человек: князь Ито Хиробуми (1841–1909); граф Курода Киётака (1840–1900); князь Ямагата Аритомо (1838–1922); князь Мацуката Масаёси (1835–1924); граф Иноуэ Каору (1836–1915); маркиз Сайго Цугумити (1843–1902); князь Ояма Ивао (1842–1916).

Анализируя географическую составляющую происхождения гэнро, можно увидеть, что все семеро происходили из одного из двух княжеств – Сацума (Курода, Мацуката, Сайго, Ояма) и Тёсю (Ито, Ямагата, Иноуэ).¹ Это было совершенно логично в условиях Японии последней трети XIX в., так как именно княжество Сацума, являвшееся владением клана Симадзу, и княжество Тёсю, более трех веков принадлежавшее клану Мори, находились в авангарде антисёгунских сил во время гражданской войны 1868–1869 гг.

¹ Reischauer H. M. Samurai and Silk: A Japanese and American Heritage. Cambridge: MA, 1986. P. 93.

Если говорить о распределении функций членов гэнро, то Ито Хиробуми, Ямагата Аритомо и Иноуэ Каору в основном занимались решением внешнеполитических задач; Мацуката Масаёси – разработкой и реализацией реформ в финансово-экономическом секторе; Курода Кийётака был в большей степени сведущ в вопросах имущественных отношений и внешней торговли; Сайго Цугумити и Ояма Ивао занимались созданием флота и армии по западному образцу и руководили модернизацией в военной сфере. Решение же общенациональных проблем требовало непосредственного участия всех гэнро.

Как отмечает профессор факультета ориенталистики и африканистики Лондонского университета Ричард Симс, все гэнро раньше носили должность императорского советника *санги* и входили в состав Императорского совета.² Упразднение Императорского совета в 1885 г. и конституционная реформа способствовали усилению гэнро, так как в совете старейшин было меньше членов, чем в Императорском совете, что стимулировало корпоратизацию этой структуры, превращение ее в закрытую организацию, вынесенную за формальные институциональные рамки политической и правовой системы мэйдзийской Японии.

Гэнро как институт отличался определенным набором характеристик, выделявших его среди прочих государственно-политических институтов мэйдзийской Японии и придававших ему совершенно особый статус.

Статус гэнро нигде и никогда не был формально закреплён.³ В Конституции 1889 г. были некоторые правовые лакуны, которые несли на себе некоторый специфический культурный отпечаток: в частности, в ней почти не отражался юридический статус таких институтов, как позаимствованный из политико-правовой практики Британской империи Тайный совет, осуществлявший координирующие функции и дававший императору рекомендации по ключевым государственным вопросам; а также совсем упускался из виду совет гэнро, который по своей сути имел надправовую природу и официально никогда не был институционализирован.

Совет гэнро был коллегиальным органом, где решения принимались после длительных и скрупулезных согласований, а также тщательного анализа их возможных последствий.⁴ Причем коллегиальность подразумевала в основном именно коллективное обсуждение различных вопросов, зачастую после заслушивания тематических докладов заинтересованных лиц, формально не входивших в состав гэнро, но в компетенции которых находилось решение того или иного вопроса.

² Sims R. L. Japanese Political History Since the Meiji Renovation 1868–2000. London, 2001. P. 54–55.

³ Nish I. H. The Anglo-Japanese Alliance: The Diplomacy of Two Island Empires 1884–1907. London, 2013. P. 4.

⁴ Silberman B. S. Bureaucratic Development and the Structure of Decision-Making in the Meiji Period: The Case of the Genro // The Journal of Asian Studies. 1967. V. 27. № 1. P. 83.

Рекомендации гэнро не носили с конституционной точки зрения общеобязательного характера, однако они неукоснительно выполнялись как административно-бюрократическим аппаратом, так и органами исполнительной власти.⁵ Столь высокий статус старейшин был обусловлен их происхождением, опытом и связями в политических, военных, административных и финансово-экономических кругах. Следует при этом иметь в виду, что членство гэнро было пожизненным.

Все гэнро были равны. Решение принималось только на основе консенсуса. Это согласовывалось как с понятиями, присущими японской традиционной ментальности, так и со здравым смыслом, ибо за каждым гэнро стояли целые группы элит, и игнорировать интересы даже одной из них было бы недальновидно и опрометчиво.

Говоря о процедуре принятия решений, необходимо отметить, что в рамках гэнро существовал ряд негласных правил, которым следовали все старейшины, несмотря на частое различие взглядов на одни и те же политические проблемы:⁶

1. равенство при обсуждении вопросов (один человек – один голос);
2. равный доступ к информации по той или иной проблеме, поставленной на обсуждение;
3. принятие решения в соответствии с принципом большинства.

Процедура принятия решений выглядела следующим образом:

1. предварительные консультации, призванные узнать мнение каждого из гэнро относительно вариантов разрешения некой проблемы;
2. согласования точек зрения и пути сглаживания возможных противоречий;
3. включение проблемы в повестку дня и, по необходимости, заслушивание доклада ответственного лица;
4. принятие решения и направление его императору на одобрение;
5. поручение ответственному лицу следить за выполнением принятого решения.

Говоря о четвертой стадии, необходимо выделить две важнейших особенности, характерные для всего вышеописанного процесса.

Во-первых, решение гэнро носило рекомендательный характер.

Во-вторых, согласие императора, носило условный характер, так как он всегда шел навстречу пожеланиям гэнро и давал свое одобрение.

Институт гэнро не оставался неизменным и претерпевал определенные изменения. В данной статье мы предлагаем свое понимание этой эволюции.

Этап I: 1889–1898 гг. (от возникновения гэнро до назначения на должность премьер-министра Окума Сигэнобу; когда впервые за девять лет в кресле главы правительства оказался не член гэнро).

⁵ Там же.

⁶ Silberman B. S. Op.cit. P. 82.

Характеристика этапа:

- ✓ доминирование гэнро во всех без исключения органах власти: в правительстве, Тайном совете, в ключевых министерствах и ведомствах, а также в силовых структурах;
- ✓ вызревание и кристаллизация основных фракционных группировок, соперничавших друг с другом за доступ к рычагам принятия решений;
- ✓ консервация завоеваний, достигнутых в ходе реформ Реставрации Мэйдзи, и отсутствие новых системных реформ в этот период;
- ✓ министерская чехарда, вызванная стремлением отдельных группировок контролировать как можно большее количество участков политического фронта и приведшее в конечном счете к временному ослаблению данного института.

Этап II: 1898–1904 гг. (от формирования первого в истории страны правительства во главе с членом политической партии (Кэнсэйто) Окума Сигэнобу до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг.). когда происходит кратковременное усиление фракции военных в совете гэнро и высших органах исполнительной власти;

Характеристика этапа:

- ✓ ослабление роли гэнро во всех властных структурах, кроме Тайного совета;
- ✓ значительное снижение влияния членов фракции Сацума, некоторые из которых скончались (в 1900 г. умер Курода Киётака, в 1902 г. – Сайго Цугумити), а часть – полностью отошла от дел (как, например, Мацуката Масаёси, в 1898 г. ушедший в отставку с постов премьер-министра и министра финансов).
- ✓ постепенное уменьшение интенсивности фракционной борьбы и понижение уровня внутренней напряженности.

Этап III: 1905–1912 гг. (от Портсмутского мирного договора, ознаменовавшего конец войны и ослабление фракции военных в совете гэнро и правительстве) до смерти императора Мэйдзи.

Характеристика этапа:

- ✓ изменение соотношения военных и гражданских чинов в правительственных структурах в пользу последних; оттеснение представителей высшего военного истеблишмента на вторые роли.
- ✓ начало постепенной маргинализации совета гэнро, вызванной тем, что эта структура шаг за шагом стала терять контроль за ситуацией в стране (в 1909 г. Ямагата Аритомо на время лишается председательства в Тайном совете и в том же году в Корее был убит Ито Хиробуми, что представляло собой удар по наиболее влиятельным ее членам);
- ✓ уменьшение к концу эпохи Мэйдзи числа активно действующих гэнро, к которым, пожалуй, относился только Иноуэ Каору;

все остальные оставшиеся в живых гэнро (Ямагата, Ояма, Мацу-ката) активного участия в политике не принимали и собирались на заседания совета лишь в исключительных случаях.

Деятельность гэнро происходила по нескольким направлениям.

Во-первых, решение ключевых кадровых вопросов. Это означало, что ни одно назначение на высшие государственные должности не могло быть осуществлено без рекомендации гэнро⁷ (к таким должностям относились, прежде всего, посты премьер-министра, председателя Тайного совета, а также основных министров, в частности, военного министра, морского министра, министра иностранных дел, министра внутренних дел, министра финансов, министра юстиции; кроме того, это касалось должности не являвшегося формально членом правительства министра-хранителя Печати, выполнявшего канцелярские функции по систематизации указов монарха и обработке различных прошений и петиций, адресованных главе государства).

Подобная ситуация была возможна не только ввиду стремления гэнро доминировать в различных государственных структурах (прежде всего, в высших органах исполнительной власти), но и потому, что в Конституции 1889 г. весьма расплывчато и туманно определялся правовой статус правительства, не говоря уже об особом статусе Тайного совета, председателями которого в течение 18 из изучаемых 24 лет были гэнро. В частности, в Главе IV в § 55 была установлена обязанность государственных министров оказывать помощь императору советами, за которые они должны были нести персональную ответственность; также было сказано о необходимости визировать указы и рескрипты императора подписью соответствующего государственного министра.⁸ Больше об исполнительных органах власти не сказано ни слова (нет даже упоминания о премьер-министре). Именно поэтому в ситуации явной неопределенности и при наличии столь серьезных правовых лакун гэнро пытались сохранять контроль над исполнительной ветвью власти не только по причине того, что это было каналом влияния на принятие решений, но и потому, что позволяло проводить более консолидированный политический курс. В любом случае рекомендовать императору кандидатуры премьер-министра и министров было исключительной прерогативой гэнро,⁹ и посягать на данную прерогативу не смел никто.

С целью проиллюстрировать данную ситуацию конкретными примерами и проанализировать изменения в политической активности гэнро на протяжении всего исследуемого периода, с одной стороны, и в оче-

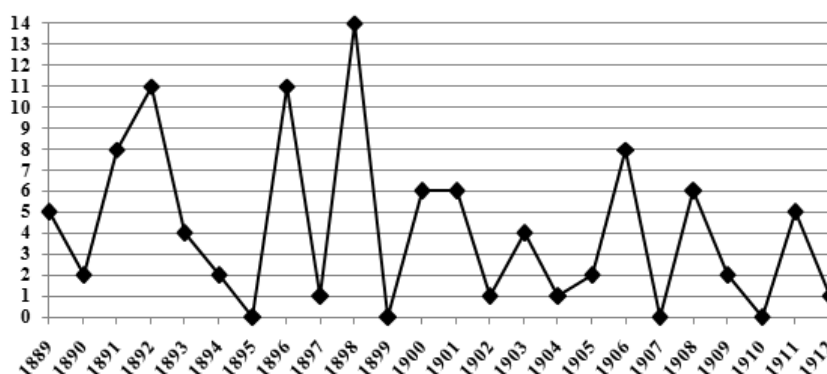
⁷ Scalapino R. A. Democracy and the Party Movement in Prewar Japan: The Failure of the First Attempt. Auckland: CA, 1962. P. 199.

⁸ Конституция Японской империи 1889 г. // Интернет-библиотека конституций Романа Пащкова. URL : <http://worldconstitutions.ru/?p=551>. (дата обращения 07.11.2015).

⁹ Scalapino R. A. Op.cit. P. 204.

редной раз подтвердить правомерность изложенной выше авторской периодизации эволюции деятельности гэнро – с другой, автор на основе данных, связанных с перестановками в высших эшелонах власти в стране, выстроил диаграмму, наглядно демонстрирующую степень интенсивности этих изменений на разных этапах.

**Динамика назначений на высшие государственные посты
в Японии эпохи Мэйдзи в 1889-1912 гг.
из расчета "количество назначений в год"
(премьер-министр, председатель Тайного совета, министры:
военный, морской, иностранных дел, внутренних
дел, финансов, юстиции, хранитель Печати)**

Как следует из представленной выше диаграммы, пик назначений и переназначений на высшие государственные посты пришелся на период с 1889 по 1898 гг. В статистику включены все назначения на указанные в названии диаграммы посты, из чего можно заметить, что зачастую руководитель того или иного ведомства сменялся более одного раза в год.

Наибольшее число назначений пришло на 1898 г., когда во властных структурах произошло 14 перестановок на 8 рассматриваемых должностей (то есть в среднем во главе каждого ведомства за один год сменилось 1,8 человека, что является примером беспрецедентной министерской чехарды).

На втором месте – 1892 и 1896 гг., когда перестановок было 11.

На третьем месте по количеству изменений кадрового состава – 1891 и 1906 гг., когда перестановки были проведены 8 раз соответственно.

Все это подтверждает сформулированное ранее утверждение, согласно которому этап с 1889 по 1898 гг. является периодом доминирования и наивысшей государственно-политической активности старейшин, что подстегивалось интенсивной фракционной борьбой среди них и стремлением оказывать большее влияние на принятие политических решений.

Что касается кадровых перестановок, которые пришлось на 1906 г., то это, как уже было сказано ранее, стало следствием отстранения многих военных от рычагов государственного управления ввиду окончания Русско-японской войны.

Ослабление влияния гэнро после 1898 г. (и, как подчеркивают некоторые авторы,¹⁰ еще более подстегнутое отставкой Ито Хиробуми в 1901 г. с поста премьер-министра Японии), отмеченное ранее, также нашло свое отражение в данной диаграмме.

Помимо кадровых вопросов, гэнро предоставляли рекомендации императору по важнейшим внешнеполитическим вопросам: подписание международных договоров; установление и приостановление дипломатических отношений; объявление войны; заключение мира и т. д. Таким образом, гэнро играли ключевую роль в выработке внешнеполитического курса страны.¹¹ Если же учесть тот факт, что пост министра иностранных дел в течение некоторого периода времени занимали лица из числа гэнро (Ито Хиробуми, Иноуэ Каору), то можно сказать, что на определенном этапе (до 1898 г. как минимум) они монополизировали эту сферу деятельности.

Роберт Рейшауэр так оценивал ситуацию: «Именно эти люди, стоявшие позади трона, обладали реальной властью в стране. Интересоваться их мнением по всем важнейшим вопросам и, что более важно, следовать ему, стало уже привычным делом. Никто не мог быть назначен на пост премьер-министра, не получив на то рекомендацию гэнро. До 1922 г. их одобрения не миновал ни один законопроект и ни одно сколько-нибудь важное международное соглашение, прежде чем на нем появлялась императорская подпись. В те времена именно эти люди были истинными властителями Японии».¹²

Мощнейшим источником политического влияния гэнро служила партийная деятельность, но здесь необходимо сделать одну важную оговорку, а именно: этот источник был актуален по отношению к отдельным гэнро, прежде всего, Ито Хиробуми, Иноуэ Каору и Сайго Цугумити, в то время как все остальные гэнро были беспартийными.

Факт принадлежности к политической партии Ито Хиробуми и Иноуэ Каору объясняется тем, что они представляли административно-бюрократические элиты Японии; совершенно очевидно, что бюрократия почти сразу поняла, каким действенным и эффективным в политической борьбе может являться такой инструмент, как политическая партия, особенно если под него юридически подведена конституционная основа в виде парламентских институтов. Военные же во главе с Ямагата Аритомо

¹⁰ Reischauer H. M. Op.cit. P. 130.

¹¹ Staden P. Business-Government Relations in Prewar Japan. London, 2012. P. 34.

¹² Цит. по: Quigley C. Tragedy and Hope: A History of the World in Our Time. San Diego: CA, 2014. P. 200.

Гэнро	Партия	Годы принадлежности
Ито Хиробуми	Риккэн Сэйюкай	1900–1909 гг.
Курода Киетака	<i>Беспартийный</i>	
Ямагата Аритомо	<i>Беспартийный</i>	
Мацуката Масаеси	<i>Беспартийный</i>	
Иноуэ Каору	Риккэн Сэйюкай	1900–1915 гг.
Сайго Цугумити	Кокумин Кёкай	1892–1902 гг.
Ояма Ивао	<i>Беспартийный</i>	

этот инструмент недооценили и всячески пытались ему противодействовать (причем не только в первое время, но и впоследствии; в частности, он был резко против формирования в 1918 г. правительства, сформированного по партийному принципу, которое возглавил лидер партии Риккэн Сэйюкай Хара Такаси).

Что касается Сайго Цугумити, то он всегда придерживался особой позиции по различным политическим вопросам и проявил гораздо большую политическую дальновидность и прозорливость, по своей инициативе сформировав в 1892 г. центристскую партийную организацию Кокумин Кёкай, которую и возглавил – на несколько лет раньше, чем на это решились некоторые из его коллег по совету гэнро.

Еще одним источником политического влияния гэнро был их солидный вес в финансово-промышленных кругах. Все гэнро так или иначе были связаны с определенными группами, которые известны в японской истории как дзайбацу. Эти связи систематизированы К. Куигли в нижеприводимой таблице.¹³ что наглядно представлено в расположенной выше таблице.

Информация, систематизированная в данной таблице, требует пояснений.

Во-первых, почему шестеро из семи гэнро были связаны с дзайбацу Мицуи?

Разгадка заключается в том, что именно группа Мицуи, основанная в 1876 г. предпринимателем из Ниигаты Масуда Такаси, который оказывал значительную финансовую помощь новой власти, культивировала в дальнейшем особо тесные связи с сановниками из Тёсю и Сацума,

¹³ Quigley C. Tragedy and Hope: A History of the World in Our Time. San Diego: CA, 2014. P. 201–202. Одной звездочкой (*) помечены гэнро, получившие это звание в эпоху Тайсе (их влияние и роль в исследуемый период была весьма значительной, хотя и не сравнимой с той, которую играли гэнро). Двумя звездочками (**) помечены лица, не входившие в состав гэнро, но занимавшие высокие посты во власти.

в результате чего она стала крупнейшим промышленным монополистическим объединением страны.

Гэнро	Дзайбацу
Ито Хиробуми	Мицуй
Ямагата Аритомо	
Иноуэ Каору	
Кацура Таро [*]	
Курода Киётака	
Мацуката Масаёси	
Ояма Ивао	
Окума Сигэнобу ^{**}	Мицубиси
Итагаки Тайсукэ ^{**}	
Сайондзи Киммоти [*]	Сумитомо

В какой-то степени именно это и стало причиной того, что гэнро почти сразу стали называть «мэйдзийской олигархией» или «олигархией гэнро»,¹⁴ Под «олигархией» обычно понимается власть крупного капитала. Однако термин «олигархия гэнро» по факту является политологически и исторически некорректным, так как гэнро никогда не действовали от имени дзайбацу, а сами дзайбацу никогда не имели и не стремились иметь доступ к рычагам государственного управления, вполне довольствуясь теми льготами и преференциями, которыми в обмен на лояльность одаривало их правительство.

Следует также ответить на вопрос, почему столь различные по взглядам и убеждениям деятели, как Окума Сигэнобу и Итагаки Тайсукэ в реальности поддерживались одним и тем же дзайбацу – Мицубиси?

Одновременная поддержка концерном Мицубиси Окума Сигэнобу, лидера японской либеральной оппозиции, и Итагаки Тайсукэ, вокруг которого группировались крайние радикалы из «Патриотического общества» и подобных ему организаций, была обусловлена тем же, чем была обусловлена поддержка концерном Мицуй проправительственных сил. Будучи основанной в разгар Реставрации предпринимателем Ятаро Ивасаки в 1870 г., на шесть лет раньше Мицуй, компания Мицубиси изначально занимала аполитичную позицию, чего нельзя было сказать о Мицуй, поддержавшей правительство во всех его начинаниях и обласканной им. Желая занять достойное место на политическом олимпе

¹⁴ Rastler K., Thompson W. Puzzles of the Democratic Peace Theory, Geopolitics and the Transformation of World Politics. London, 2005. P. 81.

новой Японии, Мицубиси стала оказывать поддержку правым оппозиционным силам всех мастей, включая региональные оппозиционные организации (как, например, «Общество свободомыслящих», объединявшее представителей 13 префектур – в основном Сикоку и южного Хонсю). Поэтому со временем Мицубиси стала второй по масштабу и влиятельности дзайбацу Японии, уступая в этом качестве только Мицуи.¹⁵

В данной работе институт гэнро был рассмотрен как комплексное явление, – институт, игравший весомую роль в процессе модернизации Японии в ходе Реставрации Мэйдзи и превращении страны в сильное современное государство, прочно вошедшее в начале XX в. в клуб Великих держав, став одним из важнейших акторов международных отношений и крупнейшим политическим игроком в Восточной Азии.

¹⁵ Quigley C. *Tragedy and Hope: A History of the World in Our Time*. San Diego: CA, 2014. P. 202.

Введение

А. Н. Панов

Понятие национальной идентичности, определяющей своеобразие особенность наций-государств, не имеет единого толкования. На наш взгляд, национальная идентичность может выводиться из особенностей восприятия тем или иным народом окружающей среды и, в более широком плане окружающего мира, включая соседние государства и народы.

На основе такого восприятия формируются правила и нормы человеческого общения, культурные и религиозные ценности, оценки внешней угрозы и, соответственно, перспективы выживаемости нации и сохранения присущих только ей традиций организации системы существования управления и развития. В обобщенном виде все это представляет историческую память нации.

Соответственно, можно сделать вывод, что национальная идентичность оказывает непосредственное воздействие на формирование внешней политики и определение средств и методов их достижения.

При этом при реализации внешнеполитических задач серьезную роль играют доминирующие в той или иной исторический период культурно-религиозные ценности. Например, в Средние века в Японии это был «кодекс бусидо», в конце XIX–первой половине XX века теория о правовом превосходстве японцев над другими евразийскими народами. В России – таковыми были концепция Москва – Третий Рим», славянофильство, коммунистическая идеология.

На различных исторических этапах, через которые проходит нация, постановка задач, от решения которых зависит ее выживаемость и сохранность идентичности, может отличаться, в том числе кардинально.

Например, модернизация при Петре I или же консервация внутренних устоев, поддержание стабильности в последующее время. В Японии – закрытие страны с начала XVII века и бурная модернизация со второй половины XIX века.

На ход этих важнейших для судьбы нации процессов самое существенное воздействие оказывает национальная идентичность, которая, с одной стороны, может способствовать продвижению этих процессов, а с другой, тормозить, выхолащивая их содержание. Кроме того, от национальной идентичности или, в упрощенном определении, от национального характера, может зависеть степень радикализации этих процессов и,

как одно из следствий, определение внешнеполитического курса – агрессивного, пассивного, миролюбивого.

Национальная идентичность лежит в основе понятия цивилизации. Американский ученый Хантингтон различал русскую православную цивилизацию японскую синтоистско-буддистскую.

Каждая цивилизация в процессе исторического существования и развития идет своим самобытным путем. Вместе с тем различные цивилизации не только соприкасаются друг с другом и вступают в определенные отношения, но могут оказывать на партнера существенное воздействие. Кроме того, несмотря на фундаментальные цивилизационные различия, нации-государства, особенно в период радикальных или революционных преобразований нередко сталкиваются с аналогичными проблемами, решение которых рождает схожие результаты. Или же, напротив, приводит к прямо противоположным последствиям.

Формирование и существование российской и японской цивилизаций проходило под сильнейшим внешним воздействием со стороны других цивилизаций. Российская – под влиянием византийской, монгольской, а затем и западноевропейской, японская – китайской, в послевоенное время – американской.

Безусловно, российская и японская цивилизации кардинально отличаются. Но есть и сходные и даже совпадающие черты. Географически Россия – континентальная держава, Япония – горно-островная.

С момента возникновения российское государство вынужденно было фактически постоянно отражать нападения соседних племен, народов, государств. В результате в исторической памяти русского народа глубоко укоренилось чувство «внешней опасности».

Япония лишь дважды в XIII веке подверглась нападениям монголов, которые носили краткосрочный характер. Тем не менее, в исторической памяти японского народа страх перед иностранным вторжением сохранился на многие века.

И в России, и в Японии на протяжении многих веков общественно-социальное устройство определялось доминированием вертикальности и иерархичности в построении и управлении государством и обществом, преобладанием общинного ведения хозяйства, прежде всего, сельского, концентрацией населения в сельской местности при наличии ограниченного числа городов и городского населения.

В конце XIX века и в России, и в Японии эти особенности русской и японской цивилизаций будут серьезно препятствовать более полному принятию западной модели построения гражданского общества и капиталистической экономики.

Начиная модернизацию в конце XIX века, обе нации находились на более низкой по сравнению с Западом ступени экономического и социального развития. Россия стремилась компенсировать отставание внешней экспансии (присоединение Средней Азии, Кавказа, продвижение в Си-

биль). Япония – «внутренней» экспансией – выдавливание айну, колонизация Хоккайдо.

Сходные черты проявляются и в национальном характере народов двух стран. Среди них:

- уважение к силе;
- подозрительность, недоверие к другим нациям («заккрытие» Японии, «заккрытие» СССР в годы коммунистического периода);
- стремление к единообразию и гармонии в обществе, к формированию общих интересов, к групповой организации и мышлению;
- эмоциональность, восприятие прекрасного в природе, окружающей среде.

И в Японии, и в России в целях сохранения и укрепления национальной идентичности использовалась стратегия «выделения внешнего врага». Причем в Японии «российская угроза с Севера» начала использоваться с XVII века и просуществовала почти до конца XX века. В России «японская угроза» просуществовала недолго в начале XX века, но затем активно использовалась в Советском Союзе с 30-х годов XX века и до «политики перестройки».

Стратегия «внешней угрозы» сопровождалась насаждением в общественном сознании негативного отношения не только к соседнему государству, но и к наделению его народа отрицательными человеческими качествами. Причем если в России/ Советском Союзе период «враждебности» был сравнительно кратким и концентрировался на критике японского милитаризма и жестокости японцев по отношению к другим народам, особенно в период японской интервенции на Дальнем Востоке и в период ведения агрессивной войны в Азии, то в Японии «негативизм» в России и русским культивировался почти четыре столетия.

При этом «лучшие качества» японцев противопоставлялись «худшим» чертам характера россиян. Если японскому национальному характеру приписывались такие качества, как честность, справедливость, вежливость, искренность, верность, то российскому – лживость, безрассудство, грубость, фантазерство, подозрительность, враждебность, алчность, беспринципность, коррумпированность. Вместе с тем не отрицается влияние русской культуры, особенно литературы, на японскую интеллигенцию.

В предлагаемом вниманию читателя российско-японском исследовании поставлена задача определить сходные и несовпадающие процессы исторического развития, начиная с середины XIX века, и выявить в этих процессах роль национальной идентичности.

А. Н. Мещеряков

В статье прослеживается отношение японцев к природной среде обитания в период VIII–XX вв. и влияние этого отношения на процесс самоидентификации Японии и японцев. Автор выделяет несколько периодов, в которые отношение к среде обитания менялось решительным образом, что было связано с господствующими в государстве и обществе оптимистическими/пессимистическими настроениями. Такие трансформации были обусловлены состоянием государства и господствующим языком описания картины мира.

Ключевые слова: Япония, самоидентификация, история, среда обитания, картина мира.

Для полноценного физического и социального существования каждый человек и каждый порожденный людьми институт нуждаются в идентификации, т. е. в проведении границы, обозначающей их отдельность как в физическом пространстве, так и в общественно-идеологической системе. Появляясь позже собственно человека и протогосударственных институтов, государство подчиняется этому правилу.

В истории японского государства можно проследить несколько основных направлений и этапов идентификации.

1. Идентификация государства (со второй половины XIX в. и «японского народа») через сакральную фигуру императора (особый упор делается на непрерывности и несменяемости династии). Данный способ идентификации «работает» с древности до сегодняшнего дня.

2. Идентификация через особые свойства населения, проживающего на территории, подвластной (фактически или идеологически) верховному правителю (императору или сёгуну). Этот дискурс актуализируется при сёгунате Токугава, когда под «особыми свойствами» понимались главным образом морально-этические параметры (лояльность и соблюдение конфуцианских норм общежития), по которым японцы (прежде всего, самураи) превосходят другие народы. В период Мэйдзи, когда

¹ Настоящая статья представляет собой концентрированный итог нескольких наших работ, основная проблематика которых связана с самоидентификацией японцев. См.: Мещеряков А. Н. Японский император и русский царь. Элементная база. М.: Наталис-Рипол классик, 2004; Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис-Рипол классик, 2006; Мещеряков А. Н. Быть японцем. История, поэтика и сценография японского тоталитаризма. М.: Наталис, 2009; Мещеряков А. Н. Гора Фудзи: между землёй и небом. М.: Наталис, 2010; Мещеряков А. Н. Стать японцем. Топография тела и его приключения. М.: Наталис, 2014; Мещеряков А. Н. Terra Nipponica: среда обитания и среда воображения. М.: Дело, 2014.

происходит целенаправленное формирование «государства-нации», к «японцам» относят уже всех обитателей архипелага, и к их особым свойствам добавляются антропологические (цвет кожи, строение тела) и культурные характеристики (обычаи, умения, обостренное чувство прекрасного и т. д.). После окончания Второй мировой войны основной акцент делался на культурных особенностях японцев (дискурс, получивший название «нихондзинрон»).

3. Идентификация через землю (среду обитания) японцев. Этот дискурс восходит к древности и дожил до настоящего времени. К реальной среде обитания он имеет лишь опосредованное отношение. Несмотря на то, что среда обитания японцев менялась сравнительно мало, в разные исторические периоды ей приписывались разные характеристики. По аналогии с широко распространенным термином «воображаемые сообщества» (*invented communities*), этот способ идентификации можно назвать «воображаемой географией» (*invented geography*), в результате которого создается конструкт «земля Японии». Именно этому способу идентификации уделяется основное внимание в нашей статье.

Большая и обильная страна

Исторический путь Японии сколько-то полно прослеживается по письменным источникам начиная с VII–VIII вв., когда происходит формирование централизованного государства. Его управленческие центры располагались в центре Хонсю (так называемый «район Ки-най») в местах нахождения резиденций государей – в Фудзивара, Нара, Хэйан (совр. Киото). Этот тип государства с одним центром власти в столице формально просуществовал до образования сёгуната Минамото (1185 г.), однако его эрозия хорошо заметна уже в X в.

В древности под «государством» (*кокка*) понимался прежде всего государь и его ближайшее аристократическое окружение. Этих аристократов объединяло происхождение от высших божеств синтоистского пантеона. Только они имели право на получение высших рангов (с 1-го по 5-й) и должностей. Численность этой группы составляла всего несколько сот человек. Именно в их среде и происходила выработка критериев для идентификации «японского государства». Низкоранговое чиновничество численностью приблизительно в шесть тысяч человек выступало проводником тех идей, которые вырабатывались «государством». Чиновники имели множество привилегий, освобождались от налогов. Всё остальное население налоги платило. Его подавляющее большинство составляли крестьяне. В древней Японии была принята система надельного землепользования, вся земля находилась в корпоративной собственности государства (т. е. двора). Аристократам обеспечивался наиболее благоприятный доступ к этому основному ресурсу

земледельческого общества, который они постепенно превращали в частную собственность.

Государь и государство выступали в качестве учителя и руководителя по отношению к остальному населению (прежде всего, крестьянам) – одной из главных характеристик «простого народа» объявлялась «глупость», т. е. неспособность к принятию адекватных решений. Именно поэтому в государевых указах эти люди часто именуется «детьми», т. е. людьми не вполне полноценными. Данная метафора подразумевает не только родственную близость и теплоту семейных отношений (в формульных интронизационных указах государи обязуются «ласкать и миловать» народ), но и безоговорочное послушание государю, позиционировавшемуся как «отец» (или даже как «отец и мать») народа. Поскольку общественные отношения характеризовались малой вертикальной мобильностью, в отличие от настоящих детей «государевы дети» не имели шанса на то, чтобы «вырасти» и перестать быть детьми, отстраненными от принятия каких бы то ни было решений, касающихся государства. «Дети» представляли для государства объект заботы (была создана достаточно эффективная система помощи в случае недородов, стихийных бедствий, эпидемий), но они не выступали для государства в качестве предмета гордости, повышающего его престиж, ибо вряд ли можно гордиться носителями глупости.

Повышение престижа государства осуществлялось, в частности, через наделение территории страны положительными и даже превосходными характеристиками. Они закреплены в именовании Японии, которые постоянно встречаются в ранних мифологических, ритуальных, исторических и поэтических текстах. К ним относятся: *Ооясима-но кuni* – Большая страна из восьми (множества) островов (территорий); *Тоёакицусима* – Остров (острова, территории) богатых урожаев; *Тоёасихара мидзухо-но кuni* – Страна обильных тростниковых равнин и удивительных колосьев риса (тростник в данном случае выступает как символ быстрой вегетации и, следовательно, показатель обильности японской земли).

В период создания и начального существования централизованного государства сознание элиты характеризуется оптимистическим настроем, поскольку управленческие и мобилизационные возможности государства демонстрировали положительную динамику. Этот настрой соотносился с представлением о богатстве японской земли не только пищевыми ресурсами, но полезными (подземными) ископаемыми. В VIII в. фиксируется три изменения девизов правления, связанных с обнаружением полезных ископаемых – золота (два случая) и меди. В указах, посвященных обнаружению полезных ископаемых, неизменно подчеркивалась изобильность японской земли. Так, по случаю обнаружения меди в указе государыни Гэммэй говорилось: «И вот донесли Нам, что в стране обильной, где

Мы правим, в земле Мусаси, в стороне восточной, мягкий красный металл сам собой наружу явился. И мыслим Мы божественной сутью своей, что это – сокровище, явленное изволением богов дарующих, на Небе пребывающих, на Земле пребывающих».²

Исторические хроники фиксируют достаточно большое количество природных бедствий (землетрясений, тайфунов, наводнений, засух), пожаров, эпидемий и политических заговоров, которые воспринимались как проявление гнева конфуцианского Неба, синтоистских божеств и будд в ответ на несправедное поведение государя и его чиновников. Для умиротворения высших сил существовал целый комплекс ритуальных и практических мер: моления, материальная и медицинская помощь пострадавшим, послабления в налогах, амнистии, смена девиза правления и т. д. Считалось, что эти меры угодны высшим существам, которые непременно сменяют гнев на милость. Иными словами, жизненные проблемы мыслились как принципиально поддающиеся контролю.

Вышеперечисленные названия Японии и характеристики ее земли предназначались прежде всего для внутреннего употребления и увеличения уверенности элиты в своих силах и правах. Как же обстояло дело с представлениями об окружающих Японию землях и странах?

В период формирования древнего централизованного государства японская элита заимствовала многие китайские концепты, включая и модель пространства. Тем не менее, она претерпела на японской почве существенные трансформации.

Китайская модель пространства предполагала, что вверху находится круглое Небо, а внизу – квадратная Земля (Поднебесная). В центре Поднебесной располагается «срединная страна» – сам Китай, окруженный с четырех сторон варварскими племенами и странами. Японии в этой модели уделялась роль «восточных варваров», которые обязаны приносить дань ко двору «сына Неба» (китайского императора).

По понятным причинам японская элита не захотела принять эту концепцию полностью и позиционировала Японию как независимую страну, а не как вассала Китая. В связи с этим в Японии вводятся собственные (а не китайские!) девизы правления и собственное законодательство – маркеры независимости страны. Кроме того, в начале VIII в. принимается решение о «самовольном» переименовании страны, что было также запрещено в той системе международных отношений, в центре которой находился Китай. Если раньше самоназванием страны было *Ямато* (топоним в центре Хонсю), то теперь в международной практике она начинает гордо именовать себя «*Нихон*» («Присолнечная

² Сёку нихонги, Вадо, 1-1-1 (708 г.). В данном случае использован следующий перевод Л. М. Ермаковой. См.: Норито. Сэммё. / Пер., иссл. и коммент. Л. М. Ермаковой. М.: Наука, 1991. С. 141.

страна»). Этот акт был решительной ревизией китайской пространственной концепции. И если для Китая восток (как и любые другие направления за исключением Центра) однозначно ассоциировался с варварами, обитающими на непригодных для культурного китайца землях, то в японском понимании восточное расположение страны было связано исключительно с положительными коннотациями.

Соотнесение Японии с прародительницей императорского рода Аматэрасу, востоком и утренним солнцем становится постоянной и общепринятой характеристикой страны, показателем ее уникального и благоприятного географического расположения.

Соотнося себя с востоком, Япония не называла себя «срединой страной». Тем не менее, японский император часто именует себя «сыном Неба». Поскольку «сын Неба» по определению может быть в Поднебесной только один, то он непременно должен соотноситься только со «срединой страной». Таким образом, древние японцы все-таки считали себя «срединой страной» (или же ее аналогом), хотя и избегали употребления этого термина. Но это была «срединая страна» не для всего мира, а лишь для самого Крайнего Востока, в который Китай не входил. Таким образом, речь идет о «мини-Поднебесной», о ее уменьшенном клоне.

Концепт «срединой страны» предполагал «недвижимость» порядков и может быть охарактеризован как «географический детерминизм»: Центр, где пребывает священный и добродетельный правитель, отличается несравненными природными характеристиками – благоприятным географическим положением, наилучшим климатом. Эти природные условия самым непосредственным образом влияют на обитающих там людей – они изначально «культурны», периферия же не имеет никаких шансов на то, чтобы превратиться в Центр. В первую очередь потому, что периферия по определению обладает дурными природными условиями (климат, рельеф, географическое положение), которые не могут породить «культурность». Осознание этого доставляло глубокое удовлетворение обитателям Центра, которые не ставили своей целью широко-масштабное окультуривание варварских окраин. Именно этим объясняется наблюдаемая на протяжении почти всей японской истории пассивность по отношению к расширению своей территории. Считалось, что периферия мало пригодна для проживания там «культурного» человека.

Концепция «срединой страны» предполагала, что Япония окружена варварами. На их роль были «назначены» племена хаято (обитатели юга Кюсю и прилегающих островов – «южные варвары»), к «восточным варварам» относили племена эмиси (или эдзо – протоайны), населявшие север острова Хонсю со стороны побережья Тихого океана. Племена эмиси на севере Хонсю (со стороны Японского моря) считались «северными варварами», обитателей Силла и Бохай с некоторыми оговорками

можно квалифицировать как «западных варваров». Обязанность варваров – присылать посольства с небольшой данью, чего и требовал японский двор от своих системных партнеров. Эта дань была символической, ответным дарам полагалось быть более богатыми, но нарушение сроков посылки посольств расценивалось как нарушение обязанностей страны-вассала и вызывало угрозу войны (в VIII в. Япония дважды планировала отправку в Силла карательного корпуса).

Таким образом, представления о местоположении (реальном или же домысленном) страны в мире играли огромную роль в идентификации страны и ее политике. Такая картина мира исключала возможность переживания «малости» или ущербности Японии, скорее, наоборот – японская элита считала свою страну большой – настолько большой, что на ее периферии находилось место и для варваров.

Китай выпадал из этой геополитической модели – осознание Китая как культурного лидера не оставляло японскую элиту, никому не приходило в голову считать Китай варварским государством. Вместе с тем Китаю отводилось место не в Центре, а на западе. Китайская династическая хроника «Суй-шу» сообщает, что в послании японской правительницы Суйко (554–628, на троне 592–628) китайскому императору она именует себя правительницей страны на востоке, где «восходит солнце», а Китай – страной, где солнце заходит (в японской хронике сказано: «Государыня Востока почтительно обращается к императору Запада»).³ В этой геополитической конструкции Центр отсутствовал.

Земля Японии считалась в древности (в отличие от сегодняшнего дня) весьма богатой, благодатной, большой. На этой земле часто обнаруживаются благоприятные знамения, число которых значительно превышает количество знамений неблагоприятных. Это воспринималось как свидетельство того, что правящая династия пользуется покровительством высших существ, которые благоволят ей. Японцы не позиционировали свою островную страну как отличающуюся дурным климатом, подверженную постоянным и разрушительным стихийным бедствиям, как «маленькую» или ущербную. Все названия Японии и ее характеристики подчеркивали положительные свойства ее территории.

Окраинная страна размером с просяное зернышко

Позитивная самооценка Японии постепенно меняется со второй половины периода Хэйан. Это было связано с двумя главными обстоятельствами: упадком централизованного государства (потеря управляемости, мятежи и смуты) и глубоким внедрением в картину мира буддийского языка описания. Это приводит к проявлению пессимистических настроений среди элиты. Общий модус пессимистического отношения к

³ Нихон сёки. Анналы Японии. / Пер. Л. М. Ермаковой и А. Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1997. Т. 2. С. 101 (Суйко, 13-9-11, 608 г.).

реалиям государственной жизни самым непосредственным образом сказывается на общей оценке среды обитания, на восприятии размеров страны и ее географического положения – государственное пространство как бы «сжимается», территория страны начинает восприниматься как крошечная и ущербная. Япония отказывается от посылки посольств в Китай и одновременно в значительной степени перестает позиционировать себя как региональный Центр. Япония отказывается теперь и от приема иностранных посольств – даже из таких стран, которые желали стать вассалами Японии. Когда на Корейском полуострове в 918 г. было воссоздано государство Корё (Когурё), оно пожелало установить дипломатические контакты и приносить дань японскому императору, однако это, казалось бы, столь лестное предложение было отвергнуто.

Вместе с упадком государственности положительные характеристики ее земли отходят на второй план. В связи с глубоким проникновением буддизма во все области жизни синтоистская и китайская модели мира были в значительной степени потеснены картиной мира буддийской. Она зафиксирована, в частности, в «Сутре о человеколюбивых государях» (яп. *Ниннокё* или *Нинно гококу ханья харамичу кё*), которая получила широкую известность в Японии. В этой сутре говорится, в частности, о том, что вокруг расположенной в центре мироздания горы Сумеру вращаются солнце, луна и звезды. Сумеру является обиталищем высших существ буддийского пантеона. По четырем сторонам света от Сумеру расположены четыре континента. Только на Южном континенте живут люди и распространено учение Будды. Южный континент называется *Джамбудвипа* (*джамбу* – мировое древо на севере Индии, *двипа* – земля). Там имеется 16 больших стран, пятьсот средних стран, десять тысяч – маленьких, и бесчисленное число стран с просяное зернышко. Первые упоминания сутры «*Ниннокё*» в Японии относятся еще к VIII в. Показательно, однако, что в это время сутра воспринимается как чисто магический текст – ее чтение предписывается для избавления от болезней, засухи и проклятий,⁴ но ее космологическая часть длительное время оставалась невостребованной.

Востребованность такой картины мира, в которой Япония занимает периферийное положение, связана с общим восприятием жизни и осознанием того, что дела в стране идут не должным образом. Приводимая сутрой градация стран по их размеру давала, казалось бы, возможность японцам для сколько-нибудь благоприятного позиционирования своей страны (тем более, что сутра не содержит никаких сведений собственно о Японии). Однако общественное сознание склонилось к тому, чтобы отнести Японию к «странам с просяное зернышко». Таким образом, в буддийской пространственной модели Япония заняла периферийное и

⁴ См. напр.: Нихон коки (Дайдо, 3-3-1, 808 г.), (Конин, 9-4-27, 818 г.); Сёку нихон коки (Дзёва 5-7-25, 838 г.).

далеко не самое благоприятное положение, ибо она отдалена и от места рождения Будды, и от благодати мировой горы. В этой парадигме прежняя идея об обильности и обширности территории Японии не могла получить сколько-нибудь существенного распространения. Теперь эта земля и ее природа предстают не как источник благодати и радости, а как юдоль печали, временное и ненадежное обиталище.

Средневековые тексты часто определяют территорию Японии, как зернышки проса, разбросанные в море – на окраине мира (*дзокусан коку*; варианты: *хэнти дзокусан*, *дзокусан хэндо*). В предыдущий период Япония описывалась как «большая страна восьми островов», и ее острова не трактовались как уничижительная характеристика, теперь те же самые острова воспринимаются совсем иным образом. Удаленная и крошечная Япония противопоставляется «большим странам» – Индии и Китаю, которые расположены ближе к Сумеру, а потому обладают и более благодатным климатом, и лучшими условиями для проживания.

Одно из первых упоминаний Японии в качестве крошечной страны с сугубо отрицательными характеристиками встречается в сочинении монаха Дзёкэй «Гумэй хоссин сю» (рубеж XII–XIII в.), где тот говорит о том, что родился в неудачное время («до Будды, после Будды»), и в неудачном месте – «в маленькой стране с просяное зернышко», в восточной стране «без кармы, позволяющей освободиться от привязанностей, без деяний, что позволяют достичь просветления и спасти живые существа».⁵ В этом пассаже восток коррелирует с отрицательными характеристиками японской земли, что соответствует психологическим реалиям времени.

Жизнь Дзёкэй (1155–1213)⁶ пришлось на то время, когда в Японии напряженно переживали наступление «конца буддийского закона» (*матто*). Считалось, что эта эпоха наступила в 1052 г. Концепцию *матто* можно определить как «хронологический детерминизм»: после того, как Будда достиг нирваны, все реалии этого мира с неизбежностью ухудшаются.⁷ Это касается упадка набожности, невозможности достичь просветления, общего упадка и огрубления нравов, потери почтительности и церемониальности, сокращения продолжительности жизни, участвовавших природных бедствий, мятежей и т. д. Свидетельством тому являлись участвовавшие смены девизов правлений, направленных на преодоление кризисных явлений. Считалось, что это убогое место с неизбежностью будет разрушено огнем, водой и ветрами. Поэтому со второй половины периода Хэйан распространяется практика захоронения в

⁵ Гумэй хоссин сю. Камакура кюбуккё (О просветлении непросветленного сердца. Старый буддизм эпохи Камакура). Токио, 1995. Т. 3. С. 15.

⁶ См. о нем: Н. Н. Трубинова, Бачурин А. С. История религий Японии. М.: Наталис, 2009. С. 301, 376, 428–433.

⁷ Подр. см. Н. Н. Трубинова, Бачурин А. С. История религий Японии. С. 294–301, 435–443.

горах сутр в металлических футлярах – считалось, что горы каким-то образом избегнут разрушения, а футляр поможет сохранить сутру.

В VIII в., когда господствовали оптимистические настроения, Япония считалась большой страной, которой правят «сто поколений государей». При этом под числом «сто» понималось правление вечное. Однако теперь это число стало пониматься буквально. Одним из наиболее ярких произведений, в котором «нынешним временам» даны поистине «убийственные» характеристики является «Гукансё» Дзиэна (1155–1225). В этом сочинении Дзиэн констатирует и упадок нравов, и близящийся конец правления императоров – он считал, что на государственном уровне конец закона Будды проявит себя в исчезновении императорской династии с вступлением на престол сотого императора (исходной точкой считалось правление Дзимму).⁸

Побывавший в Китае знаменитый проповедник дзэн-буддизма Догэн (1200–1253) писал о Японии с неприкрытым ожесточением: «Страна Япония расположена далеко в море, люди там глупы, мудрецов здесь никогда не рождалось, нечего и говорить, что и люди, вступившие на путь учения, здесь редки». В другом сочинении середины периода Камакура говорилось: «Япония и вправду маленькая страна, а поскольку она является таковой, то она не является землей, пригодной для обретения Пути, в ней собрались только люди бескорневые и недобродетельные, только мелкие и недалекие, а потому здесь невозможна проповедь Закона [Будды]».⁹

Исторический парадокс состоит в том, что ламентации по поводу удаленности Японии от родины Будды достигли пика в то время, когда распространение и укоренение буддизма в японской культуре тоже достигли наивысшей степени. Несмотря на драматические перемены в позиционировании Японии, которые произошли по сравнению с прошлым «оптимистическим» периодом, в ходе рассуждений тогдашних мыслителей обнаруживается и преемственность: как процветание государства, так и его упадок напрямую зависят от изначально данной японцам среды обитания.

Разумеется, даже в этот период господства трагических настроений находились мыслители, которые пытались противостоять тотальному пессимизму и размышляли о положительном и уникальном образе Японии. К таким ее характеристикам в первую очередь относились забота о государстве со стороны синтоистских божеств и непрерываемая императорская династия – явление, не наблюдаемое в других странах. Однако в рассматриваемый период эти идеи не были доминирующими в общественном сознании.

⁸ Мецераков А. Н. Древняя Япония: культура и текст. СПб.: Гиперион, 2006. С. 262–290.

⁹ Цит. по: Утида Хидэо. Нихон-но сюкэтэки фудо то кокудокан. (Земля и территория страны в японской религии). Токио: Даймёдо, 1971. С. 30, 9.

Солнечная страна-крепость

Рубежом в новом переосмыслении идентичности Японии стало возникновение сёгуната Токугава, когда после эпохи кровавых усобиц наступает прочный и долгожданный мир. Еще одной отличительной особенностью этого времени является почти полное закрытие страны. Умами овладевает сознание того, что от внешнего мира следует ждать только неприятностей. Сёгунат проводит политику жесткого изоляционизма, но это не означало, что мыслители периода Токугава «забыли» про существование заграницы. Однако теперь она служит примером «неправильного» устройства жизни. Европу раздирают войны, там свергают монархов. Нынешний же Китай, где к власти пришла «дикая» кочевническая маньчжурская династия Цин, тоже оценивался отрицательно. Что до Индии, то она смещается на периферию общественного сознания.

В период Токугава буддизм перестает быть основным средством для осмысления мира. В значительной степени это было связано с разочарованием в его магических потенциях: буддизм не сумел обеспечить мирную жизнь и единство государства. Мир общественный, государственный, мир образованных управленцев после долгого перерыва вновь обретает преимущественно конфуцианские характеристики, для которых свойственно позитивное мировосприятие. Реалии мирной жизни, ее стабильность создают ситуацию, когда общественная мысль приобретает оптимистический заряд. Буддийская идея о минувшем «золотом веке» и непрекращающемся упадке вытесняется на периферию общественного сознания.

В период Токугава Япония позиционируется как страна счастья и благоденствия. Мыслители того времени неизменно возносили хвалы мирному правлению сёгуната. В отличие от сегодняшнего дня, когда принято подчеркивать бедную ресурсную базу Японии, расхожее мнение того времени заключалось в том, что Япония, как и в VIII в., снова обладает всем необходимым для благополучного существования: «...наша страна изобильна пятью злаками [рис, ячмень, чумиза, бобы, просо], богата пятью металлами [золото, серебро, медь, железо, олово] и во всем испытывает недостаток, потому, видимо, имеет полное основание не оглядываться на других».¹⁰

Замиренному социуму эпохи Токугава сопутствовало ощущение, что и природа Японии тоже пребывает в замиренном состоянии. В это оптимистическое время конфуцианское Небо было «довольно» порядками, царящими на японской земле – продолжительность девизов правления становится существенно больше, чем в предыдущий неблагоприятный период, когда с помощью принятия нового девиза надеялись избавиться

¹⁰ Оцуки Гэнтаку, Симура Хироюки. Канкай ибун (Удивительные сведения об окружающих землю морях). / Пер. В. Н. Горегляда. СПб: Гиперион, 2009. С. 47.

от нежелательных явлений. В сознании современников (власти) аномальных природных явлений становится намного меньше, чем раньше. И это несмотря на то, что данные климатологии указывают на существенное похолодание в XVII–XVIII вв. Эдо, где базировался сёгунат, располагался в более сейсмоопасной зоне, чем Киото. Тайфуны в прибрежном Эдо также случались чаще и имели значительно более разрушительный характер. Так что землетрясения, цунами и тайфуны регистрировались в Эдо намного чаще. Огромные размеры города, узость его улиц, деревянные строения, скученность населения провоцировали регулярные опустошительные пожары. Однако все эти напасти, включая сильнейшее извержение вулканов Фудзи (1707 г.) и Асама (1783) не могли поколебать уверенности в благодатности нынешнего времени. Показательно, что ни извержение Фудзи, ни извержение Асама, вызвавшее временное похолодание, неурожай и голод, не привели к изменениям девизов правления.

Похвалы Японии и хула по отношению к загранице были неотъемлемыми чертами дискурса эпохи Токугава. В качестве отправной точки рассуждений о превосходстве Японии над другими странами широко использовался тезис о том, что по своим качествам земля Японии превосходит территорию других стран. Если суммировать аргументы в пользу этого тезиса, то они сводятся к следующему: земля Японии была создана синтоистскими божествами в наиболее благоприятном месте, которое характеризуется средоточием положительной «солнечной энергии» (т. к. Япония расположена на Востоке, то солнце освещает ее первой), страна обладает необходимым для вегетации количеством осадков, «правильным» чередованием четырех времен года, сбалансированностью температурного режима. Силы Инь и Ян находятся здесь во взаимоуравновешенном состоянии. Всё вместе это оказывает решающее влияние на обитателей Японии, которые отличаются церемониальностью (т. е. соблюдением конфуцианских правил общежития, предполагающих строгую иерархичность общественного устройства), трудолюбием, красотой, долгожительством.

Астролог и географ Нисикава Дзёкэн написал в 1720 г. трактат «*Нихон суйдо ко*» – «Размышления о японской земле» (буквально «Размышления о японской воде и земле»). В этом трактате он обосновывал несравненные достоинства географического положения Японии.¹¹ Он отмечал: территория Японии отличается наличием «сильной» и положительной *ки-энергии*. Это обуславливает тот факт, что японцы отличаются моральными (конфуцианскими) достоинствами – они обладают развитым человеколюбием (кит. *жэнь*, яп. *нин*) и любовью-обязанностью (*ай*) по отношению к тем людям, с которыми им приходится вступать в контакт.

¹¹ Мы пользовались следующим изданием: Нисикава Дзёкэн. Нихон суйдо ко. Суйдо кайбэн. Каи цусё ко. (Размышления о земле Японии. Рассуждения о земле. Размышления о торговле между Поднебесной и варварами). Токио: Иванами, 1988. С. 18–26.

Кроме того, японцы обладают мужеством-силой, которую они черпают от гор (резервуар *ян'ной* энергетики). В связи с этим японцы любят светлое-чистое-белое, и не любят грязное-мутное, они строго придерживаются церемониальности (*рэй*). В отличие от других стран, даже японские простолюдины неукоснительно справляют Новый год и твердо придерживаются норм брачно-семейных отношений. Новый год – это начало светлой энергии-ки, брак – это основа человеческих отношений-обязательств (*дзинрин*). Поэтому японцы постоянно веселы, жизнерадостны, а уныние – ненавидят. И эти чувства народа – тоже следствие естественного географического положения страны.

В труде Нисикава не встречается привычного для нынешнего времени определения Японии как «островной страны» (*симагун*). И это при том, что сам термин уже существовал. В другом своем сочинении – «*Каи цусё ко*» («Размышления о торговле Центра и варваров») – Нисикава утверждает, что в море к югу от Индии расположена «островная страна» Сомондара (Суматра). В этой стране отсутствует единый правитель, там есть только племенные вожди, в этой стране страшно жарко, люди там чернокожи и всегда ходят раздетыми.¹² Автор подразумевает, что вышеперечисленные признаки имеют уничижительный характер, они свидетельствуют о дурном климате и, следовательно, о варварских обычаях местного населения. В сочинении Нисикава упоминаются еще несколько «островных стран», расположенных на юге, и все они характеризуются похожим образом. Таким образом, термин «островная страна» соотносится с бескультурьем и отсталостью, и Нисикава Дзёкэн не определяет Японию как «островную страну». Нам неизвестно употребление словосочетания «островная страна» по отношению к Японии и у других японских авторов того времени, которые сделали предметом рассуждения географию Японии, хотя все они (включая Нисикава) соглашались с тем, что Япония – это все-таки остров(а).

Нисикава Дзёкэн был озабочен доказательством того, что Япония не является страной крошечной. Он констатировал, что Япония действительно меньше Индии и Китая. Однако справедливо ли суждение о том, что Япония – страна маленькая? В море расположены восемь («восемь» возможно трактовать и как «множество») больших островов-материков. Среди них страна Япония – «самый большой остров». Так почему же называть страну маленькой? Японию именуют «просяным зернышком», но это совсем не так. Огромный земной шар делится на 360 градусов, а длина Японии с востока на запад меньше этого числа всего в 32 раза. А потому Япония – страна совсем не маленькая. Нисикава определяет Японию словосочетанием, который можно интерпретировать как «остров-материк» (*тосю*), т. е. вольно или невольно автор подводит читателя к мысли, что размеры Японии соотносимы с «настоящими» материками.

¹² Там же. С. 144.

Продолжая полемику против уничижительного позиционирования Японии как страны «маленькой», Нисикава отмечал, что большие размеры страны вовсе не означают, что такую страну следует считать «заслуживающей уважения». «Уважаемость» страны определяется климатом (правильностью смены четырех времен года, отсутствием чрезмерной жары и холода) и качеством проживающих там людей (их моральностью), а по этим параметрам Япония – страна несравненная. В странах со слишком большой территорией чувства людей и их обычаи чересчур разнообразны, их трудно объединить. Китай – это страна мудрецов древности, но там из-за разнообразия обычаев все время случаются смены династий. Размеры Японии – не большие и не маленькие, обычаи ее людей, их чувства – одинаковы, управлять ими – легко. Поэтому и правящая династия в Японии никогда не менялась, что делает ее уникальной. Объясняется же это божественностью ее территории.

Раз земля Японии столь благодатна, то неудивительно, что она порождает не только высокоморальных, но и мудрых людей. Нисикава (как, впрочем, и очень многие образованные японцы) остро переживал тот трудно оспоримый факт, что Япония исторически являлась культурным донором Китая. Однако, утверждает Нисикава, местные мудрецы и боги хорошо понимают, как им поступать с заимствованиями: «За исключением [синтоистских] богов и [японской] поэзии, всё в эту страну пришло из Китая. Однако с самого начала мудрецы нашей страны учитывали ее особенности, переосмыслили то, что не может быть применено здесь в неизменном виде, видоизменяли [заимствованное] в такую форму, которая соответствует сердцам людей этой страны, и использовали [заимствованное] в таком виде, чтобы это подходило людям [японцам]. Если же пришедшее из других стран получало распространение в неизменном виде, то это пришедшее само собой принимало форму, соответствующую водам и земле этой страны без всякого участия человека. Приобретение [пришедшими явлениями] облика, соответствующего [сущности] Ямато, объясняется чудесной и неизменной деятельностью божеств».¹³

Потребность в безопасном существовании актуальна для любого государства. Эта безопасность обеспечивается как практическими мерами, так и ритуальными способами. Особенностью «оборонного сознания» Японии эпохи Токугава было признание того, что географическое положение страны само по себе является гарантией защиты против внешних врагов. Нисикава Дзёкэн утверждал, что территория Япония превосходно «укреплена» самой природой, и по этому параметру она превосходит все другие страны. Хотя земля Японии находится поблизости от больших стран, она отделена от них бурным морем. Благодаря этому она никогда

¹³ Кинсэй тэнин сисо. (Идеология горожан нового времени). Токио: Иванами, 1996. С. 152.

не была покорена. В предлагаемой системе ценностей морю придавались положительные смыслы – как стихии, которая отделяет и предохраняет «культуру» от «варварства». Море играло роль искусственного рва с водой. И такая точка зрения являлась в эпоху Токугава доминирующей.

Превознося достоинства своей земли, мыслители эпохи Токугава обосновывали тезис о самодостаточности Японии, которая не нуждается в контактах с внешним миром. Поскольку в этом мире отсутствуют благоприятные природные условия, то эти страны (прежде всего, Запад) ищут возможности для внешней торговли. Кроме того, неблагоприятные природные условия порождают там людей агрессивных и аморальных, так что не существует никакой необходимости в контакте с ними. В наиболее резкой форме это положение обосновывал нативист Хирата Ацутанэ (1776–1843). Он полагал, что Япония расположена на самой макушке земного шара и уподоблял ее «лбу» человека. «Таким образом, страна императоров при сравнении с другими странами отличается непревзойденной красотой своей земли, она светла, ибо расположена там, где тянулись к Небу почки. Что до множества островов в нижней части земли, то поскольку они образовались-сгустились там, где изначально располагалась страна корней [т. е. страна смерти], то там много грязи и скверны». Поскольку в мифе об Идзанаги и Идзанами содержится запрет на посещение живыми этой страны, то синтоистские боги ее больше и не посещали.¹⁴ Напрашивался вывод: и потомкам богов, японцам, тоже там делать нечего.

Если оценивать в целом восприятие природной среды обитания в период Токугава, то следует признать, что она характеризовалась как чрезвычайно благоприятная для проживания – как с точки зрения положения в мире, так и с точки зрения изобильности и климата. Считалось, что эти благоприятные условия порождали «несравненный» тип государства, общества, человека, морали. Связка «земля-люди» осмыслилась как однозначная и жесткая, она обеспечивала условия для оптимистического восприятия жизни и была хорошо приспособлена для автаркического существования. В то же самое время такой тип географического детерминизма служил серьезнейшим препятствием для выработки адекватных ответов на вызовы внешнего мира. В середине XIX в. европейские державы проделали операцию по «открытию» Японии. Операцию, которая не стоила им слишком многих сил.

От островной страны к материковой империи

В середине XIX в. Япония ввергается в жесточайший кризис. Он был обусловлен тем, что мировые державы (США, Россия, Англия и Франция) принудили Японию открыть нескольких портов для торговли. Периоду

¹⁴ *Хирата Ацутанэ*. Тама-но михасира. Фукко синто. (Истинный священный столп духа. Возрожденное синто). Токио: Сюньёдо сётэн, 1936. Т. 2. С. 280–281.

почти в два с половиной века автаркического и мирного существования пришел конец, в Японию хлынул поток европейской культуры. Японцам становится понятно, что страна безнадежно отстала от Запада – прежде всего, в военном отношении. Сёгунат, на который возлагалась задача по обороне страны и императора, обвиняют во всех смертных грехах, и в 1868 г. он упраздняется. На какое-то время японцы становятся пленниками комплекса неполноценности – им казалось, что в стране не существует достойной уважения культуры и цивилизации, а спасение может принести только тотальная вестернизация. Задачу по модернизации страны берет на себя группа реформаторов, которые объединяются вокруг юного императора Мэйдзи (1852–1912, на троне 1867–1912). Хотя он ничего не решал в практическом отношении, именно Мэйдзи становится знаменем перемен.¹⁵

В период Мэйдзи происходит решительное переосмысление всего предыдущего исторического и культурного опыта. Этот процесс затронул весь строй жизни японцев, включая такие фундаментальные понятия как власть, пространство и время. Радикальные изменения произошли и в осмыслении среды обитания.

Если при Токугава японцы считали свою страну совершенно самодостаточной, то теперь сетования на крошечные размеры территории и обделенность ресурсами становятся обычным явлением. Как и в период господства буддийской картины мира, Япония снова мыслится как крошечная островная страна, бедная ресурсами и оторванная от центра цивилизации – на сей раз Запада. Эти сетования отражают комплекс неполноценности и царящие в обществе пессимистические настроения. Особенно показательны они на фоне того, что в начале периода Мэйдзи территория Японии существенно расширилась: остров Хоккайдо, который раньше не изображался на картах Японии, официально вошел в состав страны. То же самое касается Курильских островов и архипелага Рюкю.

Ситуация начинает меняться с 90-х годов XIX в. К этому времени Япония существенно продвинулась по пути реформ и добилась значительных успехов в экономике и образовании. Особенно большое значение для изживания комплекса неполноценности имела японско-китайская война. Эта победоносная для Японии война заставила Запад взглянуть на нее по-другому. Известный публицист Ёкояма Гэнносукэ (1871–1915) писал: «В 1894 г. разразилась японско-китайская война, и Япония, которая до этого времени являлась одиноким островом на Востоке, и на которую мир не обращал внимания, вдруг предстала в качестве сильнейшей державы Востока и приковала к себе внимания всего мира...»¹⁶ И

¹⁵ Подр. см.: Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2013 (последнее переиздание).

¹⁶ Ёкояма Гэнносукэ. Найти дзаккёго-но Нихон. (Япония после начала совместного проживания японцев и иностранцев). Токио: Иванами, 2007. С. 13.

теперь все чаще японцы стали прибавлять к официальному названию своей страны определение «великая» – «великая японская империя».

«Величие» Японии заключалось не только в сакральности ее «изначальной» территории, но и в умении распространить свою светоносность за свои пределы. В связи с победоносными действиями японской армии в войне с Китаем, в результате которой удалось приобрести Тайвань, император Мэйдзи отмечал: «Выражая радость по поводу того, что боевые действия продемонстрировали светоносность Империи, они одновременно показали: Путь, пройденный Великой Японской Империей, имеет вечные основы, о чем Мы и мечтали со дня нашего воцарения».¹⁷ В сочинениях историков или тех, кто ими себя называл, история Японии представляла теперь как история расширения территории Японии, чем она была обязана своим императорам – начиная с Дзимму и кончая Мэйдзи. Поскольку расширение территории требовало соответствующего величине страны дворца, то именно поэтому, утверждал один историк-публицист, императорам приходилось переезжать из одного места в другое. Хэйан был величественнее Нара, нынешняя столица Токио – более величественна, чем Хэйан.¹⁸

Практические меры по расширению страны сопровождались переосмыслением среды обитания, Япония на глазах теряла унизительный статус «одинокое острова». Считается, что своим оптимистическим пониманием термин «островная страна» обязан видному историку Кумэ Кунитакэ (1839–1931). Весной 1894 г. в журнале «Друг народа» (*«Коккумин-но томо»*) он опубликовал статью «Характер островитян». Таких «характеров», по мнению Кумэ, имеется два. В первом случае островитяне проводят изоляционистскую политику, страдают ксенофобией, не склонны заимствовать достижения мировой цивилизации и в результате превращаются в отсталую страну. Второй тип – открытый миру и для мира. Люди такого «островного характера» покоряют моря, склонны к цивилизационным заимствованиям и экспансии. Японцы по своей природе относятся именно ко второму, активному характеру, а изоляционистская политика сёгуната Токугава была лишь досадным недоразумением, идущим вразрез с японским характером.

В духе своего времени Кумэ подвергает сёгунат испепеляющей критике. В период Токугава, когда страна прибегает к полной изоляции, наступает внутренний мир, и в условиях отсутствия международной конкуренции японцы теряют активность, а их мыслительные способности ослабевают. Из изначально активных островитян они превращаются в «горцев», не знающих моря и существующих в условиях автаркии. Если не исправить положения, то Японию ждет судьба варварских островных

¹⁷ *Мори Киёто*. Дайниппон сётёку цукай. (Комментированные императорские указы великой Японии). Токио, 1941. С. 835.

¹⁸ Нихондзин. 1898, № 81. С. 10–13.

государств Индийского и Тихого океанов – все они стали европейскими колониями.

Далее Кумэ сменяет исторический гнев на исторический оптимизм. Островное положение Японии, утверждает он, совсем не обязательно служит свидетельством обреченности. Ведь Великобритания тоже является островной страной, но при этом она сумела стать самой могущественной державой мира, с помощью своего огромного флота она осуществляет связи со многими странами. Англичане сумели развить свой активный «островной характер», потому что они были привлечены морскими просторами. А потому, заключал Кумэ, для Японии тоже не существует ничего невозможного в том, чтобы превратиться в такую же мощную державу. Именно такая «оптимистическая» трактовка термина «островная страна» становится господствующей в Японии конца XIX – начала XX вв. За Японией прочно закрепляется величание «Англия Востока», а термин «островная страна» насыщается положительными смыслами, сулящими процветание страны, которое мыслится как превращение в «материковую империю».

Победа в войне с Россией принесла Японии новое территориальное приобретение – южный Сахалин, но Сахалин был «всего лишь» островом. Тем не менее, ввиду побед над российским флотом за Японией впервые в ее истории закрепляется статус «морской державы». Таким образом, если раньше существенную роль в идентификации Японии играла только суша, то теперь к ней «присоединилось» и море. Но лишь после присоединения Кореи (1910 г.) государственные деятели, мыслители и публицисты наконец-то получили полные основания, чтобы объявить Японию теперь уже «материковым государством», и они наперебой заговорили и о том, что из «островной страны» Япония наконец-то превратилась в «материковую империю». В журнале *«Тоа-но хикари»* («Свет Востока», 1910, №10) Иноуэ Каору (1835–1915), виднейший политический деятель и один из архитекторов реформ периода Мэйдзи, писал: «Если посмотреть на Японию до настоящего момента, то это, конечно, острова. Она состояла только из островов – сам Хонсю, Сикоку, Кюсю, Хоккайдо, Сахалин, Рюкю, Тайвань. Да, Япония состояла всего лишь из многочисленных островов, но теперь к ней оказался присоединен Корейский полуостров, и ситуация сильно изменилась. Корейский полуостров – он и есть всего лишь полуостров, он выдается в сторону северного Кюсю и выглядит почти как остров, и все же он является окончательностью материка».

С присоединением Кореи японцы окончательно перестали воспринимать свою страну как маленькую и ущербную. Говорили: ведь ее площадь больше территории Германии, подобно Великобритании, она владеет колониями, в том числе и на материке. К этому времени произошла полная смена пространственной парадигмы: место сетований

по поводу замкнутого и крошечного островного пространства, отгороженного от мира водной преградой, занимает расширяющаяся территория империи. В то же самое время разгорается дискуссия об этногенезе японцев и национальном составе страны. Размер Японии и ее этнический состав осознавались как взаимосвязанные понятия.

В обществе высказывались самые разные идеи о происхождении японцев, говорилось и о «чистоте» японской расы. Что касается правительства, то оно взяло твердый курс на то, что Япония является страной многонациональной. Эту многонациональность японцы демонстрировали на всемирных выставках. Так, на выставке в Сент-Луисе (1904 г.) была построена айнская деревня. Как и колониальные павильоны западных стран, эта экспозиция была призвана продемонстрировать себе и миру, что Япония – империя «настоящая», скроенная по западному, многонациональному лекалу. С присоединением Кореи Япония обрела более 10 миллионов новых подданных, и теперь «инородцы» составляли около 30 процентов населения страны. Наиболее ретивые сторонники многонациональности даже заявляли, что Япония – страна более полиэтническая, чем Россия, а всякое «поли» лучше, чем «моно», поскольку только многообразие способствует развитию.¹⁹ Тезис Кумэ Кунитакэ о «похожести» Японии и Великобритании предполагал, что они схожи не только своим островным положением, но и многонациональностью.

В школьных учебниках тоже говорилось о полиэтнической Японии. Согласно учебнику географии 1919 г. национальный состав империи выглядел следующим образом: «Большую часть народа составляет народ Ямато численностью более 54 миллионов человек. Кроме этого, в Корее проживают около 16 миллионов корейцев, на Тайване – более 100 тысяч аборигенов и более 3 миллионов мигрантов из Китая. На Хоккайдо живут айны, а на Сахалине – айны и другие аборигены. Все эти народы отличаются друг от друга, но все они являются в высшей степени верноподданническими имперскими народами».²⁰

В пособии по истории для средних школ 1935 г. утверждалось, что японский народ ведет свое происхождение от императоров (потомков богов), спустившихся на землю Японии, созданную богами для японцев. Помимо этих потомков богов, в процессе этногенеза участвовали «переселенцы (из Кореи и Китая), а также инородцы (племена эдзо, кумасо), но они были быстро ассимилированы в нашей стране, и все вместе, объединившись вокруг императорского дома, они проявили верноподданничество и достигли нынешнего процветания».²¹ Беря за пример

¹⁹ *Огума Эйдзи*. Танъицу миндзоку синва-но кигэн. (Происхождение мифа о мононациональном народе). Токио: Синъёся, 2010. С. 77–78.

²⁰ Там же. С. 160–163.

²¹ *Накадзима Ясу*. Кёкасё дзюнкё кюсё-о цукаму нихон рёкиси. (История Японии. Толкование основных положений учебника). Осака: Синсиндо, 1935. С. 2.

США, учебники по истории буквально объявляли Японию «плавильным котлом народов».

После присоединения Кореи ученые и журналисты принялись выискивать корейский элемент в мифах «*Кодзики*» и «*Нихон сёки*», они выявляли близкое родство японского и корейского языков, общие черты в физической антропологии двух народов. Археологи и историки находили «корейский след» в древней японской культуре (керамика, архитектура, произведения буддийского религиозного искусства) и истории (например, культуртрегерская деятельность корейских мигрантов при японском императорском дворе в древности). Подчеркивалось, что, согласно генеалогическим спискам «*Синсэн сёдзироку*» (815 г.), треть японской элиты составляли корейские и китайские мигранты. Говорилось и о том, что в жилах императрицы Дзингу Когу по материнской линии текла корейская кровь, а супруга императора Камму тоже имела корейские корни. На этом основании утверждалось, что нынешние корейцы в состоянии «подтянуться» до японцев. Не были забыты и предания о завоевательном походе императрицы Дзингу Когу в Корею, и тесные отношения между Ямато и древнекорейскими государствами (Имна, Пэкче). Наиболее радикальная точка зрения заключалась в том, что наряду с японцами корейцы тоже являются потомками синтоистских божеств.²² Таким образом, присоединение Кореи выглядело в общественно-государственном сознании в значительной степени как восстановление изначальной (т. е. «нормальной») ситуации совместной истории, ситуации, наблюдавшейся еще в глубокой древности. Практическим воплощением этой идеи стал «династический брак» между вывезенным в Японию корейским наследным принцем Ли Юн и дочерью японского принца Насиномото (1919 г.).

Беря пример с западных колониальных империй, в Японии стали утверждать: миссия японского народа – нести «свет» цивилизации другим народам. Корейцы попали в их число. То есть следует научить их японскому языку, передовым агротехникам и технологиям, стилю жизни и верноподданничеству по отношению к императору, подтягивать их к своему культурному уровню, и тогда они станут полноценными членами японской империи, вольются в единую семью. Одни идеологи говорили, что меньшинства станут настоящими «братьями» (будут ассимилированы), другие настаивали, что они получают статус «приемных детей».

Если выразить официальную точку зрения в обобщенном виде, то она будет выглядеть следующим образом: японцы («народ Ямато») являются потомками синтоистских божеств. В начале своей истории народ Ямато быстро ассимилировал некоторые этносы, поэтому к сегодняшнему дню он накопил необходимый исторический опыт для «вбирания в себя» других народов. Благодаря тому, что японцы имеют опыт про-

²² Огума Эйдзи. Указ. соч. С. 104–109.

живания и в холодном, и в тропическом климате, они способны к расселению по миру (прежде всего, в Азии).

Морская стихия обладала теперь исключительно положительными значениями, она выступала в качестве той проводящей среды, которая обеспечивает прохождение солнечного света, света, исходящего от Японии. На страницах довоенных школьных учебников Япония фигурировала в качестве «морской державы»: «Нынешняя Япония, как и говорит название «морская Япония», во всех морях мира подняла свой «солнечный круг» (национальный флаг – А. М.), который испускает сияние страны... Пространство, на котором несет свою славу морская Япония – необъятно. Продвигаться по этим широким просторам с «солнечным кругом» – наше благородное предназначение».²³

Земля Японии признавалась «божественной» и ритуально «чистой». Поэтому моральный долг ее обитателей заключается в том, чтобы «очищать» другие страны. Предполагалось, что вхождение азиатских стран в зону японского влияния избавит их от гнета «нечистого» белого человека и обеспечит им процветание. Свое законченное и официальное выражение паназиатизм получает в концепции «великой восточноазиатской зоны сопроцветания». Это словосочетание начинает широко использоваться в политическом лексиконе в 1940 г. Границы этой «сферы» поначалу включали в себя Японию, Маньчжурию и Китай, потом в нее вошли французский Индокитай (Вьетнам, Лаос, Камбоджа), Голландская Индия (Индонезия), британские колонии Малайя (Малайзия), Борнео, Бирма, американские Филиппины, независимый Таиланд. В документе, вышедшем в сентябре 1941 г. из недр Министерства военно-морского флота, эти территории назывались «южными территориями Японии» и ее «внешними контурами». Главным геополитическим лозунгом стало выражение «*хакко итиу*» – восемь углов под одной крышей. Под этой формулой понималось, что весь мир («восемь углов» или «восемь направлений») надлежит «накрыть» одной крышей, историческая миссия по возведению которой принадлежит Японии. Только она одна – в силу своей «чистоты» – и способна выполнить миссию по деколонизации Азии. Освобождение Азии от западного колониализма зачастую описывалось именно в терминах ритуального «очищения». В этом и состоит «новый порядок» (по аналогии с «новым порядком» нацистов и «новым миром», который обязались построить коммунисты), к которому стремятся «дух японского народа». Этот порядок может возникнуть только при условии разрушения старого мироустройства, который «поддерживается Америкой и Англией». И тогда народы Востока, являющиеся «собратьями» японцев, обретут счастье и гармонию.

²³ *Ириэ Ёко*. Нихон га камин-но куни дата дзидай. Кокумин гакко-но кёкасё-о ёму. (Время, когда Япония была страной богов. Читая учебники народной школы). Токио: Иванами, 2001. С. 45.

От «островной страны» к «стране-саду»

Сразу после окончания Второй мировой войны в Японии господствовали пессимистические настроения, обусловленные как самим поражением, так и крахом прежней картины мира. Потеря заморских территорий снова вернула Японию в ее островные границы. Те исторические представления, на которых был основан довоенный дискурс, оказались разрушенными. Те исторические фигуры, которые в прошлом рассматривались как образец верноподданничества, оказались скомпрометированы. Однако потребность в национальной самоидентификации и предмете гордости оставалась по-прежнему насущной. И тут на выручку приходит новое переосмысление среды обитания. Показательный пример представляет метаморфоза, случившаяся с Фудзи. Она была символом мощи и амбиций грозной империи, однако сразу же после окончания войны превратилась в символ новой – демократической и мирной – Японии.

Недавняя история Японии представлялась после войны вереницей ошибок. Сама дисциплина под названием «история» оказалась скомпрометированной. На сцену выходят этнологи, которых идейно возглавлял Янагита Кунио, еще в довоенные времена говоривший о том, что японцы – народ островной. Если официальная точка зрения довоенных идеологов заключалась в том, что Япония является многонациональной материковой державой, то этнологи заговорили о том, что на самом деле японцы – это мононациональный народ, всегда проживавший на островах. Они признавали это положительным фактором, потому что островное положение Японии, ее изолированность позволили сформировать уникальный японский народ с его уникальной культурой. Твердя о том, что островная Япония окружена водной стихией, послевоенные этнологи воспринимали море как преграду, а не как возможность для общения. Эта преграда воспринималась по преимуществу в положительном смысле – как возможность для выработки уникального японского менталитета и стиля жизни.²⁴ Такой подход как бы возвращал японцев в эпоху Токугава, когда окруженность стихией моря трактовалась как непреодолимая преграда – как для иноземного вторжения, так и для проникновения в Японию «вредных» обычаев, исходивших из внешнего мира. Но если до войны идеи Янагита Кунио об «островной» Японии не пользовались широкой популярностью и государственной поддержкой, то теперь его признают отцом-основателем японской этнологии, а в 1951 г. награждают орденом культуры. Его книги становятся бестселлерами.

Таким образом, и после войны в деле идентификации географический фактор был задействован в полной мере, идея о том, что природные ус-

²⁴ Подр. см.: Мецераков А. Н. Послевоенная Япония: этнологическое уничтожение истории. В сб.: Мецераков А. Н. Япония в объятиях пространства и времени. М.: Наталис, 2010. С. 236–251.

ловия являются ключевым моментом в формировании национального менталитета, нашла себе новых сторонников. Времена менялись, но идея географического детерминизма по-прежнему владела умами. Сам термин «островная страна» обрел положительные характеристики и наполнился особой теплотой. Он служил доводом в пользу исключительности японцев. Во второй половине 60-х годов, когда мир заговорил об японском «экономическом чуде», начался расцвет идеологии, известной как «японизм» (*нихондзинрон*). Эта идеология обосновывала отличность японцев от всех других народов. Основой этой идеологии стал тезис об «островной стране», природа которой уникальна, благодатна, прекрасна. Японцы же – ей под стать.

«*Нихондзинрон*» – разновидность культурного национализма. В то же самое время следует помнить, что это был тот его редкий вариант, который лишен агрессивной составляющей.

Закончилась ли дискуссия по поводу роли географического фактора в процессе самоидентификации? Думается, что нет. В последние десятилетия в общественном дискурсе большой популярностью стало пользоваться понятие «Японский архипелаг» (*Нихон рэтто*), которое обозначает множественные острова с прилежащим к ним морем. Впервые в широкий оборот это понятие было введено премьер-министром Танака Какуэй, который в 1972 г. опубликовал книгу «Реформа Японского архипелага». Эта книга была опубликована на пике популярности дискурса «*нихондзинрон*», озабоченного поисками уникальности Японии и японцев. Поскольку в это время Япония стремительно превращалась в экономического гиганта, то в общественно-государственно-этническом дискурсе господствовали в целом оптимистические настроения, под влиянием которых в общественном сознании «увеличивалась» и территория страны. Этому осознанию способствовало официальное введение в 1982 после многолетних дебатов исключительной экономической зоны, в связи с чем общая территория Японии, подверженной хозяйственному освоению, значительно возросла. Современный исследователь с азартом доказывает своим оппонентам, что Японский архипелаг – совсем не маленькая страна. Хотя площадь ее суши составляет 380000 квадратных километров (60-е место в мире), но с учетом исключительной экономической зоны она занимает уже почетное девятое место.²⁵

Желание человека себя с территорией, на которой он обитает, видимо, имеет биологическое основание. Меняется человек, под влиянием антропогенного фактора меняется и территория. И теперь из уст японцев мы слышим не только похвалы японской земле и природе, но и призывы к их улучшению. Об этом свидетельствуют и правительственные про-

²⁵ Окамото Масатака. Симагуникан сайко – утинару табунка сякайрон котику-но тамэ-ни. (Пересмотр концепции островной страны: к вопросу о создании социальной теории нашей многокультурности). // Фукуока кэнрицу нингэн сякай гакубу киё. – 2010. – №2. – С. 79.

граммы по «улучшению» среды обитания. В 1998 г. кабинет Хасимото принял пятую после окончания войны программу по комплексному развитию Японии. Эта программа, рассчитанная на выполнение к 2015 г., имеет подзаголовок «Создание прекрасной земли». В преамбуле программы говорится о необходимости «продемонстрировать миру прекрасную землю, на которой живут японцы, которые обладают современной культурой и образом жизни, связанных с особенностями исторического пути и территории, продемонстрировать вызывающие чувство уважения острова-сад, утвердить идентичность нашей страны в условиях глобального мира». Поддерживая эту программу, мыслитель Кавакацу Хэйта прямо утверждает, что идентичность японцев напрямую связана с понятиями «остров» и «сад», которые являются «визитной карточкой» Японии в мире. И потому он тоже призывает к тому, чтобы превратить Японию в «острова-сад».²⁶ Таким образом, мы видим, как и в нашем «рационалистическом» времени находится достаточно места и для мечты о «райском острове».

Проведенный анализ показывает, что представления о размере страны и благодатности земли имеют достаточно субъективный характер, обусловленный исторической ситуацией, состоянием государственности, культурными особенностями, господствующей в тот или иной период картиной мира, эмоциональным настроением эпохи. Именно указанные факторы, а не точно измеряемая «площадь», оказывают определяющее влияние на представление о размерности в общественном сознании и подсознании. При этом описание среды обитания (территории Японии) производилось с помощью ограниченного набора терминов и понятий. К таким ключевым понятиям относятся: остров(а), море, восток, солнце, горы, вода (влажность), центр, периферия. Прибавление к ним соответствующих определений и уточнений создает тот словарь, с помощью которого и производились операции по осмыслению природной среды обитания на протяжении всей японской истории.

Преемственность в описании территории страны наблюдается и еще в одном отношении: концепты, которые следует охарактеризовать как «географический детерминизм», неизменно играли выдающуюся роль. Таким образом, природный фактор признавался первичным по отношению ко всей социальной сфере. С нашей же «современной» и «рационалистической» точки зрения осмысление природных реалий находилось в прямой зависимости от реалий социальных. Однако сами творцы истории вряд ли согласились бы с мнением современного историка и посчитали бы его предрассудком.

²⁶ *Кавакацу Хэйта*. Фукоку ютоку рон. (О морали богатой страны). Токио: Тюко бумпо, 2000. С. 20, 32–34.

К. О. Саркисов, А. Н. Панов

Сравнительный анализ идентичностей России и Японии в указанный период касался взаимоотношений государства и общества, эффективности режимов, их структурных реформ, трансформации социальных структур, роли в нем отдельных групп, консерватизма элит и их способности идти на радикальные системные перемены.

Ключевые слова: идентичность, формационное развитие, централизованное государство, религия и власть, цари и сёгуны, изоляционизм и экспансионизм, династичность, фаворитизм.

Немало государств в своей истории проходят через близкие, схожие, а порой идентичные процессы своего внутреннего развития. Причем не только в рамках таких крупных формаций, как родоплеменная, рабовладельческая, феодальная и капиталистическая, но и в специфике формирования государственности, методов управления, способах производства, классовой дифференциации и т. д.

При этом, сразу оговоримся, что и Россия, и Япония в своем историческом развитии избежали рабовладения как формации, хотя крепостное право в России в какой-то степени носило присущие ему черты.

Особенности исторического пути нации оказывают решающее воздействие на формирование ее идентичности.

Представляется целесообразным проследить процесс внутреннего развития России и Японии, начиная с периодов, когда в обеих странах предпринимались усилия по объединению разрозненных частей – феодальных княжеств в единое государство. Именно в этот период закладывались наиболее важные основы русской и японской цивилизаций.

«Собирание земель» в России связано с правлением московского князя Ивана III (1440 – 1505). В Японии начало процесса объединения задержалось почти на столетие, так как до конца XVI века продолжался период «воюющих княжеств» («сэнгоку дзидай»).

Однако затем Япония «догоняет» Россию. Превращение Великого Московского княжества в царство и перелом в процессе объединения Японии по времени почти совпадают. В 1547 году Иван IV Грозный венчается на престол в качестве первого царя «всей Руси», а Ода Нобунага в 1568 захватывает Киото и устанавливает свою власть над основной территорией страны.

Становление и упрочение централизованного государства и в России, и в Японии сопровождалось ожесточенной борьбой соперничающих кланов – российских бояр и японских даймё.

После смерти в 1584 году Ивана Грозного Московское царство испытало жесточайший кризис государственности, порой ставивший под сомнение те основы, на которых оно начиналось при Иване III. На престоле менялись цари – Федор Иоанович (1584–1598 гг.), царица Ирина, ее брат боярин Борис Годунов, Лжедмитрий I и боярин Василий Шуйский. Свергнувшие с престола Шуйского бояре выбрали царем польского королевича Владислава. Хотя он не был венчан на царство, в течение двух лет (1610 – 1612 гг.) Москвой правили поляки. Только избрание царем боярина Михаила Романова в 1613 году привело к возникновению новой царствующей династии, правление которой продлилось 300 лет.

В Японии процесс становления централизованной власти также проходил через серьезные кризисы.

После смерти в 1582 году Ода Нобунага власть перешла к другой значительной исторической фигуре – Тоётоми Хидэёси. Противостояние с ним другой военной силы – нарождающегося клана Токугава – первоначально не носило острого характера. Вместе с тем, так же как и в России, внутренние противоречия обостряются после смерти главы руководящего клана Тоётоми Хидэёси.

При этом, и в России, и в Японии совпадают особенности периода, связанного с переходом власти. При отсутствии явного лидера и колебании элиты в выборе нового руководителя в качестве временной меры возникает форма коллективного правления.

В Москве после изгнания Шуйского сформировалось правление, получившее название «семибоярщины» по числу бояр, занимавшихся государственным управлением. В Японии после смерти Хидэёси в 1598 году при пятилетнем наследнике дома Тоётоми был учрежден Совет старейшин из пяти членов (своего рода «пятибоярщина»).

Однако и в России, и в Японии объективный ход истории требует учреждения системы единоначалия для руководства страной. Форма коллективной ответственности не имела никаких шансов на сохранение. В Японии вопрос о власти был решен после битвы при Сэкигахара в 1600 году.

В России политическое соперничество также решилось на поле боя. Царь Борис Годунов в январе 1605 года в битве против Лжедмитрия и поддерживавших его польских войск вынужден был отстаивать свое право на престол. А в 1610 году войско Московского царства потерпело поражение от войск Речи Посполитой, после чего на два года Москва оказалась оккупированной поляками.

Только после освободительной войны народных ополчений, которые возглавили князь Дмитрий Пожарский и Кузьма Минин, и изгнания из Москвы поляков началось формирование новой государственности во главе с династией Романовых.

Таким образом, в начале XVI века и в России, и в Японии были сформированы основы государственного управления – династии Романовых и сёгуната Токугава, продлившиеся столетия.

12 февраля 1603 года рескриптом императора Токугава Иэясу был назначен Правым министром с титулом Великого Полководца Покорителя Варваров и ровно через месяц он посетил императора в его дворце в Киото. Всего лишь на десять лет позднее 23 июля 1613 года местоблюститель патриаршего престола митрополит Казанский и Свияжский Ефрем совершил в Успенском соборе «обряд венчания» на престол Михаила Федоровича Романова и подписал грамоту об избрании его на царство.

Примечательно, что правители и в России, и в Японии для укрепления своей власти используют внешнюю экспансию, завоевательные походы.

Россия начинает проникновение на Восток и освоение огромных пространств Сибири. В Москве учреждается Сибирский приказ (1638). В восьми с лишним тысячах километров от Москвы создается Якутское воеводство (1640), по приказу которого осуществляется успешная экспедиция на Амур (1643), а в 1649 году русские выходят к берегу Охотского моря, где закладывается первый русский порт на Тихом океане – Охотск. Эта экспансия происходит по общим тогда правилам колонизации. Население захваченных территорий облагается данью (ясаком), а их сопротивление подавляется. В 1645 году таким образом было подавлено восстание бурятов.

Аналогична по времени и по характеру экспансия Японии: на юге – в сторону островов Рюкю с попытками присвоения островов Бонин, на западе – в сторону островов в Японском море, на севере – в сторону Хоккайдо, Сахалина и Курильских островов. В северной части Хоккайдо во второй половине XVII века многочисленные племена айнов сохраняли независимость. В 1669 – 1672 вспыхивает крупное восстание айнов, которые вначале воюют между собой, а потом объединившись – против японцев («восстание Сягусяина»).

На Хоккайдо войска клана Мацумаэ умирят айнов. Этот клан при абсолютной власти сёгуна обладает полномочиями на принятие собственных решений в освоении северных территорий, включая применение вооруженной силы. Аналогичный Мацумаэ пример на юге Японии – княжество Сацума. Клан Симадзу в марте 1609 снарядил флот из 100 кораблей и лодок с трехтысячным войском, захватил и присоединил к Японии острова Амами, принадлежавшие королевству Рюкю, а затем оккупировал столицу самого королевства Наха. Король Рюкю вынужден был признать над собой власть сёгуна.

Изоляционизм никогда не приживался на русской почве. Это было нереально с геополитической точки зрения. Экспансионизм, напротив, был представлен во все времена, но не имел присущего этому слову от-

рицательного смысла. Экспансионизм воспринимался не как «захват» чужой территории, а как «приращение» к империи территорий, к ней прилегающих. В Московском княжестве при Иване III «собрание земель» означало присоединение не только русских земель – Ярославского, Тверского и Белозерского княжеств, но и соседних территорий с нерусским (угро-финским) населением. Были присоединены территории национальных меньшинств в Приволжье и за Уралом (походы на Пермь и Юргу) – коми-пермяков, ханты-манси и др. Но термин «русский колониализм» не прижился ни в политологической литературе, ни даже в публицистике. Выражение «русские колонии» в Сибири можно встретить лишь в британской прессе XIX века.¹ До этого под русскими колониями понимались исключительно территории на западном побережье Америки, где деятельность русских колонистов опережала американцев и британцев, которые высоко оценивали ее как направленную не только на извлечение торговой выгоды, но и как цивилизаторскую.²

Увеличение территории Японии произошло за счет включения в состав страны территорий, которые до приблизительно 1800 года считались «*gaijitu*» («внешние земли») – Хоккайдо, Окинава. Завоевание Тайваня в 1895 году – по сути первое колониальное приобретение. Присоединение соседних земель и территорий и формирование квази-империи оказывает сильное воздействие на идеологию, а через нее на ментальность народа и становится частью его идентичности.

Характерно, что модель делегирования полномочий центральной власти определенным группам населения на границах государства, которые можно видеть на примере кланов Мацумаэ и Симадзу, использовалась в XVII – XIX веках и в России. Эту роль выполняли поселения казаков, которые захватывали обширные территории, сооружали опорные пункты и умирляли местные племена.

Начиная с XVIII века исторические пути России и Японии расходятся.

Россия, серьезно отстав от европейских стран в экономическом, научно-техническом и культурном развитии, не имея выходов к морям – Черному и Балтийскому, испытывая постоянное, в том числе военное, давление с западного и южного направлений, в интересах сохранения своей государственности и суверенитета под руководством царя Петра I осуществляет масштабную, радикальную программу модернизации.

Япония – островное государство, окруженное водным пространством, решает проблему обеспечения безопасности и сохранения идентичности путем закрытия страны от контактов с иностранцами и консервацией внутренних порядков. Япония начнет свою модернизацию спустя 150 лет после российской, во многом по тем же причинам, что и Россия. Натиск в первой половине XIX в. США и европейских держав

¹ The Times. 20.06. 1832

² The Times. 13.01. 1820

на Восток, по существу, не оставил для Японии выбора – либо полукOLONиальная зависимость по китайскому сценарию, либо коренная перестройка политической, экономической, социальной и культурно-бытовой системы.

Хотя модернизационные преобразования в России и Японии разделяют полтора столетия, определенные аналогии между внутренним развитием в обеих странах можно обнаружить и в этот период.

Прежде всего, и в реформировании России, и в реформировании «застойной» Японии была укреплена система централизованного управления.

Россия – огромная по территории страна, была разделена на губернии, которых первоначально насчитывалось 40, затем 50. Хотя назначавшиеся из столицы губернаторы имели немалые полномочия в управлении, в осуществлении финансовых и судебных функций в губернии, их деятельность находилась под контролем из столицы – Санкт-Петербурга. Нередко за свою излишнюю самостоятельность и попытки превратить губернии в личные вотчины губернаторы лишались своих постов, а порой и довольно сурово наказывались.

Еще более жестко местное управление контролировала центральная власть в Эдо – сёгунат, которому подчинялись все 250 даймё. Хотя формально под наиболее строгим надзором сёгуната находилась только деятельность даймё, в которой обнаруживались намерения бросить вызов клану Токугава, как то строительство оборонительных сооружений, укрепление замка, заключение браков с родственниками соседних даймё с целью формирования антиправительственной коалиции, тем не менее была введена система заложников (санкин котай). Согласно этой системе, даймё были обязаны проводить каждый второй год при дворе сёгуна в Эдо, а на следующий год могли жить в своих замках, но оставив в «гостях» у сёгуна членов своей семьи. Этот порядок сохранился до эпохи Реставрации Мэйдзи и являлся весьма эффективным средством контроля над даймё. Прямое вмешательство сёгуната в управление даймё своими вотчинами осуществлялось и тогда, когда это управление оказывалось неэффективным, и даймё, и в этом определенная аналогия с российской практикой, могли быть наказаны – понижены в статусе, лишены части земель.

В XVIII веке в России сформировалось пять сословий: дворянство, духовенство, мещане, крестьянство, купечество. В Японии в эпоху Токугава население было разделено на четыре сословия: самураи (си), крестьяне (но), ремесленники (ко), торговцы (сё).

И в России, и в Японии основанием включения в «высшее сословие» – дворянство и самурайство, служило право по рождению в семье дворянина или самурая, а также приобретение статуса за особые заслуги перед властью. За дворянами и самураями закреплялись существенные

привилегии. Российские дворяне и японские самураи поставляли основные кадры для государственной службы. В отличие от японских самураев, которые не имели возможности применить свое воинское искусство в боях, так как в эпоху Токугава междоусобные войны прекратились, российские дворяне составляли костяк командного состава армии и из них формировались элитные части.

При всей немалой роли и значимости российского дворянства и японского самурайства в развитии государственности в обеих странах, в конечном итоге, и те, и другие в результате весьма болезненных, нередко трагических для их судеб исторических процессов были вынуждены либо погибнуть, либо раствориться в общественных структурах нового общества, рожденного в результате реформ.

Когда феодальная раздробленность сменилась эпохой централизованных государств, возникшие структуры власти в обеих странах значительно отличались. В Японии эта структура до конца сохраняла черты дуализма – параллельное существование реальной и символической власти.

Дуализм власти в Японии возник не сразу, а в результате естественного развития политической системы еще в древней Японии. Минамото Ёритомо – первый «великий сёгун, покоряющий варваров», основатель первого сёгуната Камакура (1192 г.), положившего начало эпохе военного правления Японией, продлившейся семь веков (680 лет) – был сыном главы клана и его жены из рода Фудзивара, поставлявших императорам их официальных жен.

В отличие от императоров (тэнно), династийность которых сохранялась, сёгуны менялись. Но ни один сёгун не пытался объявить себя императором, несмотря на то, что реальной силы для этого было достаточно.

Следует отметить, что именование японских тэнно «императорами» вошло в обиход в XVIII в., когда в Европе появились империи и императоры. Конечно же в древности, да и в более позднее время, Япония статусу империи не соответствовала. Однако титул «император» применительно к верховным правителям Японии применялся за рубежом страны, в которой он на японском языке по-прежнему именуется тэнно хэйка (Его Величество Небесный Господин).

Роль тэнно в государственной системе страны шаг за шагом выкристаллизовалась в качестве сакрально-символической фигуры – прямого наследника богини солнца Аматэрасу, Сына Неба. Тэнно выполнял функции верховного священнослужителя – жреца самобытной религии японского народа – Синто (путь богов).

Как представляется, именно эта «связь» тэнно с богиней солнца Аматэрасу и его роль верховного жреца являлись основными сдерживающими факторами намерения (если таковые и появлялись) сёгунов объявить себя потомками богов, что, очевидно, встретило бы весьма

негативную реакцию населения с соответствующими драматическими последствиями для сохранения своей власти.

В России подобной приверженности теории последовательного происхождения всех тэнно от одного корня, начиная с легендарного Дзимму, не существовало, т. к. происхождение русских великих князей и царей было из разных монархических корней, причем, в основном, нерусского происхождения.

Божественное происхождение тэнно ставило их по определению выше государственной власти. Хотя материальное обеспечение тэнно было подчас весьма скудным, но значение имела прежде всего идея святости престола. Император освящал и делегировал «земную» власть, оставаясь выше ее. Поэтому революция Мэйдзи и была названа реставрацией власти императора, «решившего» вернуть себе властные полномочия на управление страной.

В России тоже, хотя по историческим меркам непродолжительное время, существовал дуализм власти реальной и духовной в лице царей и патриархов. Патриаршество играло значительно большую политическую роль и экономически было сильнее, чем императорский двор в Киото. При этом титул патриархов Филарета и Никона включал в себя слова «великий государь» – у первого: «Великий Государь Святейший Божиею милостию Патриарх Московский и всея Руси», у второго: «Божиею милостию великий господин и государь, архиепископ царствующаго града Москвы и всеа великия и малыя и белыя России и всеа северныя страны и помория и многих государств Патриарх»

Как раз в период, когда Токугава резко ограничил права императора и его двора в Киото, отобрав у него все земельные надель, компенсировав это финансовым содержанием из казны, патриарх Филарет в Москве, пользуясь тем, что его сын стал первым царем из рода Романовых, значительно расширил права патриаршества.

Но со временем царский престол начал приобретать авторитарность не только как государственный или управленческий институт, но и как духовный. В Японии тэнно был выше рангом – сыном богов, которыми была рождена сама страна.

В России тоже можно найти попытки связать царя с Богом, найти в нем некую сакральность. В Своде законов Российской Империи от 1832 г. в его первом томе, представлявшем собой компиляцию законов XVIII – начала XIX вв. («Основные законы Российской Империи»), 1-я статья гласила: «Император Всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной его власти не токмо за страх, но и за совесть сам Бог повелевает».

Вместе с тем, в русской идентичности, в особенности в тот период и позднее, важнейшей чертой было стремление к единовластию и персонификация ее в образе конкретного государя, ставшего таковым согласно

канонам престолонаследия. Это сочеталось с глубоким неверием и недоверием к коллективной форме правления.

Важной особенностью царского правления в России было наличие рядом с царем лица, который оказывал сильное или даже решающее влияние на политические решения – «опекун» («серый кардинал») или «фаворит» (фаворитизм получит широкое распространение в России и в Европе в XVIII веке). У Михаила Романова опекуном был его отец патриарх Филарет. После смерти Михаила для его 16-летнего наследника, царя Алексея Михайловича, был выбран опекун («дядька») из среды бояр – крупный землевладелец Борис Морозов. До своей смерти он оставался самым близким царю и самым влиятельным человеком.

Будучи авторитарной, сильной личностью Петр I не допускал появления фаворитов и тем более опекунов. Однако после его смерти во времена Екатерины I, Анны Иоанновны, Екатерины II фаворитизм процветал и являлся фактически одним из институтов государственного управления.

В Японии такие явления как опекунство и фаворитизм имели место как в замке сёгуна, так и во дворце императора. Однако в Японии это имело меньшее распространение. Благоволение сюзерена по отношению к своим подчиненным для поддержания его авторитета должно было быть достаточно ровным. Были даймё более приближенные и менее, но это было связано не столько с личными симпатиями или антипатиями сёгуна, сколько со степенью лояльности даймё и их компетентности. В России тоже лояльность и компетентность подчиненного ценились высоко, однако фактор личной симпатии был более выраженным.

Примером фаворитизма в японской истории были отношения сёгуна Токугава Иэнобу и известного историка, философа, литературоведа и поэта Араи Хакусэки (1657 – 1725). По инициативе Араи сёгунат провёл целый ряд реформ, упрочивших и усовершенствовавших власть сёгуна. «Фактическим правителем» Японии во второй половине XVIII века был Танума Окицугу (1719 – 1788). Можно упомянуть и Мацудайра Саданобу, который будучи регентом при сёгуне Токугава Иэнари, выступил инициатором реформ Кансэй.

Теория абсолютизма как наилучшей формы правления для России строилась на предположении об эффективности строгой вертикали власти, ее «справедливости» в заботах о народе. При Петре I она в полной мере воплотилась в государственном устройстве. По мере пространственного роста государства, достигшего колоссальных размеров уже при Екатерине II, сформировалась идеология монархизма как наиболее адекватной этим пространствам системы государственного управления. В своем Наказе Комиссии о составлении нового Уложения в 1766 году императрица писала: «Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть, не может действовать

сходно со пространством столь великого государства. <...> Всякое другое правление не только было бы России вредно, но и вконец разорительно».³

Самоидентификация в мировом цивилизационном пространстве является одним из самых болезненных вопросов в истории двух стран. Русский этнос и его идентичность с самого начала их образования были европейскими. Беспрецедентное расширение территории Московского царства на запад, на юг и особенно на восток в XVII – XIX веках изменило не только геополитические параметры, но сказалось и на идентичности, превратив русских в россиян.

В своем Наказе Комиссии о составлении проекта нового Уложения в 1766 году Екатерина II в одном из первых пунктов, обозначив российскую идентичность как «европейскую» («Россия есть Европейская держава»), отмечала, что только реформы Петра вернули русских в европейское культурное лоно. «Перемены, которые в России предпринял ПЕТР Великий, тем удобнее успех получили, что нравы, бывшие в то время, совсем не сходились со климатом и принесены были к нам смешением разных народов и завоеваниями чуждых областей. ПЕТР Первый, вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе, нашел тогда такие удобства, каких он и сам не ожидал».⁴

Ключевую роль в формировании русской идентичности сыграло православие, которое было «системообразующим элементом» этой идентичности, начиная с момента принятия христианства. Оно же было важнейшим элементом государственности. На всех освоенных и присоединенных территориях по приказу строились церкви, храмы и монастыри. В Японии эта деятельность тоже присутствовала – строительство синтоистских храмов на Хоккайдо и на Окинаве.

При Иване III противодействие исламу, католицизму и иудаизму («ересь жидовствующих») стало одной из задач государства. Приверженность православию оставалась важнейшим элементом идентичности на протяжении всех последующих этапов развития России. Под флагом православия велась борьба за сохранение национальной культуры, но это же станет источником, питавшим шовинизм и ксенофобию.

В Японии католицизм (в широком контексте христианство) воспринимался как угроза. Полный запрет Токугава в 1614 году христианства и последующее истребление христиан совпадает с изгнанием из России агрессивно католической Польши и Швеции, поменявшей католичество на лютеранство.

В Японии сопротивление католицизму было связано не столько с боязнью утратить свою идентичность, сколько с опасениями, что вслед за

³ Екатерина II. Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения. 1767 глава II, пп. 8–11. Цит. по: Екатерина II. О величии России. М.: ЭКСМО, 2003. С. 72–156

⁴ Там же. С. 72–73

миссионерами придут иноземные войска. К тому же быстрое распространение католицизма в том радикальном виде как он был представлен в испанских колониях и откуда он впервые появился в Японии могло привести к созданию в стране отдельных религиозных общин, что грозило в будущем противостоянием на религиозной почве. До этого и после этого религиозный фактор не играл существенной роли во внутривнутриполитических отношениях, хотя буддийские монастыри были вовлечены в непосредственную междоусобную борьбу. Даже в эпоху раздробленности не было феодальных кланов, проповедовавших только синто или только буддизм или его какие-то секты и боровшихся с противниками под религиозными знаменами. И, наконец, католицизм с его строгой иерархией подчинения верховной власти Римского Папы мог угрожать духовной власти японского императора. Католицизм вряд ли смог бы найти общий язык с синто, как это сумел сделать буддизм.

Сосуществование синто и буддизма, а также распространение конфуцианства и даосизма размывало религию как один из стержневых факторов японской идентичности. Поэтому божественное происхождение императора, восполняя в какой-то степени этот пробел, служило центром притяжения всех религиозных кругов в стране (храмов и монастырей, монахов и монахинь), составлявших внушительную силу. Не случайно, в Японии взаимоотношения реальной и сакральной власти были с разной степенью конфронтационности в принципе враждебными.

В эпоху становления сёгуната Токугава произошел наиболее острый конфликт двух ветвей власти. Он был вызван принятием в 1613 году указов сёгуна, регулирующих деятельность киотосского двора. В частности, была запрещена практика, когда все монахи и монахини высокого ранга вне зависимости от принадлежности к буддийским сектам бесконтрольно получали ритуальные одеяния (обычно пурпурного цвета), а также ранги «святых» от императорского двора, что составляло значительную часть их доходов. В 1627 году сёгунат объявил недействительными многие указы императора о присвоении высоких званий прелатам буддийских храмов под предлогом, что они не были согласованы с верховной властью, и потребовал вернуть все регалии назад. Императорский двор резко воспротивился этому. Некоторые священники из руководства крупных храмов отказались выполнять этот приказ. В результате многие из них лишились своих званий и были сосланы в монастыри и храмы в отдаленные районы на север острова Хонсю.

То же самое, но в другом контексте и в других масштабах происходит в России спустя два десятка лет в результате церковной реформ. Раскол церкви в середине XVII века вследствие изменения церковных обрядов (трехперстие вместо двуперстия и др.), переписывание старых священных книг, предание анафеме, преследование и убийства тех, кто отказался следовать новым канонам и не поддержал реформу – не имеют

аналога в японской истории. Упомянутые преследования высшего слоя священников буддийских храмов имеют другой контекст. Он чисто внутренний и связан с усилением авторитарной власти, в то время как в России помимо внутреннего конфликта между ростом силы и мощи русского государства с идеологическим застоєм, связанным с консерватизмом церкви, они имели более глубокую геополитическую подоплеку. Царь Алексей Михайлович с его амбициями наследника Византии, защитника всего православия и мечтами когда-нибудь вернуть Константинополь и воцариться там на престоле, поддерживал приведение канонов русской церкви в соответствие с греческими.

Все иностранные жены русских царей и императоров в обязательном порядке принимали православие, отказываясь от своей прежней религии. Напротив, русские княжны выходя замуж за иностранного принца или монарха могли оставлять за собой свою родную религию. В брачном контракте с герцогом курляндским Фридрихом-Вильгельмом, племянником прусского короля, с племянницей Петра I Анной Иоановной (будущая императрица России), заключенном в 1710 году, специально оговаривалось, что в распоряжении ее и ее русской прислуги будет русская православная церковь, а рожденные в браке с лютеранином дочери будут православного вероисповедания, в то время как сыновья, как их отец – лютеранского.⁵

В Японии религиозные обряды и традиции, их реформы не влияли на политический выбор. В России церковные реформы, не только сеяли семена ненависти внутри одного и того же народа, но породили практику государственного преследования инакомыслия.

Однако следует учесть, что в церковных реформах сохранялось стремление сохранить патриарха, если не равным царю, но в роли его «правой руки». Сам Никон, судя по его титулу «Великого Государя», иначе себя не мыслил. Но все амбиции церкви потерпели крах по мере того как в России на рубеже XVII и XVIII веков самодержавие приобретает форму абсолютизма. Это происходит при Петре I. Церковная реформа Петра ликвидировала русский патриархат, заменив управление церковью на государственную службу в виде Святейшего Синода.

Весь период правления Токугава и самоизоляции Японии пронизан идеями конфуцианства или точнее неоконфуцианства (чжусианства). Учение китайского мудреца о добродетелях и гуманности правителей, их обязанности отечески заботиться о народе, обращенные к самому народу призывы к экономии и бережливости, скромному образу жизни,

⁵ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Второй отдел: Господство дома Романовых до вступления на престол Екатерины II. Выпуск седьмой: XVIII столетие. 21. Императрица Анна Ивановна. I. Анна Ивановна до призвания на царство. // ГПНТБ СО РАН. URL: http://www.spsl.nsc.ru/history/kostom/kostom52_1.htm (дата обращения 07.11.2015.)

отказу от излишеств – все эти конфуцианские ценности влияли на политику и реформы в токугавской Японии. В реформах Кёхо, Кансэй, в политике Араи Хакусэки, Мацудайра Саданобу и других можно увидеть влияние конфуцианства. Более того, под влиянием Мацудайра учение Чжу Си было впервые в японской истории провозглашено официальной доктриной страны.

Религия и ее ценности пронизывали повседневную жизнь россиян. Это не имело прямого отношения к вопросу о том, насколько русские как народ или этнос религиозны или набожны. На этот счет есть прямо противоположные точки зрения. Однако быт или бытовая мораль испытывала на себе огромное влияние православия.

Относительно японцев преобладающим является мнение, что они не религиозны в принципе, а религия ими воспринимается скорее как система культурных традиций и обычаев, наследованная от предков. К тому же большую роль сыграло то обстоятельство, что буддизм, синто и тем более конфуцианство, строго говоря, религиями не являются. Это скорее учения, этико-моральные, чем мировоззренческие системы.

В наиболее развитой из них системе – буддизме, нет строгих канонов, а Будда не является богом. Синто – вообще политеистическая доктрина, сотканная из мифов. В этих доктринах понятия добра и зла, рая и ада размыты и нет строгих запретов на что-либо, а понятие греха и греховности аморфно. Примером является отношение, в частности, к такому греху как содомия или мужеложство, который в иудейско-христианской традиции (Библия) считается одним из тяжелейших грехов. Между тем в эстетике и этике древней и средневековой Японии, основанных на буддистских и синтоистских ценностях, «нансёку» (мужеложство) не только физиологическое, но и эстетическое явление. Это отчасти может быть объяснимо тем, что «ками» (боги) в синтоизме и Будда в буддизме не имели четко выраженной половой принадлежности. Вплоть до эпохи Мэйдзи в отношении «нансёку» не действовали не только законы, но и общепринятые моральные нормы.

С религией была связана и проблема наследования трона. При российском дворе император или царь, помимо официальной жены, имел любовниц на стороне. Это было принято и не считалось зазорным. Но рождавшиеся от этих связей дети, как и в Европе, не могли претендовать на корону. Христианская догматика запрещала многоженство и прелюбодеяние. Поэтому дети рожденные в «грехе» не могли претендовать на корону. Петр I при всей авторитарности свою любовницу Марту Скавронскую сделал женой и короновал в Успенском соборе как императрицу. Готовя ее на российский престол, он своим законом (1722) отменил прежний порядок наследования престола прямым потомком по мужской линии, заменив его личным назначением царствующего государя.

В Японии все основные религии не запрещали побочные связи супруга, и поэтому многоженство, особенно в высших сферах, было обычной практикой. У сёгунов, как и у императоров, помимо официальных жен (сэйсицу) были вполне легитимные наложницы (сокусицу). Из детей, рожденных от первых (тякунан) и вторых – (сёси) преимущество отдавалось первым, но если их возведение на престол по каким-либо причинам или в результате интриг было невозможно, то вторые вполне могли претендовать на «хризантемный трон».

В Японии современный тип государства (три ветви власти – законодательная, исполнительная и судебная) появился лишь после Революции Мэйдзи во второй половине XIX века, в то время как в России процесс его становления начался с реформ Петра I в первой четверти XVIII века. Япония отставала почти на 150 лет. Однако реформы политической системы при Петре I, Екатерине II и всех последующих монархах носили половинчатый и возвратно-поступательный характер и так и не были завершены – многие черты феодализма остались без изменений.

Определенные перемены в Японии начались еще до распада феодальной системы. Принимались меры некоторого смягчения режима – отмена практики насильственной передачи буддийским монастырям дочерей принцев крови, помилование незаконно проникших в Японию иностранцев (дело итальянского миссионера Джованни Сидотти), разрешение на ввоз европейской литературы из Китая нерелигиозного содержания. В более обширных реформах Кёхо (1716–1736 гг.) помимо изменений в земельных отношениях, размеров крестьянских податей, судебной реформы и внедрения начал здравоохранения и пр., принимались законы, направленные на стабилизацию социальных отношений и предотвращения социальных взрывов, повышения эффективности управления. Столь же важными были реформы Кансэй (1787–1793 гг.).

Новые перемены принес XIX век. В обеих странах они в чем-то схожи, в чем-то различны. В России этот век начался с попыток реформировать систему в начале правления Александра I (1801 – 1825). Воспитанный своей бабушкой Екатериной II в духе просвещенного абсолютизма, молодой царь размышлял о переменах, конституции с декларацией свобод, гражданских прав и освобождения крестьян, но условий для «революции сверху» не было и последовали лишь полумеры. Указ 1803 года позволял помещикам отпускать на волю крестьян с закреплением за ними земли. Так впервые в России появилось сословие свободных крестьян («вольных землепашцев»). Позднее, ближе к войне с Наполеоном по распоряжению царя был разработан проект государственной реформы, который превращал Россию в конституционную монархию, но он так и не был осуществлен. Никак не решался центральный вопрос – освобождения крестьян, а усиление функций государства привело к его чрезмерной бюрократизации. Участие и победа в войне с Наполеоном вы-

вело Россию в разряд великих держав, определявших судьбы мира. Она же подтолкнула к попыткам реформирования государственности.

При царе Николае I были устранены наиболее одиозные черты крепостничества. Запрещена продажа крестьян поодиночке и без земли, покупка крестьян безземельными дворянами. При продаже имения помещика за долги крестьянам предоставлялось право выхода на волю с землей, право приобретать недвижимую собственность. Была упорядочена и укреплена правовая основа государства, проведена кодификация законов и изданы 45 томов «Полного собрания законов Российской империи», 15 томов действующих законов («Свод законов»).

Япония первую половину XIX века находилась в состоянии политической спячки, двигаясь по инерции. Эта инерция была спровоцирована полувековым нахождением у власти сёгуна Изнари (1787 – 1837 гг.), не имевшего никакого интереса не только к реформам, но и к политике в целом. Не был подготовлен к роли лидера и его сын Изёси (1837–1853 гг.). Поэтому элита оказалась не способной реагировать на социально-экономические перемены, в частности, рождение нового торгово-предпринимательского слоя. В Японии не было попыток либерализации режима, какие имели место в России при Александре I, хотя и предпринимались усилия сделать режим более эффективным и устойчивым к внутренним и внешним потрясениям.

В роли «реформатора» выступил Мидзуно Тадакуни, который взялся за проведение реформ, получивших название реформ Тэмпо (1841–1843 гг.). В отличие от ограниченно либеральных реформ в России они были сугубо консервативными. Но реформы в двух странах объединял наиболее болезненный крестьянский вопрос. В Японии 30–40-е годы XIX века это была проблема возвращения крестьян в деревню, недопущения притока в Эдо массы бедных и голодных крестьян после массового голода. Стала острой задача пополнения казны любыми средствами, а не только призывами к бережливости и экономии. Явно консервативным и недальновидным было решение о роспуске картелей ремесленников и купцов (кабунакама). Эти предтечи акционерных обществ подозревались в монопольно высоких ценах. По настоянию Мидзуно в 1843 году был принят закон об экспроприации наделов, позволявший изымать земли у феодалов взамен земель из «свободного фонда». Этот закон коснулся земель вокруг Эдо и Осака, принадлежавших *хатамото* и *фудай даймё*.

* * *

Сравнительный анализ идентичностей России и Японии в указанный период свидетельствует о преобладании в них общего над специфическим. Взаимоотношения государства и общества, борьба за власть, формирование ее вертикали, роль лидера в процессе управления, стремление к эффективности режима, попытки структурных реформ

при сохранении самой системы, сословные деления в обществе и роль в нем отдельных групп, консерватизм элиты и ее неспособность идти на радикальные перемены – во всем этом и многом другом просматривается общность процессов исторического развития. Это позволяет сделать вывод, что противоречия между странами, которые не раз проявлялись в ходе построения и осуществления двусторонних отношений, не имеют исторических корней и не являются противоречиями между идентичностями и основаны на геополитических причинах.

В середине XIX века в России и Японии началось проведение комплекса реформ, направленных на серьезную модернизацию социально-политического и экономического устройства. Российские «великие реформы» и японские преобразования Мэйдзи объединяла общая цель – на их основе ликвидировать отставание от стран Запада с тем, чтобы обеспечить собственную безопасность и возможность активно участвовать в процессах по переустройству мирового порядка в эпоху капитализма.

И в России, и в Японии многие реформы имели сходный или совпадающий характер. На содержание реформ значительное влияние оказал европейский опыт государственного и общественного управления. Вместе с тем, японское общество в большей степени, чем русское было готово к восприятию реформ по западному образцу.

Процесс модернизации вызвал в обеих странах противодействие, причем в России более жесткое, чем в Японии, в обеих странах остро стоял вопрос о сохранении национальной идентичности в процессе приспособления к новым реалиям политического, экономического и социального развития.

За три десятилетия эпохи Мэйдзи в Японии был создан конституционный строй, проведена индустриализация, внедрены капиталистические отношения, реформирована социальная структура.

Хотя в России реформы носили менее радикальный характер, российское общество также претерпело серьезные изменения, Россия вышла на траекторию поступательного развития по капиталистическому пути. В России противодействие реформам со стороны помещиков, дворянства, знати привело к тому, что конституция не была принята, самодержавная власть не была ограничена, реформы носили половинчатый характер и все это создало предпосылки для революционного взрыва в 1905 г.

Ключевые слова: модернизация, земельная реформа, развитие промышленного производства, учреждение банков, военная реформа, судебная реформа, реформа системы образования, конституционная реформа, создание политических партий, конрреформы, национальная идентичность.

Вторая половина XIX века занимает особое место в историческом развитии России и Японии. В этот период в обеих странах были осуществлены важнейшие реформы, определившие их политический, экономический и социальный облик на многие десятилетия.

Российские «великие реформы» и японские преобразования эпохи Реставрации Мэйдзи объединяет общая цель – провести серьезную модернизацию социально-политического и экономического устройства в интересах ликвидации отставания от стран Запада, прежде всего европей-

ских, с тем, чтобы обеспечить собственную безопасность и возможность активного участия в процессах по переустройству мирового порядка в эпоху капитализма.

И для России, и для Японии проведение реформ было вынужденной мерой, предпринятой под давлением прежде всего внешних обстоятельств. Россия потерпела поражение в Крымской войне (1853–1856 гг.) и пошла на заключение мира на крайне невыгодных для себя условиях.

Япония сначала под дулами пушек американских военных кораблей «открыла» страну на навязанных ей условиях (1854 г.), а затем испытала унижение, когда попытки ограничить иностранное проникновение на японские острова привели к разрушению городов Кагосима и Симоносэки корабельной артиллерией США, Англии и Франции (1863–1864 гг.).

Военное поражение России и «унизительное открытие» Японии были следствием их экономическо-социальной отсталости от быстро развивающихся по капиталистическому пути стран Запада. Вместе с тем, и объективный ход внутреннего развития, или, вернее, его отсутствие, создавал предпосылки для осуществления модернизации.

Выдающийся российский японовед, академик Н. И. Конрад следующими словами охарактеризовал «готовность» Японии к преобразованиям: «Буржуазная революция в Японии не была случайностью, ни историческим парадоксом. Страна подошла к ней вполне подготовленной: она имела развитую экономику, национальный рынок в отношении многих видов товаров, хорошие пути сообщения, развитую банковскую систему; в ней была многочисленная высокообразованная и весьма активная интеллигенция; в ней действовали различные течения общественной мысли, образовавшие идеологическую почву для революционных преобразований»¹.

В 30–40-х годах XIX века в Японии предпринимались попытки осуществления ограниченных реформ в экономической сфере, но они оканчивались, как правило, неудачей – дефицитом товаров, ростом цен и в конечном итоге – ростом недовольства горожан и крестьян своим экономическим и социальным положением. В ликвидации сёгуната Токугава, восстановлении власти императора и в осуществлении последующих реформ участвовали многие политические силы, преследовавшие различные цели. Причем, в зависимости от менявшихся внутренних и внешних обстоятельств, их позиции нередко претерпевали кардинальные изменения.

Проникновение западных стран в Азию серьезно беспокоило правящие круги Японии, которые все более убеждались в необходимости продолжать держать территорию страны закрытой для иностранцев. Сёгунат принял меры к усилению изоляции Японии от внешнего мира.

¹ Конрад Н. И. Избранные труды. История. М.: Наука, 1974. С. 195.

Эта позиция находила поддержку у японских интеллектуалов, среди которых в начале XIX века выделялся Аидзава Сэйсисай, один из лидеров научной школы Мито, получившей наименование по названию княжества, в котором располагалась.

С тем, чтобы противостоять губительному внешнему воздействию, японцы, по его мнению, должны были вернуться к своим корням – к «национальной сущности» («кокутай»), при которой правители, имеющие небесное происхождение, осуществляли справедливое управление. Такой синтез единения государства и религии, как он утверждал, способен превзойти западную модель развития и обеспечить успешное противостояние европейской угрозе.

Из этой философии впоследствии родился лозунг «сонно дзёи» («почитание императора, изгнание варваров»), активным проповедником которого выступил самурай из княжества Тёсю Ёсида Сёин (1830–1859). В середине 50-х годов XIX века он проявил себя активным противником заключения договоров с иностранными государствами и сторонником концепции «кокутай». Его учениками и последователями были Ито Хиробуми и Ямагата Аритомо, ставшие одними из главных политических фигур эпохи Мэйдзи.

После подписания в 1854 году договоров с США и Россией, но прежде всего с США, т. к. в Симоду прибыл американский генеральный консул Таунсенд Гаррис, настаивавший на подписании нового двустороннего договора о торговле, в Японии, особенно среди многих даймё, прежде всего юго-западных регионов, не говоря уже о киотоских аристократах, стало распространяться мнение, что сёгунат не в состоянии противостоять иностранной угрозе. Не в последнюю очередь под влиянием подобных настроений в 1858 году император Комэй отказался одобрить готовность сёгуна подписать договор с США. После этого началось растущее вмешательство императорского двора во внешнюю политику сёгуна. Император Комэй проявил себя как последовательный сторонник закрытия страны для пребывания на ее территории иностранцев.

Однако сёгунат, сознавая отсутствие у отсталой в военном отношении Японии возможности противостоять «западным варварам», подписал сначала торговый договор с США, а потом аналогичные договоры и с Россией, Англией, Францией и Голландией. На этом фоне император Комэй продолжал активно выступать за «объединение аристократов и военных («кобугаттай») с целью возрождения «превосходной системы закрытой страны».

Таким образом, противостояние императорского двора и сёгуна начало набирать динамику, а лозунг «почитание императора и изгнание варваров» (*сонно дзёи*) начал с 1859 года реализовываться на практике – убийства иностранцев, среди которых оказались два русских матроса, а также тех сторонников сёгуна, которые не проявляли к императору должного почтения или «пресмыкались» перед иностранцами. В течение

двух лет, с осени 1862 г. по осень 1864 года, было осуществлено более 70 убийств.

Между тем из Китая приходили все более пугающие известия: о взятии англо-французскими войсками Пекина и заключении неравноправных договоров, серьезно ущемлявших китайский суверенитет. Следующей жертвой «западных варваров», как полагали и в Киото, и в Эдо, могла стать Япония.

В 1866 году княжества Сацума и Тёсю заключают союз, цель которого не изгнание варваров, а свержение уже практически утратившего способность управлять страной сёгуната и восстановление власти императора. Регулярные контакты руководителей княжеств с европейцами убеждали их в важности заимствования у них идей и технологий, особенно в военной сфере. В последующем именно выходцы из юго-западных княжеств составят ядро новой правящей элиты страны.

За «открытие» страны уже в начале XIX века выступали не только ученые школы «европейской науки», изучавшие достижения, прежде всего научно-технические, западной цивилизации, например Ватанабэ Кадзан (1793–1841), призывавший заимствовать не только технику, но и западные идеи построения общества, но и учение конфуцианского направления – Сакума Сёдзан (1811–1864 гг.) и Ёкои Сёнан (1809–1869 гг.). Сакума Сёдзан в ряде своих эссе, написанных в 50-е годы XIX века, поддерживал лозунг «восточная эпоха, западная культура». В его представлении, чтобы успешно противостоять агрессивным европейцам и американцам, Японии следовало воспринять достижения западной науки и техники в сочетании с восточной, конфуцианской моделью.

Ученые-просветители переводили и знакомили японскую общественность с трудами крупнейших европейских мыслителей, в которых обосновывались идеи свободы, равенства, человеческих прав. Деятельность этих ученых в последние годы Токугавского сёгуната способствовала ознакомлению японцев не только с научно-техническими новинками, но и с достижениями в области искусства, образования, общественных наук.

Хотя лозунг «сонно дзёи» в конце 50-х – начале 60-х годов XIX века все более объединял правящую элиту, среди тех молодых японцев, которые начали посещать США и европейские страны, а в их число входили Фукудзава Юкити (1835–1901), Ито Хиробуми (1841–1909), Иноуэ Каору (1835–1915), Мори Акинори (1847–1889), укреплялась убежденность в нереалистичности идеи незамедлительного изгнания из Японии иностранцев и мнение в необходимости реформирования японских порядков. Именно эти представители японской элиты после реставрации имперской власти сыграют существенную роль в создании «новой Японии».

Сторонники «открытия страны внешнему миру» («кайкоку»), использования опыта, науки и техники западных стран для превращения Японии в мощное государство первоначально находились в меньшинстве

и даже нередко становились жертвами покушений со стороны «ортодоксальных самураев». Им предстояло создать идеологическое обоснование необходимости преобразований японского общества по европейскому образцу, совместить господствующую традиционную философию жизни, основанную во многом на конфуцианстве, с «западными ценностями».

Среди сторонников таких преобразований были и даймё крупных княжеств и обедневшие самураи, но наибольший вклад в движение «цивилизация и просвещение» («буммэй кайка») внесли независимые мыслители-просветители, ученые школы «европейской науки», которые в своей общественной деятельности, через публикации своих трудов пропагандировали идеи либерализма, конституционализма, универсального характера мирового развития. Сторонники отказа от политики самоизоляции страны были и среди крупных влиятельных даймё, особенно на юге страны, которые исходили из того, что открытие страны позволит с помощью торговли получить средства на закупки вооружений, повысить военный потенциал страны и предотвратить иностранное вторжение.

Выдающуюся роль в обосновании и распространении в Японии необходимости «разрыва со слепой приверженностью обычаям прошлого» и постепенному восприятию ценностей западной цивилизации сыграл Фукудзава Юкити, выходец из семьи бедного самурая. В октябре 1866 года была опубликована его книга «Жизнь в странах Запада («Сэй дзидзё»)» о впечатлениях автора от поездок в США и Европу в 1860–1862 годах. Тираж книги стал рекордным – более 200 тысяч экземпляров. Главный вывод автора состоял в том, что для Японии, если она хочет оставаться независимой, необходимо осваивать европейскую науку и технику, манеры поведения, вплоть до того, как одеваться по-европейски.

В своей работе «Краткий очерк цивилизации» («Буммэйрон-но гайряку»), опубликованной в 1876 году, он дал свою интерпретацию понятия «кокутай». «Кокутай», – писал он, – это когда люди одной национальности объединяются..., подчиняются правительству своей страны и не хотят подчиняться правительствам других стран; сами несут ответственность за свое процветание и упадок, сами сохраняют независимость. На европейских языках это называется народ». Таким образом, Фукудзава фактически обошел вопрос о непрерывности, дарованности «свыше» императорского правления и единения на этой основе японского народа, а сделал акцент на ответственности каждого японца, обладающего естественными правами человека, за судьбу нации. При этом он подчеркивал, что прогресс цивилизации не наносит ущерба «кокутай» и следует для его сохранения как раз решительно избавляться от пережитков прошлого во всех сферах жизни.

В то же время Фукудзава был противником механического копирования идей Запада и призывал использовать все полезное как в европейской, так и в японской культуре с тем, чтобы обеспечить независимость

страны. По его мнению, интеллектуально Азия, конкретно Китай, не в состоянии воспринять политический, индустриальный и социальный прогресс Запада, а Япония это может сделать. При этом он полагал, что без воспитания «новых людей» решить эти реформаторские задачи будет крайне затруднительно, поэтому, выступая за введение массового образования, основал университет Кэйо, газету «Дзидзи симпо», опубликовал более сотни книг.

Фукудзава Юкити способствовал становлению практики публичных дебатов, прежде всего по проблематике западной культуры и образа жизни. Он выступал за принятие конституции и введение парламентского правительства. Кризис закостенелой системы управления страной, неспособной адаптироваться к новому этапу экономического развития страны, связанного с началом процесса protoиндустриализации, коммерциализации сельского хозяйства, «прибытие иностранцев» продемонстрировало управленческую слабость сёгуната, его идеологическую несостоятельность. Уступки сёгуната требованиям западных стран вызвали возмущение в широких кругах политической элиты, способствовали проявлению «инакомыслия», росту национализма, а также волнения среди крестьян и горожан, пострадавших от последствий открытия страны внешней торговле. Все это привело к осознанию необходимости осуществления кардинальных перемен в управлении страной.

Россия к середине XIX века серьезно отставала в экономическом и социальном развитии от европейских стран. Промышленное производство было малозначительным. Более того, его развитие ограничивалось политикой царя Николая I и его окружения, опасавшихся, что появление значительного числа наемных рабочих может привести к их выступлениям с требованием больших прав и свобод. Насчитывалось 11 тысяч мануфактур, главным образом мелких, с количеством рабочих около 500 тысяч человек, занимавшихся в основном производством текстиля и изделий из металлов.

Сельское хозяйство переживало серьезный кризис. Прикрепление крепостных крестьян к сельским районам сдерживало развитие городов. В 1851 году городское население насчитывало 3,5 млн. человек, т. е. 17,8% всего населения – 74 млн. человек. Внутренний рынок развивался медленно, в том числе по причине отсутствия дорог. Протяженность железных дорог составляла около 1 тыс. км – в 5 раз меньше, чем во Франции и в 6 раз меньше, чем в Германии. Доля России в мировой торговле составляла всего лишь 3,7% и не росла. На экспорт поставлялись: зерно, пенька, лен, медь, железо, меха, древесина. Импортировались: хлопок, шерстяная ткань, сахар, краски, вино, чай, соль.

Сохранялся низкий уровень образованности населения. В четырех университетах – Московском, Санкт-Петербургском, Казанском, Харьковском в 1854 г. обучалось лишь 3600 студентов. В школах, которые все находились в городах, насчитывалось 14000 учащихся. Грамотных

крестьян практически не было. Образование народа считалось опасным и вредным с точки зрения поддержания социальной и политической стабильности. Кроме того, подозрение вызывало влияние западных идей и знаний, проникавших в Россию посредством образованной интеллигенции. За исключением М. В. Ломоносова, великого русского ученого, Россия не могла похвастаться наличием ученых европейского уровня.

Согласно характеристике крупнейшего русского философа Н. А. Бердяева (1874–1948 гг.), «Россия к XIX веку сложилась в огромное мужицкое царство, скованное крепостным правом с самодержавным царем во главе, власть которого опиралась не только на военную силу, но также и на религиозное верование народа, с сильной бюрократией, отделившей стеной царя от народа, в средней массе своей очень непросвещенного и самодурного, с небольшим культурным слоем, который легко мог быть раздроблен и раздавлен»².

Отставание России в экономическом, научном и культурном развитии от запада не было секретом для японской политической элиты. Направленная в 1872 году в Европу и США миссия из высокопоставленных японских чиновников во главе с Ивакура Томоми для знакомства с государственным устройством, военной политикой, организацией армии, системой управления экономикой, посетив Петербург, сделала негативный вывод о состоянии российской науки и образования. Вместе с тем, известно, что сам Ивакура Томоми был большим поклонником Петра I.

Аналогичных взглядов придерживался и Мори Акинори (1847–1889 гг.), который в середине 60-х годов XIX века был послан княжеством Сацума на обучение в Англию, а впоследствии посетил и Петербург, где проходили обучение шесть молодых людей с Эдзо (Хоккайдо). Сопоставляя уровень развития Англии и России, Мори Акинори, занимавший пост министра просвещения, сделал заключение о превосходстве европейской модели общественного устройства над российской.

В Японии начало реформ связано с вступлением на царский трон Александра II (1855 г.), а в Японии – с правлением императора Муцухито, которое началось устранением сёгуната и возвращением всей полноты власти императору (1868 г.). При том, что многие российские и японские реформы имели сходный характер, концептуально они серьезно отличались.

Главной, центральной реформой в России стала отмена крепостного права. Все последующие реформы явились следствием освобождения крестьян, что стало одним из важнейших событий в истории России. Произошло это в 1861 году, а сама «эра великих реформ» продолжалась всего лишь пять лет, до 1866 года. Правящая элита в России пошла на освобождение крестьян, сознавая, что это является единственным способом избежать крестьянской революции. После поражения в

² Бердяев Н. А. Русская Идея. Санкт-Петербург, 2013. С. 58.

Крымской войне фиксировались многочисленные случаи неповиновения властям и аграрные волнения. Как отмечал С. Ю. Витте, видный государственный и политический деятель России, министр путей сообщения, министр финансов, председатель Совета министров в конце XIX-начале XX века, «Крымская война открыла глаза наиболее зрячим; они осознали, что Россия не может быть сильной при режиме, покоящемся на рабстве»³.

Александр II в 1856 году пришел к выводу, что «лучше начать уничтожать крепостное право сверху, нежели ожидать, когда оно начнет само уничтожаться снизу». Однако освобождение крестьян не привело к появлению крупного крестьянского землевладения. Крестьяне освобождались без земли, сохранялось общинное землевладение. Вместе с тем большая часть крупных землевладельцев-помещиков не хотела и не могла организовывать производство по-новому, не имея крепостных крестьян, и начала сдавать землю в аренду крестьянам или продавать купцам или зажиточным горожанам. Как отмечал С. Ю. Витте, «до 1905 года громаднейшая часть населения Российской империи находилась в общинном коллективном владении, исключаящем возможность сколько бы то ни было интенсивной культуры, подворное владение находилось в неопределенном положении вследствие неотмежеванности и неопределенности права собственности. Крестьянство находилось вне сферы гражданских и других законов»⁴.

Особо негативную роль играло сохранение в деревне общинных отношений. Они были выгодны властям, т. к. позволяли осуществлять жесткий контроль за «коллективом крестьян», связанных тесными узами взаимоотношений. Община играла крайне негативную роль, сдерживая развитие товарно-денежных отношений в деревне, сковывала инициативу и предприимчивость крестьян и в конечном итоге оказывала негативное влияние на экономическое развитие страны в целом. При общинном порядке крестьянин, как писал С. Ю. Витте, «знает, что обработанная им земля через некоторое время может быть заменена другой (общиной), что плоды его трудов будут делиться не на основании общинных законов, а по обычаю (а часто обычай есть усмотрение), когда он может быть ответственен за налоги, не внесенные другими (круговая порука), ... когда он не может ни передвигаться, ни оставлять свое жилище без паспорта, выдача коего зависит от усмотрения»⁵.

В результате в сельском хозяйстве наблюдался застой. Урожайность была низкой. В 1896, 1898 и 1901 годах имел место голод, стимулировавший крестьянские волнения.

³ Витте С. Ю. Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. М.: Мысль, 1991. С. 528.

⁴ Там же. С. 534.

⁵ Там же. С. 529–530.

В Японии также была проведена земельная реформа. В 1871–1873 гг. феодальная зависимость крестьян была отменена, введена купля-продажа земли. Землей стали владеть помещики (1/3 земли), зажиточные крестьяне, ростовщики, торговцы. Был принят закон о проведении земельного кадастра и осуществлена выдача удостоверений о праве собственности на землю.

Нетрудно заметить общие элементы в изменении землепользования в России и Японии. Особое значение имело наличие и сохранение в обеих странах крестьянских общин.

С давних времен, когда на японских островах началось возделывание риса, требующее интенсивного и коллективного труда и в Японии возникла деревенская община. В общине, организованной для выращивания риса на основе обеспечения и поддержания необходимого поступления воды на поля, доминировали факторы однородности, уравнительности, сотрудничества. Эти факторы решительным образом способствовали формированию жизненного менталитета японцев.

Если в России у правящей элиты не было более или менее определенного плана преобразований, а главной реформой была отмена крепостного права, которая, как следствие ее проведения, повлекла за собой осуществление ряда других реформ, то в Японии уже в «Высочайшей клятве» от имени императора Муцухито от 6 апреля 1868 года была сформулирована, хотя и в общем виде, но программа, предусматривавшая, наряду с намерением заимствовать «полезные знания во всем мире», также и осуществление политических преобразований.

В России царь Александр II отвергал требование либеральной общественности ограничить самодержавие и создать представительное правительство. О «даровании народу» конституции речь и вовсе не шла. Государственное устройство не претерпело изменений. Хотя в 1851 году был учрежден Совет министров, но он просуществовал лишь до 1883 года. В России Манифест царя о превращении России в конституционную монархию проявится только после революционного взрыва в 1905 году.

В Японии одним из первых изменений стал Указ о государственном устройстве (1868 г.). В 1871 г. были ликвидированы княжества и образованы префектуры, учреждены 8 министерств. В 1875 году издан указ о постепенном введении конституционного строя. Затем в 1881 году последовал указ об учреждении парламента в 1890 году. В 1885 году была проведена реорганизация правительства по европейскому образцу. И, наконец, в 1889 году провозглашена конституция.

Что касается развития крупного промышленного производства по европейскому образцу, то его становление и в России, и в Японии сдерживало отсутствие капиталов и квалифицированных управленцев и инженеров. Эти проблемы решались сходным путем – внешними зай-

мами, учреждением банков и приглашением иностранных специалистов.

В России государственный банк был учрежден в 1860 году, а затем последовало создание первых коммерческих банков. В 1897 году государственный банк получил статус центрального финансового института страны. В Японии в 1872 году был издан закон о национальных банках, согласно которому все частные банки действовали под контролем государства. К 1880 году в стране было 148 банков. В 1882 году учрежден Центральный банк.

В создании крупных промышленных предприятий с разной степенью активности в России и Японии принимало участие государство. В Японии роль правительства была более значимой и многосторонней. С начала 70-х годов правительство приступило к строительству современных промышленных предприятий, находившихся в собственности государства. Было построено три судостроительных завода, пять военных заводов, десять шахт, 52 промышленных предприятия. В 1880 году в соответствии с законом о продаже госпредприятий, они, за исключением предприятий военного профиля, были проданы частным владельцам. Таким способом были заложены основы формирования крупных финансово-промышленных групп («дзайбацу»).

В России государство ввело себя менее энергично в плане не только создания под своим контролем предприятий, но и поощрения к предпринимательской деятельности частных лиц. Тормозилось формирование акционерных обществ, важного инструмента аккумуляции необходимых средств для вложения в организацию производства. Как отмечал С. Ю. Витте, «салонные невежды», аграрии-дворяне препятствовали созданию акционерных обществ, т. к. «просто не понимали», что «современное государство не может быть великим без национальной развитой промышленности»⁶.

Вместе с тем, серьезный толчок к развитию промышленного производства дало принятие в 1870-е годы программы строительства железных дорог. К 1885 году их протяженность составила около 50 тыс. км. В Японии также строительство железных дорог способствовало экономическому развитию страны в целом. К концу 90-х годов в стране было 4,7 тыс. км частных дорог и 1800 км государственных. Но следует принять во внимание несопоставимость российской и японской территорий.

Что касается структуры промышленного производства, то основные отрасли и в России, и в Японии были схожими. Это текстильная, горно-металлургическая, пищевая, машиностроительная.

Россия и Япония уделяли большое внимание созданию мощного военно-морского флота. Программа наращивания ВМФ России, принятая Александром II в 1881 году, предусматривала развитие судостроительной

⁶ Там же. С. 514.

промышленности, строительство судов для Балтийского и Черноморского флотов, для Сибирской флотилии, создание портов. В 1882–1895 годах были проведены масштабные работы по реконструкции всех отечественных судостроительных заводов. В 1881 – 1895 годах было построено 114 боевых кораблей, из них 17 броненосцев, 10 крейсеров, 53 миноносца. В 1898 году Россия вышла на третье место в Европе по числу боевых судов – 107 (у Великобритании было 335 кораблей, у Франции – 204). В 80-е годы началось строительство подводных лодок. Вместе с тем Россия серьезно уступала европейским странам и Японии в строительстве судов гражданского назначения.

Практически в одно время в России и Японии были проведены военные реформы. В России в 1874 году был принят закон о воинской повинности, единый для всех социальных групп. Если до реформы срок обязательной воинской службы составлял 25 лет, то по новому закону он сокращался до 6 лет. Были отменены телесные наказания для солдат, организовано обучение грамоте рядового состава. Реформа оказала позитивное влияние на укрепление морального духа российского солдата, а предпринятые меры по модернизации вооружений серьезно укрепили военный потенциал страны.

В Японии в 1872 году были созданы министерства армии и флота. Согласно закону о всеобщей воинской обязанности служба в армии или флоте определялась в 3 года.

И в России, и в Японии важное значение имело создание судебной системы с использованием европейской модели. Судебная реформа в России началась в 1864 года принятием судебных уставов в соответствии с аналогами европейской юриспруденции. Декларировалось «равенство всех перед законом», вводился суд присяжных, предоставлялась возможность обжаловать приговор. Для рассмотрения незначительных гражданских и уголовных дел вводился мировой суд. Началось формирование адвокатского корпуса.

В Японии в 1871 году, наряду с созданием министерства юстиции, были сформированы городские и префектуральные суды. В 1880–1889 годах были приняты уголовно-процессуальные кодексы, по которым предусматривалась возможность обжалования приговора. Вместе с тем, суд присяжных не вводился. До 1868 года в Японии судебные функции соединялись с административной властью. В результате реформ судебной системы судебная власть была отделена от административной. Были введены мировые суды, созданы окружные суды и апелляционные. Значительные права получили адвокаты.

Совершенно очевидно, что успех процесса модернизации невозможен без наличия значительного числа грамотных, образованных людей, подготовленных к тому, чтобы осваивать и применять передовые знания.

В Японии обучению грамоте традиционно придавалось важное значение. Не случайно к середине XIX века в стране среди мужчин было 45% грамотных, а среди женщин – 15%.

Капитан российского флота В. М. Головин, пытливно наблюдавший за жизнью и бытом японцев во время нахождения в японском плену в 1811–1813 годах, писал: «... по моему мнению, японцы суть самый просвещенный народ по всей Подсолнечной. В Японии нет человека, который бы не умел читать и писать и не знал законов своего отечества, которые у них весьма редко переменяются.... Правда, что у нас более знают наук и художеств, у нас есть люди, которые с неба звезды хватают, а у них нет. Но затем на одного такого звездочета мы имеем тысячу, которые, так сказать, трех перечест не умеют»⁷.

Несмотря на достаточно высокую для того времени грамотность населения, высокообразованных людей в Японии было крайне незначительно. Требовалось принять меры для подготовки кадров, способных заменить западных специалистов, приглашенных в Японию помогать осваивать азы капиталистической экономики. И они последовали.

Министр просвещения граф Окума в конце XIX века подчеркивал: «Первое, в чем мы особенно нуждаемся, это образование. Только путем образования может наш народ приобрести правильные понятия о своих правах и обязанностях при конституционном правлении»⁸.

В 1872 году был принят закон об образовании, по которому декларировалась широкая возможность получения образования. К XX веку в стране действовал 21 университет, было 222 средние школы и 27 тысяч начальных. Начальное образование получало 90% мальчиков и 80% девочек. С 1900 г. начальное образование стало бесплатным. В 1897 году процент грамотных из числа призванных в армию на основе всеобщей воинской повинности составлял в Японии 70%, а в России только 22%.

В России также принимались меры к налаживанию образовательного процесса. В 1864–1870 годах были приняты законы, по которым учреждались мужские и женские гимназии с 7-летним обучением, их выпускники могли поступить в университеты, а также реальные училища с 6-летним обучением для подготовки к поступлению в высшие технические учебные заведения. Были созданы средние школы для детей из всех социальных групп, однако обучение в них было платным. В университеты стали принимать женщин. Увеличилось число церковно-приходских школ для малоимущих. В результате положение с грамотностью и подготовкой молодых людей с высшим образованием увеличилось. В 1881 году в восьми университетах обучалось более 10 тысяч студентов, в

⁷ Головин В. М. Записки флота капитана Головина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах с приобщением замечаний его о японском государстве и народе. Хабаровск, 1972. С. 305.

⁸ Watson P. Japan Aspects and Destinies. London, 1904. P. 243.

гимназиях 117 тысяч, в реальных училищах 17,5 тысяч, в средних начальных школах 1 млн. 300 тысяч. Но, безусловно, для страны с населением почти 100 млн. человек количество грамотных и образованных было явно недостаточно.

В отличие от российского студенчества, активно участвовавшего в левом оппозиционном движении, японские студенты в этом отношении вели себя достаточно пассивно.

И в России, и в Японии появляется слой людей, интересующихся литературой, читающих периодические издания (в 1864 г. выпускалось 66 газет и 156 журналов), которые, несмотря на цензуру и административный контроль, нередко публиковали материалы критического характера по адресу властей.

Примечательно, что и Россия, и Япония прошли через длительный период изоляции от внешнего мира.

В результате татаро-монгольского нашествия Россия в XII–XV веках была фактически лишена возможности самостоятельного развития и отрезана от общения с европейскими государствами. Как подчеркивает Н. А. Бердяев, «татарское иго имело роковое влияние на русскую историю и отбросило русский народ назад». Даже после избавления от татаро-монгольского ига Россия в московский период своей истории характеризовалась господством, по определению Н. В. Бердяева, тоталитарного режима, «наиболее азиатско-татарским по своему типу». Таким образом, можно говорить о том, что московские цари и их окружение практиковали воспринятый от Золотой орды «восточно-деспотичный метод правления» и не стремились к налаживанию широких отношений с Европой, что оказывало серьезное негативное, сдерживающее воздействие на экономическое и социальное развитие страны, консервировало ее отсталость.

Радикальные реформы Петра I в начале XVIII века, можно сказать, «спасли» Россию, т. к. без них русское государство «не могло бы себя защитить и не могло развиваться»⁹. В петровский период Россия ускорила и спешно перенимала западные знания и технологии, приступила к воспитанию просвещенных в западных традициях нового поколения людей. Вместе с тем Петр I был противником перенесения на российскую почву либеральных элементов западного политического устройства, прежде всего представительных органов власти, не ставя под сомнение необходимость для России следовать путем неограниченной власти царя-самодержца.

Япония в период Реставрации Мэйдзи также встала на путь широкого заимствования западных знаний и технологий. Однако пошла и на

⁹ Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 31–33.

внедрение определенных институтов государственного политического управления по западному образцу.

Именно в этом, как представляется, заключается принципиальное отличие петровской модернизации и преобразований Александра II от мэйдзийских реформ. Более значимый успех последних от российских был в немалой степени связан с тем, что они предусматривали фундаментальную перестройку государственно-политической системы, что весьма способствовало достижению поставленных целей ускорения модернизации страны.

Также как и в России, в Японии в середине XIX века появились, а затем и обострились противоречия между двумя философско-практическими подходами к содержанию, радикализму и в целом к целесообразности осуществления реформ.

В первой половине XIX века, особенно после подавления восстания декабристов, в среде российской интеллигенции начинаются размышления о месте России в системе европейской цивилизации. Наиболее остро на этот вопрос ответил Петр Яковлевич Чаадаев (1794–1856 гг.) в своих «Философских письмах» (написаны в 1829–1831 годах), которые фактически положили начало проходившей в течение всего XIX века и не завершившейся и к настоящему времени принципиальной дискуссии о роли русского народа в мировой истории, его месте среди европейских государств.

П. Я. Чаадаев исходил из того, что Западная Европа, представляя собой единство культуры, религии и нравственности, является «единственно правильной формой цивилизации», а все остальные народы развиваются в тупиковом направлении. Россия же, как он считал, приняв христианство от Византии, оказалась в промежуточном положении, не сформировавшись ни как европейская, ни как азиатская цивилизация.

Остро критические, хлесткие оценки П. Я. Чаадаевым исторического развития России, российских традиций и порядков, вызвали резко негативную реакцию самодержавия, он был объявлен сумасшедшим, а его философские письма запрещены. Многие представители либерально настроенных кругов интеллигенции, среди них был и А. С. Пушкин, не разделили позиции П. Я. Чаадаева.

В целом дискуссия вокруг его оценок российского пути развития положила начало расколу отечественной мысли России на два течения – западников и славянофилов. Термин «славянофилы» ввел министр просвещения А. С. Шишков (1824–1828 гг.).

Если П. Я. Чаадаева принято считать основоположником идеологии западничества, то славянофильское течение сформировалось к середине 40-х годов XIX века во многом благодаря деятельности А. С. Хомякова, религиозного философа, писателя, публициста, и братьев Ивана и Константина Аксаковых, широко известных публицистов и литераторов.

Славянофилы считали, что единого пути развития населяющих землю народов не существует. Соответственно, нет и единой общечеловеческой цивилизации. Каждый народ самостоятельно определяет свой жизненный путь на основе «народного духа», в соответствии с которым формирует все сферы своего бытия. Для России, по их мнению, «народный дух» определяет православная вера, а систему жизненных устоев – сельская община. Делая акцент на самобытности пути развития России, славянофилы исходили из того, что если западный мир строит свою жизнь на основе принципов юридической справедливости, то основу жизни в России составляют морально-религиозные принципы. Отсюда делался вывод о том, что для России неприемлемы ни западные моральные принципы, ни западная форма организации государственного управления.

Соответственно, по их мнению, идеальной формой правления для России является патриархальная монархия, опирающаяся на добровольную поддержку народа и на наличие при монархе совещательного органа – земского собора по примеру московских царей. Потому они критически оценивали реформы Петра I по созданию монархии на бюрократических основах по западноевропейскому образцу, что увело Россию в сторону от ее традиционного пути. Вместе с тем, славянофилы не отрицали позитивного влияния ряда достижений западной цивилизации, которые были заимствованы в период правления Петра I. Как писал К. С. Аксаков: «Петр, скажут, возвеличил Россию. Точно, он много придал ей внешнего величия, но внутреннюю ее целостность он поразил растлением»¹⁰.

Объясняя отличие славянофилов от западников, видный публицист и общественный деятель А. М. Кошелев (1806–1883) писал, что если западники «ожидали света только с Запада, превозносили все там существующее, стремились подражать всему там установившемуся и заявляли, что у нас есть свой ум, свои местные, временные, духовные и физические особенности и потребности, то мы (славянофилы) вовсе не отвергали великих открытий и усовершенствований, сделанных на Западе, считали необходимым узнавать все там выработанное, пользоваться от него весьма многим; но мы находили необходимым все пропускать через критику нашего собственного разума и развивать себя с помощью, а не посредством позаимствований от народов, опередивших нас на пути образования»¹¹.

Западники противопоставляли славянофилам концепцию единства человеческой цивилизации, полагали, что Западная Европа является лидером всемирно-исторического процесса, поскольку успешно реализует принципы гуманности, свободы и прогресса. Поэтому задача России –

10 Вишняков Я. В. Российская империя в XIX – начале XX века. М., 2012. С. 93.

11 Там же. С. 94.

отсталой страны, которая только при Петре I начала приобщаться к общечеловеческому культурному развитию, как можно быстрее преодолеть свою «азиатчину» и примкнуть к западной цивилизации. Западники выступали за конституционную монархию западноевропейского образца.

Примечательно, что взгляды славянофилов разделял и поддерживал Ф. М. Достоевский, который еще до вступления на царствование Александра III в 1873 году направил цесаревичу послание, в котором нелестно отзывался о представителях «псевдоевропейского развития», которые убеждены в «совершенной преступности» для русских «мечтать о своей самобытности». Писатель призывал русских сохранять самобытность и использовать «русский дух» для того, чтобы «принести новый свет миру» именно при условии самобытности нашего развития»¹².

Следует отметить, что споры о значении петровских реформ для исторического развития России в российских политических, общественных и научных кругах не затихают и в настоящее время.

Как представляется, наиболее сбалансированный и объективный анализ результатов петровских реформ для исторического развития России осуществил видный российский историк В. О. Ключевский. Оценивая в целом результаты реформаторской деятельности Петра I, он делает следующий вывод: «Итак, не преувеличивая и не умаляя дела Петра Великого, можно так выразить его значение. Реформа сама собою вышла из насущных нужд государства и народа, инстинктивно почувствованных властным человеком с чутким умом и сильным характером, талантами, дружно совместившимися в одной из тех исключительно счастливо сложенных натур, какие по неизведанным ещё причинам от времени до времени появляются в человечестве...

Реформа, совершённая Петром Великим, не имела своей прямой целью перестраивать ни политического, ни общественного, ни нравственного порядка, не направлялась задачей поставить русскую жизнь на непривычные ей западноевропейские основы, ...а ограничивалась стремлением вооружить Русское государство и народ готовыми западноевропейскими средствами, умственными и материальными, и тем поставить государство в уровень с завоёванным им положением в Европе, поднять труд народа до уровня проявленных им сил. Но всё это приходилось делать среди упорной и опасной внешней войны, спешно и принудительно, и при этом бороться с народной апатией и косностью, воспитанной хищным приказным чиновничеством и грубым землевладельческим дворянством, бороться с предрассудками и страхами, внушёнными невежественным духовенством. Поэтому реформа, скромная и ограниченная по своему первоначальному замыслу, направленная к перестройке военных сил и к расширению финансовых средств государства, постепенно преврати-

¹² Там же. С. 94.

лась в упорную внутреннюю борьбу, взбаламутила всю застоявшуюся плесень русской жизни, взволновала все классы общества».

И далее конкретизируя итоги петровских реформ, В. О. Ключевский выделяет создание мощной армии и военно-морского флота, которые «обеспечили прочные позиции России в качестве дипломатической столицы европейского Востока и устранили угрозу безопасности российских границ на всех направлениях»¹³.

Менее значительными, как он считает, были достижения в реформировании российских общественных порядков, культурных традиций. Не удалось создать, по определению В.О.Ключевского, «прочных культурных запасов», несмотря на смену русского кафтана на европейский костюм, усвоение европейских манер поведения, внедрения обучения современным для того времени наукам¹⁴. Вместе с тем, «культурно-бытовые реформы» охватили крайне незначительный круг высших слоев населения. Более того, «пройденная при Петре школа не научила людей правящего класса смотреть ясным взглядом на то дело, в котором они принимали такое деятельное участие, и в понимании его сущности они стояли немного выше остального общества»¹⁵.

И, наконец, В. О. Ключевский указывает на главную причину того, что после смерти Петра I его реформаторские начинания не были не только не продолжены, «но многие преданы забвению или в лучшем случае законсервированы»¹⁶. Петр I, отмечает он, пытался решить проблему внедрения в российское общество европейской культуры, науки и просвещения, не отменяя рабства – крепостничества и не ограничивая деспотизм власти. В этом он был обречен на неудачу. Между тем, по заключению В. О. Ключевского, эту проблему можно было бы решить, «постепенно внедряя в управление страной представительные институты власти, а затем и ограничение самодержавия на основе Конституции, так и не было осуществлено ни при Петре I, ни в дальнейшем, что и послужило одной из основных причин кризиса, поразившего страну в середине XIX века»¹⁷.

Как бы подытоживая спор между западниками и славянофилами, Н. А. Бердяев делал вывод о том, что «в оценке реформы Петра ошибочны были и славянофильская и западническая точки зрения. Славянофилы не поняли неизбежности реформы Петра для самой миссии России в мире, не хотели признать, что лишь в Петровскую эпоху стали возможны в России мысль и слово, и мысль самих славянофилов, стала возможна и великая русская литература. Западники не поняли своеоб-

¹³ Ключевский В. О. Курс русской истории. Часть IV. М., 1989. С. 202.

¹⁴ Там же. С. 206.

¹⁵ Там же. С. 232.

¹⁶ Там же. С. 232.

¹⁷ Там же. С. 263.

разия России, не хотели признать болезненности реформ Петра, не видели особенности России»¹⁸.

Западничество и славянофильство объединяло негативное отношение к крепостному праву, требование его отмены, требование введения свободы слова и печати. В глазах придворной элиты и западники, и славянофилы рассматривались как оппозиционеры существующей форме самодержавия и считались неблагонадежными. Вместе с тем к 30-м годам XIX века славянофилы переродились, по определению Н. А. Бердяева, в жестокий тип консерваторов-националистов.

С целью противодействия оппозиционным взглядам была разработана и активно пропагандировалась официальная идеологическая доктрина, автором которой стал министр народного просвещения С. С. Уваров в 1833–1849 годах. Выступая за «исцеление новейшего поколения от слепого, необдуманного пристрастия к поверхностному, иллюзорному»¹⁹, он в качестве государственной идеологии предложил следовать триединой формуле – православие, самодержавие, народность. Православие определялось как русское национальное начало, самодержавие – как главное условие политического существования России, а народность как «народный дух», приверженность народа к «исконно русским началам» – православию и самодержавию.

Важнейшее влияние на формирование содержания и осуществления реформ и в России, и в Японии имели национальная идея, национальная идеология. В обеих странах верховный правитель – царь в России и император в Японии – почитались как лица, непосредственно получившие право на управление страной и народом «свыше». Царь России был признан «помазанником божьим», наместником Бога на земле, т. е. получившим власть непосредственно от Бога, а японский император считался прямым потомком богини Аматэрасу Омиками (Великая Священная Богиня, сияющая на небе).

В Японии, несмотря на уникальное сосуществование двух религий буддизма и синтоизма, в эпоху мэйдзийских реформ синтоизм стал государственной религией и тем самым помогал воспринимать и соглашаться с преобразованиями как с исходящими от «верховного жреца» – императора. В Японии в какой-то степени российским «трем основам» соответствовала концепция *кокутай*, согласно которой император, народ и территория страны представляют собой единое целое, являющееся творением богов.

Если обратиться к историческому процессу обеих стран, то нетрудно выделить те периоды, когда государственное управление, социальное и религиозное устройство общества претерпевало фундаментальные из-

¹⁸ Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 70.

¹⁹ Вишняков Я. В. Указ. соч. С. 97.

менения в результате восприятия и усваивания важных форм иностранного пути развития.

Первоначальные религиозные верования россиян и японцев были схожими. Древняя Русь была языческой, и ее жители верили в могущественную силу природных явлений. Верования в существование различных богов базировались на представлениях о том, что у всего вокруг есть своя душа. То есть природа, ее явления, животные и птицы, человек и местность, на которой он проживает, – все это имеет душу. Отсюда появились поверия в существование конкретных богов.

Во главе славянских божеств стоял великий Сварог – Бог Вселенной. Бог Солнца, сын Сварога Дажьбог, весьма почитался славянами. Стрибог, по понятиям славян, повелевал ветрами, а Перун – молниями и громом. Славянский мир был населен огромным количеством сверхъестественных существ. Славяне стремились защититься от действия злых сил различного рода оберегами. Однако впоследствии россияне в X веке принимают христианство в византийской интерпретации, т. е. в форме Православия.

Несмотря на то, что христианство восторжествовало на Руси, многие языческие традиции и праздники совместились с христианскими. Таким образом, двоеверие, когда в обществе учитываются и новая религия, и старые языческие поверья и обычаи, по существу сохранились и до наших дней. Христианство способствовало на Руси развитию грамотности, книжного дела, культуры, земледелия, строительства.

Согласно синтоистской религии, жизнь на Земле также зависела от «природных богов» – Аматэрасу, Сусаноо. Но японцы в VI-VII веках знакомятся с буддизмом и сравнительно легко становятся его адептами. Вместе с христианством на Руси и буддизмом в Японии приходили новые знания, в том числе в плане организации общественной жизни. Так, проникновение буддизма в Японию совпало с переселением на японские острова большого количества «материковых буддистов» – китайцев и корейцев, владевших передовыми для того времени ремеслами. Япония многое почерпнула из своего общения с Китаем – агротехнику, градостроительство, иероглифы, государственное устройство. Реформы Тайка определяли государственное устройство по китайской модели.

Не следует исходить из того, что пришедшие к власти в Японии в середине XIX века политические круги были объединены общими или совпадающими идеями реформаторства. Среди придворной аристократии было немало тех, кто изначально не принимал западные либеральные концепции построения государственных и общественных институтов. Они видели задачу в том, чтобы, используя научные и технические достижения Запада и допуская при этом ограниченное восприятие европейских обычаев и порядков, ускорить экономическое развитие страны, модернизировать армию и флот, нарастить таким образом военный по-

тенциал и на этой основе добиться пересмотра навязанных неравноправных договоров и войти в «клуб великих держав».

Либеральные круги, близкие по духу российским западникам, ядро которых составляли низкоранговые самураи, представители нарождавшейся буржуазии, а также ученые-интеллектуалы, разделяли буржуазно-демократические идеи Запада и стремились на их основе реформировать японское общество.

Новой власти первые годы после переворота пришлось потратить немало усилий на подавление приверженцев сёгуната, а также выступлений оказавшихся «не у дел» самураев (восстание на о. Кюсю в 1877 г. под руководством Сайго Такамоори).

Тем не менее, процесс реформ шел довольно быстрыми темпами. При этом сторонники модернизации действовали во многом как единая команда. В 1873 году было создано просветительское Общество шестого года Мэйдзи (Мэйрокуся) в составе десяти наиболее видных политических и общественных деятелей Японии, семеро из которых прошли обучение в различных странах Европы и в США. Почти все они занимали важные посты в правительстве, что позволяло им не только пропагандировать необходимость внедрения европейских знаний и культуры, но и реализовывать их на практике в интересах создания «богатой страны и сильной армии» (*фукоку кёхэй*). Среди членов общества были Мори Акинори (1847–1889), Фукудзава Юкити (1834–1901), Кисимура Сигэки (1828–1894), Ниси Аманэ (1826–1894), Кето Хироюки (1836–1916). В 1874 года общество начало издавать журнал «Мэйроку дзасси».

Находившиеся на государственной службе либеральные историки и среди них Токутоми Сюхо и Такэгоси Ёсабуро, характеризовали восстановление единоличной власти императора и последовавшие реформы термином *какумэй* («революция»). Убежденным западником был Мори Аринори, видный политик первых лет эпохи Мэйдзи, который на посту министра просвещения внес большой вклад в становление новой системы образования. Он выдвигал даже идею «отменить варварский японский язык и сделать официальным французский»²⁰. Видный политический деятель эпохи Мэйдзи Иноуэ Каору призывал отказаться от потребления риса в пользу хлеба и от кимоно ради европейского платья.

Оценка роли императора Мэйдзи в осуществлении реформ и в настоящее время продолжает оставаться неоднозначной. Отсутствует четкое представление о том, насколько конкретным и действенным было его участие в разработке и принятии наиболее важных реформаторских решений.

Формально все преобразования проводились от имени императора. Именно это обстоятельство в решающей степени способствовало «согласию» японского народа со «спускавшимися с неба» преобразованиями их

²⁰ Сакаия Т. Что такое Япония? М., 1992. С. 145.

жизни. Вместе с тем, в силу отсутствия должной подготовки и опыта молодой правитель вряд ли мог сформулировать «Клятвенное обещание», а впоследствии действовать столь последовательно в реформировании всех сторон государственного и общественного устройства страны. Очевидно, что ведущую роль играло его окружение, в которое входили высоко интеллектуальные, мотивированные и решительно настроенные реформаторы. Определенное влияние на формирование взглядов императора Мэйдзи сыграл его наставник с 1871 года ученый-конфуцианец Мотода Накадзанэ (1818–1891 гг.). В беседах с императором он подчеркивал важность учиться у Запада естественным наукам, но в области морали японцы должны придерживаться конфуцианских взглядов.

В этом он был последователем учения Сакума Сёдзан, проповедовавшего необходимость сочетания «восточной модели и западной науки». В эпоху Мэйдзи это было сформулировано в лозунг «японский дух, западное знание» (*вакон ёсай*) и политику на создание в стране «просвещенной цивилизации» (*буммэй кайкё*). На более позднем этапе, в год принятия конституции в 1899 году, был сформирован специфический парламент, не предусмотренный основным законом страны институт власти – гэнро. Его члены – семь человек – были облечены личным доверием императора и особым статусом в высшей структуре государственной власти. Члены гэнро происходили из двух «революционных княжеств» – Сацума и Тёсю, и уже одно это символизировало их по меньшей мере благожелательное отношение к проведению реформ.

Роберт, старший брат известного ученого и дипломата Э. Рейшауэра, констатировал: «Именно эти люди, стоявшие позади трона, обладали реальной властью в стране... Никто не мог быть назначен на пост премьер-министра, не получив на то рекомендацию гэнро. До 1922 года их одобрение не миновал ни один законопроект и ни одно сколько-нибудь важное международное соглашение, прежде чем на нем появлялась императорская подпись».

Следует отметить, что только после рекомендации гэнро о необходимости силового решения противоречий с Россией императором был принят курс на начало военных действий в 1904 году. Как представляется, ответ на вопрос о роли императора в осуществлении реформ можно найти в тексте конституции Мэйдзи. Японский император при всей обширности его власти (статья 1), святости и неподсудности (статья 3), мог издавать законы только с одобрения парламента (статья 5).

В России власть царя была самодержавной. Все стратегические решения в Петербурге в окончательном виде принимались царем. В Токио при всей сакральности власти императора решения, прежде чем под ними ставилась императорская печать, проходили многоступенчатую процедуру выработки и согласования. Между правительством, которые было главным в выработке решений, и императором существовал неформаль-

ный неконституционный орган в лице «отцов-основателей» – гэнро. Их согласие было непрямым или крайне желательным. Лишь в случае раскола между гэнро окончательное слово принадлежало императору. Тем не менее, при существовавшей тогда системе император имел возможность «устраниться от использования «последнего слова». В таких случаях определенная группа из правящей элиты, чаще всего военная, имела возможность навязать свой курс, который получал «молчаливое «благословение» императора. Наиболее яркий пример – агрессия Японии против Китая и вступление в войну с США.

В России по решению царя нередко проводились т. н. «особые совещания», которые обсуждали и давали свои рекомендации, однако всегда последнее слово было за ним. В силу большого влияния субъективности или личных пристрастий существовавшая в принципе и в России система прохождения всех важнейших решений через сито разного рода согласований часто не срабатывала. Порой на мнение царя оказывали влияние не только собственные компоненты власти, но и внешние силы, главным образом европейские монархи.

По мере того, как реформы по западному образцу начинают ускоряться в японском обществе и общественном сознании, появляются опасения в том, что это может привести к полному отрицанию традиционных японских ценностей, утрате национальной идентичности.

К концу 1880-х годов идеологи «просветительства» покинули посты государственных служащих, т. к. в их услугах более не было потребности, поскольку задачи государственного устройства были в основном решены. Дебаты по поводу проблем дальнейшей модернизации страны сконцентрировались в общественной, научной сфере.

Консерваторы и традиционалисты, имея широкую социальную базу, сохраняли и укрепляли свои позиции. Несмотря на реформы и внешний налет «европейства», в японском обществе, особенно среди простого народа, традиционные ценности – подчиненность вышестоящим, общинная солидарность, неприятие идей свободы личности, равноправия мужчин и женщин и т. д., оставались во многом преобладающими. Сначала появляются сторонники «просвещенного национализма», отстаивающие позицию о целесообразности брать «только лучшее с Запада, но сохранить духовные ценности», а затем разворачивается движение в пользу консолидации национальных ценностей как противовес проникновению западных веяний.

Министр просвещения граф Окума отмечал: «Я не думаю, что в будущем нашей стране предстоит окончательно европеизироваться. Мы будем продолжать развивать свою собственную цивилизацию, состоящую из смеси нашей и европейской. По мере того, как европейская цивилизация будет более и более проникать к нам, наша собственная будет развиваться вместе с ней и благодаря ей. В настоящее время эти две цивили-

зации соединяются. Слияние их особенно заметно в нашей литературе и искусстве. По мере роста этого процесса наша литература и наше искусство не будут полностью уничтожаться, они разовьются рядом с усиленным введением иностранной литературы и иностранного искусства»²¹.

В 1890 году вышел императорский рескрипт «Манифест о воспитании» (*Кёику Тёкуго*) народа, делавший акцент на том, что сила японской нации в следовании традиционной японской модели, в центре которой чувство долга перед императором, государством, семьей, родителями, перед группой людей, с которыми связан профессионально, общим делом. До этого рескрипта уже в 1881 году под жесткий государственный контроль были поставлены школы, затем высшие учебные заведения. Токийский университет, ставший рассадником западничества и либерализма, стал государственным – его преподаватели становились государственными чиновниками и приносили присягу на верность правительству.

Расхождения между японскими консерваторами и либералами выразились в создании соответствующих обществ. Умеренные либералы – националисты объединились в основанное в 1887 г. Сохо Токутоми Общество друзей народа («*Минъюся*»), выпускавшего журнал «Кокумин-то томо» и газету «Кокумин симбун». Общество выступило за ликвидацию сословной, имущественной и половой дискриминации под лозунгом *хэйминсюги*. Члены общества выступали против «европеизации верхушки общества» и за «европеизацию простого народа». Именно они ввели в обиход слово «демократия».

Вторую составляли правые консерваторы – члены учрежденного в 1888г. Сига Сигэтака и Миякэ Сэцурэй общества «Сэйкёся» («Общество правильного правления»), выпускавшего журнал «Нихондзин». Главный лозунг деятельности общества был *кокусуйсюги*, подразумевавший приверженность особенностям и традициям Японии. Их взгляды разделяли и сторонники идеи *нихонсюги* («японизм»). В журнале печатались статьи, призывавшие «не подражать без разбору всему европейско-американскому», «беречь свою национальную красу», «сохранять национальную сущность» (*кокусуй ходзон*)²².

В 80-е годы наблюдается подъем национализма, который был связан со стремлением противников реформ, сторонников сохранения японского традиционного общества покончить с радикальной европеизацией японских национальных порядков, ценностей и традиций. С другой стороны, даже часть либералов стала признавать «чрезмерность увлечения Западом» и начала предлагать, не отвергая полностью европей-

²¹ Watson P. Japan Aspects and Destinies. London, 1904. P. 243.

²² Конрад Н. И. Очерки японской культуры. М., 1973. С. 329.

ский опыт, взять из него только лучшее и одновременно обеспечить сохранность японской самобытности.

Молодой интеллектуал Куга Кацунан начал обосновывать важность избирательного подхода к осуществлению реформ. Он подчеркивал, что не следует копировать западную науку, экономику и промышленность просто потому, что они западные, а надлежит применять их только в том случае, если они могут способствовать благосостоянию Японии.

Несмотря на значительные преобразования, совершенные в первые годы эпохи Мэйдзи, среди либерально настроенных интеллектуалов было достаточно широко распространено мнение о важности продолжать преобразования и, прежде всего, принять конституцию. Вместе с тем по мере того, как реформы охватывали все больше сферы жизнедеятельности японского общества, защитники национальных особенностей стали активно выступать против слепого копирования западного опыта, за использование только тех элементов западной цивилизации, которые не смогут нанести ущерба традиционным устоям японского общества.

С середины 80-х годов началась вторая волна национализма, которая стала носить черты даже шовинизма. Широкое распространение получили термины *нихонсюги* («японизм»), *кокуминсюги* («национализм»), *кокусуйсюги* («национальная сущность»), отражавшие идеи отказа от европеизации и акценте на национальной самобытности развития Японии с древнейших времен. На основе этих идей появились и теории превосходства Японии над соседними азиатскими странами, оправдания внешней экспансии.

Не остался в стороне и Фукудзава Юкити. В этот период своей деятельности под воздействием роста националистических настроений он отошел от критики агрессивной политики западных держав, начал призывать «не бояться защищать собственную страну от вмешательства, даже если ей враждебен весь мир» и высказывался за необходимость для Японии принять участие в колониальном разделе мира, в том числе в отношении Китая и Кореи.

Таким образом, и в Японии, подобно России, имел место в определенной степени аналогичный спор между «западниками» и японофилами. Примечательно, что почти в один и тот же период и в России, и в Японии наблюдается «хождение интеллигенции в народ».

В ходе японского Движения за свободу и права человека (*Дзю мин-кэн ундо*) столичные интеллектуалы, журналисты уезжали в провинцию, читали там лекции, открывали школы, газеты.

В России «народничество» приобрело более широкий характер, чем в Японии. «Народники» в России опирались на теорию, согласно которой историческое развитие России отличается от такового других европейских стран и позволяет непосредственно перейти к социализму, ми-

ную капитализм. Уповав на «прирожденную мудрость и добродетельность народа», они в массовом порядке (несколько тысяч) в начале 70-х годов XIX века пошли в деревню, «в народ», с тем, чтобы пробудить в крестьянстве «революционный инстинкт» и призвать к борьбе за свержение самодержавия. Однако это «хождение» окончилось полной неудачей. Крестьяне не понимали и не воспринимали идеи и призывы народников. Потеряв веру в революционность народа, часть народников встала на путь террора, считая, что с самодержавием должны сражаться «интеллектуалы». Террористическая деятельность, а в ее результате был убит царь Александр II и многие видные деятели царского режима, пользовалась поддержкой студентов, представителей творческих профессий. Были их сторонники в армии, в среде бюрократии.

«Японское народничество» способствовало созданию либеральной партии, члены которой готовили боевые группы и террористические акты против членов правительства. Однако правительство в 1885–1886 гг. разгромило подпольные организации партии, и оппозиционное движение пошло на спад. Таким образом, «хождение в народ» и в России, и в Японии окончилось неудачей.

Отличие России от Японии конца XIX века заключается в том, что значительная часть интеллигенции не только восприняла социалистические идеи, а затем и марксистские, пришедшие из Европы, но и развернула активную деятельность по «внедрению их в жизнь». К 1895 году под руководством В. Ленина и Ю. Мартова марксистские группы объединились в Союз борьбы за освобождение рабочего класса, а в 1898 году была создана Российская социал-демократическая партия, в которой большевики выступали за социалистическую революцию, уничтожение капитализма, за установление диктатуры пролетариата, а меньшевики – за свержение монархии, создание буржуазно-демократической республики.

Социал-демократы выступали против террористических акций, считали индивидуальный террор вредным для достижения политических целей. В конце 90-х годов XIX века народники приняли название «социал-революционеры». В 1905 году создали партию социалистов-революционеров, поставившую целью свержение существующего строя и создание бесклассового социалистического общества. Члены партии верили в действенность террора в сочетании с проведением активной пропаганды своих идей. Была сформирована боевая организация партии, осуществившая в 1902–1907 годах серию политических убийств (более 3 тысяч государственных деятелей, полицейских).

Война 1904–1905 годов и ее неудачный для России ход значительно усилили протестное, оппозиционное движение. Не только левые партии, но и многие органы местного самоуправления, даже дворянские собрания выступили с требованием конституционных реформ. Создавались

многочисленные профессиональные союзы преподавателей университетов, адвокатов, агрономов, врачей, журналистов, писателей и т. д., требовавших созыва Учредительного собрания для принятия конституции. Под давлением этих сил царь Николай II, воспринимавший отказ от самодержавной власти как унижение и измену священному долгу, не принимавший даже мысли о том, что его воля может быть не выше закона, вынужден был на фоне социального взрыва 17 октября 1905 года издать Манифест, по которому декларировалось гарантирование гражданских свобод – неприкосновенности личности, свободы слова, печати, собраний и союзов, расширялись избирательные права на выборах в Государственную думу, открывался путь к формированию конституционной монархии. Впервые начали появляться официально признанные политические партии, в том числе Конституционно-демократическая (партия кадетов) и «Союз 17 октября».

Однако Николай II и придворная аристократия не смирились с этой уступкой либеральным силам и в последующие годы всеми силами сдерживали и решительно подавляли попытки осуществить ограничение власти монарха. В конечном итоге это привело сначала к февральской революции 1917 года, а затем и к октябрьской, имевшей катастрофические последствия для исторического развития России.

В Японии, в отличие от России, легальные политические партии были созданы уже в начале 80-х годов XIX века, сразу же после Указа об учреждении парламента в 1890 году. В 1881 году появилась Конституционная либеральная партия (*Дзюто*), а в 1882 году Конституционная партия реформ и прогресса. Попытки создать социал-демократическую партию успеха не имели, с одной стороны, в связи с запретом властей, а с другой – по причинам мало привлекательности и незначительного знакомства японских либеральных и левых сил с социалистическими и тем более марксистскими идеями.

Александр III придерживался крайне националистических взглядов, твердо отстаивал монархический абсолютизм. В этой связи он выступал решительно против какого-либо народного представительства в системе центральной власти. В 1889–1892 гг. были приняты меры к урезанию прав органов местного самоуправления – земств и земских учреждений.

Репрессивная политика дала свои результаты. В годы правления Александра III в стране в целом сохранялась социальная стабильность, оппозиционное и революционное движения были дезорганизованы и не проявляли активности. Вместе с тем, строгая регламентация общественной и частной инициативы, почти полная власть бюрократии, отсутствие попыток создать гражданское общество, подавление инакомыслия генерировали в глубине российского общества сильные протестные настроения, которые выйдут на поверхность при правлении Николая II в виде разрушительного социального взрыва.

По свидетельству С. Ю. Витте, с первых же годов царствования императора Николая II «начались шатания то в одну, то в другую сторону и проявления различных авантюр. В общем же направление было не в смысле прогресса, а в сторону регресса; не в сторону начал царствования императора Александра II, а в сторону начал царствования императора Александра III..., начал, от которых император Александр III сам в последние годы начал постепенно отходить»²³.

В Японии, где протестные общественные настроения носили в целом умеренный характер, и ограниченно-контрольные меры не выглядели столь жесткими, как в России. Вместе с тем в 1875 году были приняты закон о правительственном контроле над печатью, закон об «охране спокойствия» (1887 г.), закон «об охране порядка и спокойствия».

Модернизационные реформы и в России, и в Японии находили отражение во внешней политике. Достигнув немалых впечатляющих результатов в экономических преобразованиях, позволявших создать самые сильные в Восточной Азии вооруженные силы, Япония попала под влияние комплекса превосходства над другими азиатскими странами. Кроме того, появилось стремление не отставать от европейских государств и США в империалистической политике «раздела мира». Япония устремила свой взор на азиатский континент, где осуществила успешную войну с Китаем в 1894–1895 годах, а затем начала шаг за шагом «прибирать к рукам» Корею. До этого Япония лишь однажды в XV веке предприняла, но неудачную попытку завоевать корейский полуостров. Следует отметить, что какой-либо угрозы Японии со стороны Китая или Кореи не существовало.

Российская империя складывалась на основе, с одной стороны, обеспечения своей безопасности и в этой связи постоянного расширения территории, а с другой, Россия старалась компенсировать отставание в экономическом и социальном развитии приобретением новых территорий, прежде всего в Центральной Азии.

Русское государство в XVI веке воевало 43 года, в XVII – 48 лет, в XVIII – 56 лет, а в XIX веке – более 30 лет. Причем на западном направлении войны России были вынужденными и относились, прежде всего, к необходимости отражения внешней угрозы. Известный английский историк А. Тойнби (1889–1975 гг.) констатировал: «Верно, что русские армии воевали на западных землях, однако они всегда приходили как союзники одной из западных стран в их бесконечных семейных ссорах. Хроники вековой борьбы между двумя ветвями христианства, пожалуй, действительно отражают, что русские оказывались жертвами агрессии, а люди Запада – агрессорами значительно чаще, чем наоборот».

Иная картина складывалась на «южном направлении». Проникновение в Среднюю Азию началось еще в 20-х годах XIX века и предпринималось

²³ Витте С. Ю. Указ. соч. С. 597.

до 1884 года. К середине века не существовало разграничения между Сибирью и пустынями Средней Азии.

Причины продвижения сформулировал министр иностранных дел А. М. Горчаков в циркуляре, выпущенном 21 ноября 1864 года – «Доктрине об исторической необходимости». Согласно взглядам А. М. Горчакова, соображения безопасности и торговые интересы заставляют любое государство, расположенное в близком соседстве с воинственными племенами, постараться взять эти племена под контроль. «Соединенные Штаты в Америке, Франция в Африке, Голландия в своих колониях, Англия в Индии, – писал он, – все они вынуждены были вступить на путь экспансии», продиктованный скорее необходимостью, нежели амбициями; путь, на котором самое важное – узнать, где остановиться»²⁴.

Экономические причины являлись одной из предпосылок завоеваний России, но не были определяющим фактором. Российская торговля в Средней Азии была незначительной и не оправдывала затраты на военные экспедиции и управление захваченными землями. Министерство финансов было противником политики экспансии. Некоторые торговцы и промышленники испытывали оптимизм по поводу получения выгодных концессий и высокой прибыли, но их ожидания не оправдались.

Популярная марксистская теория, развитая В. И. Лениным, считала экспансию России в Среднюю Азию «неизбежным побочным продуктом развития капитализма, для которого необходим захват колониальных рынков».

Только через два-три десятилетия после наведения порядка в азиатских владениях и постройки железных дорог экономические перспективы стали более радужными. Нередко командующие российскими войсками, пользуясь удаленностью среднеазиатских территорий от столицы, отсутствием коммуникаций и быстрых средств связи, что делало практически невозможным эффективный контроль за их действиями, «раздвигали границы» империи по своему усмотрению.

Вместе с тем нельзя не видеть и цивилизующую роль России в отношении среднеазиатских территорий, большинство жителей которых оставалось на уровне межплеменных отношений. Причем завоеванные территории не становились колониями, как это практиковали европейские государства, а входили в состав империи как ее органическая часть.

Царь, на которого оказывали влияние соперничающие группировки, воздерживался от принятия сдерживающих в отношении своих наместников в Средней Азии действий, хотя подчас аннексия территорий происходила вопреки его приказам. Примечательно, что в 30-х годах XX века японские военные также будут предпринимать военные акции в Китае, не считаясь с позицией официального Токио.

²⁴ *Флоринский М. Т.* Россия. История и интерпретация. Санкт-Петербург, 1913. Т. II. С. 277.

Дальневосточная экспансия России не была столь активной, как среднеазиатская, т. к. требовала больших финансовых и военных усилий. Тем не менее, в 1860 году был основан Владивосток и заключен Пекинский договор, который, подтвердив новую русско-китайскую границу, утвердил российский суверенитет над территориями, уступленными Китаем. Встречное продвижение России на Дальний Восток, прежде всего в территории, контролировавшиеся Китаем, которое активно началось после завершения завоевания Средней Азии в конце XIX века, и Японии в аналогичном направлении неизбежно должно было привести к столкновению интересов, что и произошло, вызвав войну 1904–1905 годов.

При Александре II Россия укрепила позиции на берегах Тихого океана, приобрела территории в Центральной Азии и на Ближнем Востоке, много сделала для освобождения балканских славян, избавилась от неприятных ограничений Парижского мирного договора. Вместе с тем страна была весьма территориально велика и слабо заселена и, несмотря на серьезное отставание промышленности и культуры, тратила и без того скудные человеческие ресурсы и финансовые средства на завоевания засушливых азиатских пустынь. Расширение государственных границ льстило национальной гордости, но заплачено было слишком высокой ценой – замедлением развития российской политики, общества и экономики. К особенностям России можно отнести и то, что империя располагала огромной, но слабо населенной территорией, с проживанием на ней множества различных народов, в подавляющем большинстве безграмотного, усугублявшимся огромным слабо контролируемым бюрократическим аппаратом.

Сопоставляя ход исторического процесса в России и Японии, начиная с середины XIX века и до начала XX века, можно прийти к следующим выводам. Обе страны встали на путь модернизации своего политического, экономического и общественного устройства, исходя из необходимости обеспечения внешней безопасности и даже независимости, это относится в первую очередь к Японии, а также под воздействием естественного хода внутреннего развития. Хотя стартовые позиции стран были различными, прежде всего потому, что Россия еще во времена Петра I имела опыт массированного заимствования из Европы, и в России, и в Японии многие реформы имели сходный или совпадающий характер. Объединяет реформы в обеих странах значительное влияние на них европейского опыта государственного и общественного управления.

Вместе с тем весьма существенным различием явилось практически полное отсутствие в российских реформах даже незначительных изменений в структуре и компетенции центральной власти во главе с императором. И что особо значимо для дальнейшего исторического развития России – отсутствие шагов по продвижению процесса принятия кон-

ституции, что в конечном итоге оказало серьезную негативную роль на ход и результаты реформ.

Если в Японии возник вопрос: «Япония – Азия или Европа?», то в России дебатировалась проблема: «Россия – Европа или Евразия?» Вместе с тем, как представляется, в Японии четкой идентификации страны как азиатской не было. Господствовало понимание, что «Япония – это Япония». За годы изоляции в Японии сублимировалась особая национальная идентичность, которая успела «переварить» и сделать своим все китайское и корейское. В России вопрос «Россия – Европа или Евразия» был решен при Екатерине II, которая в своих «Наказах» в 1766 году в первом пункте определила: «Россия есть европейская держава». Однако этого оказалось недостаточно, и в середине XIX века острые споры по поводу принадлежности России к европейской или евразийской цивилизации приняли большую остроту и оказали серьезнейшее воздействие на характер преобразований, осуществленных при Александре II.

В обеих странах европеизация ставила общество и элиту перед жестким выбором. Оба народа и их элиты ощущали необходимость в реформах, в модернизации, которая тогда имела единственную коннотацию – подражание Западу. Но оставалась сильной и тяга к «славному прошлому», к духовным ценностям предков, острое нежелание отказываться от них. Возникало противоречие, которое было не просто решить.

Россия прошла в XVIII-XIX веках через два этапа модернизации. Оба были связаны с необходимостью обеспечить прежде всего внешнюю безопасность. Петровские реформы создали условия для успешного отражения внешних угроз и агрессий вплоть до середины XIX века. Однако реформирование российских политических и общественных устоев носило весьма поверхностный характер. Во многом это было связано с тем, что российское общество было не готово и сопротивлялось переменам по европейскому образцу. Реформаторский настрой царя не был подкреплён предварительной просветительской деятельностью интеллектуалов, которых фактически не существовало, а круг соратников Петра I был крайне ограничен.

У царя-реформатора Александра II аналогично его предку Петру I было немного сторонников, которые бы разделяли его взгляды и поддерживали его реформаторский настрой. Среди них были: его брат, великий князь Константин Николаевич, министр внутренних дел М. Г. Лорис-Меликов, товарищ министра внутренних дел Я. И. Ростовцев, военный министр Д. А. Милютин, министр финансов М. Х. Рейтерн.

Реформы дали серьезный толчок экономическому и культурному развитию страны, приблизили Россию к европейской модели общественного развития. Появилась перспектива превращения самодержавия в конституционную монархию. Однако убийство Александра II не позволи-

ло принять уже разработанные умеренные конституционные предложения министра внутренних дел М. Г. Лорис-Меликова. Вместе с тем значительная часть русского общества полагала, что либеральные реформы подрывают государственные устои и ведут к социальным потрясениям. Террористическая деятельность народников – членов организаций «Земля и воля», «Народная воля» способствовали распространению таких взглядов, укреплению консервативных порядков.

После восшествия на престол Александра III его наставник Константин Победоносцев взывал к нему не продолжать путь отца в либеральном направлении, не уступать «так называемому общественному мнению», поскольку это может привести к гибели России и лично царя». Он составил документ, известный как Манифест 1881 года о незыблемости самодержавия, а также разработал концепцию контрреформ, призывая вернуться к традиционным основам национального бытия.

В России сильное сопротивление российских помещиков, дворянства, знати, при пассивности и нерешительности царя, изменениям в политическом устройстве страны привело к тому, что конституция так и не была принята, самодержавная власть не была ограничена, экономические и социальные последствия реформы после 20–30 лет их проведения были незначительными, и в конечном итоге создали условия для революционного взрыва в 1905 году.

Япония, в отличие от России, испытала к концу XIX века лишь один период модернизации. Также, как для России, для Японии жизненно важным была необходимость обезопасить себя от иностранного поражения. Вместе с тем японское общество в большей степени, чем русское, было готово к восприятию реформ по западному образцу. Экономическое развитие страны к середине XIX века, несмотря на ее изоляцию, находилось на более высокой ступени развития, чем российское в конце XVII века.

Существовала и идеологическая поддержка реформ в лице активной просветительской деятельности японских интеллектуалов и ученых. Хотя позиции их наиболее видных представителей нередко расходились относительно радикализации реформ и методов их осуществления, сама необходимость «догнать и перегнать Европу и США», используя их экономические, научные и культурные достижения, под вопрос не ставилась.

Можно сказать, что, несмотря на различное отношение японских руководящих деятелей в первый период эпохи Мэйдзи относительно широты охвата и степени их радикализации, в целом в политической элите сформировался консенсус в пользу осуществления серьезных преобразований. Этот консенсус сыграл важнейшую роль в процессе подготовки и принятия конституции. За три десятилетия эпохи Мэйдзи в Японии был создан конституционный строй, проведена индустриали-

зация и внедрены капиталистические отношения, реорганизована социальная структура страны.

В первые годы эпохи Мэйдзи сформировалось ядро реформаторов, приближенных к трону. Среди них были министры, возглавлявшие различные ведомства, советники из числа придворных, радикально настроенные представители княжеств Сацума и Тёсю, реформаторски настроенные интеллектуалы. Сравнительно небольшая группа людей сконцентрировала в своих руках всю власть в стране и, объединенная в целом единым видением стратегии государственной политики, действовала достаточно эффективно при разработке важнейших реформ, а затем претворения их в жизнь.

И в России, и в Японии остро стояла проблема сохранения национальной идентичности при проведении политики реформирования. Можно найти немало общего в том, как реагировали на реформы различные слои и классы российского и японского общества. Главная проблема, вокруг которой и в российском и в японском общественном мнении происходили бурные дискуссии, обострялись противоречия, которые нередко кончались убийством оппонентов, (в 1889 году был убит министр просвещения Мори Акинори, ранен министр иностранных дел Окума Сигэнобу), состояла в поиске оптимального соотношения между количеством и качеством заимствуемых западных ценностей с традициями и традиционными устоями. В результате принципиальной и порой ожесточенной идеологической борьбы содержание некоторых реформ выхолащивалось, какие-то и вовсе не доходили до стадии реализации.

И в Японии, и в России, особенно в петровские времена, для освоения западной культуры и технологии приглашались иностранные эксперты инженеры, военные. В Японию было приглашено около 4 тысяч иностранных специалистов. Однако в связи с опасением попасть в зависимость от их присутствия, японское правительство стремилось избавиться от них, как только японцы научились разбираться в административных, технических и научных вопросах. К концу XX века от иностранных специалистов практически полностью избавились. В России же многие иностранные специалисты оставались на постоянное жительство и продолжали занимать важные посты в правительственных и научных органах, в деловой сфере.

Примечательно, что в широких народных кругах России и Японии реакция на нововведения была порой на редкость аналогичной. Так же, как в петровские времена в России, японские мужчины и женщины с трудом отказывались от традиционной одежды и переходили на одежду и обувь европейского стиля. Немало негативных эмоций и даже протестов было связано с изменением мужской прически. Длинные волосы, закрученные на макушке (*тёммагэ*), надлежало заменить короткой

стрижкой. Только после того, как в 1877 году император остриг волосы, три четверти мужского населения Токио последовали его примеру. Если Петр I заставлял мужчин брить бороды, то в Японии, напротив, поощрялось отращивание усов и бороды по западному образцу.

Процесс модернизации и в России, и в Японии вызывал противодействие, причем в России более решительное, чем в Японии. В Японии противодействие реформам на начальном этапе проявилось в восстаниях самурайства в конце 1870-х годов.

Контрреформы в России и Японии были введены в действие в интересах укрепления существующей власти, для поддержания спокойствия и ужесточения контроля за деятельностью оппозиционных сил. В России эти меры носили намного более жесткий характер, чем в Японии, что объясняется необходимостью реакции на террор, развязанный радикальным крылом народников, в результате которого в 1881 году был убит царь Александр II.

Следует отметить, что с середины XIX века серьезное влияние на российскую интеллигенцию начинают оказывать идеи европейского утопического социализма, среди интересующимися которыми и последователей которых было немало видных писателей, философов, литературных деятелей. В том числе Ф. М. Достоевский, Н. Г. Чернышевский, В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. П. Огарев. В 80–90-годы XIX века в России начинается распространение идей К. Маркса и Ф. Энгельса.

Идеи свободы и равенства приносились в Японию из Европы с середины XIX века, однако не находили понимания и не закреплялись в повседневном сознании нарождавшейся интеллигенции.

И в российском, и в японском обществе в возникшей в результате реформ «новой среде обитания» начали распространяться настроения одиночества, отчуждения, дисгармонии, душевного разлада. Это нашло отражение в литературных произведениях русских и японских писателей. Именно с этим связана столь большая популярность в Японии русских авторов – Л. Толстого, И. Гончарова, И. Тургенева, Ф. Достоевского, А. Чехова, которые в своих произведениях представляли широкую, реалистичную палитру российского общества, показывали нелегкие судьбы людей, вынужденных приспосабливаться к новым условиям жизни в связи с реформированием экономических и социальных устоев. Японской интеллигенции был близок их тезис о том, что человека следует рассматривать как существо противоречивое и трагическое, неблагополучное, не только страдающее, но и любящее страдание. Страдание же искупает зло.

Крайне болезненно переживала социальную ломку японская интеллигенция, появившаяся после Реставрации Мэйдзи. Не оправдались ее надежды на то, что стремительное развитие капитализма принесет и благотворные социальные изменения. Об этих потерянных или поте-

рявшихся в бурях преобразований интеллигентах три романа Нацумэ Сосэки (1867–1916 гг.) – «Сансиро» (1908), «Затем» (1909) и «Врата» (1910), которые отражают их растерянность, неспособность объяснить перемены ни для себя, ни для страны, непонимание, ради чего следует жить и работать, и отсюда неспособность к позитивным действиям. Не случайно творчество Нацумэ Сосэки столь близко по духу к философско-либеральной позиции А. Чехова.

Критика великим русским писателем Львом Толстым нравов буржуазного общества привлекла большое внимание представителей либеральных кругов японской общественности как созвучная тем оценкам, которые они давали процессам, происходившим в Японии. Взгляды философа Л. Толстого, изложенные в его публицистических и литературных произведениях, оказали значительное воздействие на японскую интеллигенцию и литераторов. Одним из них стал Токутоми Рока.

В России преобразования в силу их половинчатости вызывали недовольство общественного мнения, а ограничения политической деятельности и репрессии способствовали радикализму протестных настроений, появлению впервые в стране организованного революционного движения, которое после подавления восстания 1905 года хотя и пошло на убыль, но только временно.

В Японии, несмотря на создание режима конституционной монархии, были созданы условия для проведения военными кругами самостоятельной политики, которая подпитывалась и направлялась националистическими кругами и сформировавшимися концернами – дзайбацу, требовавшими подконтрольных источников сырья и новых рынков сбыта. В конечном итоге, созданный механизм управления оказался не в состоянии предотвратить эволюцию этой политики в направлении принятия страной милитаристски-агрессивного курса.

Арутюнян Ева Викторовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела стран Восточной Азии Института востоковедения Национальной Академии Наук, Республика Армения.

Бакшеев Евгений Сергеевич – кандидат культурологии, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальных исследований в сфере культуры Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева

Большова Екатерина Владимировна – член НСО Школы востоковедения, специалист по учебно-методической работе Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ

Дацышен Владимир Григорьевич – доктор исторических наук, зав. кафедрой Всеобщей истории Сибирского Федерального университета (г. Красноярск)

Добринская Ольга Алексеевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН

Егорова Наталья Нурлановна – студентка бакалавриата ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова

Жилина Лариса Владимировна – кандидат исторических наук, доцент Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Забережная Ольга Алексеевна – аспирантка кафедры японской филологии ИСАА МГУ

Казakov Олег Игоревич – старший научный сотрудник, заведующий Отделом наукометрии и информационных технологий Института Дальнего Востока РАН.

Кантур Руслан Алексеевич – магистрант МГИМО-Университета

Катасонова Елена Леонидовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Востоковедения РАН

Кистанов Валерий Олегович – доктор исторических наук, руководитель Центра японских исследований Института Дальнего Востока РАН.

Кузель Юрий Леонидович – доктор искусствоведческих наук, зав. кафедрой европейских и восточных языков Московского государственного института индустрии туризма им. Ю. А. Сенкевича (МГИИТ)

Леценко Нелли Федоровна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории Востока Института востоковедения РАН

Ложкина Анастасия Сергеевна – кандидат исторических наук, директор по развитию Фонда «Арифметика добра»

Мещеряков Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета, профессор ШАГИ РАНХиГС

Молодяков Василий Элинархович – доктор политических наук, профессор университета Такусёку (Япония)

Нака Ксения Олеговна – корреспондент токийского бюро РИА «Новости»

Панов Александр Николаевич – доктор политических наук, зав. кафедрой дипломатии МГИМО-Университета

Саркисов Константин Оганесович – кандидат исторических наук, приглашенный исследователь университета Хосэй (Япония).

Сулейменова Аида Мусульевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языков стран АТР Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток)

Щербаков Денис Аркадьевич – кандидат экономических наук, заместитель руководителя Школы востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ

Щербакова Алина Вячеславовна – кандидат экономических наук, заведующая Ибероамериканским сектором ЦКЕМИ Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, научный сотрудник ИЛА РАН

Valery Kistanov

The Policy of Japan in Northeast Asia: Certain Issues and Trends

Two key goals of the foreign policy of Abe in 2015 are the improving of strained relations with all its Asian neighbors (including Russia), on the one hand, and the strengthening of military-political relations with the United States of America on the other. The successful solution of these tasks will largely determine for the foreseeable future the positioning of the country in Northeast Asia.

Keywords: Japan, Russia, China, North Korea, South Korea, USA, security, defense, Japanese aggression, the “comfort women”, the Self-Defense Forces.

Oleg Kazakov

Russian-Japanese relations in 2014

The article describes the main events that influenced the Russian-Japanese relations in 2014. It is shown that because of the Ukrainian events the Russian-Japanese political relations were cooled, however large-scale crisis in the bilateral relations doesn't exist yet.

Keywords: Japan, Russian-Japanese relations, political dialogue, territorial claims, anti-Russian sanctions, public opinion, mass media, information war

Olga Dobrinskaya

The Characteristic Features of Japan's Soft Power in Central Asia

The article analyses the role of soft power in the process of shaping and carrying out of Japan's foreign policy towards Central Asia. Using cultural affinity as a basis Japan seeks to build an attractive image in the region. Japan actively uses the resources of public and cultural diplomacy and its official development aid. This creates the favorable environment for promoting business interests and implementation of foreign policy initiatives in the region.

Keywords: Japan, Central Asia, soft power, cultural diplomacy, ODA.

Eva Arutyunyan

Japan's Policy in the Persian Gulf Region During the Periods of Iran-Iraq War and Iran – Kuwait Conflict

This article discusses the policy of Japan in the Persian Gulf during Iran-Iraq war and Iraq – Kuwait conflict. Japan based on the assumption of its peace constitution did not take part in military actions in the region and was promoter of peaceful resolution of the conflicts. Due to Japan's efforts was signed a peace treaty between Iran and Iraq. During the Iraq-Kuwait conflict Japan gave financial aid to Kuwait. However, Japan's policy of non-intervention was condemned which became one of the reasons for reviewing its Middle Eastern policy and for changing its approaches to regional problems.

Keywords: Iran-Iraq war, third oil crisis, OPEC, Persian Gulf, annexation of Kuwait, Japan's economic aids, activation of Japan's foreign policy.

Nelly Leshchenko.

The History of the Nakai House from the Province of Omi.

In XVI–XVII centuries there were many trading houses, or trading and business houses in Japan – Konoike, Mitsui, Sumitomo, which were created by traders of the samurai class. The Nakai house from the province of Omi was one of them. The energetic entrepreneurs, who were at the head of the business, in a particular socio-economic situation managed to spread out multifarious activities, expand the geography of trade up to Ezo (Hokkaido) and create an innovative management style, the details of which can be seen in modern Japan.

Keywords: merchant, the Tokugawa era, the provincial merchants, a specific system of recruitment and training, the charter of trading house, innovation in the management and control system.

Larisa Zhilina

Tell me: Who is your friend? Japan VS China

In the paper an attempt was made to clarify problems Japanese public image is faced. Author shows the influence of relationships between Japan and its close neighbors in the Asia-Pacific region on changes in country image in 2014. The major focus is placed on Japanese national image in China, based on the 10th Japan-China Public Opinion Poll carried out in 2014.

Keywords: Public opinion polls, country ratings, reasons for negative and positive impressions, Japan, China.

Ksenia Naka

The Nobel Prize of Shinya Yamanaka as an Occasion for Rethinking the Role of Science and the Mission of a Scientist in Japan

The article is about the Japanese Nobel Prize-winning researcher in Physiology or Medicine, Shinya Yamanaka, his discovery and background, and about the current process of re-evaluation of the place of science and scientists in Japanese society after his winning the award. His discovery gave start to not only new directions in regenerative medicine, pharmacology and transplantation, but it also created an opportunity for discussion of issues in the world of science in modern Japan. The award also drew attention to the role of researcher, often called “samurais of science”, or “gakusya-no kagami” – the ideal to be aspired to for scientists.

Keywords: Nobel Prize, induced pluripotent stem cells, discovery, regenerative medicine, medical treatment.

Ekaterina Bolshova, Alina Scherbakova, Denis Scherbakov

Investment cooperation of Japan with Brazil and Mexico: current state and perspectives

This article is aimed to analyze the main projects, which reflect the tendencies of bilateral investment cooperation of Japan with leading countries of Latin America – Brazil and Mexico – in the branches, which are key for Japanese economy.

Keywords: Japan, Latin America, Brazil, Mexico, foreign direct investments, motor industry, energy, biofuels

Anastasia Lozhkina

The All-Union Society for Cultural Ties with Abroad and the Development of Soviet-Japanese cultural relations (1925–1939)

The article analyzes the role of the All-Union Society for Cultural Ties with Abroad in the development of Soviet-Japanese cultural relations. The author focuses on the main stages of the evolution of Soviet-Japanese relations from 1925 to 1939. Cultural activities contributed to the development of friendly bilateral relations. Notions about each other, familiarity with each nation's traditions and customs have been formed through various exhibitions and film screenings. Tours of "Kabuki" in the USSR and visiting B. Pilnyak of Japan played an important role in the cultural convergence of the two countries.

Keywords: The All-Union Society for Cultural Ties with Abroad (VOKS), Soviet-Japanese cultural relations, E. Spalvin, O. Kameneva, Kabuki Theatre, Culture, B. Pilnyak.

Vladimir Datsyshen

The Japanese in the Descriptions of the Participants of the Soviet-Japanese war of 1945

70 years has passed since Soviet-Japanese war in August of 1945. This war had a big impact on relations between Russia and Japan. In 1945 many Soviet soldiers met many Japanese soldiers and their experience and feelings were an important contribution in the making of the image of the Japanese in Russian society. The making of this image can be traced down in newspapers and memoirs of the participants of the war.

Keywords: Soviet-Japanese war of 1945, the image of the Japanese in Soviet society, Japanese prisoners, Soviet newspapers, memoirs of war participants.

Evgeny Baksheev

On Ryukyuan Cosmogonic Myths

The article considers different variations of Ryukyuan state (court) and folk cosmogonic mythology (myths on creation) in historical, religious and cultural context of the region. Basic sources on the issue (OmoroSo:shi, Ryu:kyu: Shinto:ki, Chu:zan Seikan, etc.) and the Author's field research data are used.

Keywords: Ryukyu/Okinawa, Ryukyuan mythology, cosmogonic myths (myths on creation), state (court) and folk mythology, Ryukyuan religion, Ryukyuan Shinto, priestesses cult.

Yury Kuzhel

Buddhist Dry-lacquer Statues and Clay Sculptures

The clay and dry-lacquer sculptures form the central theme of the present article which introduces the readers to the creations of the Nara, Heian and other periods that survive today in the temples of the ancient capitals. The statues in many ways symbolize the aesthetic achievement of the age which produced a number of Buddhist images of such astonishing beauty and technical perfection that they rightly stand among the sculptural masterpieces of the world.

Keywords: Dry-lacquer statues, clay sculpture, Four Celestial Kings (Guardians), five-story pagoda, Buddhist sculpture, mandorla, painted clay, attendant, Gold Hall, Inner Gate, Thousand-armed Kannon, temple, statue, Buddhist images, iconography

Vasily Molodyakov

The Japan of Claude Farrere: the Image of the Country and its Politics through the Eyes of a French Intellectual

This article deals with the image of Japan in the works of French writer Claude Farrere (1876–1958) known as an author of ‘colonial’ and ‘exotic’ novels about ‘the Orient’ from Turkey to Japan. Confrontation between the East and the West, conflict of Old and New as depicted in the novel “The Battle” on the Russo-Japanese war as well as ‘Japonophile’ essays of the 1930s where Farrere advocated Japanese colonial policy and expansion in Asia are the main subjects of this study.

Keywords: Japan, China, war, modernization, colonization, expansion.

Olga Zaberezhnaya.

The Ethical Thought of the Japanese White Birch Society (Shirakaba-ha) – the Problem of Egoism

The ethical thought of three major writers of Shirakaba Group – a literary society and at the same time a humanistic movement is the theme of this paper. We focus mainly on the problem of egoism – one of the important issues facing the young intellectuals of Taisho Japan (1912–1926) that saw an active development of individualistic thought.

Keywords: Shirakaba, ethics, thought, Taisho, Mushanokoji Saneatsu, Arishima Takeo, Shiga Naoya, egoism, personalism, ego.

Aida Suleimenova

The birth of the New Woman in Japan and the point of view of Okamoto Kanoko

The paper discusses the significance of the image of “New Woman” in context of female literary in the twentieth century. The focus of discussion is concentrated on the essay “The dialog on a contemporary woman” (Shinjidai josei no mondou, 1925) and the novel “Wheel of life” (Shoujou ruten, 1939) written by Okamoto Kanoko (1889–1939). These works concern the New Woman in its transformation – from “a woman fighting for her rights and freedom” to a “modern girl” (moga).

Keywords: Japanese prose of the twentieth century, female images, Okamoto Kanoko.

АВТОРАМ

Уважаемые авторы! Ниже приведены критерии отбора материалов для публикации в Ежегоднике, а также условия их технического оформления.

Критерии отбора и рецензирования рукописей

Статья, передаваемая для публикации в ежегоднике «Япония», должна соответствовать следующим условиям:

- соответствие тематике издания и его рубрикам (внутренняя и внешняя политика, экономика и общество, история, культура);
- наличие актуальной проблематики в исследовании, связанной с современным положением Японии, либо анализ фундаментальных явлений традиционной истории (исследование памятников письменности или материальной культуры);
- знание историографии изучаемого вопроса, профессиональное использование научной литературы и источников по теме на русском, английском и японском языках;
- наличие методов профессионального анализа и обоснованных выводов.

Принимаются также рецензии на научные книги о Японии, отчеты о научных конференциях и иных событиях в сфере японоведения (до 20.000 знаков).

Статьи для очередного выпуска Ежегодника необходимо прислать до 31 мая следующего года по адресу: japanstudiesinrussia@gmail.com.

Объем статей: от 30.000 до 50.000 знаков.

Оформление основного текста статьи

Принимаются лишь полностью вычитанные в соответствии с требованиями к научным публикациям материалы, оформленные в соответствии с нижеприведенными правилами. Статьи и материалы, не отвечающие этим условиям, к рассмотрению не принимаются.

Формат основного текста статьи должен соответствовать следующим условиям:

- выравнивание по ширине,
- междустрочный интервал – полуторный,
- шрифт Times New Roman, 12 кегль,
- без автоматических переносов

Все статьи должны быть снабжены следующей информацией: ФИО автора (полностью), научная степень и звание, должность, координаты (актуальный адрес электронной почты и телефон).

Статьи должны иметь на русском и английском языках аннотацию (в пределах 600 знаков с пробелами) и список из 5–7 ключевых слов.

Если к статье прилагаются иллюстрации, они должны быть последовательно пронумерованы, а подписи к иллюстрациям должны быть приведены после основного текста статьи. Изображения должны быть надлежащего качества, не менее 150 пикселей на дюйм.

Японские имена пишутся следующим образом: сначала фамилия, потом имя. Имена не склоняются.

Географические названия приводятся в соответствии с поливановской транскрипцией (за исключением Киото, Токио и Иокогама) и также не склоняются (за исключением исторически обусловленных наименований – Осака и Иокогама).

Названия исторических произведений и художественных фильмов, а также специальные термины (за исключением общепринятых) должны быть указаны курсивом без указания длиннот. Помимо этого при необходимости может быть приведено их иероглифическое написание.

Исключение составляют материалы, посвященные анализу явлений традиционной истории, литературы и культуры, где термины даются не только с соблюдением длиннот, но и с иероглифическим написанием.

Сокращения оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.12–2011 «Система стандартов по информации и издательскому делу. Библиографическая запись. Сокращение слов и словосочетаний на русском языке. Общие требования и правила». URL: <http://docs.cntd.ru/document/gost-r-7-0-12-2011>.

Наиболее частые сокращения выглядят следующим образом:

- не «год» или «годы», а «г.» или «гг.».
- не «век» или «века», а «в.» или «вв.».
- из сокращений допускаются: «т. д.», «т. е», «т. п.» (все с неразрывным пробелом между буквами), «см.», «др.», «пр.».

Числительные и математические знаки.

Века обозначаются только римскими цифрами. Например, III в. до н. э., XIX в.

Цифры: миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются неразрывным пробелом: 4 000 544 322, 2 570. Соответствующими сокращениями могут быть заменены 000 (тыс., млн, млрд, трлн).

% ставится знаком, а не словом, если он следует за цифрой, и отделяется от нее неразрывным пробелом: 75 %. В иных случаях: «процент проголосовавших снизился до 30».

Названия денежных знаков даются по принятым сокращениям, а не символами (€, \$ и т. п.). Например, долл., руб., ф. ст.

Кавычки.

Различаются внешние «» и внутренние “” кавычки (употребляются в случае цитаты внутри цитаты). Например:

Было выпущено очередное переиздание «Фрегата “Паллада”» Гончарова.

или

В ситуации, когда Япония продолжает настаивать на «возвращении “северных территорий”», России необходимо выработать более конструктивную позицию.

В английском тексте не допускается использование русских кавычек «». Следует использовать “”. Пропуск в цитате обозначается многоточием в треугольных скобках <...>.

Оформление постраничных сносок

Оформление сносок осуществляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Система стандартов по информатизации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». URL: <http://docs.cntd.ru/document/gost-r-7-0-5-2008>.

Ссылки постраничные (подстрочные), цифровые (1, 2, 3...). Текст в ссылках выравнивается по ширине, междустрочный интервал – полуторный, шрифт Times New Roman, 10 кегль, без автоматических переносов.

Стоит иметь в виду, что описание одного и того же вида издания отличается в зависимости от языка этого издания. Ниже приведены примеры библиографии для изданий соответственно на русском, английском и японском языках.

Примеры оформления

Монографии

Издание может быть указано в полном (с указанием издательства) либо в кратком описании (без указания на издательство). Фамилии японских авторов в изданиях, вышедших на русском и английском языке, приводятся с указанием фамилии и инициала имени (*Танака С., Коидзуми Дз., Hara K., Abe S.* и т.д.). Японские фамилии в изданиях на японском языке указываются полностью, без сокращений: фамилия, потом имя (*Огума Эйдзи, Янагида Кунио* и т. д.).

а) Полное описание, с указанием издательства

Мещеряков А. Н. Япония в объятиях пространства и времени. М.: Наталис, 2010. С. 236–251

Mellen J. Voices from the Japanese cinema. N.Y.: Liveright, 1975. P. 230.

Огума Эйдзи. Танъицу миндзоку синва-но кигэн. (Происхождение мифа о мононациональном народе). Токио: Синъёся, 2010. С. 77–78.

б) Краткое описание, без указания издательства

Бердяев Н.А. Русская Идея. Санкт-Петербург, 2013. С. 58.

Rastler K., Thompson W. Puzzles of the Democratic Peace Theory, Geopolitics and the Transformation of World Politics. London, 2005. P. 81.

Мори Киёто. Дайниппон сётёку цукай. (Комментированные императорские указы великой Японии). Токио, 1941. С. 835.

Статья в сборнике

Голубев А. В., Невежин В. А. ВОКС в 1930 – 40-е гг. // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 14. М.-СПб.: Феникс, 1993. С. 45.

Бурыкина А. П. Бодхисаттва Каннон со спутниками из храма Киёмидзу // Культура и форма. М.: ГУВШЭ, 2010. С. 313.

Kondo S. Wielding soft power: the key stages of transmission and reception. // Soft power Superpowers. Ed. by D. L. McConnell. M. E. Sharpe, 2008. P. 199.

Статья в журнале

Названия японских периодических изданий не переводятся.

Нургалиев М. Перспективы Японии в Шанхайской организации сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 1. С.113.

Drifte R. The Future of the Japanese-Chinese Relationship: the Case for a Grand Political Bargain // Asia-Pacific Review. 2009. V.16. №2. P. 61.

Абэ Ёсизэ. Сяряпин то росиа опэра (Шаляпин и русская опера) // Рекодо онгаку. 1949. №7. С. 36.

Газетная периодика

Известия. 12.05.1991.

Тихоокеанская звезда. 09.08. 1945.

Japan Times. 14.10. 2002.

Nikkei. 07.01. 2015

Асахи симбун. 04.05. 1978.

Многотомные издания

Оганесян Н. История арабских стран. – Ереван, 2006. Т. 4. Век независимости и суверенитета (1918–2005). С. 657.

Хирата Ацутанэ. Тама-но михасира. Фукко синто. (Истинный священный столп духа. Возрожденное синто). Токио: Сюньёдо сётэн, 1936. Т. 2. С. 280–281.

Собрание сочинений японских авторов

а) Ссылка на конкретное произведение:

Мусянокодзи Санэацу. Ару катэй (Одна семья). // Мусянокодзи Санэацу дзэнсю (Полное собрание сочинений Мусянокодзи Санэацу). Токио: Сёгакукан, 1988. Т. 2. С. 2-21.

б) Ссылка без указания на произведение:

Мусянокодзи Санэацу дзэнсю (Полное собрание сочинений Мусянокодзи Санэацу). Токио: Сёгакукан, 1988. Т. 1. С. 550.

Диссертация

Чугров С. В. Социокультурная традиция и внешнеполитический менталитет современной Японии: Диссертация ... докт. соц. наук. М., 2007. 444 с.

Гриднев Ю. А. Всесоюзное Общество культурной связи с заграницей: 1925–1929 гг.: Диссертация ... канд. ист. наук. М., 2006. 398 с.

Архивные документы

ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 73. Л. 118.

РГАЛИ. Ф. 456. Оп. 9. Д. 12. Л. 163.

Интернет-ресурсы

Общий принцип представления материалов из интернета выглядит следующим образом: Автор материала (если указан). Название материала // Официальное название ресурса. URL (Uniform Resource Locator – унифицированный указатель ресурса). (дата обращения).

Дата обращения в данном случае – указание на то, когда в последний раз автор или редактор статьи просматривал данный материал. В ссылке на новостное сообщение может быть также указана дата и время публикации сообщения на сайте (сразу после названия интернет-ресурса).

РФ и Япония договорились провести совместные военные учения по противодействию терроризму // ТАСС. 02.11.2013 12:02. URL: <http://tass.ru/politika/754847> (дата обращения 03.11.2015.)

Денисов И. Якудза эйга. Жанровое кино по-японски (Проблемное поле). // Дневники.Ykt.ru. URL: <http://dnevnik.ykt.ru/%D0%9F%D0%9F/515934> (дата обращения 06.11. 2015.)

MacGray D. Japan's Gross National Cool. // Douglas MacGray's home page. URL: <http://www.douglasmcgray.com/cool-japan.html> (дата обращения 03.11.2015.)

Diplomatic Blue book 2014 // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2014/html/chapter2/asia_oceania.html (дата обращения 03.11.2015)

iPS сайбо кихон дзё:хо (Базовая информация о стволовых клетках). // Кёто дайгаку. URL: <http://www.cira.kyoto-u.ac.jp/j/faq/faq2.html> (дата обращения 05.11.2015)

Яманака Синъя. Ко:ко: токубэцу дзюгё:. (Лекция перед учащимися старших классов и вузов Киото) // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ReKaknHHyTM&feature=youtu.be> (дата обращения 05.11.2015)

Повторные ссылки, следующие за первичной

При последовательном расположении первичной и повторной ссылок текст повторной ссылки заменяют словами «Там же» или «Ibid.» (ibidem) для документов на языках, применяющих латинскую графику (для японских изданий используется словосочетание «Там же»). В повторной ссылке на другую страницу к словам «Там же» добавляют номер страницы, в повторной ссылке на другой том (часть, выпуск и т.п.) документа к словам «Там же» добавляют номер тома.

Первичная	Леценко Н.Ф. Япония в эпоху Токугава. М.: ИВ РАН, 1999. С. 256–257.
Повторная	Там же.
Повторная	Там же. С. 149

Первичная	Staden P. Business-Government Relations in Prewar Japan. London, 2012. P. 34.
Повторная	Ibid.
Повторная	Ibid. P. 49

<i>Первичная</i>	Эдоки сёнин-но какусинтэки кодо (Новаторский стиль управления торговцев в период Эдо). Токио, 1987. С. 186–187.
<i>Повторная</i>	Там же.
<i>Повторная</i>	Там же. С. 249.

Повторные ссылки, не следующие за первичной

В повторных ссылках, содержащих запись на один и тот же документ, не следующих за первичной ссылкой, приводят имя автора, а основное заглавие и следующие за ним повторяющиеся элементы заменяют словами «Указ. соч.», или «Op. cit.» – для документов на языках, применяющих латинскую графику (для японских изданий используется словосочетание «Там же»).

Первичная	1. <i>Леценко Н. Ф.</i> Япония в эпоху Токугава. М.: ИВ РАН, 1999. С. 256–257.
	2. <i>Анарина Н. Г.</i> История японского театра. М.: Наталис, 2008.
Повторная	3. <i>Леценко Н. Ф.</i> Указ. соч.
Повторная	4. <i>Леценко Н. Ф.</i> Указ. соч. С. 72.
Первичная	1. <i>Staden P.</i> Business-Government Relations in Prewar Japan. London, 2012. P. 34.
	2. <i>Анарина Н. Г.</i> История японского театра. М.: Наталис, 2008.
Повторная	3. <i>Staden P.</i> Op.cit.
Повторная	4. <i>Staden P.</i> Op.cit. P. 79.
Первичная	1. <i>Накадзима Ясу.</i> Кёкасё дзюнкё кюсё-о цукаму ни-хон рэкиси. (История Японии. Толкование основных положений учебника). Осака: Синсиндо, 1935. С. 2.
	2. <i>Мещеряков А. Н.</i> Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2013. С. 143.
Повторная	3. <i>Накадзима Ясу.</i> Указ. соч.
Повторная	4. <i>Накадзима Ясу.</i> Указ. соч. С. 28.

Рецензирование

Ежегодник выходит в формате рецензируемого издания. При необходимости рецензии с аргументацией относительно решения редакции о публикации статьи будут направляться автору.

Решение о приеме статьи к публикации в сборнике принимается на основании рецензии специалиста по соответствующей проблематике:

- рецензентом не может выступать научный руководитель (научный консультант) кого-либо из авторов.
- рецензент является экспертом в субдисциплинарной области, исследованию в рамках которой посвящена рецензируемая рукопись;
- рецензия должна объективно оценивать научную статью и содержать всесторонний анализ ее научных и методических достоинств и недостатков.

Окончательное решение принимают члены редакционной коллегии, руководствуясь экспертной оценкой, а также возможностями объема издания.

Если статья нуждается в доработке, то она высылается автору с замечаниями научного редактора. После исправления автор высылает в редакцию статью повторно. Возвращение рукописи на доработку не означает, что статья принята к печати.

Датой поступления статьи считается время поступления в редакцию окончательного варианта по электронной почте

japanstudiesinrussia@gmail.com.

Публикуемые в журнале материалы необязательно должны отражать точку зрения редколлегии.

Адрес редакции:

107031. г. Москва, ул. Рождественка д. 12, ИВ РАН, комната 241.

Научное издание

Япония 2015

Ежегодник

Издается с 1972 года,
том 44

Редактор С. В. Гришачев

Институт востоковедения РАН
Ассоциация японоведов
103031, Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12

Автономная некоммерческая организация
Научно-исследовательский центр «АИРО–XXI»
e-mail: andmak@www.airo-xxi.ru
<http://www.airo-xxi.ru>

Подписано в печать 19. 11. 2015 г. Формат 60х90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Печ. л. 22
Тираж 400 экз.

*В издательстве «АИРО–XXI»
вышла книга*

Современное российское японоведение:
оглядываясь на путь длиною
в четверть века
под редакцией
проф. Д. В. Стрельцова

В настоящем издании содержится комплексный обзор состояния дел в российском японоведении середины 2010-х гг. В книге показаны основные этапы изучения японского языка, искусства и классической литературы Японии, а также переводов японского языка. Представлены основные научные и образовательные японоведческие центры современной России, сгруппированные по региональному признаку. В отдельном разделе книги содержится анализ таких отраслей современного японоведения, как преподавание японского языка, исследование культуры, истории, синто, буддизма, внутренней и внешней политики, экономики и менеджмента, а также географии Японии. В издании изложены оценки и взгляды российских японоведов на Японию в XXI веке.
